

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(17)

2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(17)

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва
2009

ISSN 1681-1062

Научный журнал

Основан в январе 2001 года

Выходит два раза в год

Редакционная коллегия:

А. М. Молдован (главный редактор), А. А. Алексеев, Х. Андерсен (США), Ю. Д. Апресян, А. Богуславский (Польша), И. М. Богуславский, Д. Вайс (Швейцария), Ж. Ж. Варбот, А. Вежбицкая (Австралия), А. А. Гиппиус, М. Ди Сальво (Италия), Д. О. Добровольский, В. М. Живов, А. Ф. Журавлев, А. А. Зализняк, Е. А. Земская, Х. Кайперт (Германия), Л. Л. Касаткин, Э. Кленин (США), А. Д. Кошелев, Л. П. Крысин, Р. Ляковский (Швеция), Х.-Р. Мелиг (Германия), И. Мельчук (Канада), Н. Б. Мечковская (Беларусь), Е. В. Падучева, А. А. Пичхадзе (ответственный секретарь), В. А. Плунгян, Т. В. Рождественская, А. Тимберлейк (США), Х. Томмола (Финляндия), М. Флайер (США), А. Я. Шайкевич, А. Д. Шмелев

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».

Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail rusyaz@yandex.ru.

Издательство: e-mail lrc.phouse@gmail.com, сайт www.lrc-press.ru.

Зав. редакцией *О. В. Антонова*

Редакторы номера *А. А. Пичхадзе, Е. И. Державина*

Корректоры *Ф. Баранков, Е. Сметанникова*

Издатель *А. Д. Кошелев*

Редакция журнала «Русский язык в научном освещении» просит авторов присылать статьи в журнал на адрес: rusyaz@yandex.ru.

Все публикации бесплатны.

Подписка на журнал оформляется в любом отделении связи по Объединенному каталогу «Пресса России», индекс 44088.

Зарубежные читатели могут обращаться по адресу: Slavic department Stakbogladden A/S Aarhus Universitet, Ndr. Ringgade 3, DK 8000 Aarhus C, Denmark, а также: slavic@stakbogladden.com, tel. +45-86-194522, fax +45-86-209102

Подписано в печать 22.07.2009. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 20. Заказ №

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2009
© Авторы, 2009

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>М. Н. Шевелева</i> Плюсквамперфект в памятниках XV—XVI вв.	5
<i>И. А. Подтергера, В. С. Томеллеры</i> Catholicus: сѣборьныи — каѳолическѣи — православьныи (из истории термина). Часть I.....	44
<i>П. В. Петрухин</i> К прочтению новгородской берестяной грамоты № 724.....	109
<i>О. Ф. Жолобов</i> Пристанище невѣлонимое (к рефлексии групп типа ТЪRT/ТЪLT).....	127
<i>Й. Райнхарт</i> Нумизматическая терминология в Древней Руси: славянское название фальшивомонетчика.....	134
<i>А. А. Плетнева</i> Лубочная Библия: текст и язык.....	142
<i>В. В. Шаповал</i> В. И. Даль и критика словарей: заглавное слово со знаком вопроса.....	158
<i>Е. И. Селиверстова</i> Опыт выявления пословичного бинорма и проблема вариантности.....	182
<i>А. Н. Гладкова</i> К вопросу о семантическом статусе глагола <i>считать</i>	201
<i>Д. В. Громов</i> Сленг молодежных субкультур: лексическая структура и особенности формирования	228

Информационно-хроникальные материалы

Международная научно-практическая конференция «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы» (Саратов, 24—26 сентября 2008 г.) (М. А. Кормилицина).....	241
Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2008 года (О. Г. Ровнова)	247

Рецензии

- Клитики в древнерусском пространстве: по поводу книги А. А. Зализняка
«Древнерусские энклитики» (М.: Языки славянской культуры,
2008. — 280 с.) (А. В. Циммерлинг) 259
- Несколько комментариев к первому выпуску нового «Русского
этимологического словаря» А. Е. Аникина. Вып. I (а — аяюшка). —
М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. — 368 с. (А. Л. Шилов) 277
- Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften
des 11. bis 13. Jahrhunderts. Besorgt von D. Stern / Hrsg. von H. Rothe
(= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften.
Bd. 118/1—3. Patristica Slavica. Hrsg. von H. Rothe. Bd. 16/1—3). Paderborn;
München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh, 2008. Teil I: A—И — XXX S. +
795 S.; Teil II: К—П — 736 S.; Teil III: Р—Ѡ — 797 S. (Р. Н. Кривко) 289
- А. М. Пешковск и й. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избранные труды:
Учебное пособие / А. М. Пешковский; Сост. и науч. ред. О. В. Никитин.
М.: Высшая школа, 2007. — 800 с.; ил. (Серия «Лингвистика XX века»)
(Т. В. Шмелева) 296
- Евгений Р и в е л и с. Как возможен двуязычный словарь.
Doctoral Thesis in Slavic Languages at Stockholm University.
Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 36.
Stockholm: Department of Slavic Languages, Stockholm University, 2007.
ISSN 0585-3575, ISBN 978-91-85445-77-6. — 407 с. (Е. Ю. Протасова) 299

Обзоры

- С. М. Т о л с т а я. Пространство слова. Лексическая семантика
в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. — 528 с.
(Традиционная духовная культура славян. Современные исследования) 305
- В. З. С а н н и к о в. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве.
М.: Языки славянских культур, 2008. — 624 с. 306
- А. Н. Б а р а н о в, Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й. Аспекты теории фразеологии.
М.: Знак, 2008. 656 с. (Studia philologica) 308
- Сборник «Русские старообрядцы: язык, культура, история» /
Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Языки славянских культур, 2008. — 608 с. 309
- О. П. Е р м а к о в а. Жизнь российского города в лексике 30—40-х годов XX века.
Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений.
Калуга: Эйдос, 2008. — 172 с. 311
- А. С. Г е р д. Лингвистическая типология древнеславянских текстов.
СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. — 145 с. 312
- А.-М. Т о т о м а н о в а. Славянската версия на Хрониката на Георги Синкел.
Университетско издателство «Св. Климент Охридски». София, 2008. 684 с.
(Университетска библиотека № 474)..... 314
- «Диоптра» Филиппа Монотропа: антропологическая энциклопедия
православного Средневековья / Изд. подгот. Г. М. Прохоров, Х. Миклас,
А. Б. Бильдюг; Отв. ред. М. Н. Громов. М.: Наука, 2008. — 733 с. 315
- От редакции 317

М. Н. ШЕВЕЛЕВА

ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ В ПАМЯТНИКАХ XV—XVI ВВ. *

0. Настоящая работа является продолжением статей, опубликованных в журнале «Русский язык в научном освещении», 2007, № 2 (14) и 2008, № 2 (16) [Шевелева 2007; 2008], посвященных проблеме древнерусского плюсквамперфекта и его судьбы в разных восточнославянских диалектных зонах. Названные публикации выполнены главным образом на материале памятников древнерусской эпохи (в сопоставлении с современными диалектными данными) — прежде всего Киевской летописи XII в. (КЛ) и Суздальской летописи XII — нач. XIV вв. (СЛ). Настоящая статья посвящена исследованию употребления плюсквамперфекта в памятниках XV—XVI вв.

Основным источником, связанным своим происхождением с диалектной зоной Центра, явилась заключительная часть Никоновской летописи за XV—XVI вв. — с 1425 г. по 1558 г. (по изд.: ПСРЛ, т. XII, 1901; т. XIII, 1904), т. е. с начала княжения великого князя московского Василия Темного по начальный период царствования Ивана Грозного. Для сопоставления с данными Никоновской летописи рассматривались материалы памятников северо-западного происхождения (псковские летописи XV—XVI вв.) и некоторых памятников Юго-Западной Руси того же времени (см. ниже).

Исследование истории древнерусского плюсквамперфекта требует дифференцированного описания материала памятников XV—XVI вв. разной диалектной локализации. До сих пор ни одна из основных восточнославянских диалектных зон этого периода не была в данном отношении предметом исследования: примеры из памятников разной локализации обычно приводятся вместе и ставится скорее вопрос об их сходстве, чем о возможности связи с разными диалектными глагольными системами (см., например: [Соболевский 1907: 242—243; Кузнецов 1953: 243—244; Горшкова, Хабургаев 1981: 339—340]).

Не является в этом отношении исключением и диалектная зона Центра. Правда, употребление «русского» плюсквамперфекта в деловых документах Московской Руси XV—XVI вв. привлекало внимание исследователей —

* Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей (проект «Восточнославянский диалектный корпус: праславянское наследие и лингвогеография»)».

примеры из московских грамот и других московских документов этого времени приводятся во всех работах, где обсуждается вопрос об истории плюсквамперфекта в русском языке [Соболевский 1907: 242—243; Кузнецов 1953: 243—244; Горшкова, Хабургаев 1981: 339—340; Зализняк 2004: 176—177; Петрухин, Сичинава 2006: 203 и др.]. Материалы этих документов уже довольно давно вводятся в научный оборот. Однако московские летописи того же времени — пространные нарративные тексты, представляющие более разнообразные контекстные возможности для употребления плюсквамперфекта, чем достаточно стандартизированные юридические документы, — до сих пор в отношении употребления плюсквамперфекта предметом исследования не были. Обращение к московским летописям XV—XVI вв. тем важнее, что они дают сопоставимый материал с исследованными нами материалами древнерусских летописей XII—XIII вв. (КЛ и СЛ). Такое сопоставление дает возможность пронаблюдать динамику в употреблении плюсквамперфекта в летописном тексте от древнерусского периода к XV—XVI вв., что важно для реконструкции грамматической истории исследуемой формы. Совокупность этих данных и имеющихся данных деловых текстов Москвы и близлежащих территорий дает уже вполне представительный материал по употреблению плюсквамперфекта в диалектной зоне Центра XV—XVI вв.

Необходимо сразу же отметить, что, говоря об истории древнерусского плюсквамперфекта, мы имеем в виду, конечно же, «новую» славянскую форму типа *был* + -л, называемую часто в русистике (хотя и не совсем удачно) «русским» плюсквамперфектом в противоположность книжному церковно-славянскому (ц.-слав.) плюсквамперфекту типа *бѣ* (*баше*) + -л. Однако в ранних летописях выявление специфики значения и употребления этой некнижной формы потребовало сопоставления с употреблением книжного плюсквамперфекта [Шевелева 2007: 232—247]. Поэтому переходя к материалу летописей позднего периода, полезно принцип такого сопоставления сохранить: тем очевиднее выявляются изменения в использовании обеих форм в летописном нарративе XV—XVI вв. сравнительно с XII—XIII вв., тем явственнее выступает значение «новой» формы.

Плюсквамперфект в заключительной части Никоновской летописи

1. Обратимся к материалу заключительной части Никоновской летописи, содержащей описание событий княжения великих московских князей с 1425 по 1558 гг.

Сразу же обращает на себя внимание резкое изменение количественного соотношения ц.-слав. и «русского» плюсквамперфекта сравнительно с ранними летописями: в исследованной части Никоновской летописи (далее: НЛ) «русский» плюсквамперфект преобладает над книжным, в то время как в КЛ и СЛ многократным было преобладание книжной формы.

В НЛ зафиксировано 20 случаев книжного плюсквамперфекта и 29 случаев «русского» — ср.: в КЛ более 260 случаев книжного плюсквамперфекта и 17 случаев «русского», в СЛ более 110 случаев книжного и 4 случая «русского», см. [Шевелева 2007: 232] (объем исследованного текста НЛ примерно сопоставим с объемом КЛ). При этом большая часть случаев употребления книжного плюсквамперфекта в НЛ встречается в записях за XV в. (17 примеров из 20), большинство в специфически книжных контекстах рассказов о чудесах, пренесении мощей, построении церквей и т. д.; последняя из четырех относящихся к XVI в. записей с книжным плюсквамперфектом датируется 1541 г., т. е. достаточно далека от конца летописи. Употребительность «русского» плюсквамперфекта на протяжении исследованной части НЛ, напротив, растет: из 29 случаев использования этой формы только 5 случаев принадлежат записям XV в. — остальные 24 случая в записях XVI в.; «плотность» употребления формы в записях 50-х гг. XVI в. достаточно высока, два последних случая датируются завершающим НЛ 1558 г. (один из них — на заключительных листах летописи).

Отмеченное «противоположное» движение уровня употребительности книжной и некнижной форм плюсквамперфекта в НЛ с конца 1-й четверти XV в. по 3-ю четверть XVI в. указывает на усиление некнижного компонента в гибридном ц.-слав. языке летописи XV—XVI вв.: в области плюсквамперфекта именно на протяжении этого периода выходит из употребления ставшая уже в XV в. привязанной преимущественно к специфически книжным контекстам форма *бѣ* (*баше*) + -л и существенно возрастает употребительность разговорной формы *был* + -л. Эта эволюция обусловлена общим усилением гибридизации летописного языка в XVI в., проявляющимся даже в таком претенциозном московском своде, как НЛ. «Русский» плюсквамперфект здесь есть все основания связывать с реальным живым употреблением.

1.1. Рассмотрим сначала употребление книжного плюсквамперфекта в НЛ.

1.1.1. Если в ранних летописях эта форма употребляется, вопреки распространенному мнению, достаточно регулярно как средство выражения смещенно-перфектного значения (т. е. перфектности, отнесенной в прошлое) в разных его разновидностях, см. [Шевелева 2007: 232—240]¹, то в

¹ Как отмечалось в [Шевелева 2007] и подробно обсуждалось в [Шевелева 2008], перфектность, в том числе и смещенная в прошлое, понимается нами широко — в смысле работ Ю. С. Маслова и др. [Маслов 1978/2004; 1987/2004 и др.; Князев 2007] — в отличие от узкого понимания перфектности, представленного в работах [Петрухин, Сичинава 2006; 2008]. Понимая перфектность как соединение в одной предикативной единице двух временных планов — предшествующего и последующего, связь между которыми «является причинно-следственной в самом широком смысле слова: предшествующее действие (или, шире, предшествующее “положение дел”) вызывает некие последствия для субъекта действия, для его объекта или для всей ситуации в целом, некое новое состояние, новое “положение

НЛ ситуация принципиально иная. Как уже было сказано выше, никакой регулярности в употреблении книжного плюсквамперфекта здесь нет, форма эта встречается крайне спорадически, в большей степени как маркер книжности, связанный с определенными контекстами.

В большинстве случаев плюсквамперфект в НЛ употребляется вполне традиционно в смещенно-перфектном значении — на основной линии повествования локализуется результат более раннего действия, само сообщение о котором представляет собой возврат к более ранним событиям.

Например, в рассказе о кончине митрополита Филиппа (последние наставления митрополита):

...такоже и прочимъ приставникомъ церкви тоа все о томъ не умолкая глаголаше и о людѣхъ, ихъже искупить бѣ на то дѣло церковное, приказывая отпустити ихъ по животѣ своемъ (НЛ, 1473 г., 153);

в рассказе об ослеплении Василия Темного:

И прибѣже въ Дебрѣнскъ къ князю Василью Ярославичю, дать бо бѣ король князю Василью Дбрѣнскъ въ вотчину (НЛ, 1446 г., 69)

— такое употребление плюсквамперфекта вполне соответствует летописной традиции.

Соответствуют летописной традиции и встретившиеся в записях XV в. употребления плюсквамперфекта в сообщениях о приходе (перемещении) персонажа к какому-то моменту летописного времени в какое-либо место:

дел”» [Маслов 1987/2004: 426], т. е. как временную двойственность, состоящую в соединении предшествующего действия и его последствий, к перфектности следует относить ее различные виды — от статальной перфектности (включая возникающее на ее базе реляционное значение типа *Скалы нависли над морем*) до перфектности логических последствий, стоящей на грани с аористическим значением [Маслов 1978/2004: 63—69; 1987/2004]. В соответствии с этим мы рассматриваем как разновидности перфектного значения такие контексты из КЛ и СЛ, которые в работах П. В. Петрухина и Д. В. Сичинавы трактуются иначе — как некие особые значения, отличные от перфектного (см. подробно [Шевелева 2007; 2008]).

Строго говоря, к сфере перфектности в широком смысле принадлежат и антирезультативные значения (аннулированного или недостигнутого результата), возникающие на базе перфектного в контексте противопоставления последующему ходу событий, — здесь налицо та же временная двойственность, та же значимость предшествующего действия для последующего временного плана, но это значимость со знаком «минус», т. е. значимость отсутствия последствий, поскольку прямые результаты предшествующего действия оказываются аннулированными (или недостигнутыми), см. [Шевелева 2007: 217, 227, 237—240], ср. [Маслов 1987/2004: 438, 442 и др.]. Однако антирезультативные значения целесообразно рассматривать отдельно от перфектного (как это обычно и делается), поскольку семантический сдвиг относительно исконного перфектного значения здесь уже принципиально существенен. Как особый тип значения плюсквамперфекта рассматривается антирезультативное значение и в [Шевелева 2007; 2008].

Князь же великий Василей Васильевич не возхотѣ того, дядю своего обезчестити: а Ширинъ-Тягиня ста о томъ же противу царя и хотѣ отступити отъ него, понеже бо въ то время пришесть бѣше на Махметя Кичи-Ахметъ царь (НЛ, 1432 г., 16);

Великая же княгини Соѳіа часа того же послала по сына своего великого князя Василья, понеже бо въ той же пятокъ, въсходящу солнцу, перевезлъсѣ бѣше за Волгу на усть-Дубны (НЛ, 1451 г., 77) и др.

— такие контексты типичны для плюсквамперфекта в летописном повествовании, ср. в КЛ:

В то же верема пришесть бѣ Гюргевиць старѣишии Ростиславъ роско-равъсѣ съ ѿцмъ своимъ (КЛ, 1148 г., л. 134) и др. [Шевелева 2007: 235].

Обратим внимание, что в подобных контекстах, как и в ранних летописях, могут быть временные локализаторы типа *въ то время*, указывающие на отнесенность результата действия плюсквамперфекта к тому же моменту, что и действие предшествующего члена нарративной цепи событий ('хотел отступить от него, потому что к тому времени уже пришел Ахмет царь на Махмета' ≈ 'уже был пришедшим') (см. подробнее о таких контекстах в ранних летописях: [Шевелева 2008: 229—231]). В более поздних записях НЛ (после 1471 г.) таких типичных для старого летописного нарратива контекстов с временными локализаторами при плюсквамперфекте не отмечено — в аналогичных случаях используется уже претерит на -л (см. ниже).

В рассказе о знамении в солнце под 1476 г. плюсквамперфект выступает в стательном-перфектном значении, что тоже известно в ранних летописях при описании природных явлений:

Възшедшу же ему велми ясно, по нашему же зраку, яко видѣхомъ его изъ града Москвы, якоже бѣ ровно взошло съ верхомъ храма Нерукотвореннаго Образа, иже въ монастыри Андронниковѣ (НЛ, 1476 г., 168) — ср. в СЛ: *Въ лѣтѣ...вгородилосѣ бѣше сѣнце грозно* (СЛ, 1299 г., л. 171 об.), см. [Шевелева 2007: 236].

Стательном-перфектное значение с ярко выраженной атрибутивностью имеет и еще один пример НЛ под 1477 г. — сходное употребление плюсквамперфекта от основы НСВ в значении состояния, начавшегося ранее и продолжавшегося в данный момент летописного времени, мы встречали и в КЛ, ср.:

Мѣсяца марта 20 день въ среду на пятой недѣлѣ поста послѣ стоянія въ 7 часъ ноци зогорѣлся дворъ князя Андрѣя мениаго, и згорѣша дворы обоихъ князей Андрѣевъ; а которые дворцы малые около ихъ поповъ Архангельскихъ, а тѣ розметаши; пристоялъ бо бѣ самъ князь великий и сынъ его и многіе дѣти боярскіе, понеже бо не успе лежи еще князь великий после стоянія великого канона Андрѣева (НЛ, 1477 г., 169 — 'князь был тогда (к тому времени) там стоявшим')

— ср. в КЛ: *...пойде Ростиславъ Новугороду...и приде Чичьрьску к зати Гзлови. ту бо бѣ Гзлезь ждалъ его с женою* (КЛ, 1168 г., л. 188 об. — ‘Олег там к этому времени ждал его = был ждавшим’), см. [Шевелева 2007: 236].

В НЛ есть случаи употребления книжного плюсквамперфекта от глаголов НСВ со значением перфектности «логических последствий», ср. в рассказе о перенесении мощей московских митрополитов:

...а Оеогнаста митрополита мощи (и) положишиа ихъ въ церкви святаго апостола Петра обѣ едину стѣну Петра чудотворца, якоже и прежде лежали бяху (НЛ, 1479 г., 193).

Надо заметить, что максимальное число форм книжного плюсквамперфекта сконцентрировано в рассмотренной части НЛ в записях 70-х гг. XV в. (10 случаев из 20); здесь эти формы встречаются недалеко друг от друга и даже в пределах одного контекста, ср. в рассказе о преставлении Пафнутия Боровского:

...преставися преподобный игумень Пафнүтіе честныа обители Рожества пресвятыа Богородици на рѣцѣ Поротвѣ близъ града Боровска толко за двѣ версты, самъ же бѣ и составилъ обитель ту, пришедъ изъ монастыря Высокого изъ Боровска, прежде бо бѣ тамо игумень при князи тамошняго отчича князя Василья Ярославича (НЛ, 1477 г., 170).

Первая форма плюсквамперфекта *бѣ составилъ* имеет результативно-перфектное значение, вторая *бѣ игумень* — перфектное «логических последствий». Первая форма, указывающая на основание монастыря самим скончавшимся игуменом, фактически представляет собой устойчивую формулу (типа *юже бѣ създалъ* [Шевелева 2007: 234]), хотя с не совсем стандартным лексическим окружением и вставленной частицей *и*; вторая форма обозначает регресс и по отношению к первому плюсквамперфекту, и по отношению к основному плану повествования. Такое соотношение временных планов двух соседних форм плюсквамперфекта мало характерно для ранних летописей — обычно в подобных случаях одно из действий обозначалось в перфекте. Создается впечатление, что введение этих двух форм плюсквамперфекта прежде всего связано с клишированностью каждой — как формулы типа *юже бѣ создалъ*, так и стандартного *прежде бо бѣ*, характерного для плюсквамперфекта.

В рассказе о перенесении мощей митрополита Петра две формы плюсквамперфекта обозначают действия одного временного плана, представляя смещенно-перфектное результативное значение:

И разобраша надгробницу и до гроба святаго, и видить мощи его яко свѣтъ блестящия и благоуханіе много исходяще отъ нихъ, а гробъ, въ немъже положенъ бѣ, распался отъ огня весь, а мощей его ничтоже прикоснулося бѣше. Глаголють бо тако, яко тогда изгорѣлъ бѣше, егда

злочестивыйи царь Тактамышъ взялъ лестію градъ Москву, и тогда разорили гробъ его...(НЛ, 1472 г., 146).

Интересно, однако, что в том же ряду и с тем же значением стоит форма перфекта *распался* (*гробъ...распался отъ огня весь, а мощей ничтоже прикоснулося бяше*), причем эта форма стоит первой, поэтому именно здесь вероятнее всего было бы ожидать плюсквамперфекта — гораздо с большим основанием, чем для формы *изгорѣлъ бяше* с локализатором *тогда*, относящимся не к основному временному плану повествования, а к плану предшествующему, т. е. локализирующему не результат, а само действие (см. выше о летописных контекстах с локализаторами типа *въ то время*). Плюсквамперфект в этом контексте выступает, видимо, прежде всего, как маркер книжности.

Как и в ранних летописях, в контексте противопоставления последующему ходу событий книжный плюсквамперфект получает антирезультативное значение. Ср., например, аннулированный результат:

[Татари]...и убоявъшися бѣгу яшася, яко въ шесть дней къ катунамъ своимъ прибѣгоша, отнюдуже все лѣто или бѣху (НЛ, 1472 г., 149);
...митрополиту же Филиппу изъ загородіа пришедшу къ церкви Пречистыя, понеже бо отъ пожара того вышелъ бѣ изъ града въ монастырь святого Николы Стараго (НЛ, 1473 г., 152)

— в обоих контекстах события основной линии повествования «отменяют» результат плюсквамперфекта.

Ср. значение отмененной ситуации в контекстах с плюсквамперфектом от глаголов НСВ:

Глаголютъ же нѣцыи, яко в Дорогомиловской той церкви отъ древнихъ лѣтъ были бяху священныя ризы чудотворнаго святителя Леонтіа и отъ того времени не обрѣтошася тамо и нигдѣже индѣ и донынѣ (НЛ, сп. Ш., 1522 г., 42);
...помилова Богъ и пречистыа Мати его отъ образа исцѣленіа дарова женѣ разслабленной, еже бѣ не владѣла руками и ногама, абіе бысть здрава (НЛ, 1536 г., 110).

Оба контекста принадлежат рассказам о чудесах из записей XVI в., оба они очень книжные. Любопытно, что в последнем контексте несколькими строками ниже мы встречаем гиперкорректную форму пассивного причастия с двумя вспомогательными глаголами: *въ третіе лѣто государства его, еже бѣ сзданъ бысть той храмъ камень...* — явная контаминация двух книжных формул. С тем же механизмом воспроизведения устойчивых ц.-слав. моделей связано здесь и введение плюсквамперфекта.

Интересно, что самая частотная в ранних летописях устойчивая формула с плюсквамперфектом типа *юже бѣ сздаль*, см. [Шевелева 2007: 217, 234], в НЛ встречается как раз в антирезультативных контекстах, ср.:

Тоя же весны, Маѣа въ 6, князь великий Иванъ Васильевичъ заложыль церковь камѣну Благовѣщеніе пресвятыа Богородици на своемъ дворѣ, разрушивъ основаніе первое, еже бѣ создалъ дѣдъ его князь великий Василей Дмитріевичъ (НЛ, 1484 г., 216);

Того же лѣта повелѣніемъ великого князя Ивана Васильевича разобраша старую церковь Чюдо святого Архангела Михаила на Москвѣ, юже бѣ заложилъ и совершилъ святыи Алексей митрополитъ чудотворецъ въ лѣто 6873, и заложилъ на томъ же мѣстѣ новую церковь при архимандритѣ Θεогностѣ (НЛ, 1501 г., 253).

Самый поздний в НЛ пример книжного плюсквамперфекта (под 1541 г.) представляет собой нетипичное употребление — это контекст прямой речи, единственный из всех зафиксированных в НЛ случаев с этой формой, причем плюсквамперфект в нем выражает перфектность по отношению к моменту речи, т. е. имеет значение презентного перфекта:

Воеводы же прочеть грамоту великого князя, начатъ съ слезами благъ съвѣтъ совѣтовати: «Писалъ къ намъ государь нашъ велики Иванъ, чтобы межъ нами розни не было, а намъ бы ему послужити и за крестіанство пострадати; мы же, братіе, укрѣпимся межъ собою любовію и помянемъ жалованіе отца его великого князя Василія; а государя нашего великого князя Ивана не бѣ еще пришло время самому въоружитися и противъ царей стояти // несъвършенъ еще лѣты; послужимъ государю малу, а отъ великого честь пріимемъ, а по насъ и дѣти наши...» (НЛ, 1541 г., 106—107).

Появление плюсквамперфекта в этой «речи» воевод из рассказа о приходе крымских татар на Москву при малолетнем Иване IV скорее всего связано с «формульностью» структуры *не бѣ еще пришло время (ему)*, обычно употребляемой в нарративе и выражающей смещенную перфектность. В данном контексте летописец либо на короткое время сменил стратегию изложения, перейдя внутри «речи воевод» к нарративу от своего лица (тогда вся фраза *а государя нашего...* должна быть прочитана как речь повествователя, и плюсквамперфект становится оправдан), либо просто механически вставил в эту развернутую прямую речь стандартную формулу нарратива — грамматическое значение плюсквамперфекта в таком случае не осознавалось (ср. аналогичную формульность грамматически не правильного здесь аориста ед. ч. *начатъ* в значении мн. ч. в начале контекста — очевидно, под влиянием предшествующего причастия *прочеть*).

Судя по данным НЛ, в первой половине XVI в. книжный плюсквамперфект спорадически встречается преимущественно в устойчивых клишированных формулах, значение его осмыслялось не вполне отчетливо; постепенно он уходит из употребления в летописи совсем.

Таким образом, если в ранних летописях в контекстах регресса в сочетании с перфектностью регулярно использовался плюсквамперфект, язык

летописей позднего периода регулярное средство выражения этого грамматического значения теряет: встречающиеся в записях XV — нач. XVI в. случаи плюсквамперфекта относятся в большинстве своем скорее к области текстовых клише, чем к грамматике.

Показательно, что в подавляющем большинстве случаев типично «плюсквамперфектных» контекстов, где в ранних летописях мы нашли бы старый плюсквамперфект, в НЛ соответствующая семантика выражается другими средствами — прежде всего синтаксически. Рассмотрим контексты такого рода в НЛ, сравнив их с аналогичными контекстами ранних летописей.

1.1.2. Потребность в выражении смещенно-перфектного значения и использовании книжного плюсквамперфекта возникала в летописном нарративе чаще всего тогда, когда надо было дать какую-то поясняющую или уточняющую информацию относительно положения дел в данный момент летописного времени — отсюда возврат к более раннему событию (событиям), обусловившему это положение дел, локализованное на основной временной оси повествования [Шевелева 2007; 2008], см. также выше. В летописи XV—XVI вв. такая уточняющая информация в сочетании с перфектным регрессом часто выражается конструкцией с союзом *а*, характерной для некнижного синтаксиса с ситуативной организацией информации и в этот период широко проникающей в язык летописей, ср.:

Того же лѣта обновлена церкви на Москвѣ, Вознесіе каменное, великою княгинею Марією Васи́ліевою Васи́ліевича, а заложена была та церковь великою княгинею Евдокією Дми́тріевою Ива́новича пре́же того за 62 лѣта (НЛ, 1467 г., 118);

Того же мѣсяца въ 21 пришла царе́вна кора́блемъ въ Колывани, а носило ихъ море 11 день (НЛ, 1473 г., 150);

Тое же осени прише́лъ къ королю изъ Орды Кирѣи съ царе́вымъ посломъ, а король в ту пору заратился съ королемъ Угорскимъ (НЛ, 1472 г., 142);

...посла́тъ князь велики въ Пе́рьмъ Семена Давы́дова сына города ставити, а старо́й згорѣ́тъ (НЛ, 1535 г., 85);

Тое же осени Дека́бря 12 пожалова́тъ князь велики Ши́гь-Алѣ́я царя, изъ нятства выпусти́тъ, а се́дѣ́тъ на Бѣ́лѣозерѣ́ (НЛ, 1536 г., 88);

Того же мѣсяца ноя́бря митрополи́тъ діакъ Савлу́къ Турпѣ́евъ отъ пановъ изъ Литвы прише́лъ и привезъ къ митрополиту грамоту отъ воеводы Виленскаго, — а бискупъ Па́вель у нихъ у́меръ, — и писа́тъ в грамотѣ́, что... (НЛ, 1556 г., 262) и др.

Особенно много таких случаев в записях XVI в. В ранних летописях в таких поясняющих контекстах регресса мы находим книжный плюсквамперфект; в ряде случаев обнаруживаются близкие соответствия подобных примеров из НЛ и старых с плюсквамперфектом, ср.:

И городъ на Мешѣ сожгли и людей въ немъ, немногихъ заставъ, побиили, а иные изъ него выбѣжали (НЛ, 1554 г., 239)

— ср.: *А городъ пожже. а людье бѣху выбѣгли. а жита пожгоша* (СЛ, 1178 г., л. 131)²;

ср. в характерных для плюсквамперфекта контекстах, сообщающих о перемещении персонажа к какому-то моменту в какое-то место (см. выше, 1.1.1.):

И приходитъ государь близъ Коширы, и уготовляютъ государю перевозы на Окѣ, а Мстиславской съ товарищи уже перевезлися рѣку (НЛ, 1552 г., 189)

— ср. приведенный выше контекст из НЛ с плюсквамперфектом:

Великая же княгини Совѣа часа того же послала по сына своего великого князя Василья, понеже бо въ той же пятокъ... перевезъся бѣше за Волгу на усть Дубны (НЛ, 1451 г., 77);

ср. в КЛ: *И то слышавъ Юрославъ поиде...к Тербовлу. и не оутѣже къ бродомъ. Изаславъ бѣ перешель до нѣхъ рѣку* (КЛ, 1153 г., л. 167 об.); *...переправи полци своа чересь Десну и пусти на воевать. перѣхаль же бѣше и самъ чересь Десну* (КЛ, 1160 г., л. 181 об.) и др.

Сама по себе уточняющая конструкция с *а* не задает значения регресса — она только вводит добавочную информацию, и в НЛ часто встречаются примеры такой конструкции без плюсквамперфектного значения предшествования (уточнение не обязательно требует обращения к более ранним событиям), ср., например:

И поиде ко Ордѣ того же дни, а обѣдалъ на своемъ лузѣ противу Симанова... (НЛ, 1431 г., 15);

Того же лѣта іюня въ 14 во вторникъ князь великий Василей Ивановичъ всеа Русіа пошелъ второе къ Смоленску, а шель на Боровескъ (НЛ, 1513 г., 16) и др.

Эта широко употребительная в летописи XV—XVI вв. конструкция не книжного синтаксиса, представляющего информацию по принципу «вначале главная часть сообщения, затем уточнения» [Зализняк 2004: 190], может обслуживать и ту семантическую сферу, которая в ранних летописях обслуживалась плюсквамперфектом.

Плюсквамперфектное значение выражается в НЛ и другими конструкциями.

Так, употребительной остается конструкция с причинно-пояснительным *бо*, но уже без плюсквамперфекта, ср.:

² В данном случае в СЛ тоже не книжная конструкция с *а*, но регресс здесь выражен плюсквамперфектом, поскольку повторяющийся союз *а* не выделяет данное действие.

Того же лѣта новгородскихъ поповъ биша кнутіемъ, прислать бо ихъ владыка Генадей изъ Новгорода Великаго, что поругалися иконамъ пьяни (НЛ, 1489 г., 220);

И поиде безбожнѣй царь Ахматъ тихо велми, ожда(я) короля съ собою, уже бо пошедъ и пословъ его отпустилъ къ нему (НЛ, 1480 г., 199);

в рассказе о взятии Казани:

И призываетъ государь къ собѣ Камая-мырзу...и роспрашиваетъ, отколѣ воду емлютъ въ городѣ. Казань бо рѣку уже отъ нихъ отняли (НЛ, 1552 г., 209);

в антителесном контексте:

Тоя же зимы приде велика княгини Соѳіа зъ Бѣлоозера; отсылать бо ея князь великій на Бѣлоозеро Татарскаго ради нахоженіа (НЛ, 1481 г., 212)

— ср. в КЛ плюсквамперфект в аналогичных контекстах:

В то же верема Изяславъ посла Киевоу къ братоу своему Володимѣроу. того бо башеть вставилъ Изяславъ въ Кѣвъ (КЛ, 1147 г., л. 127 об.);

Ту ждаше снѣвца своего послалъ бо и баше противу Половцемъ дикымъ (КЛ, 1159 г., л. 179);

Всеволодъ же не изыде противу битъся и еще бо башу Половци не пришли к нему (КЛ, 1135 г., л. 110) и т. п.

В конструкцию с *бо* в НЛ может включаться причинное *понеже* (*занеже*) — чаще в более книжных контекстах:

Они же пришедъ тамо, многое множество богатства взяша, понеже бо не успѣша выбѣжати люди, суціи тамо (НЛ, 1456 г., 110);

И не ятъ ему вѣры, понеже бо тотъ Бунко за мало прежде того отѣхалъ къ князю Дмитрею (НЛ, 1446 г., 67)

— ср. приведенный выше сходный контекст с плюсквамперфектом в рассказе о возвращении митрополита Филиппа в Москву после пожара:

...понеже бо отъ пожара того вышелъ бѣ изъ града въ монастырь святого Николы (НЛ, 1473 г., 152);

ср. в ранних летописях аналогичные контексты с *зане(же)* и плюсквамперфектом, но обычно без *бо*:

а Ярославъ же не любилъ Романа ѿступити занеже башеть помогъ на теста своего на Рюрика (КЛ, 1196 г., л. 240 об.);

На ту же ночь оубоавъся Изяславъ, зане бѣ всталъ с маломъ дружины на полчищи (КЛ, 1153 г., л. 118) и под.

В поздних записях НЛ в той же роли причинного союза в аналогичных контекстах появляется *потому (что)* — уже без *бо*:

...а во Азторохани ему не възможно итти, потому что з братомъ завоевался (НЛ, 1554 г., 241);

А князь Андрѣй Ногтевъ не былъ на бою, потому былъ боленъ, ногу испортилъ еще на рубежи (НЛ, 1556 г., 264)

— ср. сходный контекст в КЛ с плюсквамперфектом:

и ѣхаша лѣтъ на санехъ. бѣ бо нѣчто извергълоса ему на нозѣ (КЛ, 1194 г., л. 235).

Плюсквамперфектное значение часто выражается в НЛ в придаточных определительных (с разными средствами связи — как книжными, так и не-книжными) — конструкциях, характерных в ранних летописях для плюсквамперфекта, ср.:

А Рязаньскихъ воеводъ князя Михаила Андреевича Трубецкого съ товарищи съ всѣми людми, кои съ ними пришли, отпустили къ Рязани (НЛ, 1541 г., 111);

...и жаловаль государь воеводъ и дѣтей боярскихъ, которые билися съ Крымцы (НЛ, 1555 г., л. 258) и под.

— ср. в КЛ: *и много дѣй ѿполониша уже блахуть взали Половци* (КЛ, 1160 г., л. 180 об.); *...идета ти Дѣдвца Игореву в помочь уже блаху великоу чѣть примали ѿ Всеволода и ѿ брата его* (КЛ, 1146 г., л. 120) и под.;

Того же лѣта Володимеръ Ховринъ поставилъ церковь на Москвѣ на своемъ дворѣ камену Въздвигеніе честнаго креста, на мѣстѣ первыя церкви, что розпалася въ пожарѣ по Суздальцинѣ (НЛ, 1450 г., 75)

— ср. в СЛ: *Того^ж лѣ^т мѣа августѣ^с вбновлена бы^с цркы стонѣ бѣи Володимери. каже бѣ вполѣла в великыи пожарѣ* (СЛ, 1194 г., л. 139) и под.

Даже устойчивая формула типа *юже бѣ создалъ* чаще встречается в НЛ не с плюсквамперфектом (о двух случаях с плюсквамперфектом см. выше), ср.:

...и положиша его во гробѣ въ церкви пречистыа Богородици, юже самъ начатъ здати (НЛ, 1473 г., 153);

...и припадаетъ любезно къ чудотворному образу Богородици, юже написалъ божественный апостоль Лука іевангелистъ (НЛ, 1553 г., 227) и др.

Нет необходимости детально описывать все конструкции, в которых в НЛ может выражаться плюсквамперфектное значение. И в тех из них, в которых в ранних летописях используется плюсквамперфект, и в новых, характерных для летописи XV—XVI вв., плюсквамперфектное значение регулярно выражается в НЛ без формы плюсквамперфекта.

Это значение может задаваться и лексическими показателями типа *преже того* (включенными в соответствующую конструкцию или самими по себе) и даже просто широким контекстом в бессоюзных структурах. Ср.:

А съ Костромы отпустилъ съ сыномъ своимъ сниматися царевича Ягуна, Мамутякова сына, на князя же Дмитрія, а преже того послалъ князя Василья Ярославича да съ нимъ бояръ своихъ (НЛ, 1452 г., 77);
...да съ нимъ вмѣстѣ придоша старци отъ Свѣтлыя горы Авонскія къ великому государю... а напередъ тѣхъ старцовъ за годъ пришесть отъ свѣтлыхъ 40 мученикъ отъ Ксиропотама монастыря Исаія священноинокъ Сербинъ (НЛ, 1518 г., 28)

— ср. в ранних летописях плюсквамперфект:

Изславъ же пришедь к Бѣлугороду и стоя иколо дѣтинца Дѣ не ли встрогъ баше Ростиславъ до него самъ пожегель (КЛ, 1161 г., л. 184 об.) и под.

Ср. выражение плюсквамперфектного значения только широким контекстом:

И прииде князь велики Василей Васильевичъ на Москву на Петровъ день, а с нимъ царевъ посолъ Мансыкъ-Уланъ царевичъ; тотъ его садилъ на великое княжение у Пречистые у Золотыхъ дверей (НЛ, 1432 г., 16);
Того же лѣта поставленъ Рязани епископъ Силмеонъ; был у митрополита Геронтіа духовникъ (НЛ, 1481 г., 212—213)

— не книжные бессоюзные структуры, представляющие уточняющую информацию, с опущением показателей предшествования типа *преже того*.

Встречаются в НЛ и типичные для плюсквамперфекта контексты с локализаторами типа *в то же время*, начинающие новое сообщение (о таких контекстах в летописях XII—XIII вв. см. [Шевелева 2007: 235; 2008: 230—231]; в работах [Петрухин 2007; Петрухин, Сичинава 2008: 243] такое употребление рассматривается даже как особое значение плюсквамперфекта, называемое «начало нового эпизода», — см. подробно об этом [Шевелева 2008: 230—231]). В НЛ точно такие же контексты, синхронизирующие результат какого-то предшествующего действия с данным моментом движения летописного времени и открывающие новое сообщение, представлены без плюсквамперфекта — с обычным -л-претеритом, ср. сразу после заглавия записи:

***О приходѣ ис Крыма полоняниковъ.** И въ то же время пришли ис Крыма полоняники князь Авонасей Звенигородской да Верига Клешинъ съ товарищи...* (НЛ, 1556 г., 272) и др.

— ср. в ранних летописях: *В то же время пришесть бѣ Гюргевичъ старѣишии Ростиславъ роскотаравъ са съ ѿцмъ своимъ* (КЛ, 1148 г., л. 175) и др. Обратим внимание, что в одном таком контексте из КЛ плю-

сквамперфект читается в Хлебн. и Погод. списках, в то время как в Ипат. списке — претерит на -л: *В то же время прислать* (Х., П. — прибавлено *бьяше*) *король полкы Оугорски(и)а многи сѣви в помочь* (КЛ, 1189 г., л. 230 об.) — очевидно, переписчик XV в. опустил связку *бьяше*, заменив тем самым исконный для такого контекста плюсквамперфект на уже ставший нормальным в летописях XV в. в тех же условиях претерит на -л.

Таким образом, как мы видим, в летописи XV—XVI вв., в отличие от летописей XII—XIII вв., плюсквамперфектное значение в абсолютном большинстве случаев выражается без введения формы плюсквамперфекта — книжный плюсквамперфект фактически перестал быть грамматическим средством выражения смещенной перфектности. К середине XVI в. летописный язык это специализированное морфологическое средство утрачивает.

1.2. Обратимся к употреблению некнижного плюсквамперфекта в НЛ.

В отличие от ранних летописей, где «русский» плюсквамперфект употребляется преимущественно в прямой речи (в КЛ 14 случаев употребления в прямой речи: 3 случая в нарративе, в СЛ 3 случая в прямой речи: 2 случая в нарративе [Шевелева 2007: 241]), в НЛ преобладают употребления в нарративе: в собственно нарративном режиме в НЛ зафиксировано 18 случаев «русского» плюсквамперфекта, при передаче чужой речи — 11 случаев (из них в собственно прямой речи персонажей только 3 случая и 4 случая при передаче текстов «посланий», остальные случаи — в косвенной речи, т. е. синтаксическом режиме интерпретации в смысле [Падучева 1996]). Такое изменение соотношения употребительности «русского» плюсквамперфекта в прямой речи // в нарративе связано, очевидно, как и общий рост употребительности этой формы на протяжении обследованной части НЛ, с усилением некнижного компонента в летописном языке XV—XVI вв. (см. об этом выше). Точно так же в летописях XV—XVI вв. существенно возрастает употребительность некнижного л-претерита сравнительно с летописями XII—XIII вв.: в ранних летописях бывший перфект еще редок в нарративном режиме — он используется преимущественно в прямой речи и в относительном употреблении в придаточных изъяснительных (синтаксическом режиме) (см. об этом [Шевелева 2007: 233—234]), в поздних летописях некнижное прошедшее на -л уже становится основным временем летописного повествования, преобладая в количественном отношении над аористом. Параллельно с расширением употребительности некнижного претерита на -л и утверждением его в нарративе выходит за пределы прямой речи и утверждается в нарративе и некнижный плюсквамперфект.

Рассмотрим типы употребления «русского» плюсквамперфекта в нарративном режиме и при передаче чужой речи.

1.2.1. В нарративе большая часть случаев «русского» плюсквамперфекта в НЛ имеет значение недостигнутого результата (10 случаев из 18). Ча-

ще всего встречаются контексты с плюсквамперфектом от глаголов движения со значением прерванного действия — типичный контекст для современных русских конструкций с *было*, ср.:

*А той братъ его патріархъ пошелъ былъ на Москву милостыня ради, понеже бо имъ истома бѣ отъ Египетскаго салтана, и не дошедъ пре-ставися въ Каѳъ (НЛ, 1464 г., 116 — в одном из поздних списков читается несогласованное *пошелъ было*, список Н.);*

Того же лѣта, іюня, Магмутъ царевичъ Крымской пошелъ былъ (в списке Н. — было) на Резань, и учинился ему вѣсть, что великого князя воеводы стоятъ на Осетрѣ... и то слышавъ Магмутъ царевичъ въ землю не пошолъ, а воротился со украины (НЛ, 1512 г., 15);

...и царь не пошелъ на царя и великого князя украину, а пошелъ былъ на Черкасы, и как пришелъ на Мюсь и тутъ за нимъ прислали ис Крыму, что видѣли многихъ Рускихъ на Днѣпрѣ къ Исламъ-Кирмену, и царь по тѣмъ вѣстѣмъ воротился въ Крымъ (НЛ, 1556 г., 271);

ср. аналогичный контекст с глаголом *послати*:

...а людей своихъ, которыхъ послалъ былъ къ Стародубу противъ Литовскихъ людей, и князь великій велѣлъ ихъ воротити на брегъ ко Окѣрѣкѣ (НЛ, 1535 г., сп. Ак., 97);

ср. в рассказе о неудачной попытке дяди Ивана IV, князя Андрея, выйти из подчинения великому князю:

А которые дѣти боярскіе великого князя помѣщики Наугородцкіе, а прѣхали въ ту пору къ князю Ондрѣю да къ Новугороду были съ княземъ пошли — и тѣхъ дѣтей боярскихъ... велѣлъ князь велики бити кнутѣмъ на Москвѣ да казнити смертною казнью, вѣшати по Наугородцкой дорожѣ... (НЛ, 1537 г., 97) и др.

Складывается впечатление, что употребление в плюсквамперфекте глагола *поити* (*пошелъ былъ* и под.) начинает становиться устойчивым — «русский» плюсквамперфект постепенно начинает связываться с определенным кругом лексических единиц. В ранних летописях подобных примеров немного: в КЛ «русского» плюсквамперфекта от *ити* и его производных нет (от *послати* есть, но в прямой речи), в СЛ таковы три имеющиеся там примера антитезуальности значения данной формы, ср.:

А Болгарьскыи кня³ прише¹ былъ на Пуреша ротника Юргева и слыша вже велики кня³ Юрги с бра^мею жжеть села Мордовьскаа и бѣжа прочь ночи (СЛ, 1227 г., л. 155 об.) и др.

Интересно, что в КЛ глагол *поити* и под. часто употребляются в книжном плюсквамперфекте, в том числе и в антитезуальных контекстах, ср.:

Изаславъ же... иде къ Изаславу къ строеви своему. вода съ собою Брачислава. зата своего. иже баше пошелъ къ ѿцю своему. и бывъ

посредѣ пути и оустрашивсѧ не мога поити ни сѣмо ни онамо.и иде шюрину своему в руцѣ (КЛ, 1128 г., л. 109) и др., см. [Шевелева 2007: 237—239]

— это тот же тип контекста, в котором в поздней летописи закрепляется «русский» плюсквамперфект. Ранняя КЛ в таких нарративных антирезультативных контекстах, развившихся в контексте противопоставления на базе результативных с той же формой (ср. контексты с плюсквамперфектом типа: *Тое же зимы пошель бѣ Гюрги в Русь* КЛ, 1154 г., л. 171 и под.), еще использует только книжный плюсквамперфект, в СЛ в таком употреблении в летописное повествование уже проникает и некнижный. Развитие этого употребления плюсквамперфекта, как мы видим, осуществлялось на базе его исконного перфектного значения и не специфично исключительно для некнижной формы. Приобретение же им устойчивого характера относится уже к XV—XVI вв. и связано с высокой частотностью плюсквамперфекта от глаголов движения типа *поити* в соответствующих контекстах.

Синтаксическая структура большей части таких контекстов из НЛ однотипна: это конструкции противопоставления, во второй части которых указывается действие, прервавшее действие, обозначенное плюсквамперфектом, и не давшее ему достичь своей цели, — контекст типа *пошел было, но вернулся*, один из наиболее характерных и для современных русских конструкций с *было*. Однако в НЛ синтаксис таких контекстов еще более свободный, чем сейчас, — ср. последний приведенный пример 1537 г. о расправе над сторонниками князя Андрея — иной структуры и с иным лексическим наполнением второй части (где называется не прервавшее неудавшийся поход в Новгород действие, а дальнейшие события, явившиеся следствием этой неудачи и развивающиеся по «противоположному» этому действию пути).

Встречаются в НЛ случаи «русского» плюсквамперфекта со значением недостигнутого результата и от других глаголов, ср.:

Того же мѣсяца Сентября приходили Литовскіе люди...къ Смоленску къ посаду да и посадъ были зажгли... и великого князя люди || съ Литовскими билися и посаду имъ жечь не дали (НЛ, 1534 г., 80—81);

ср. характерный в ранних летописях для книжного плюсквамперфекта контекст «начала эпизода» с показателем типа *въ то же время* (см. выше), но с выраженной во второй части недостижимостью результата:

А въ то время государь рать свою нарядилъ былъ многую х Казани, которые люди были въ Володимерѣ и въ Муромѣ, и тѣ не поспѣли (НЛ, 1541 г., 114).

Остальные случаи употребления «русского» плюсквамперфекта в нарративе имеют значение аннулированного результата (8 случаев). Контексты эти более разнообразны, чем рассмотренные контексты «прерванного действия».

Некоторые контексты со значением отмененного результата устроены так же прозрачно, как и рассмотренные выше, — в ближайшем синтаксическом окружении названо действие, аннулирующее результат плюсquamперфекта, ср.:

Того же лѣта въ Новѣгородѣ преставися нареченнии владыка ихъ Феодосей въ своемъ монастырѣ пресвятыя Троицы на Склобскѣ, егоже были избрали по жребію и паки не восхотѣша (НЛ, 1425 г., 3)

— возврат к предшествующим основной линии повествования событиям, второе из которых аннулирует результат первого (избранный некогда новгородский владыка преставился в своем монастыре, т. к. впоследствии был сведен с владычьего престола);

А рубежи старые всѣ король велѣлъ очистити, въ которые ся были вступили люди его безъ его ведома (НЛ, 1557 г., 280).

В других случаях аннулированность результата задается более широким контекстом, например:

И царь и великій князь послѣ того вину ихъ сыскалъ и для отца своего Макарія митрополита ихъ пожаловалъ, вину имъ отдалъ и велѣлъ ихъ подавати на поруки, занеже отъ неразуміа тотъ бѣгъ учинили были, обложася страхомъ княже Юрьева убійства Глинскаго (НЛ, 1548 г., 155)

— в этой заключительной записи рассказа о неудачном побеге Михаила Глинского и Турунтая в Литву «отмененность» результата известна из предшествующего изложения (интересно, что в том же недлинном рассказе «русский» плюсquamперфект употребляется еще дважды в косвенной речи, передающей объяснения самих «беглецов», «что они не бѣгали, а поѣхали были молитися», 155 и др. — см. ниже);

в рассказе о нарушении казанцами договоренности с московскими князьями информация об аннулированности результата следует из довольно пространного рассказа о последующих событиях:

...которово былъ царя отецъ его князь великій Василей Ивановичъ пожаловалъ по ихъ прошенію, далъ имъ на Казань царемъ, и князь великій Иванъ Васильевичъ пожаловалъ ихъ по ихъ же челобитію, того же имъ царя Яналѣ далъ царемъ на Казань, лукави же и безъстудни варвари безъ великого князя тайно въ Крымъ пославъ, Сава-Курѣ царѣвича на Казань взяли, а Яналѣ царя убили (НЛ, 1536 г., 106)³;

³ Обратим внимание, что в плюсquamперфекте здесь стоит только первая форма, хотя последующие три -л-претерита имеют то же значение аннулированного результата, — «сфера действия» первого плюсquamперфекта (точнее, связки *былъ*) распространяется на стоящие в том же ряду формы (ср. аналогичное употребление одной формы плюсquamперфекта в начале рассказа не в антирезультативном контексте, где он выполняет функцию отнесения всего последующего повествования

в следующем контексте отношения между действием плюсквамперфекта и «отменяющим» его скорее уступительные:

И събра воя и поиде назадъ по всему лѣсу зане всѣми людми, понеже многихъ Татаръ съ коней позбили и они на лѣсъ валялися и пѣшии Татарове многіе были по лѣсу розбѣжались; и князь Александръ поиде къ полю лѣсомъ, и пѣшіе стрѣлцы и боярьские люди отъ поля вси бяше на лѣсу, ищуци поганыхъ и біюще ихъ (НЛ, 1552 г., 209)

— несмотря на то что татары разбежались по лесу, воины великого князя разыскивали их в лесу и убивали, т. е. попытка таким образом укрыться оказалась тщетной — и др.

В нескольких случаях плюсквамперфект получает значение отмененного состояния (аннулированным оказывается статально-перфектное значение — аналогичное употребление встречалось в ранних летописях у книжного плюсквамперфекта [Шевелева 2007: 238—239]):

И князь великий и его мати великая княгини на князя Андрѣя гнѣвъ свой и опалу положили въ томъ, чтобы впередъ такіе замысли и волненія не было, понеже многіе люди московские поколебались были (НЛ, сп. Ак. XIV, 1537 г., 118)

— ‘были поколебавшимися’, т. е. в состоянии волнения — отмененность состояния задается более ранним контекстом, поскольку речь идет о том моменте повествования, когда князь Андрей уже был привезен в Москву; ср. в рассказе о переговорах с казанскими послами:

...и они были въ многомъ заперлися; обычай бо ихъ бяше изначала лукавствовати... (следует длинный рассказ о том, как представители великого князя настаивают на своем). И з бояры казанцы много говорили, как бы имъ что лукаво здѣлати, бояре же по Божію милосердію государевымъ наказомъ твердо дѣлали, ни въ единомъ ихъ лукавствѣ не поступили (НЛ, 1551 г., 167—168)

— аннулированность состояния сначала задается пояснительной конструкцией с наречием *изначала*, в конце же подтверждается непосредственным сообщением о результатах переговоров.

Как мы видим, круг глаголов, выступающих в летописном нарративе НЛ в плюсквамперфекте со значением аннулированного результата, доста-

«к сфере не связанного непосредственно с настоящим прошлого» [Зализняк 2004: 176]; ср. [Петрухин, Сичинава 2006: 201] и др.). Впрочем, в нашем контексте из НЛ плюсквамперфект может еще маркировать отнесение действий вел. князя Василия Ивановича к более раннему временному плану относительно действий его сына Ивана Васильевича (всего различающихся временных плана в прошлом здесь оказывается три) — в таком случае в сферу плюсквамперфекта входят только первые формы *быль пожаловаль* и *далъ*, для последующих же плюсквамперфектное антирезультативное значение оказывается не выраженным.

точно широк, разнообразен и синтаксис этих контекстов. Условия реализации рассматриваемого значения еще явно шире условий функционирования с тем же значением современных русских конструкций с *было* (см., например, приведенные выше контексты с *поколебались были*, *учинили были* и др. — ср. о лексическом наполнении и ближайшем контексте совр. рус. конструкции: [Сичинава 2009]). Здесь нет лексической и даже синтаксической закреплённости — структуры эти показывают еще совершенно свободное употребление плюсквамперфекта, но употребление только в антирезультативных контекстах.

Обратим при этом внимание, что «русский» плюсквамперфект встречается в НЛ и в очень книжных контекстах (см. выше примеры под 1548 г., 1552 г., 1537 г. и др.) — по-видимому, он стал нейтрален для летописного нарратива и не воспринимается как яркая не книжная черта (как и *-л-прошедшее*), как был нейтрален в нарративе ранних летописей книжный плюсквамперфект.

Однако в нарративе московской летописи XV—XVI вв. «русский» плюсквамперфект употребляется в более узком круге значений, чем в ранних летописях употреблялся плюсквамперфект книжный, — только в антирезультативных, хотя еще и в достаточно разнообразных контекстах. В наиболее частотном из них типе контекста «прерванного действия» намечается тенденция к приобретению конструкцией с плюсквамперфектом типа *пошелъ былъ* устойчивого характера.

1.2.2. Сходная ситуация наблюдается и в употреблении «русского» плюсквамперфекта при передаче чужой речи.

В собственно прямой речи персонажей «русский» плюсквамперфект в НЛ встречается трижды, все эти случаи имеют значение аннулированного результата.

Ср. в рассказе о приходе царевны Софьи в Москву, обставленному по католической традиции:

...друзіи же глаголаху: «нѣсть сіе бывало въ нашей земли, что почести быти Латынской вѣрѣ; учинилъ былъ то единъ Сидоръ, и онъ и погипе» (НЛ, 1473 г., 151);

в речи Ивана III при передаче им великого княжения своему внуку Дмитрию:

И князь великіи Иванъ рече: «Отче митрополитъ! Божіимъ изволеніемъ отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина, то и до сѣхъ мѣсть, отци наши великіе князи сыномъ своимъ первымъ давали великое княжество, и язъ былъ своего сына перваго Ивана при себѣ же благословилъ великимъ княжествомъ; Божіа пакъ воля сталася, сына моего Ивана не стало въ животѣ, а у него остался сынъ первой Дмитрей, и язь его нынѣ благословляю при себѣ и опослѣ себя великимъ княжествомъ Володимирскимъ и Московскимъ и Новгородскимъ» (НЛ, 1498 г., 246—247)

— в этих записях XV в. «русский» плюсквамперфект выступает в достаточно книжных контекстах.

Третий пример поздний (из повести о походе на Казань), контекст менее книжный:

И царь говорилъ: «прожить де мнѣ въ Казани не мощно, за grubиль есми Казанцомъ добрѣ, а ялся былъ есми имъ у царя и великого князя Горнюю сторону выпросити и взяти...» (НЛ, 1552 г., 173)

— ответ царя Шигалея московским послам, что он не может держать Казань в подчинении великому князю, поскольку не выполнил данного казанцам ранее обещания⁴. Подобные контексты «невыполненного обещания» встречались с плюсквамперфектом и в ранних летописях, ср.:

Како еси былъ оумолвилъ съ братомъ своимъ Рюрикомъ и со мною. аже совокупитися оу Чернигова... ты же нынѣ ни моужа своего еси послать (КЛ, 1196 г., л. 240) и др., см. [Шевелева 2007: 244—245].

К контекстам прямой речи персонажей примыкает употребление плюсквамперфекта в текстах дипломатических посланий, включенных в летописное повествование. Однако режим интерпретации здесь отличен от речевого — отсутствует 1-е лицо говорящего, отправитель послания (в данном случае вел. кн. Иван IV) именуется в 3-м лице:

И царь и великий князь велѣлъ посломъ отвѣтъ учинить: царь и государь былъ ихъ пожаловать и опасъ на пословъ далъ, ихъ послѣ опасу въевати не велѣлъ, и онѣ послѣ опасу изъ Ругодива двѣ недѣли стрѣляли и людей убивали, и царь и великий князь по Ругодиву стрѣляти, промышляти надъ ними велѣлъ (НЛ, 1558 г., 297)

— соглашение о мире дезавуируется из-за несоблюдения его второй стороной;

то же самое мы находим в послании татарского князя Исмаила московскому князю, где и отправитель (князь Исмаиль), и адресат (Иван IV) названы в 3-м лице:

⁴ В этом позднем примере нарушен исконный порядок следования энклитик: связка плюсквамперфекта *былъ* должна занимать позицию после связки *есмь*, ср. в примерах А. А. Зализняка: *нъ везлъ есмь былъ въ коробѣхъ дары* (НПЛ, 104) и др. [Зализняк 2008: 39—40]. Однако А. А. Зализняк приводит два примера, нарушающие общее правило постановки связки *былъ*, — оба относятся к XV—XVI вв., причем в одном из них порядок постановки энклитик точно соответствует нашему контексту из НЛ, ср.: *што са бы^т есми отъступи^т* (ДДГ, № 34, 1434 г.) (второй случай — из Посланий Ивана Грозного — 3-го лица, т. е. без связки в презенсе, но тоже с несоответствующей правилу позицией *был*) [Зализняк 2008: 40]. Повидимому, совпадение этих нарушений указывает на то, что в XV—XVI вв. старое правило постановки связки *был* начинает меняться, ср. то же в приведенном ниже контексте из Духовной Ивана Грозного: *а что был есми благословил брата своего князь Юрья сверх его уделу...* (ЗАРГ 1986, № 35).

Того же мѣсяца прислать изъ Нагаи Исмаиль-князь посла своего Бехчюру... а писалъ: которые мурзы девять братовъ и Шийдиковы дѣти от-стали были от Ысмаиля, и приходилъ на нихъ Крымской царь да Исламъ-Газу-мурзу Шийдякова и иныхъ мурзъ и съ улусы поималъ, а девять братовъ, Уразлыевы дѣти, Аиса-мурза з братъею, отошли отъ него совсѣмъ и къ Исмаилю пришли и по царя и великого князя велѣнію Исмаилю добили челомъ и содиначилися (НЛ, 1558 г., 286)

— также значение аннулированного последующими событиями результата.

В одном случае текст донесения царских воевод из Астрахани оформлен как косвенная речь — с изъяснительным союзом:

Того же мѣсяца 23 день прислать изъ Асторохани Иванъ Черемисовъ да Михайло Колупаев казаковъ, а писалъ, что Нагаи были Исмаиль-князь съ Ысувовыми дѣтми помирился (Б., Т. — помирился), а Ших-Мамаевыхъ дѣтей отослалъ: и Ярославъ-мурза подвелъ былъ на Исувовыхъ дѣтей Шихъ-Мамаевыхъ, и Исувовы дѣти Ярослава убили и промежъ собою билися три дни и на обѣ стороны многихъ мурзъ || и татаръ побили (НЛ, 1557 г., 274—275)

— донесение о распре между татарами, в которой мирная договоренность нарушается последующими событиями, а действие одного из персонажей (*Ярославъ-мурза подвелъ былъ...*) приводит к его же гибели, — обе формы плюсквамперфекта выражают значение аннулированного результата.

Как мы видим, во всех этих контекстах дипломатических посланий из НЛ «русский» плюсквамперфект имеет антирезультативное значение — есть основания предполагать, что они отражают тексты реальной дипломатической переписки Ивана Грозного (все три относятся к записям 1557—1558 гг.). Значение плюсквамперфекта здесь вполне соответствует отмечаемому исследователями в деловых документах XVI в. (см. примеры в [Соболевский 1907: 242—243] и др.). Обратим внимание на своеобразие этикетного формуляра этих посланий и введения их в текст летописи: если в ранних летописях послания князей оформляются как прямая речь, то в летописи XVI в. отправитель и адресат называются в 3-м лице и режим интерпретации такого текста отличен от речевого. Связано это, по всей видимости, с изменением дипломатического обычая и, соответственно, традиции введения соответствующих текстов в состав летописи⁵.

⁵ Как отмечалось исследователями, в домонгольской Руси дипломатические переговоры велись устно: послы посылались с «речами», точно передававшимися ими и «в форме прямой речи от лица посылающего» записывавшимися в летопись [Лихачев 1946/1986: 140—141] и др.; см. также [Гиппиус 2004: 203—204]. Обозначение автора (и адресата) в 3-м лице вообще нехарактерно для текстов древнерусской эпохи, однако в юридических актах оно все же известно (грамота Варлама Хутынского 1192—1210 гг. и др.) и изредка встречается в берестяной переписке [Гиппиус 2004: 210—213]. К XV—XVI вв. посольская традиция обмена «речами»

Контексты косвенной речи с плюсквамперфектом в относительном употреблении, помимо приведенного послания из Астрахани под 1557 г., встречаются в НЛ еще в нескольких случаях. Два из них — из рассказа о неудавшемся побеге Михаила Глинского и Турунтая в Литву, в котором три формы плюсквамперфекта идут почти подряд (третья — в нарративе в концовке рассказа, см. выше, с. 21), ср.:

Они же послышавъ за собою князя Петра погоню и узнаша, что имъ уйти невъзможно ис тѣхъ тѣснотъ, и они возвратишася къ царю и великому князю и хотѣша вѣхати въ городъ тай на Москву и бити челомъ царю и великому князю, что они не бѣжали, а поѣхали были молитися Пречистой въ Ковець (НЛ, 1548 г., 155);

Они же биша челомъ, что отъ страху княже Юрьева Глинского убійства поѣхали были молитися въ Ковець къ Пречистѣи и съѣхали въ сторону, не зная дороги (НЛ, 1548 г., 155)

— плюсквамперфект в этих почти дословно совпадающих контекстах имеет самое частотное для НЛ значение недостигшего своей цели (прерванного) движения (см. выше о таком употреблении в нарративе).

Аналогичный контекст с плюсквамперфектом от того же глагола мы находим в сообщении о донесении приехавших на государеву службу татар:

И тутъ пріѣхаль къ государю служить Камаи-мурза, князь Усеиновъ сынъ, а съ нимъ 7 казаковъ; а сказывалъ государю, што было ихъ поѣхало человекъ з двѣстѣ къ государю служить и, свѣдавъ, казанцы иныхъ переимали (НЛ, 1552 г., 202).

Особо следует отметить еще один контекст с плюсквамперфектом, устроенный по интерпретации грамматических форм так же, как косвенная речь, однако не имеющий союза:

А Мамичъ-Бердѣи сказывалъ: взялъ былъ изъ Нагай царя, и царь имъ не учинилъ некоторые помочи, и онъ царя убилъ и всѣхъ Нагай побилъ (НЛ, 1556 г., 266).

По-видимому, мы имеем здесь дело с известным и сейчас в синтаксисе разговорной речи опущением изъяснительного союза, т. е. передачей с помощью бессоюзной конструкции тех отношений, которые в литературном языке выражаются с помощью придаточного изъяснительного [Рус. разг. речь 1973: 337], режим интерпретации временных форм и все дейктические отсылки при этом ориентированы, как в косвенной речи, — на настоящий момент говорящего персонажа и в 3-м лице [Падучева 1996: 340

заменилась обменом письменными посланиями (см. [Лихачев 1946/1986: 153], ср. указания «а писалъ» в приведенных и других контекстах, регулярно встречающиеся в НЛ). Новый дипломатический этикет, как мы видим, требовал обозначения автора в 3-м лице.

и др.] (показательно в этом контексте обозначение субъекта речи — Мамичь-Бердея — с помощью местоимения *онъ*)⁶. Плюсквамперфект от глагола *взяти*, и сейчас употребительного в конструкции с *было*, здесь имеет значение аннулированного результата.

Как мы видим, для летописного нарратива XVI в. стало вполне возможным бессюзное введение чужой речи с обозначением говорящего в 3-м лице — в разных вариантах. Вопрос о специфике этих форм представления чужой речи требует специального исследования, выходящего за рамки данной работы. Сейчас нам важно отметить, что значение «русского» плюсквамперфекта во всех разнообразных в НЛ формах передачи чужой речи одинаково — это антирезультативное значение.

Итак, в НЛ за XV—XVI вв. (с 1425 по 1558 гг.) «русский» плюсквамперфект употребляется только в антирезультативных значениях. Ни результативное значение, хоть редко, но встречавшееся у «русского» плюсквамперфекта в ранних летописях [Шевелева 2007; 2008], ни значение дистанцированного от настоящего прошедшего в НЛ не отмечены. Контексты употребления плюсквамперфекта еще достаточно разнообразны, хотя самыми частотными уже становятся конструкции с плюсквамперфектом от глаголов начала движения со значением прерванного действия (типа *пошел был, но...*). По всей видимости, именно с этих контекстов начинается по-

⁶ Аналогичные контексты «косвенной речи» с опущенным союзом встречаются в НЛ и в других случаях, ср., например: *Тое же зимы Генваря били челомъ царю и великому князю на Москвѣ Муралѣй-князь да Костровъ-князь да Амѣрдинъ-азій, а сказывають: имъ приказъ отъ Казаньскыя земли, а сами бити челомъ къ государю ѡхати не смѣють царя Шигалѣя, чтобы государь пожаловалъ, ѡ царя Шигалѣя свелъ съ Казани, а далъ бы имъ намѣстника боярина своего* (НЛ, 1552 г., 173—174 — местоимение *имъ* обозначает говорящих) — ср. более частотные в НЛ контексты «нормальной» косвенной речи с союзом: *А сказывалъ Непея, что ѡдучи въ Англинскую землю розбило ихъ корабли на морѣ* (НЛ, 1558 г., 285 — *ихъ* относится к субъекту речи) и др. Подобное колебание конструкций с изъяснительным союзом / без союза мы видели и в контекстах из включенных в летопись дипломатических посланий (см. выше).

В связи с этим возникает вопрос о различении «этикетного» 3-го лица дипломатической переписки и 3-го лица «косвенной речи» с эллипсисом союза, ср. с приведенными выше контекстами «посланий» сходные контексты с союзом и без союза: *...а съ ними вмѣстѣ послалъ князь великій къ Абдыль-Рахману царю въ Азъ-стороханъ своихъ казаковъ Таиша съ товарищи з грамотами, а писалъ князь великій въ грамотахъ: хочетъ съ ними имѣти крѣпкую дружбу* (НЛ, 1542 г., 143 — глагол в 3-м лице *хочетъ* относится к опущенному во второй части подлежащему, совпадающему с субъектом речи *писалъ*) — *...а съ нимъ вмѣстѣ послалъ князь великій къ царю въ Крымъ своего сына боярьскаго Феодора Ильина сына Челищева з грамотою, а писалъ въ грамотѣ, что хочетъ съ царемъ быти въ дружбѣ* (НЛ, 1543 г., 145) (ср. еще один вариант: *...а писалъ царь въ грамотахъ о братствѣ и о крѣпкой дружбѣ* (НЛ, 1542 г., 143)). Скорее всего, в подобных контекстах мы имеем изложение содержания, а не представление самого текста послания.

степенное превращение конструкций с «русским» плюсквамперфектом в устойчивую структуру, связанную с ограниченным кругом лексических единиц, — современную русскую конструкцию с *было*, характерную для говоров Центра и литературного языка.

Обратим при этом внимание на факультативность «русского» плюсквамперфекта по данным НЛ — точно такая же факультативность употребления *было* при личных глаголах отмечается и сейчас (ср.: *пошел было, но вернулся* = *пошел, но вернулся*, см. об этом [Князев 2007: 424]). В НЛ о факультативности употребления плюсквамперфекта (т. е. связки *был* при -л-форме) в соответствующих контекстах, во-первых, свидетельствуют имеющиеся разночтения по спискам, ср.:

Того же году в Ыюль побѣждалъ былъ въ Литву князь Никита княже Семеновъ сынъ Лобановъ-Ростовской, и поимали его въ Торопѣцѣ дѣти боярьскіе и привели къ царю и великому князю (НЛ, 1554 г., 237) — в списках О., Н., Б., Т. *былъ* нет;

А Мамичъ-Бердѣй сказывалъ: вѣзълъ былъ изъ Нагай царя, и царь имъ не учинилъ некоторые помочи, и онъ царя убилъ... (НЛ, 1556 г., 266) — в списке П. нет *былъ* и др.

С другой стороны, в контекстах с явно антирезультативным значением может во всех списках выступать -л-претерит, а не плюсквамперфект, ср., например, в «симметричных» конструкциях в пределах одного контекста — в первом случае «отмененность» результата действия обозначена плюсквамперфектом, во втором употребляется обычное -л-прошедшее:

А рубежи старые всѣ король велѣлъ очистити, въ которые ся были вступили люди его безъ его ведома; а которыхъ гостей задержалъ и иныхъ людей, тѣхъ всѣхъ со всѣми животы отпустилъ король (НЛ, 1557 г., 280).

Так же, как современная русская конструкция с *было*, «русский» плюсквамперфект в летописи XV—XVI вв. выступает как явно маркированное и не обязательное средство выражения антирезультативности.

Есть все основания предполагать, что наблюдаемая в НЛ картина употребления не книжного плюсквамперфекта отражает реальную ситуацию, характерную для говоров Центра XV—XVI вв. Приводимые исследователями примеры из московских документов этого времени показывают тоже только антирезультативные значения, ср.:

язъ велѣлъ былъ ихъ судити... а ноничя есми ихъ пожаловалъ (московская грамота 1455—1462 г., Акты Калач. I, 103);

мы поили были тѣхъ потесовъ класти, доколѣ грамоты не привезли (грамота 1504 г., Ак. Юр. 22, 35) [Соболевский 1907: 242—243];

ср. в духовной грамоте Ивана Грозного — изменение завещания:

А что был есьми благословил брата своего князь Юрья сверх его уделу городом Брянским и азъ тем городом Брянским благословляю сына же своего Ивана (ЗАРГ 1986, № 35) [Ремнева 2000: 197]

— ср. приведенный выше контекст НЛ об изменении воли Ивана III по определению наследника престола: *и язъ былъ своего сына перваго Ивана при себѣ же благословить великимъ княжствомъ...* (см. выше);

ср. контекст из Послания Ивана Грозного:

Тако же потом дядю нашего, князя Андрея Ивановича, изменники на насъ подъяша, и с теми изменники пошол былъ к Новгороду... и те в те поры от нас отступили (в других списках — *были отступили*) *и приложилися к дяде нашему ко князю Андрею... И тако божиею помощию тот совет не совершиися* (Первое послание Грозного Курбскому, 1-я ред., л. 312 об.) [Переписка...1993: 27]

— см. об этом контексте [Кузнецов 1953: 243; Шевелева 2007: 248—249] — и др.

По всей видимости, в диалектной зоне Центра «русский» плюсквамперфект уже сузил свои значения до антирезультативных и продолжает сужать условия употребления, развиваясь по пути превращения в современную русскую конструкцию «недействительного наклонения» [Шахматов 1941: 485] с частицей *было*. Однако процесс этот еще далек от завершения⁷.

Плюсквамперфект в северо-западных и юго-западных памятниках XV—XVI вв.

2. Описанная по данным НЛ и других московских памятников XV—XVI вв. картина употребления плюсквамперфекта была характерна не для всей восточнославянской территории этого времени.

2.1. Материал по употреблению плюсквамперфекта в северо-западной диалектной зоне дают псковские летописи XV—XVI вв.: Псковская 2-я летопись по Синодальному списку кон. XV в. (Пск. 2 лет.) и Псковская 3-я летопись по Строевскому списку втор. пол. XVI в. (Пск. 3 лет.) (исследованы по изд.: Пск. лет., 2, 1955). Употребление «русского» плюсквамперфекта в псковских летописях рассматривалось в работах [Шевелева 2006; 2007]. Сопоставим данные псковских летописей с описанными выше данными НЛ.

⁷ Что касается самого неизменяемого *было*, то замены на него согласуемых форм связи плюсквамперфекта встречаются только в поздних списках НЛ (XVII в.).

2.1.1. Книжный плюсквамперфект встречается в псковских летописях еще реже, чем в НЛ.

В Пск. 2 лет. в записях XV в. плюсквамперфекта нет совсем — только в начальной части XII—XIII вв. во вставных книжных текстах (рассказе «О князи Всеволоде», Житии Александра Невского).

В Пск. 3 лет. в записях XV в. встретилось 4 случая книжного плюсквамперфекта, в записях XVI в. — только 2 случая в одной и той же цитате из Апокалипсиса (под 1510 г. и под 1547 г.)⁸, в оригинальном тексте летописи за XVI в. этой формы нет.

Очевидно, менее книжный характер псковских летописей сравнительно с московской НЛ послужил причиной еще меньшей употребительности старого плюсквамперфекта.

В имеющихся в Пск. 3 лет. случаях использования плюсквамперфекта он выражает результативное значение, обозначая наличный на какой-то момент летописного времени результат более раннего действия (большинство примеров — от глаголов движения типа *пришелъ бѣ* ‘пришел к тому времени’ — в традиционно характерном в летописях для плюсквамперфекта контексте, см. выше 1.1.). Ср. о приходе войска великого князя на Псков:

И бѣ Пскову притужно от них исперва велми: начаша бо чинити над псковичи силно, а иное (с) собою всякую всячину у псковичъ грабити, бѣ бо с ними и Тотаръ тако же приехало много (Пск. 3 лет., 1473 г., л. 160 об.);

о приходе Витовта Литовского на Псков:

Прииде прежде к городу Опочке и лезше оусердно к городу велми, а опочяни с ними бишася искрѣпка, а богъ имъ Святыи Спасъ помагаше, а псковичи || пришли бяху 50 моужъ снастныхъ (Пск. 3 лет., 1426 г., л. 62—62 об.).

Интересно, что в последнем контексте книжный плюсквамперфект включен в не книжную конструкцию с уточняющим *а* (правда, здесь цепочечную, но в качестве последнего ее члена), которая сама в летописях XV—XVI вв. часто используется для обозначения возврата к предшествующим событиям (см. выше, 1.1.2.). Еще в одном примере такого типа из Пск. 3 лет. в соответствующей записи Пск. 2 лет. плюсквамперфекта нет, ср.:

Того же лѣта бысть моръ во Пскове..., а пришел бяше той моръ из Немець, из Юрьева (Пск. 3 лет., 1404 г., л. 46 об.)

— ср. в Пск. 2 лет.: ...*а прииол тот моръ изъ Юрьева от Немець* (1404 г., л. 180 об.).

⁸ Эта цитата приводится с небольшим варьированием, значение плюсквамперфекта — смешенно-перфектное — очевидно, не вполне ясно составителю летописи: *и яко же написано в Пакалипсеи, глава 54: пять бо царевь минуло, а шестой есть, но не оубо бе пришло* (в Арх. II списке — *бѣ пришел*, так же в Строев. списке под 1510 г.), *но се абие оуже настало и приде* (Пск. 3 лет., 1547 г., л. 211).

В большинстве случаев в подобных сообщениях о моровых поветриях, пожарах и других ситуациях, где в конце записи уточняется, как возникло или протекало только что описанное событие, в псковских летописях используется конструкция с союзом *а* и обычным *-л-*претеритом, ср., например:

...и тако милостию божиею преста моръ, а пришло от Немець изъ Юрьева (Пск. 2 лет., 1420 г., л. 188);

Тоя же зимы в великое говѣние, февраля 29, Котелно городке выгорѣль весь, а загорѣлося от церкви святого Николы (Пск. 2 лет., 1428 г., л. 193);

...всь Псковъ погорѣль в самъ Духовъ день при великого князя после Никит(ы) Неелова, как обѣдню поють, а загорѣлося от Оксентя Баибородѣ... (Пск. 3 лет., 1406 г., л. 48 об.) и др.

Единственный в Пск. 3 лет. контекст с книжным плюсквамперфектом не от глагола движения в Пск. 2 лет. тоже читается с *-л-*прошедшим:

...и ополчившеся псковичи поидоше (так!) за рѣку вслѣд их, и соугнаше (так!) ихъ за Камномъ на Лозоговиц//комъ поли, оже Нѣмци станы стоятъ...; но поганин бяхуть ополчилися, и оудариша на них псковичи (Пск. 3 лет., 1407 г., л. 52 об. — 53)

— перфектное значение ‘вооружились, приготовились к бою’ = ‘были вооружившимися, приготовившимися’, но в Пск. 2 лет.: *Нѣмци воскорѣ исполчиися*, л. 183 об.

Книжный плюсквамперфект в Пск. 3 лет. еще в большей степени перифериен, чем в НЛ, и, поскольку уточняющий ситуацию возврат к более ранним событиям в псковских летописях вполне регулярно выражается конструкцией с союзом *а*, плюсквамперфект может включаться в эту не книжную конструкцию (чего нет в НЛ): очевидно, именно синтаксическая структура здесь была для летописца главным средством выражения соответствующего значения.

В одном случае чтение Пск. 3 лет. дефектно — опущен плюсквамперфект, восстанавливаемый А. Н. Насоновым по Пск. 1 лет. (в квадратных скобках):

[А что бѣше отняли юриевцы] старинь псковскихъ много, и милостию святѣа Троица и молитвою благовѣрных князей, они поганин възвратисѣ<-ша> съ студом и срамомъ вся старины псковскыа ко Пскову (Пск. 3 лет., 1449 г., л. 84 об.) [Пск. лет., 2, 138]

— это единственный в псковских летописях случай антирезультативного значения книжного плюсквамперфекта (ср. ниже в сходных контекстах «русский» плюсквамперфект).

2.1.2. «Русский» плюсквамперфект в псковских летописях употребляется в антирезультативных значениях или (реже) в значении дистанцированного от настоящего прошедшего. В Пск. 2 лет. «русский» плюсквампер-

фект не зафиксирован, в Пск. 3 лет. этих случаев 8, из них в антирезультативных контекстах 6 случаев (3 в записях XV в. и 3 в поздних записях XVI в.).

Среди контекстов, в которых плюсквамперфект имеет антирезультативное значение, только в одном случае представлен глагол движения со значением прерванного действия — как мы помним, самая частотная конструкция с «русским» плюсквамперфектом в НЛ (см. выше, 1.2.), ср.:

А в Двине истопиша москвич много, а шли были за Двиною на добытокъ (Пск. 3 лет., 1518 г., л. 205)

— причем здесь употреблен не начинательный глагол движения с приставкой *по-* (типа *пошелъ быть, побѣжалъ быть, поѣхали были* и под., см. выше), характерный для НЛ, а бесприставочный, ср. так же в ранней СЛ:

шелъ еси быть на стрыа своего Михалка...да...Михалка бѣ поалъ (СЛ, 1177 г., л. 129 об.).

В прочих случаях плюсквамперфект представлен от разных глаголов, ср.:

А псковичи в тья часы почаша по Полоницю новоу стѣнку опять заробати... которая была в пожаръ выгорѣла (Пск. 3 лет, 1471 г., л. 140 об.)

— ср. в ранних летописях в сходном контексте: *Того^ж лѣ^т мѣ^а августѣ^с вѣновлена бы^с ѿр^{кы} стю^к бѣ^и Володимери каже бѣ вполѣла в великыи пожаръ* (СЛ, 1194 г., л. 139);

А что были полонили или кони или снасти, а то все вороначани отѣаша (Пск. 3 лет., 1408 г., л. 54 об.)

— ср. в СЛ с книжным плюсквамперфектом: *ѡ^а города впа^т иже блше^т ѡ^а него Всеволодъ ѡ^алѣ* (СЛ, 1146 г., л. 104 об.), ср. выше контекст из псковских летописей: *А что блше отняли юриевцы...* 1449 г. — и др.

Особо выделяется контекст с глаголом *жити*, подробно разобранный в [Шевелева 2006: 238—239]:

А от Полтеска князь велики пошол на другой недѣли великого поста к Москвѣ; а которыа были в городѣ жили люди Жидове, и князь велики велѣл их и с семьями в воду в речьюную вѣметати (Пск. 3 лет, 1563 г., л. 230 об.).

Если перед нами здесь действительно «русский» плюсквамперфект, а не удвоенная разговорная конструкция с полнозначным бытийным глаголом ‘имелись, находились’ (что вполне возможно, хотя кажется менее вероятным) [там же], плюсквамперфект в этом контексте имеет значение отмененной ситуации, а не результата — употребление, не зафиксированное в московской НЛ (ср. книжный плюсквамперфект в сходном употреблении в НЛ: *яко въ Дорогомиловской той церкви отъ древнихъ лѣтъ были бяху*

священныя ризы чудотворнаго святителя Леонтіа и отъ того времени не обрѣтошася 1522 г., 42 и др., см. выше 1.1.1.); о данном контексте в связи с реликтом *жили-были* см. также [Петрухин 2007: 277—278].

Как мы видим, употребление «русского» плюсquamперфекта в Пск. 3 лет. более свободно, чем в НЛ, и совсем не обнаруживает тенденции к фразеологизации каких-либо конструкций, отмечающейся в НЛ и, очевидно, характерной для Москвы.

Кроме того, в Пск. 3 лет. встретилось два случая употребления плюсquamперфекта в значении «отделенного» от настоящего прошедшего, не связанного с антирезультативностью:

...а вельяне вси здорови быша, ни одинъ не врежен, развеа были изыма-ли руками одного вельянина Клюса, инъ оу нихъ оубѣжалъ на Кобылы быстры (Пск. 3 лет, 1406 г., л. 49 об.);

Тоя же тамъ лѣта силно было в осень дожся сло(ило) много, ино хри-стиане по селомъ многи по всемъ волостем ржи не жяли (Пск. 3 лет., 1476 г., л. 167 об.)

— последний контекст допускает понимание *было* и как самостоятельного бытийного глагола со значением ‘было [так]’, но трактовка его как компонента не книжного плюсquamперфекта кажется очень вероятной (см. подробно об этих контекстах [Шевелева 2006: 236—237; 2007: 228—230]).

По всей видимости, здесь перед нами третье значение нового плюсquamперфекта, широко представленное у этой формы сейчас в архангельских и вологодских говорах (типа *Я была лошадей кормила*; *Все комсомольцы были разорили* арх. и под.) и известное в западнославянских языках, — «отделенное» от настоящего прошедшее, осложненное семантическим компонентом подчеркнутой реальности факта существования данного действия в прошлом, его эмфатическим выделением (см. [Шевелева 2007: 219, 228—232; 2008: 218—220]; о диалектных конструкциях см. [Пожарицкая 1996: 273]). В московских памятниках XV—XVI вв., как мы видели, таких употреблений нет. Однако обратим внимание, что оба примера указанного значения из Пск. 3 лет. относятся к XV в. — в поздних записях XVI в. (где, как и в НЛ, «русский» плюсquamперфект становится употребительнее, чем в записях XV в.) фиксируется только антирезультативное значение; возможно, в XVI в. оно, как и в Центре, стало доминировать.

Таким образом, по данным псковских летописей для северо-западной диалектной зоны XV—XVI вв. характерен более широкий круг значений и более свободное употребление «русского» плюсquamперфекта, чем для диалектной зоны Центра того же времени. Помимо антирезультативных значений, в рамках которых здесь не наблюдается приобретения какими-либо конструкциями в конкретном лексическом наполнении наиболее употребительного и устойчивого характера, в псковской зоне, по всей видимости, было представлено и значение «отделенного» от настоящего прошедшего, известное в северо-западных памятниках с XII в. (новгород-

ская берестяная грамота № 724, см. [Зализняк 2004: 176]) и до сих пор широко распространенное в северных говорах (см. подробнее [Шевелева 2007: 228—231]). При этом, в отличие от современных северных и северо-восточных говоров, результативного значения у «русского» плюсквамперфекта в северо-западных источниках не фиксируется — возможно, ранняя его утрата связана с развитием в этой зоне причастного перфекта (плюсквамперфекта) типа *(был) ушедши* — см. подробнее [Шевелева 2007: 225—226, 231—232; 2008: 219].

2.2. Коренным образом отличную как от московских, так и от северо-западных источников картину употребления «нового» плюсквамперфекта показывают памятники Юго-Западной Руси XV—XVI вв.

Материал двух западно- и юго-западнорусских памятников этого времени описан в дипломной работе Т. С. Жуковой [Жукова 2009]: это Пересопницкое Евангелие 1556—1561 гг., переведенное с ц.-слав. на украинскую «простую мову» (далее: ПЕ) [Житецкий 1876; Толстой 1988: 69], и переведенное с латинского или с польского не позднее 1460-х гг. на белорусский вариант «простой мовы» апокрифическое сочинение на основе Никодимова Евангелия «Страсти Христовы» по списку кон. XV в. (далее: СХ) [Карский 1897/1962: 277—279; Турилов 1998: 59—60]. Эти памятники дают обширный материал по употреблению «русского» плюсквамперфекта — исследуемая форма оказывается в них значительно употребительнее, чем в памятниках великорусских. Детальному анализу этого материала в сопоставлении с диалектными данными специально посвящена работа [Жукова, Шевелева (в печати)]. Рассмотрим, какова была общая ситуация с употреблением плюсквамперфекта в памятниках юго-западной (украинско-белорусской) диалектной зоны XV—XVI вв. по данным названных источников.

Приступая к представлению этих данных и сопоставлению их с описанными выше данными великорусских источников, мы отдаем себе отчет, что это тексты иного характера по содержанию и назначению, нежели исследованные выше русские летописи, к тому же переводные, — принятый нами принцип строгой сопоставимости материала летописных текстов ранних и поздних, с одной стороны, и разной диалектной локализации — с другой, в данном случае не выдерживается. Однако это тоже нарративные нецерковнославянские тексты, а языковая специфика западнорусской «простой (русской) мовы», совмещение в ней диалектных и литературных элементов [Толстой 1988: 59—71; Успенский 2002: 388—392] делает язык «простомовных» текстов в значительной степени сопоставимым с гибридным языком поздних русских летописей.

Особенно богатый материал по употреблению «нового» плюсквамперфекта дает ПЕ: по данным Т. С. Жуковой, здесь отмечено 87 случаев исследуемой формы, в СХ — 43 случая. Форм книжного плюсквамперфекта в этих памятниках нет совсем.

При этом в подавляющем большинстве случаев «русский» плюсquamперфект в ПЕ и СХ имеет результативное (смещенно-перфектное) значение, не фиксируемое в великорусских памятниках XV—XVI вв. ни центральной, ни северо-западной диалектных зон (см. выше), но представленное, хоть и немногочисленными примерами, в ранних летописях — КЛ и СЛ, см. [Шевелева 2007: 241—243 и др.; 2008]. В памятниках юго-западной и западной диалектных зон это исконное значение плюсquamперфекта у «новой» формы преобладает.

Плюсquamперфект с результативным значением здесь употребляется в разнообразных конструкциях — часто в придаточных определительных или причинных, но возможен и в независимом употреблении. Ср. в ПЕ:

были пакъ та^м и жены многы^н здалека смотрячи которыи были приишли з Галилеи за ісѡ^м послоугоуючи емоу (ПЕ, л. 120, Мт. 27, 55);
и сѣдѣли тамъ фарисее и законуу оучителие которыи жь то были приишли зо всѣхъ сѣлѣ мѣста галилеиского (ПЕ, л. 228 об., Лк. 5, 17, ср. в современном Синодальном переводе: «фарисеи и законоучители, пришедшие из всех мест Галилеи»);
воини же емше іса и вели его до Каияфы архіерея где жь то оучители и старшии зобрали^с || были (ПЕ, л. 113 об. — 114, Мт. 26, 57 — ср. современный перевод: «...отвели его к Каифе первосвященнику, куда собрались книжники и старейшины» = «были собравшиеся»);
и рекъ оученикѡ^м своимъ абы емоу лодю изъеднали для народа и^{жс} бы его не стискали бо много и^х былъ оуздоровилъ⁹ (ПЕ, л. 136, Мк. 3, 9—10: «...дабы не теснили Его. Ибо многих он исцелил...»);
или вси и наилися и зобрали впосли што было встало вкроуховъ дванадесять кошовъ (ПЕ, л. 254 об., Лк. 9, 17, ср. современный перевод: «И ели и насытились все, и оставшихся у них кусков набрано двенадцать коробов»);
и вбое ся были постарѣли въ днехъ своихъ (ПЕ, л. 204 об., Лк. 1, 7: «и оба состарились уже»);
а южь ся было темно оучинило бо іс еще к нимъ не пришоль быль а на мори ѿ велико^с || вѣтроу вѣлны были встали (ПЕ, л. 365 об., Ин. 6, 17: «уже стемнело, Иисус к ним еще не пришел (к этому времени), а на море от сильного ветра встали волны») и др. — ярких примеров здесь очень много [Жукова 2009].

Обратим внимание, что частые для плюсquamперфекта в ПЕ придаточные конструкции с относительным местоимением находят точное соответствие среди зафиксированных нами в древнерусских летописях редких случаев «нового» плюсquamперфекта с перфектным значением [Шевелева 2007: 241], ср.:

⁹ Причинный союз *бо* в диалектах Юго-Западной Руси был проклитикой, а не энклитикой, как великорусская частица *бо* с тем же значением [Зализняк 2008: 31].

И се слышавъ Всеволодъ не поустѣ снѣ своего Стѣслава ни моужѣи новгородскихъ уже то бы (в Х., П. списках был) привелъ к собѣ (КЛ, 1140 г., л. 114)

— ср. выше в примерах ПЕ:

которыи(то) были прииши, ср. также:...и всталъ тамъ едно ѿс и жена которую то были привели (ПЕ, л. 377, Ин. 8, 9).

Это соответствие еще раз подтверждает, что в приведенном контексте из КЛ с ошибочным чтением в Ипат. списке *бы* вместо *быль* мы имеем дело с «русским» плюсквамперфектом в результативном значении [Шевелева 2007: 241; 2008: 233—234] (против чего высказывались возражения в [Петрухин, Сичинава 2008: 234]). В юго-западной зоне это первичное значение «нового» плюсквамперфекта в XV—XVI вв., судя по всему, представлено очень широко.

Характерные соответствия находятся в ПЕ и для древнерусских летописных контекстов с «книжным» плюсквамперфектом в результативном значении, ср. приведенный контекст ПЕ из Лк. 9, 17: *...што было встало вкроуховъ дванадесѣть кошовъ*, л. 254 об.

— ср: *...и что баше бояръ всталоса оу него* (СЛ, 1177 г., л. 128 об.), см. [Шевелева 2007: 236].

При этом важно отметить, что столь широкое употребление «русского» плюсквамперфекта в перфектном значении в ПЕ не связано с влиянием книжного плюсквамперфекта в ц.-слав. тексте Евангелия — в большинстве таких случаев в ц.-слав. переводе соответствующий контекст читается не с плюсквамперфектом. Ср., например, соответствия приведенных чтений ПЕ в Острожской Библии 1581 г. (Остр. Библ.):

Бѣху же ту и жены многи издалече зраце, уже идоша по ѿсѣ ѿ Галилеа, служаще ему (Остр. Библ., л. 16 об., Мт. 27, 55 — ср. ПЕ: были прииши); Воини же емше ѿса, ведоша к Каіафѣ архіереови, идѣже книжницы и старци събрашася (Остр. Библ., л. 15 об., Мт. 26, 57 — ср. ПЕ: зобралися были);

и рече оученикомъ своимъ, да корабль будетъ оу него народа ради, да не стужаютъ ему. многы бо исцѣли (Остр. Библ., л. 18, Мк. 3, 9—10 — ср. ПЕ: быль оуздоровиль);

И идоша и насытишася вси и взяша избывшаа им оукрухы (Остр. Библ., л. 33, Л. 9, 17 — ср. ПЕ: што было встало вкроуховъ);

и оба заматорѣвша въ днѣхъ своихъ бѣста (Остр. Библ., л. 27, Л. 1, 7 — ср. ПЕ: были постарѣли) и др.

— ср. некоторые случаи с книжным плюсквамперфектом в ц.-слав. тексте:

и бѣху сѣдѣще фарисее и законооучителие, уже бѣху прииши ѿ всакия веси Галилеискія (Остр. Библ., л. 30, Л. 5, 17 — ср. ПЕ: были прииши);

ср. контекст, где одной из трех форм «нового» плюсквамперфекта ПЕ соответствует в Остр. Библии книжный плюсквамперфект, двум другим — аорист и причастие в составе Дат. самост.:

и тма абіе бысть, и не оу бѣ пришесть к нимъ іс. море же вѣтру велию дыхающе (Остр. Библия, л. 47, Ин. 6, 17 — ср. выше ПЕ: *было темно оучинило, еще к нимъ не пришло быль, волны были встали*).

Столь же широкое употребление «нового» плюсквамперфекта в результативном значении представлено в западнорусском СХ. Впервые некоторые примеры из этого памятника, наряду с примерами из Библии Скорины, привел А. И. Соболевский, отметив, что употребление новых форм плюсквамперфекта здесь «вполне правильное» [Соболевский 1907: 242], т. е. соответствует плюсквамперфектному (результативному) значению. Ср.:

И чоули есмо а҃н҃лы говорячо к жсона^м которыи приишли были до гробу і҃с҃ва (СХ, л. 34 об.);

...оуси стѣе а҃н҃елове соишлись были на погребеніе і҃а своего (СХ, л. 15);
да оуслышавши Геродѣ иже коро^а жидовскіи народи^а был оу Бетлемеѣ велѣлъ вси детки перебити (СХ, л. 21 об.);

да с преславного вбличья его оуже оуся краса сплыла была (СХ, л. 10 об.);
а оуже тогды ни вдное силы не имѣлъ оу своемъ прѣстома теле такъ стомился бы^а на молитве ажъ на нага^х стояти не могъ (СХ, л. 6 об.)
и др. [Жукова 2009].

Исследование употребления плюсквамперфекта в этом переводном памятнике еще требует выяснения соотношения с первоисточником в связи с вопросом о возможном польском влиянии, однако несомненное сходство этих контекстов с приведенными выше примерами из ПЕ, а также данными украинских говоров [Жукова, Шевелева (в печати)] позволяет предполагать связь такого употребления «нового» плюсквамперфекта с отражением западнорусской диалектной системы.

Случаи употребления плюсквамперфекта в антирезультативном значении в ПЕ и СХ немногочисленны; почти все они представлены в прямой речи. Ср., например:

а како живи есте, которые неколи оумерли были есте (СХ, л. 32 об.);
лѣтше веселье иже овцю которую есми был давно стратил нашол есми (СХ, л. 12 об.);

ср. в ПЕ:

радоуете съ мною // бо нашла есми драгму которую была есми згоубила (ПЕ, Лк. 15, 9 — ср. в Остр. Библии: *...ако обрѣтохъ драхму погнѣшную*, л. 37);

ср. в «Притче о блудном сыне» две формы плюсквамперфекта, одной из которых в ц.-слав. тексте соответствует книжный плюсквамперфект, дру-

гой — именная конструкция с прилагательным (см. об этом контексте в [Шевелева 2007: 217, 227]):

то^т то снѣ мои оумрѣ бы^л а зася естъ вѣжилъ загиноуѣ быль и вня^т ся нашоуѣ (ПЕ, Лк. 15, 24 — ср. в Остр. Библ.: *яко снѣ мой сей мртѣвъ бѣ и оживе. ѿ изгибѣ бѣ. и обрѣтеса*, л. 37 об.; так же в старейших старославянских списках Евангелия) — и некоторые др.

Помимо результативного и антирезультативного значений, в рассматриваемых западно- и югозападнорусских памятниках встречаются случаи употребления «нового» плюсквамперфекта в значении не связанного с настоящим прошедшего — в том значении, которое представлено в современных северо-восточных русских говорах и северо-западных памятниках XII—XV вв. (см. выше, 2.1.) и, по всей видимости, было известно и говорам Ростово-Суздальской земли, это значение отмечается в западнославянских языках и в украинских говорах, знающих новую форму плюсквамперфекта [Ногák 1964: 290, 294; Широкова 1961: 230; Толстая 2000: 137; Пожарицкая 1996: 292—293; Жукова 2009; Жукова, Шевелева (в печати)] см. об этом [Шевелева 2007: 228—231, 240—241, 247; 2008: 218—220, 239—248]. Отличие этого значения от обычного прошедшего действия (конкретно-событийного, «продвигающего» повествование, или общефактического) — в подчеркивании отсутствия связи с настоящим и, по всей видимости, в эмфатическом выделении данного действия, акцентировании реальности факта его существования (ср. по поводу рассматриваемого значения в севернорусских говорах: «...кажется, что таким способом актуализируется обозначение того действия, которое говорящему представляется главным» [Пожарицкая 1996: 273]). Ср. примеры из архангельских говоров типа: *Я тоже на Татьяну-ту ругалась была; В сороковом году покупал был платки ти; Он уехал, дак она взади поехала была* [Пожарицкая 1996: 273—275; см. Шевелева 2007: 228] — ср. контексты из ПЕ:

архїерее и законници были рассказали если бы кто видѣль его где будетъ иже бы повѣль абы его поимали (ПЕ, л. 399, Ин. 11, 57);
коли^{жс} млстивыи бо^с пришо^л бы^л до Ероусалима оушо^л оу до^м Симоно^с. а тамока вечера^л и съ апостольми своими... (СХ, л. 5 — далее описываются последующие события);
бы^л некоторыи коро^л Атоу^с имене^м которыи^{жс} некоторую девку имене^м Пила дочку некакого мелника телесне позналь бы^л да з нее сна выроди^л (СХ, л. 22об.).

В приведенных и некоторых подобных им примерах плюсквамперфект употреблен в аористном контексте как одно из звеньев в цепи событий в прошлом — использование здесь плюсквамперфекта, т. е. введение вспомогательного глагола *был*, очевидно, прежде всего подчеркивает данное действие, указывает, что оно было в не связанном с настоящим прошлом и что оно действительно было. Этот выделительный модальный компонент,

развившийся у «новой» формы плюсквамперфекта из подчеркнутого значения индикативности, выражаемой вспомогательным глаголом *был* при смысловом глаголе также в претеритной форме (возникает дублирование и тем самым акцентирование значения реальной отнесенности действия в прошлое) [Шевелева 2007: 219; 2008: 219], становится очень важным в данном значении плюсквамперфекта — об этом свидетельствуют как примеры из севернорусских и других славянских диалектов, так и из рассмотренных югозападнорусских памятников XV—XVI вв. Создается впечатление, что здесь этот выделительный компонент становится доминирующим в семантике формы и начинает просматриваться и в других значениях «нового» плюсквамперфекта, прежде всего в результативном (см. примеры выше). Именно с этим обстоятельством может быть связано столь широкое использование плюсквамперфекта в рассматриваемых памятниках.

Совершенно очевидно, что мы имеем дело с отражением системы, принципиально отличной от системы великорусских центральных говоров и даже от северо-западных псковских говоров (см. 1.2, 2.1). Рассмотренные данные памятников Юго-Западной Руси еще требуют тщательного сопоставления с показаниями украинских и белорусских, а также польских говоров, однако уже имеющиеся диалектные материалы показывают, что перед нами, по всей видимости, отражение югозападнорусской системы употребления «нового» плюсквамперфекта [Жукова, Шевелева (в печати)]. Система эта, как мы видим, уже в XV—XVI вв. коренным образом отличалась от системы говоров великорусского Центра.

Таким образом, уже к XV—XVI вв. история «новой» формы славянско-го плюсквамперфекта пошла в этих диалектных зонах разными путями. В центральных русских говорах побеждает антирезультативное значение, самое частотное еще в древнерусскую эпоху [Шевелева 2007: 243—246; 2008: 236]: к XV—XVI вв. оно здесь становится основным и фактически (видимо, за исключением реликтов типа *жили-были*) единственным значением плюсквамперфекта, при этом продолжается процесс сужения условий употребления формы и «привязывания» ее к определенным устойчивым типам контекста (прежде всего — прерванного действия типа *пошел был, но...*) (см. выше, 1). В северо-западных говорах еще сохраняется значение отделенного от настоящего прошедшего, в предшествующую эпоху (XII—XIV вв.), очевидно, свойственное всем северным русским говорам, включая ростово-суздальские [Шевелева 2007: 247].

В диалектах Юго-Западной Руси к XV—XVI вв. антирезультативное значение плюсквамперфекта находится на периферии. Наиболее употребительно здесь исконное результативное значение плюсквамперфекта. Пока нет определенных данных о более раннем состоянии той же системы¹⁰, но

¹⁰ Напомним, что отраженные в КЛ древнерусские говоры области Киева представляли в домонгольскую эпоху иную диалектную систему, нежели говоры югозападные (галицко-волынские), к которым восходят современные украинские [см.

наиболее вероятно, что перед нами сохранение первичного значения плюсквамперфекта в качестве основного. При этом и результативное значение, и значение не связанного с настоящим прошедшего, тоже представленное в этой диалектной зоне, явно осложнены здесь вторичным выделительным модальным компонентом, приобретающим, кажется, все бóльшую значимость в семантике формы.

Итоги

3. Исследованные памятники XV—XVI вв. показывают, что развитие формы нового славянского плюсквамперфекта на восточнославянской территории к этому времени шло в разных направлениях по диалектным зонам. Особенно четко оказываются противопоставлены зоны Центра и Юго-Запада. По поводу судьбы плюсквамперфекта в той части славянского ареала, где утратились аорист и имперфект, Ю. С. Маслов писал, что «новая» форма местами сохраняется как факультативное образование с пережиточной первичной функцией или «со вновь развившейся функцией эмфатического прошедшего, либо превращается в «недействительное наклонение» (рус. *пошел было, да вернулся*)» [Маслов 1978/2004: 63]. Эта характеристика оказывается замечательно точной и для восточнославянской территории: оба названных пути развития здесь представлены уже в XV—XVI вв., а различие их наметилось, конечно, значительно раньше, см. [Шевелева 2007].

При этом важно отметить, что ситуация, отражаемая югозападнорусскими памятниками и подтверждаемая данными украинских говоров, обнаруживает явное сходство с системой современных русских северо-восточных говоров (архангельских и вологодских), сохраняющих «русский» плюсквамперфект: та же представленность трех значений плюсквамперфекта при преобладании первичного перфектного и то же, что и в юго-западных источниках, развитие модальной выделительной функции прошедшего со вспомогательным глаголом *был*, ср. [Пожарицкая 1996; Шевелева 2007: 225—232].

Таким образом, на восточнославянской территории сходное развитие «нового» славянского плюсквамперфекта обнаруживается в не связанных друг с другом зонах северо-востока и юго-запада. Тот же путь характерен, по всей видимости, для части западославянских говоров (словацких, старочешских, части польских), см. [Hogák 1961; Маслов 1984/2004: 233—234 и др.] — в данном случае сходство с западноукраинской и белорусской зонами может быть ареальным. Говоры же великорусского Центра и южно-

Соболевский 1905/2006: 230—235 и др.]; древнекиевский же говор кон. XI—XII в. был говором великорусского типа и «приближался всего более к средневеликорусским говорам» [Там же: 232].

русские демонстрируют принципиально иной путь развития «нового» плюсквамперфекта, видимо, более инновационный по отношению к исходному праславянскому состоянию, нежели характерный для юго-запада и северо-востока, — сужение функций формы до антирезультативных и превращение ее впоследствии в устойчивую конструкцию с модально-временной частицей *было*. Возможно, это направление развития было связано изначально с южновеликорусской диалектной системой и ее влиянием на центральные говоры, поскольку говоры ростово-суздальского типа, северо-восточные по своей основе, в XII—XIII вв. знали, как можно предполагать, более широкий круг значений плюсквамперфекта и, очевидно, были близки к современным северо-восточным, см. [Шевелева 2007: 249] (ср. об аналогичных процессах на других уровнях: [Образование ... 1970; Горшкова, Хабургаев 1981: 114]; ср. данные южнорусских памятников XVI—XVII вв., где плюсквамперфект употребляется только в антирезультативных значениях: [Горшкова, Хабургаев 1981: 339—340]). Однако к XV—XVI вв. говор Москвы уже значительно отличался по употреблению плюсквамперфекта от северо-восточной системы — он представлял южно-русский путь развития и уже достаточно продвинулся по пути превращения плюсквамперфекта в конструкцию «недействительного наклонения» с частицей *было*.

Л и т е р а т у р а , и с т о ч н и к и

Гиппиус 2004 — А. А. Г и п п и у с. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к, А. А. Г и п п и у с. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004. С. 183—232.

Горшкова, Хабургаев 1981 — К. В. Г о р ш к о в а, Г. А. Х а б у р г а е в. Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Житецкий 1876 — П. И. Ж и т е ц к и й. Описание Пересопницкой рукописи XVI в. с приложением Евангелия от Луки, выдержек из других евангелистов и 4 страниц снимков. Киев, 1876.

Жукова 2009 — Т. С. Ж у к о в а. Плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV—XVI вв. в сопоставлении с данными современных украинских диалектов. Дипломная работа, 2009 (рукопись).

Жукова, Шевелева (в печати) — Т. С. Ж у к о в а, М. Н. Ш е в е л е в а. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV—XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // Вopr. русского языкознания. Вып. XI (в печати).

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. (Репринт: М., 1998.)

Карский 1897/1962 — Е. Ф. Карский. Западнорусский сборник XV в. Публичной библиотеки в С.-Петербурге. Q.1.391 // Е. Ф. Карский. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М., 1962. С. 263—315.

КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Кузнецов 1953 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка: Морфология. М., 1953.

Лихачев 1946/1986 — Д. С. Лихачев. Русский посольский обычай XI—XIII вв. // Д. С. Лихачев. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 140—153.

Маслов 1978/2004 — Ю. С. Маслов. Об основных понятиях аспектологии (Очерки по аспектологии) // Ю. С. Маслов. Избранные труды. М., 2004. С. 23—70.

Маслов 1984/2004 — Ю. С. Маслов. Структура повествовательного текста и типология претеритальных систем славянского глагола (Очерки по аспектологии) // Ю. С. Маслов. Избранные труды. М., 2004. С. 216—249.

Маслов 1987/2004 — Ю. С. Маслов. Перфектность // Ю. С. Маслов. Избранные труды. М., 2004. С. 426—444.

НЛ — Полное собрание русских летописей. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Т. XII. СПб., 1901; Т. XIII. СПб., 1904. (Репринт: М., 2000.)

Образование ... 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970.

Остр. Библ. — Острожская Библия 1581 года. Фототипическое переиздание текста с издания 1581 г. М.; Л., 1988.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования (Семантика вида и времени в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.

ПЕ — Пересопницкое Евангелие 1556—1561 гг. // Пересопницьке Евангеліє 1556—1561. Дослідження. Траслітерованій текст. Словопоказчик. Київ, 2001.

Переписка ... 1993 — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / Текст подгот. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыков. М., 1993.

Петрухин 2007 — П. В. Петрухин. *Жили-были*: вопрос закрыт? // Рус. яз. в науч. освещении. 2007. № 2 (14). С. 268—282.

Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193—214.

Петрухин, Сичинава 2008 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Рус. яз. в науч. освещении. 2008. № 1 (15). С. 224—258.

Пожарицкая 1996 — С. К. Пожарицкая. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах севернорусского наречия Архангельской области // Общеславянский лингвистический атлас: Мат-лы и исслед. 1991—1993 гг. М., 1996. С. 268—279.

Пск. лет., 2, 1955 — Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955.

Ремнева 2000 — М. Л. Ремнева. Функционирование форм плюсквамперфекта в языке древнерусских памятников // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова. Вопросы русского языкознания. Вып. VIII. 2000. С. 195—208.

Рус. разг. речь 1973 — Русская разговорная речь. М., 1973.

Сичинава 2009 — Д. В. С и ч и н а в а. Стремиться пресекать на корню: современная русская конструкция с *было* по данным Национального корпуса русского языка // Корпусные исследования по русской грамматике: Сборник статей. М., 2009. С. 362—397.

СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1—3. Л., 1926—1928. (Репринт: М., 1997.)

Соболевский 1905/2006 — А. И. С о б о л е в с к и й. Древнекиевский говор // А. И. С о б о л е в с к и й. Труды по истории русского языка. Т. 2. М., 2006. С. 226—235.

Соболевский 1907 — А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. М., 1907.

СХ — «Страсти Христовы» в западнорусском списке XV в. СПб., 1901.

Толстая 2000 — М. Н. Т о л с т а я. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998—1999 гг. М., 2000. С. 134—143.

Толстой 1988 — Н. И. Т о л с т о й. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII вв.) // Н. И. Т о л с т о й. История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 52—87.

Турилов 1998 — А. А. Т у р и л о в. Переводы с латинского и западнорусских языков, выполненные украинско-белорусскими книжниками в XV — начале XVI вв. // Культурные связи России и Польши XI—XX вв. Związki kulturalne między Polską a Rosją XI—XX w. М., 1988.

Успенский 2002 — Б. А. У с п е н с к и й. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Шахматов 1941 — А. А. Ш а х м а т о в. Синтаксис русского языка. Л., 1941.

Шевелева 2006 — М. Н. Ш е в е л е в а. Некнижные конструкции с формами глагола **быти** в псковских летописях // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 215—241.

Шевелева 2007 — М. Н. Ш е в е л е в а. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Рус. яз. в науч. освещении. 2007. № 2 (14). С. 214—252.

Шевелева 2008 — М. Н. Ш е в е л е в а. Еще раз о истории древнерусского плюсквамперфекта // Рус. яз. в науч. освещении. 2008. № 2 (16). С. 217—245.

Широкова 1961 — А. Г. Ш и р о к о в а. Чешский язык. М., 1961.

Horák 1964 — E. H o r á k. Predminulý čas v slovenčine // Slovenská reč. 1964. Roč. 29. Č. 5.

И. А. ПОДТЕРГЕРА, В. С. ТОМЕЛЛЕРИ

**CATHOLICUS:
СЪБОРНЫИ — КАΘΟΛΙΚΕΣΚΙ — ПРАВОСЛАВНЫИ
(ИЗ ИСТОРИИ ТЕРМИНА)
Часть I ***

Quae cum ita sint, neque in confusione paganorum
neque in purgamentis haereticorum neque in languore
schismaticorum neque in caecitate Iudaeorum quae-
renda religio est, sed apud eos solos, qui
Christiani catholici vel orthodoxi
nominantur, id est integritatis custo-
des et recta sectantes

(Aurelius Augustinus, *De vera religione* V, 9).

0. Вступительные замечания

Предлагаемые здесь размышления исходят из весьма существенного вопроса: что и сколько понимает современный исследователь при чтении древнего славянского сочинения?

Если такая всеобъемлющая — *кафолическая* — формулировка может показаться неприемлемой, мы готовы сузить вопрос: что и сколько понимаем мы — авторы этой работы — при чтении древнего славянского сочинения?

Когда речь идет о переводах, которые в литературной культуре древних славян имели первостепенное значение и составляли основную часть письменности, ситуация еще более осложняется. Здесь мы вынуждены различать и учитывать: (1) момент возникновения переводного текста; (2) момент его рецепции; (3) между этими двумя моментами мы констатируем, кроме того, промежуточное чтение и (4) — как правило, неоднократное —

* Инициатива настоящей работы принадлежит В. С. Томеллери, в апреле 2005 г. выступившему с докладом по указанной теме на «6-й Конференции по палеославистике» («6. Tagung für Alt-Slavistik») в Мюнстере. В. С. Томеллери сердечно благодарит проф. Кристиана Ханника (Бюрцбург), который в 2004 г. на международном симпозиуме во Фрайбурге задал вопрос о том, каким образом древнеславянский

переписывание этого текста, (5) его цитирование и (6) использование при создании новых его редакций или же (7) совершенно иных текстов и т. д. В таком случае наш исходный вопрос будет адресован уже не только современному исследователю, но и самому древнему переводчику, задачей которого было создать на другом языке текст, адекватный источнику, а также и переписчикам и редакторам, которые могли иметь свои представления об адекватности созданного некогда перевода: что и сколько понимали древние славянские книжники при чтении переводного сочинения?

Исследователи средневековой славянской письменности обычно уделяют особое внимание точному установлению источника перевода и тому, когда этот источник стал известным или доступным. Обращение к источнику становится зачастую важнейшим условием для изучения содержания переводного текста и его языковых особенностей. Это объясняется тем, что сам перевод, несмотря на его превосходные качества — или, наоборот, вопреки им, так как понятие ‘качества перевода’ в данном контексте имеет специфическое значение, — по причинам исторического и культурного характера довольно часто оказывается неудобопонятным современному читателю. Но не следует ли полагать, что в аналогичной ситуации могли находиться и книжники, переводившие древние сочинения или же редактировавшие или переписывавшие ранее изготовленные переводы?

Ведущим в современных историко-языковых исследованиях стал подход *ad fontem*, при котором перевод интерпретируется через призму своего источника. При этом переводные лексемы зачастую автоматически получают значения переводимых или характеризуются на их фоне как странные или даже ошибочные. В качестве серьезного подспорья для разрешения сомнений выступают сегодня двусторонние словари-индексы, которые описывают словарный состав исходящего текста параллельно исходному и тем самым позволяют систематически представить различные варианты перевода одного и того же слова.

Словари-индексы, безусловно, являются значительным вкладом в исследование развития и формирования славянской лексики и способствуют

переводчик справлялся с теологическими мотивами, содержащимися в латинском оригинале, т. е. как он понимал и, соответственно, передавал теологически значимые места. Не сумев тогда дать убедительный ответ на вопрос профессора Ханника, В. С. Томеллери позволит себе сейчас ответить встречным вопросом.

Исследование И. А. Подтергеры выполнено в рамках научного проекта, получившего финансовую поддержку Фонда Александра фон Гумбольдта (Alexander-von-Humboldt-Stiftung).

В предлагаемой публикации Раздел «0. Вступительные замечания» написан В. С. Томеллери с некоторыми дополнениями И. А. Подтергеры. Автор разделов 1, 2, 3 — И. А. Подтергера, ей же принадлежат все переводы в тексте исследования. Полный текст статьи обсуждался совместно.

За ценные советы и замечания авторы искренне признательны профессору Боннского университета Гельмуту Кайперту.

сравнительному изучению литератур и языков, а также облегчают подготовку дальнейших критических изданий. Подобного рода источниковедческо-текстологические работы, как и сам подход *ad fontem*, вне всяких сомнений, очень важны и даже необходимы для реконструкции истории возникновения текста и правильной интерпретации использованной в нем лексики. Но всегда ли они отражают, так сказать, действительный ход событий — распространение и восприятие текста? Какие — не всегда видимые — преграды возникают перед учеными и заставляют их искать обходные пути?

Одной из наиболее деликатных задач по ряду причин является интерпретация терминологии. Во-первых, потому, что, если тот или иной термин употребляется до сих пор, велик соблазн трактовать его на современный лад. Во-вторых, в связи с уже упомянутым фактом автоматического переноса значения исходной лексемы на исходящую: за переводным термином принято сохранять значение переводимого, в том числе при комментировании дальнейших списков или даже новых редакций перевода. Однако если исследователь-филолог имеет возможность проследить работу переводчика, держа под рукой текст источника, то нельзя забывать того, что древние книжники, и особенно переписчики, не всегда имели в своем распоряжении оригинал или даже вовсе не нуждались в нем. Переводной текст важен был для них просто как текст: граница между оригинальной и переводной литературой была для них несущественной [Буланин 1995: 18—19]. К вошедшим в употребление и ставшим традиционными и авторитетными сочинениям они обращались, как правило, пренебрегая проблемой их происхождения [Tomelleri 1998; Томеллери 2006: 248].

В свете всего вышесказанного имеют значение два вопроса: 1) как понималась и передавалась переводчиком терминология переводимого текста? 2) как та же самая терминология понималась и использовалась читателями и переписчиками?

Другими словами, речь идет о противопоставлении *перевод* : *передача текста*, что в итальянском языке выражается показательной игрой слов *traduzione* : *tradizione*. Естественно, что во втором случае, в отличие от первого, вопрос о самом оригинале и о трудностях в передаче определенных терминов или конструкций не стоял. Однако это совсем не исключает того, что по ошибке, недоразумению или же из принципиальной установки термин мог быть истолкован совершенно иначе по сравнению с тем, что подразумевал его создатель.

Предлагаемая работа продолжает ряд штудий, посвященных изучению терминологических вопросов в памятниках древней славянской переводной литературы. Объектом нашего рассмотрения будет рецепция прилагательного *καθολικός*, *-ή*, *-όν* / *catholicus*, *-a*, *-um* в церковнославянской книжности. Причем цель исследования состоит не в том, чтобы просто указать на славянские соответствия греческого термина (засвидетельствованные в словарях, эти соответствия не являются секретом), но попытаться показать

традицию в ее развитии, т. е. проследить, как изменялось восприятие и функционирование лексемы *καθολικός* на славянской почве.

Что касается методологии нашего исследования, то, с одной стороны, мы будем во многом следовать принципам лексических интерпретаций, выработанных в статьях Л. Садник [Sadnik 1962], Э. Вайера [Weiher 1964; 1972] и Э. Ханзака [Hansak 1977; 1979; 1981] — палеославистов, которым принадлежат интересные наблюдения над особенностями лексики славянских переводов в ее соотношении с греческим оригиналом и в том числе над особенностями славянских прочтений греческих философских и религиозных терминов. С другой стороны, интерес для нас представляют современные теоретические наработки в области семантики, лингвистики текста и лингвопрагматики (они будут названы в своем месте), с позиций которых мы в ряде случаев будем формулировать критерии наших интерпретаций.

Поскольку работа значительна по объему, сделаем несколько объяснительных замечаний относительно ее структуры.

Прежде всего отметим, что заявленная тема, конечно же, не является абсолютно новой. Существует ряд обстоятельных исследований, в которых анализируется функционирование лексемы *καθολικός / catholicus* в греческой и латинской христианской литературе. В этой связи наша цель состоит в том, чтобы, с одной стороны, познакомить русскоязычного читателя с информацией о дославянской истории термина *καθολικός*, а с другой — включить исследуемую нами славянскую проблему в общеевропейский контекст. В раннехристианской литературе, как греческой, так и латинской, были выработаны те готовые формулы, которые перейдут затем в славянскую письменность. Какой набор значений лексемы *καθολικός* в IX в. находился в распоряжении славянского книжника, постигающего азы христианского учения? Как употреблялось это слово в дальнейшем, в ситуации конфликта восточной и западной церквей, активным участником которого была также славянская сторона? Принимая во внимание эти и подобные им вопросы, мы нашли целесообразным предварить славянскую часть работы экскурсом, в котором будет предложен обзор интерпретаций лексемы *καθολικός* в христианской письменности.

Собственно славянская часть делится на несколько самостоятельных разделов, которые будут опубликованы как отдельные работы. Настоящая статья представляет собой введение в проблему: мы хотим показать, на что, как нам думается, следует обращать особое внимание при попытках дать интерпретацию терминологическим употреблением в переводных славянских сочинениях, и предложить критерии такой интерпретации. Кроме указанного выше экскурса (п. 1), цель которого — не только дать обзор, но и наметить проблему, данная статья будет включать еще две части, в которых будут разрешаться следующие задачи:

— п. 2: Восприятие термина *καθολικός / catholicus* в славянской письменности уже попадало в поле зрения исследователей. Поэтому прежде

всего следует в самых общих чертах обрисовать круг тех представлений, которыми мы на сегодняшний день располагаем, объяснить, в чем, на наш взгляд, заключается их несостоятельность и на примере конкретного памятника, а именно «Ефремовской кормчей», описать принципы, которыми мы будем руководствоваться, предлагая ту или иную интерпретацию;

— п. 3: Далее мы обратимся к «Богословию» Иоанна Дамаскина. Особенный интерес этот текст представляет по двум причинам. Во-первых, за девять веков церковнославянской письменности он переводился несколько раз. Тем самым мы сможем навести мосты между древнейшей традицией и традицией последующей. Во-вторых, он переводился в разных славянских переводческих школах, однако большинство из сохранившихся его списков — восточнославянского происхождения или же южнославянские, но при этом попавшие в руки восточнославянских книжников. Какое значение имеет это обстоятельство для лексических интерпретаций?

1. Экскурс

1.1. Контекст христианской письменности

История функционирования лексемы *καθολικός* / *catholicus* в христианской письменности не однажды оказывалась в центре внимания исследователей. Значительный интерес в этой связи представляет, например, труд В. Байнерта, который теологическую часть своей работы предварил подробным обзором употребления данной лексемы в античной и христианской литературе [Beinert 1964: 23—180; здесь же указаны работы, оставшиеся нам недоступными; ср. также библиографию в: Sieben 1980: 112, 249—250]. Следует назвать и статью Х. Леклерка в изданном им совместно с Ф. Кабролем «Словаре христианской археологии и литургики» [Leclercq 1910: 2624—2639], а также исследование Х. Янсена [Janssen 1938: 13—24]: в этих работах рассматривается история терминологического выражения *catholica ecclesia* в латинской и греческой письменной традиции. М. Шезан [Şesan 1951] подходит к тому же вопросу, так сказать, с противоположной стороны: он анализирует употребление термина *orthodoxus* в западной и византийской культуре. Кроме того, следует отметить, что спектр значений искомого слова достаточно обстоятельно представлен в европейских словарях [Kirchenlexikon: I, 65, 403—404, 556, 1329—1344; II, 1296—1299; IV, 942, 1356; VII, 348—349, 507—509; VIII, 1049, 1796; IX, 179; XII, 131; ThGL: IV, 794—795; ThLL: III, 614—618; Trésor: V, 309—310; DicML: I, 301—302; OxfEngDic: II, 987—990; LatBoh: I, 591—593; Słownik: X, 172—176]. Значительным подспорьем сегодня являются также доступные через интернет электронные тезаурусы греческого и латинского языков. Мы не используем их в данной статье, поскольку с точки зрения латинской и греческой традиции материал достаточно глубоко исследован.

Чтобы не пересказывать ту или иную из перечисленных работ, систематизируем весь представленный в них материал, рассмотрев его под другим углом зрения, а именно — сделав акцент, главным образом, на лексикографическую традицию. Мы не добавим тем самым ничего особенно нового к хорошо известным в западно-

европейской филологии фактам, но, несколько пополнив их, избежим повторения и простого пересказа.

Лексема *καθολικός* стала термином уже в античную эпоху¹. В составе устойчивых словосочетаний она употреблялась в трудах Аристотеля (*De plant.*, I, II, с. XI: *καθολικός λόγος*), Полибия (*Plb.*, VII, IV, 11: *καθολική ιστορία*; *Plb.*, VI, V, 3: *διὰ τῆς καθολικῆς ἐμφάσεως*), Филона (*Vita Moysi*, III, XXXII: *καθολικώτερον νόμον*; *Contr. Flacc.*, XXXI: *τῆς καθολικωτέρας πολιτείας*), Дионисия Галикарнасского (*Comp.* V, LXVIII, 6: *καθολικὴν περιλήψιν*), Эпиктета (II, XX, 2: *καθολικὸν ἀληθές*) и др.² С принятием христианства число подобных формул возросло: *ἡ καθολικὴ ἀνάστασις*, *ἡ καθολικὴ σωτηρία*, *καθολικὰ πνεύματα*, *catholica et summa bonitas* и т. д.³ Почти все они сохранились в употреблении до сегодняшних дней. Разница только в том, что, как заметил Х. Леклерк [Leclercq 1910: 2625], то, что когда-то называлось, например, «*histoire catholique*», «*vérité catholique*» или «*résurrection catholique*», теперь известно как «*histoire générale*», «*vérité générale*» или «*résurrection générale*» — соответственно, в русском языке *всеобщая история*, *всеобщая истина* или *всеобщее воскресение*.

Греческий термин, завоевавший прочные позиции в языке науки, удостоился особого внимания со стороны представителей римской культуры: он был заимствован латинской письменностью — чуждое слово требовало разъяснений. Этим термином пользовался, например, Плиний Старший⁴: описывая в 1-й книге «Естественной истории» содержание всего своего грандиозного труда, два раздела 2-й книги он обозначил как «*catholica siderum errantium*» и «*catholica fulgurum*» (*Plin. nat.* I, 2, 15; I, 2, 55). Квинтилиан заявлял, что имеет обыкновение не придерживаться «*praeccepta quae καθολικὰ vocant, id est (ut dicamus quomodo possumus) universalialia vel perpetualia*» — «принципов, которые называют *καθολικά*, т. е. (насколько мы можем сказать это на нашем языке) универсалий, или всеобщих правил»; 2, 13, 14. Весьма к месту греческий термин пришелся и в латинской грамматической теории поздней античности: он употреблялся в том же самом значении, что и у Квинтилиана, т. е. «общее / всеобщее правило / (-ий принцип)»⁵. Так, припи-

¹ Первое терминологическое употребление слова *καθολικός* связывают сегодня с именем Гиппократ (Hr., *Int.* 26: *καθολικός ὕδρος*) [Bauer: 772].

² Все цитаты по [Leclercq 1910: 2624; Liddell / Scott: 855]. См. также: [ThGL: IV, 794; Sophocles: 613; Bauer: 772; Grivec 1957: 16; Beinert 1964: 24—28; Engmann 1978: 17—23].

³ См. многочисленные примеры в [Gesner: I, 799; ThLL: III, 614—618; ThGL: IV, 794—795; Leclercq 1910: 2625; Bauer: 772; Beinert 1964: 28—31; Lampe: 690; DicML: I, 301—302; MLW: II, 379—381].

⁴ Как известно, Цицерон, часто приводящий в своих письмах греческие цитаты, одно из писем Аттику украсил выражением *καθολικὸν θεώρημα* (*Cic.*, *Att.* XIV, 20, 3).

⁵ М. Геснер, приведя в своем словаре пример из Аврелия Цельсия, передал этот термин как *universalis*, в смысле *универсалия* [Gesner: I, 799]: «*Igitur non febricitare furiosos percunctatum non est sive universale, quod Graeci καθολικὸν vocant, sed est discrepatione partile*» — «Итак, утверждение, что те, которые неистовствуют, не в лихорадке, не есть всеобщая, или универсальная, истина (то, что греки называют *καθολικόν*), а частный случай из-за своеобразия их натуры» (*Cael. Aurel. acut.* I, 5, 46). Комментарий М. Геснера: «*Percunctatum nomen fictum videtur ad exprimendum verbotenus τὸ καθολικόν*» — «*Percunctatum* — это, очевидно, выдуманное слово для красноречивой передачи *τὸ καθολικόν*»; (греческие акценты в цитатах

сываемый Марку Валерию Пробу грамматический труд называется «De catholicis», «Об общих принципах», имеется в виду то, что свойственно именам и глаголам: «Quoniam instituta artium sufficienter tractavimus, nunc de catholicis nominum verborumque rationibus doceamus» — «Так как мы достаточно разобрали основоположения наук, теперь покажем общие категории имен и глаголов» [Keil: *Prob. Cath. gramm.* IV, 3, 1—3]. Великий Лонг в трактате «Об орфографии» («De orthographia») сетовал на то, что у грамматиков нет четкого общего правила, которым они бы определяли, когда следует отмечать на письме придыхание согласного, а когда нет («non enim firmum est catholicum grammaticorum, quo censent aspirationem consonanti non esse iungendam» [Keil: *Vel. gramm.* VII, 69, 14—16])⁶.

С распространением христианства светское слово нашло широкое применение в религиозной сфере: уже во II в. н. э. оно стало употребляться как постоянный атрибут церкви⁷. Почему церковь принято называть кафолической, объяснил Августин⁸. Он сделал это в духе той традиции, в которой был воспитан [AugLex: 815—819], т. е. вывел смысл слова из его этимологии: «καθ' ὅλον, secundum totum; unde (sc. ecclesia) Catholica nomen accepit» или «Hinc enim (sc. ecclesia) et graeco vocabulo Catholica nominatur. Quod enim graece καθολικόν dicitur, latine totum vel universum interpretatur» — «καθ' ὅλον — ‘по отношению к целому’, поэтому (церковь) и получила имя кафолической»; «Оттого ведь (церковь) и называется греческим словом ‘кафолическая’. Ведь то, что по-гречески называется καθολικόν, по-латински переводится как *все, целое* или *универсальное, всеобщее*» (Aug. c. *Petil.* II, 38, 91; c. *Gauden.* II, 2 [AugLex: 815—819]).

Словосочетание καθολικὴ ἐκκλησία / *ecclesia catholica* в смысле универсальной, всеобщей церкви, будучи религиозно-политическим концептом [Leclercq 1910: 2627], со II в. н. э. стало устойчивым в сочинениях христианских авторов⁹. Языческий научный термин стал, таким образом, термином христианской религии, фактически не изменив своего исходного значения. Однако в дальнейшем его семантическое поле все больше и больше разрасталось, пополняясь новыми смыслами или оттенками одного и того же смысла, которые со временем оформлялись в отдельное слово с новым значением. Кафолическая церковь значит всеобщая цер-

сохранены как у М. Геснера). Э. Форчеллини связал такое словоупотребление с грамматической традицией [Forcellini: 556]: «apud Grammaticos est canon seu regula universalis» — «у грамматиков это слово обозначает норму, или всеобщее правило». Греческое словоупотребление в том же значении см. в [Bauer: 772].

⁶ См. также примеры в [ThLL: III, 614, 617; Anglada 1964: 253—258; Beinert 1964: 26—27; OxfEngDic: II, 987].

⁷ Древнейшим примером такого употребления считается датируемое 112 г. послание Игнатия Антиохийского верующим Смирны: «Ὁπου ἂν φαίνη ὁ ἐπίσκοπος, ἐκεῖ τὸ πλῆθος ἔστω ὡσπερ ὅπου ἂν ᾖ ὁ Χριστὸς Ἰησοῦς, ἐκεῖ ἡ καθολικὴ ἐκκλησία. «Да пребывает там, где епископ, и толпа верующих, равно как где Христос, там всегда и кафолическая церковь»; цит. по [Leclercq 1910: 2624]; см. также [Kirchenlexikon: VII, 508; Lods 1971: 224—232; Stockmeier 1973: 64].

⁸ До Августина этот термин употреблялся Тертуллианом и особенно часто Киприаном [Janssen 1938: 13—24]. Ср. также примеры в [Gesner: I, 799].

⁹ Ср. количество примеров в [Sophocles: 613; ThGL: IV, 795; ThLL: III, 614—615; Bauer: 772; Lampe: 690; DicML: I, 301; OxfEngDic: II, 988; LatBoh: I, 592—593].

ковь. Всеобщая церковь — это церковь христианская¹⁰. Христианская церковь — это единственная церковь¹¹ и единственно правильная церковь. То есть это — правоверная церковь. Ортодоксальность воспринималась как добродетель истинного католика¹². Выражение *ортодоксальная церковь* в христианской греческой и латинской письменности выполняло функцию либо абсолютного синонима, либо уточнения выражения *каѳолическая церковь*. Точно так же употреблялись сочетания *каѳолическая / всеобщая / правая вера, каѳолическое / всеобщее / истинное христианское учение* и т. д.¹³ Этот спектр значений станет особенно актуальным в борьбе против еретиков начиная с III в. н. э.: отдельным, разбросанным по разным концам Земли сектам будет противопоставляться единая церковь, распространенная повсюду, а значит, вселенская церковь¹⁴, везде насаждающая единое, правое учение.

¹⁰ Ср.: «christianus mihi nomen est, catholicus vero cognomen» — «имя мне — христианин, католик же — прозвище»; (*Pacian. ep.* [ThLL: III, 616]); «catholici, veri videlicet christiani» — «католики, разумеется, истинные христиане»; (*Caes. Heist. hom. exc. 210* [MLW: II, 381]).

¹¹ Характерен пример из «Мученичества Пиония» («Martyrium Pionii», 250 г.): «Quis vocaris? Pionius ait: Christianus. Polemon: Cujus ecclesiae? Pionius ait: Catholicae, nulla enim alia est apud Christum» — «Как тебя зовут? Пионий отвечает: Христианин. Полемон: Какой церкви? Пионий отвечает: Каѳолической, другой никакой нет под Христом»; цит. по: [Leclercq 1910: 2628]. Ср. в греческой и церковнославянской традиции: Πολέμων εἶπεν· «Χριστιανὸς εἶμι». Πιόνιος εἶπεν· «Ναί». Πολέμων ... εἶπεν· «Ποίας ἐκκλησίας;». Απεκρίνατο· «Τῆς καθολικῆς, οὐτε γάρ ἐστιν ἄλλη παρὰ τῷ Χριστῷ» — полемонъ рече христѣианъ ѿи· пионіи рече· ѿи· полемонъ рече коѳа црѣкѣе· дѣлаѣшѣа сѣборѣнѣи не бо ѣстъ ѿна дѣла хрѣста· [Супрасьльски 1982: 132, 5—8].

¹² Ср.: «non enim sine causa catholici orthodoxi nominati sunt: catholicon graece, latine rectum est» — «ведь не без причины католики названы православными: греческое *католический* по-латински значит *правый*» (*Aug. serm. coll. Morin p. 477, 5* [ThLL: IX, 1058]); «catholica orthodoxorum ecclesia» — «католическая церковь православных (христиан)»; (*Conc.^s I, 5* [ThLL: IX, 1059]); τοῦ καθολικοῦ καὶ ἀποστολικοῦ δόγματος τῆς ἡμετέρας ὀρθοδόξου πίστεως — «католического и апостольского учения нашей православной веры»; (*Thds. Imp. ep. Diosc. 2* [Lampe: 971]).

¹³ Многочисленные примеры подобного словоупотребления, в том числе с синонимическим уравниванием обоих терминов, представлены в: [Gesner: I, 799; III, 1058—1059; ThGL: V, 2174; ThLL: III, 614—617; IX, 1058; Wartburg: II/1, 510; Trésor: V, 310; Lampe: 690, 971—972; DicML: I, 301—302; VIII, 2059; LatPol: II, 253; LatBoh: I, 592—593; OxfEngDic: II, 988; MLW: II, 379—381; Blaise: 139]. Ср., например, равноправные члены в однородном ряду: «contra catholicam fidem et orthodoxam religionem» — «против католической веры и православной религии»; (*Liber diurn. 73 p. 73, 15*); «convenientibus ad... consilium... catholicis et orthodoxis doctoribus» — «собравшимся на... совет... католическим и православным ученым»; (*Vita Sev. Col. 2*); обе цитаты по [MLW: III, 379].

¹⁴ Здесь уместно привести еще одно толкование Августина: церковь называется католической, потому что она «per totum orbem terrarum diffunditur» — «разливается по всей вселенной» (*Aug. epist. 52, 1*). Эта трактовка — одно из *loci communes* всей христианской литературы (и не Августин первый, кто употребил ее). Ее парафразирует, например, Кирилл Иерусалимский, сочинения которого будут переводиться древними славянскими книжниками: Καθολικὴ καλεῖται διὰ τὸ κατὰ πάσης εἶναι τῆς οἰκουμένης ἀπὸ περάτων γῆς ἕως περάτων (*Cyrill. Hieros. catech. 18, 23*; цит. по [Leclercq 1910: 2627]) — каѳоликии нарицається наизже по всей вселенѣи ѣсть отъ конца земли и до конца ея (цит. по [Гезен 1884: 93]). Аналогичные

Гарантом и «крепким фундаментом целостности кафолическо-патристической церкви», а также «существенным средством поддержания конфессионального единства» — «une base solide pour l'unité de l'Eglise catholique-patristique», «un moyen susceptible de maintenir l'unité confessionnelle» — на многие века станет именно идея ортодоксии, которая свяжет православных патриархов Востока с православными понтификами Рима («*orthodoxis pontificibus* de Rome»; все цит. по [Sesan 1951: 177])¹⁵. Иоанн Дамаскин третью часть своего «Источника знаний» (Πηγὴ γνώσεως), снижавшего авторитет как на Западе, так и на Востоке, посвятит разъяснению истинного христианского учения во всей его полноте (Ἐκδοσις ἀκριβὴς τῆς ὀρθοδόξου πίστεως / «Доскональное изложение православной (чит.: истинной) веры»)¹⁶.

Как своего рода собрание готовых формул раннехристианской эпохи и важнейших *loci communes* в интерпретации термина *καθολικός* / *catholicus* можно привести «Этимологии, или Начала» Исидора Севильского (VII в.) — 20-томную энциклопедию («*Etymologiarum, sive Originum libri XX*»), оказавшуюся средоточием всего предшествующего научного опыта, будь то техника, военное дело или гуманитарное знание, и неисчерпаемым источником сведений и цитат для последующих поколений. Лексему *catholicus* Исидор затрагивает четыре раза. Он приводит ее тра-

примеры: «*catholica totius orbis terrarum ecclesia*» — «католическая вселенская церковь» (*Dipl. Heinr. II. 64 p. 7922* [MLW: II, 379]); «*credite ecclesiam catholicam hoc est universalem in universo mundo*» — «верьте в церковь католическую, т. е. универсальную в универсуме» (*Expos. fid. Caspari Anecd. p. 285, 23* [ThLL: III, 615]); «...καὶ πάσης τῆς κατὰ τὴν οἰκουμένην καθολικῆς ἐκκλησίας» / «*totiusque per orbem terrarum catholicae Ecclesiae*» — «и всей вселенской католической церкви» (*Mart. Polyc., VIII, 1*; цит. по [Leclercq 1910: 2626]); Ἰησοῦν Χριστόν... ποιμένα τῆς κατὰ τὴν οἰκουμένην καθολικῆς ἐκκλησίας / «*Jesu Christo... pastori catholicae in toto orbe Ecclesiae*» — «Иисуса Христа,... пастыря вселенской католической церкви» (*Mart. Polyc., XIX, 2*; цит. по [Leclercq 1910: 2626]). В сущности, здесь мы снова имеем дело с воспроизведением одного из античных значений слова *catholicus* (как субстантивированного прилагательного ср. р. мн. ч.) — «вселенная». Асклепию приписывалось следующее высказывание: «*caelestes di catholicorum dominantur, terreni incolunt singula*» — «небесные боги владеют вселенной, земные населяют отдельные уголки ее» (*Ps.-Apul. As. 39, 2*). Интересно то, что в дальнейшем в средневековой письменности слово *catholica* / *καθολική* как субстантивированное прилагательное ж. р. ед. ч. будет употребляться для обозначения кафолической, всеобщей церкви как здания, в котором собираются все христиане [Rottmann 1900: 4—5; Leclercq 1910: 2629—2633; ThLL: III, 617; MLW: II, 381; LatBoh: I, 592].

¹⁵ В качестве точной даты, когда *католическая вера* стала определяться как *православная*, Х. Леклерк предлагает 380 г.: «(les) empereurs orthodoxes ...tendent à faire décidément du titre de catholique l'équivalent du brevet d'orthodoxie. En 380, Théodose le Grand définit la foi chrétienne "foi catholique" et décerne à ceux qui la pratiquent le nom de "chrétiens catholiques"» — «правоверные императоры... были определенно склонны делать из титула «католический» патент на ортодоксию. В 380 году Феодосий Великий определяет христианскую веру как «веру католическую» и присуждает тем, кто ее исповедует, имя «христианских католиков»» [Leclercq 1910: 2629]. Папа Онорий в 633 г. в письме к константинопольскому патриарху Сергию употребляет ставшее устойчивым выражение «православной верой и католическим единством» — «*fide orthodoxa et unitate catholica*» [Sesan 1951: 176].

¹⁶ М. Шезан заметил по этому поводу: «Désormais, tous les chrétiens peuvent se renseigner sur l'Orthodoxie de l'Eglise» — «Отныне все христиане смогут узнать, что такое церковное православие» [Sesan 1951: 177].

диционное значение: «katholicus, universalis: Graecum enim est» — «католический значит универсальный, ведь это греческое слово» [Isidorus: X, 153]. Но еще до того он обращается к ней, рассуждая, кто такой истинный христианин — это тот, кто подкрепляет христианскую, всеобщую (catholicam), веру правыми (orthodoxis) делами, потому что:

Catholicus universalis sive generalis interpretatur. Nam Graeci universale καθολικόν vocant. Orthodoxus est recte credens, et ut credit [recte] vivens. Ὁρθῶς enim Graece recte dicitur, δόξα gloria est: hoc est vir rectae gloriae. Quo nomine non potest vocari, qui aliter vivit quam credit. — Католический означает универсальный, или всеобщий. Ведь греки универсальное называют καθολικόν. Православный — это право верующий и живущий так же право, как верит. Потому что ὀρθῶς по-гречески значит ‘правильно’, а δόξα — ‘вера’, то есть он муж правой веры. Этим именем не может обозначаться тот, кто живет не так, как верит» [Isidorus: VII, 14, 4—5].

Кроме того, Исидор приводит два устойчивых словосочетания: *кафолическая церковь* и *кафолические послания*. Атрибут *кафолическая* по отношению к церкви он объясняет, цитируя Августина:

Catholica, universalis, ἀπὸ τοῦ καθ' ὅλον, id est secundum totum. Non enim sicut conventicula haereticorum, in aliquibus regionum partibus coartatur, sed per totum terrarum orbem dilatata diffunditur. — Католическая, вселенская / всеобщая, от καθ' ὅλον, т. е. ‘касающаяся целого’. Ибо она не сужается, подобно небольшим собраниям еретиков, до некоторых частей света, а по всей вселенной распростершись разливается [Isidorus: VIII, 1, 1—2].

Кафолические послания тоже всеобщие¹⁷:

Petrus scripsit duas nominis sui Epistolas, quae Catholicae ideo nominantur, quia non uni tantum populo vel civitati, sed universis gentibus generaliter scriptae sunt. — Петр написал от своего имени два послания, которые потому называются католическими, что написаны не для одного народа или общества, а вообще для всех народов на земле [Isidorus: VI, 2, 46].

Именно такой круг представлений о слове *καθολικός / catholicus*, причем, как правило, в одних и тех же формулировках, сохранит почти вся лексикографическая традиция до XVI в. Отступления и дополнения будут незначительны.

Латинские, греко-латинские, латино-греческие глоссарии раннехристианской эпохи в качестве синонимичных выражений кроме *universalis* и *rectus* называют также *iustus* (‘справедливый / законный’ [CGL: II, 335; IV, 213, 407; VI, 190])¹⁸. Лексикон Суды, одна из крупнейших византийских энциклопедий, сформировавшаяся в начале XI в. и благодаря выборочным переводам из нее Максима Грека

¹⁷ Bauer [772] датирует первое употребление этого словосочетания в литературе примерно 197 г. н. э. См. также [Kelly 1971: 9—21]. Примеры, в ряде случаев с толкованием см. в [ThGL: IV, 794; Sophocles: 613; ThLL: III, 616; Trésor: V, 310; Lampe: 690; LatBoh: I, 592—593; OxfEngDic: II, 988]. Иные интерпретации выражения *кафолические послания* будут приведены ниже (см. п. 3.4).

¹⁸ Глоссарии фиксируют также употребление субстантивированного прилагательного *catholica* в значении *universalis*, т. е. либо ‘вселенная’, либо ‘всеобщее правило’ [CGL: IV, 213].

ставшая частично известной также на славянской почве, интересующей нас лексема отводит весьма скромное место, ограничившись лишь упоминанием ее в форме наречия — *καθολικῶς* и *καθόλου* (в некоторых списках как прилагательного — *καθολικός*) [Suidas II/1, 26]¹⁹. Вокабуляр Папия, составленный примерно в середине XI в. (около 1050 г.) [Konstanciak 1988: 263—264; Krömer 1990: 1714—1715], дает общую дефиницию — «*catholica graece universalis vel generalis*» — и в качестве объясняющего синонима для *catholicus* называет также *rectus* [Papias: 29]. Еще одно соответствие этого прилагательного — *orthodoxus*²⁰: «*Orthodoxus rite catholicus homo dicitur, fide rectus et uita probabilis, qui graece uir rectae gloriae et sententiae dicit(ur)*» — «Словом *православный* по обыкновению называют католика, правого верой и достойного одобрения своим образом жизни, по-гречески он зовется муж правотверный и правомыслящий» [Papias: 100 21].

Религиозное словоупотребление переплеталось со светским. Идея всеобщности, а также традиция использования научного, в том числе грамматического термина дали повод называть всеобщие словари *католиконами* (сегодня это так называемые универсальные словари). Первым к этой идее пришел Джованни Бальби, который в 1286 г. закончил свой лексикографический труд под названием «*Summa, quae vocatur Catholicon*» [Balbus], получивший в дальнейшем широчайшее распространение [CathAng: X, Wheatley в Предисловии; Lagadeuc: IX—XI; DicML: I, 301; OxfEngDic: II, 990]. Он сохранился в многочисленных рукописных копиях, а в 1460 г. вышел из типографии Иоанна Гутенберга [Konstanciak 1988: 260—261; Bray: 1788—1789; Powitz 2005: 113—133]²¹. Название, с одной стороны, подчеркивает католическую, т. е. универсальную предназначенность словаря, обращенного ко всем и касающегося всех областей знания²². (Бальби сам объяснил это в Предисловии: «*liber iste vocetur (sic!) Catholicon, eo quod sit communis et universal(is). Valet siquidem ad om(nes) ferme scientias*» — «книга эта называется “Католикон”, потому что она всеобщая и универсальная, ибо годится почти для всех наук» [Balbus: Л. 1]). С другой стороны, название раскрывает компилятивный, так сказать, собирательный характер словаря («*n(ost)rum Catholicon ex multis et diuersis*

¹⁹ Латинский комментарий издателя: *generaliter* — ‘вообще, в целом’ [Suidas: II/1, 26]. Далее в материалах словаря искомая лексема встречается в статье о Николае Дамаскине, в уже знакомом словосочетании со значением ‘всеобщий’: *Νικόλαος Δαμασκηνός... ἔγραψεν Ἱστορίαν καθολικὴν ἐν βιβλίοις ὀγδοήκοντα* — «Николай Дамаскин... написал Всеобщую историю в 80 книгах» [Suidas: II/1, 986].

²⁰ Приводя далее цитаты из инкунабул, в угловые скобки мы помещаем части слов, переданные лигатурами или отсутствующие в тексте, но восстановленные нами; курсивом пишем отдельные выносные буквы; *v* в позиции перед согласным передаем как *u*; знаки препинания, для того чтобы облегчить понимание текста, расставлены нами; *s* вместо *t* в позиции перед переднеязычными, а также *e* вместо диграфа *ae* сохраняем без изменений.

²¹ Он был хорошо известен западным славянам. Польский источник 1506 г. сообщает: «*lego catholiconem*» — «читаю “Католикон”» (*AkapSqđ III* [LatPol: II, 253], там же другие примеры; см. также [LatBoh: I, 592]).

²² Это также одна из раннехристианских традиций переноса значения: Беда и Иероним называли Библию, предназначенную для всех христиан, *католическими книгами* (ср. *католические послания*) [MLW: II, 380]. *Католическими* назывались также псалмы [OxfEngDic: II, 988]. Хотя прилагательное *католический* в данном случае могло иметь и другое значение, а именно — ‘канонический’ (см. ниже: Примеч. 24).

docto(rum) texturis elaboratum atque contextum» — «наш “Католикон” из материалов многих и различных ученых выработан и соткан» [Balbus: Л. 312]), что также становится очевидным из его статей: Бальби не стеснялся делать ссылки на своих предшественников, пример тому — дефиниция лемм *catholicon / catholicus* и *orthodoxus*:

⟨C⟩atholicon interp(re)tatur uniu(er)sale v(el) commune. Unde catholicus, -ca, -cum, -i. Uniu(er)salis, ut fides catholica, s(ecundu)m Hug(utionem). Secundum uero Pap(iam), catholicus — rectus. Catholicon eciam d(icitu)r iste liber, sicut dixi in princi(pio) [Balbus Л. 104]. *Католикон* толкуется как универсальное или всеобщее. Откуда *католический*, -ая, -ое, -ие. Универсальный — это как вера католическая, согласно Гуго. По Папию же, католический — это правый. *Католиконом* также называется сия книга, как я сказал вначале.

⟨O⟩rt(h)odoxus a doxa, q(uo)d est gloria, et orthos rectus di(citur). H(oc) orthodoxus... uir recte glorie, sc(ilicet) recte credens ⟨...⟩; und(e) h(oc) orthodoxa... femina recte glorie et h(oc) orthodoxia... recta gloria... s(ecundum) Hug(utionem) ⟨...⟩ [Balbus Л. 256]. Ортодоксальный — от *doxa*, т. е. ‘вера’, и *orthos*, что значит ‘правый’. Выражение *ортодоксальный* значит муж правой веры, то есть верующий право ⟨далее дословная цитата из Исидора⟩; а выражение *ортодоксальная* — жена правоверная, а также *ортодоксия* — правоверие..., согласно Гуго».

Универсальными, всеобъемлющими словарями стали *Catholicon Anglicum* (англо-латинский словарь 1483 г. [CathAng]) и изданный в Женеве в 1487 г. *Catholicum Parvum*. Очень популярным был *Le Catholicon* Жана Лагадека, бретонско-латинско-французский словарь, первое печатное издание которого датируется 1499 г. В 1506 г. в Париже увидел свет *Catholicum Abbreviatum*²³.

Сема всеобщности, универсальности на все времена определит восприятие слова *καθολικός / catholicus*, в каком бы контексте оно не употреблялось. Словарь Амвросия Калепина (1502 г.), уже к концу XVI в. ставший одиннадцатязычным, отразит соответствия этого слова в других языках: «Catholicus, *καθολικός*, Gall. Universel. Ital. Catholico, universale. Germ. Allgemein. Hisp. Universal. Pol. Powszechnij, obecniј... Angl. Generall, universall», — и объяснит его значение, подтвердив его этимологией: «universalis, quasi circa omnia versetur, fit enim ex *κατὰ*: id est, circa, et *ὅλον* totum» [Calepinus: 211]: «толкуется как универсальный, так сказать, имеющий отношение ко всему, ибо происходит из *κατὰ*, то есть *относительно* и *ὅλον* — *все, целое*». В качестве примера, кроме цитаты из Квинтилиана, Калепин зафиксировал новое словоупотребление — *catholicon* в смысле ‘универсальное лекарство’²⁴.

²³ Традиция называть словари *католиконами* сохранится вплоть до конца XVIII в.: так, например, в 1771—1779 гг. в Гамбурге выйдет универсальный французско-немецкий словарь *Catholicon ou dictionnaire universel de la langue françoise* Иоанна Шмидлина.

²⁴ О традиции этого значения см. в [Huguet: II, 126; Wartburg: II/1, 510; Trésor: V, 310; LatBoh: I, 592—593; DicML: I, 301; OxfEngDic: II, 987, 990; MLW: II, 380]. В этой связи любопытно заметить, что католиконом иногда называли также Библию, и не в смысле книги, предназначенной всем христианам (ср. выше: Примеч. 22), а в том смысле, что она — универсальное лекарство, излечивающее любой порок. В XVIII в. англичане стали называть католиконом, т. е. панацеей от всех бед, хорошую жену, см. оба примера в [OxfEngDic: II, 989—990].

Калепина повторит Этьен (1531 г.), но лишь в первой части своей словарной статьи. Далее он объяснит, что значит католическая, т. е. универсальная церковь. Его объяснение заслуживает упоминания, потому что оно показательно в контексте церковного конфликта XVI в., в рамках которого в том числе решался вопрос о том, какая церковь имеет право называть себя *католической* (ср. ниже: п. 3.2). Католическая церковь, по Этьену, это та церковь, которая открывает свои двери не двум или трем верующим, а «universorum electorum Dei numerus in Christo unitus, et coadunatus per fidei vinculum in unam coeat societatem, atque in unum Dei populum, cujus Christus dux sit et princeps» [Estienne: I, 456]: «множество избранных Божиих, объединенных во Христе и связанных узами веры, спланивает в единое общество и в единый народ Божий, предводитель и глава которого — Христос»²⁵.

Значительный интерес представляют греческий (1688 г.) и латинский (1677 г.) словари дю Канжа [du Cange / гр.; / лат.], который был первым из лексикографов, отразившим почти полный спектр значений лексемы *catholicus* в период Средневековья и Возрождения. Он отмечает, что выражение *кафолическая церковь* употреблялось и в более узких значениях. Во-первых, в смысле епархиальная, кафедральная церковь, кафедральный собор (*ecclesia cathedralis, episcopalis*), в котором собирались все верующие и духовенство (особенно это касается соборов в больших столичных городах). В качестве дополнительного уточнения к этому словосочетанию добавлялось также прилагательное *magna / μεγάλη*, чтобы подчеркнуть отличие епархиальной церкви от церкви отдельного прихода. Тем более что — и это во-вторых — кафолической называлась также приходская церковь (*ecclesia parochialis*) — в отличие от маленьких местных часовен, оба значения в [du Cange / лат.: III, 224; / гр.: I, 537]²⁶.

В качестве значений субстантивированного прилагательного *catholicus* дю Канж называет: 1) «Christianus, vir probatae fidei, integer vitae» — «христианин, муж испытанной веры и непорочный в жизни»; 2) «Rectus, aequus, qui fidem datam servat» — «правый, беспристрастный, который хранит данную веру» [du Cange / лат.: II, 229].

В качестве устойчивого он называет словосочетание *καθολικαὶ ἐπιστολαί*, объясняя, почему послания называются кафолическими: «quod non ad certas personas, aut Urbes, aut Provincias scriptae sint, sed pleraque ad Gentes integras, et ad universam Ecclesiam Dei — «потому что они написаны не для конкретных лиц, городов или провинций, а для в большинстве своем нравственно чистого рода человеческого и всемирной церкви Божией» [du Cange / гр.: I, 538].

Значительное место в обоих словарях отводится употреблению данного прилагательного при обозначении титулов и должностей [du Cange / лат.: II, 228—229,

²⁵ Еще один пример определения *кафолической церкви* в XVI в. — дефиниция польского протестанта Мончинского (1564 г.): «Catholica ecclesia, id est, omnium temporum incipiendo, a primo homine Adam usque ad nouissimum in qua includuntur omnes fideles, tam Patrum, Patriarcharum, Judaeorum et Christianorum» [Mączyński: 81]: «Католическая церковь — это та, которая от начала всех времен, от первочеловека Адама и вплоть до только что родившегося, заключает в себе всех верных: Отцов Церкви, патриархов, иудеев и христиан».

²⁶ В этих значениях словосочетание *кафолическая церковь* употреблялось также со II в. н. э. См. примеры в [Sophocles: 613; Leclercq 1910: 2629—2639; ThLL: III, 615; Lampe: 690—691; Gräzität: IV, 729]. Такое словоупотребление было распространено и в христианском Египте [Crum 1905: 172].

319; / гр.: I, 538—539]²⁷. Во-первых, это «Primas, qui inter Episcopos» — «главный среди епископов», митрополит, католикос — в армянской, эфиопской, албанской и других церквях. Причина такого переноса значения в том, что ему подчиняются тысячи епископов («mille Episcoporum sub se habentem») ²⁸. Во-вторых, это обозначение звания и должности консуляра (наместника), особенно распространенное в Африке («Dignitas et magistratus, in Africa praesertim»). В-третьих, это титул французских и испанских королей. Причем как почетный титул это прилагательное могло употребляться в форме превосходной степени в значении, равном *christianissimus* — «христианнейший». В-четвертых, это обозначение должности бухгалтера («rationalis») ²⁹. В-пятых, полководец («dux, corporum praefectus»).

Наконец, дю Канж фиксирует еще одно значение, которое к его времени с исторической точки зрения стало отражением реальности, однако в письменности еще не заняло своих окончательных позиций и продолжало употребляться наряду с первоначальным значением: католиками он называет приверженцев римской христианской церкви («Romani... qui alias Christiani, vel etiam Catholici» [du Cange/лат.: II, 228; VI, 210]).

От первых веков существования христианства и вплоть до сегодняшних дней сохранилось выражение *καθολικὴ ἐκκλησία / ecclesia catholica*. Но сохранение в языке того или иного выражения неравнозначно сохранению его понятийного содержания. За одной и той же формулой через десять, а тем более пятнадцать веков будут стоять совершенно иные представления, она будет означать иное понятие. 'Католическая церковь' Калепина, Этьена, а тем более дю Канжа в перспективе исторического развития перестанет быть 'кафолической церковью' Августина, Кирилла Иерусалимского или Исидора. Несмотря на то, что формально выражение сохранит то же самое значение — 'всеобщая, вселенская, универсальная церковь', за ним будет крыться иная религиозно-политическая ситуация, предполагающая иные ассоциации: в силу исторических причин место церкви, воплощающей идею всеобщности, универсальности, займет церковь папы римского.

Какое значение имел весь этот описанный контекст для церковнославянской книжной традиции?

1.2. К постановке проблемы

Выработанные греко-латинской христианской литературой представления о всеобщей, истинной, правой христианской вере и распространяющей ее учение

²⁷ Ср. также [Sophocles: 613; ThGL: IV, 795; LatBoh: I, 592; Trésor: V, 310; Lampe: 691; Gräzität: IV, 729].

²⁸ Эти церкви считались еретическими (несториане, монофизиты и т. д.). Ф. А. Курганов [ПБЭ: IX, 219], профессор Казанской духовной академии, в 1908 г. объяснит перенос значения в данном случае тем, что сохранением для главы церкви титула *католикос* подчеркивалось, что в этих церквях сохранились «цѣлость учения вѣры, его чистота и неповрежденность... почему ихъ учение вѣры яко бы должно имѣть вселенское значеніе».

²⁹ Это употребление было также зафиксировано глоссариями [CGIBil: 95]; ср. подобный пример в [CGL: II, 335]. Предполагается, что в этом значении слово *καθολικός* стало употребляться со времен Диоклетиана [Mason 1974: 58; CGIBil: 98]. В греческой традиции параллельно *καθολικός* в том же значении употреблялось *λογόδετης* [Sophocles: 613].

церкви перешли в славянскую книжность. Миссия Кирилла и Мефодия состояла в том, чтобы разъяснить «ны *⟨славянам⟩* въ свои языкъ истую вѣроу христѣанскоую» [Лавров 1930: 26]. В Житиях первоучителей распространение христианства пропагандируется в формулах уже знакомой топики: власть Христа, а значит христианская вера, простирается «втъ краи земля до конца вьселенныа», «христѣанско... царство... Христовымъ именемъ нарицаемо», христианская вера «то есть истиннаа вѣра» [Там же: 18, 24]. Семилетний Константин-Кирилл, согласно житию, пишет похвалу Григорию Богослову, уста которого «всю вьселеную просвѣщають правыа вѣры наказаніемъ» [Там же: 3]. Св. Мефодий обращает в христианство, т. е. во всеобщую, католическую веру («*convertit ad fidem catholicam*»), как сообщает Моравская легенда; цит. по [Jagić 1900: I, 40]), чешского князя Боривоя, который становится первым католическим, т. е. христианским правителем Чехии («*Borziwoy, primus dux catholicus Boemie*»; *Henr Heimb.* 307 [LatBoh: I, 592]). Одновременно папа Иоанн VIII, используя топос церкви, распространенной по всей земле (т. е. вселенской церкви), требовал от славянского первоучителя от-правлять службу «не на том *⟨славянском⟩* языке, а на латинском или на греческом, как церковь Божия, по всей вселенной распростертая и во всех народах распространенная служит» (ср.: «*ne in ea lingua sacra missarum sollempnia celebrares, sed vel in latina vel in graeca, sicut ecclesia Dei toto terrarum orbe diffusa et in omnibus gentibus dilatata cantat*»; цит. по [Jagić 1900: I, 30, 32]). Неподчинение Мефодия его противниками со стороны папы римского расценивалось как отступничество от истинной веры, от ортодоксии католической церкви [Jagić 1900: I, 30, 43—44].

Распространение христианства в славянских землях, по сути воплощающее идею кафоличности христианской церкви, расширяющей свои границы, обострило вопрос борьбы за распространение идеологического влияния. На языковом уровне важно то, что церковные иерархи двух христианских империй боролись друг против друга, опираясь на одну и ту же *argumentorum sedem*. В этом смысле ситуация очень метко описана М. Шезаном [Şesan 1951: 177—178]. «Наследник православных понтификов» папа Николай I («*successeur des orthodoxis pontificibus*»), обвиняя патриарха Фотия в осуждении «вселенских защитников православной веры» («*les défenseurs oecuméniques de l'orthodoxae fidei*»), взывал «ко всем православным католической церкви и к православным почитателям вселенской веры» («*ad omnes orthodoxos ecclesiae catholicae et ad universis orthodoxos fidei cultor(es)*»³⁰). Патриарх Фотий в ответ «апеллировал к истинным источникам православной веры, учрежденной Отцами Церкви» («*en faisant appel aux vrais τῆς ὀρθοδόξης πίττης, établis par les Pères de l'Eglise*»).

Религиозно-политический конфликт достиг пика своего развития в то время, когда молодое славянское христианство активно усваивало наследие отцов церкви, проповедовавших идею единой, кафолической веры. К 1054 г., когда кардинал Гумберт написал последний акт драмы под названием «Разделение церквей» («*L'acte final de ce drame*»; [Şesan 1951: 178]), в славянских землях был создан канонический корпус переводов, который на семь дальнейших веков развития церковнославянской письменности определил славянские представления о христиан-

³⁰ Ср. подобную формулу в церковнославянском переводе: «*всѣмъ редовникомъ, толи католическимъ и апольскимъ вѣри чыстителемъ*» (*CanMis 166aa 21*) [SJS: I, 47] или в ВМЧ [Апрель 1—8, Стлб. 266]: «*всѣ вѣрный ѿ питанико правовѣрныхъ ѿ апольскыа цркви*» («правоверная» здесь соответствует «*catholica*»!).

ской вере. Последние, в свою очередь, получили развитие в новом религиозно-политическом контексте.

В этом и заключается пикантность ситуации принятия славянами христианства: эта ситуация развивается в историческом контексте, который в филологическом плане приведет к переосмыслению известных топосов, т. е. к наполнению старых устойчивых формул новым содержанием. Однако именно это обстоятельство требует от исследователя быть предельно внимательным и не переносить современные термины на средневековую ситуацию, потому что атрибуты *католический* и *православный* долгое время продолжали употребляться как апелативы в составе сочетаний, обозначающих родовые понятия. Переосмысление понятий, результатом которого стало сужение значения, хронологически наступило значительно позже, причем оно не было сиюминутным и повсеместным. Окончательная спецификация значения, когда нарицательное понятие *καθολικὴ ἐκκλησία / ecclesia catholica* в смысле ‘всеобщей христианской церкви’ обернулось именем собственным *Католическая Церковь*, как мы это выражение понимаем сегодня, произошла в еще более позднее время. Славянский материал предоставляет убедительные аргументы в пользу этого тезиса.

В конце XVII в. в Москве с польского языка (как сообщается в предисловии, по переводу Петра Скарги) на церковнославянский были переведены «Церковные истории» Цезаря Барония. Перед московским переводчиком предстали почти все случаи словоупотребления лексемы *καθολικός / catholicus*, обозначенные в нашем обзоре. Вот некоторые из них (РГАДА, ф. 381, № 341, л. 58—58^v):

Каѳолическое / ѿма ѿ Хрѣтіа: / Нарѣцѣса ѿ каѳоликами, ради рѣзистѣа ѿ ѣрети-
ковъ (испр.: ѣретикѣвъ) ѣще во вѣмѣ // апѣловъ (испр.: апѣловъ), ѿже такъ црѣвъ
бѣѣи / ѿ свое ѣмѣлѣ нарекѣша, сѣ ѣсть каѳолическѣи. У томѣ сѣе глаголетъ
паѣѣна: ѿма ѿмаѣ Хрѣтіаннѣ, Прѣва/ѿѣже каѳоликѣ, ѡно ѿменѣтъ мѣ. а сѣе / пока-
зѣтъ. Толкѣѣѣи же сѣе ѿма каѳоли / ѣтъ вездѣ ѣдино, ѿнѣ [поѣмѣнѣѣи мѣѣѣи/шнѣѣ:]
Каѳоликѣ нарицѣса послѣшѣи / ко всемѣ, ѿ такъ ктѣ каѳоликѣ, тоѣ ѿ послѣшѣѣи,
Ктѣ послѣшѣѣи, тоѣ ѣсть / ѿ Хрѣтіаннѣ, ѿ такъ каѳоликѣ ѣтъ хрѣ/стіаннѣ (испр.:
хрѣ/стіаннѣ). То дрѣвнѣи сѣи ѿѣчѣлъ. Да по/знѣѣмѣ, какъ ѿмаѣ бѣѣи вѣрнѣи / Хрѣтіаннѣи
ѿ каѳоликами: ѿкъ соѣдѣнѣѣѣмѣ ѿ послѣшѣѣѣмѣ к сѣѣѣи црѣкѣ, / ѿ къ началѣиѣмѣ (испр.:
началѣиѣмѣ) наѣшѣмѣ (испр.: наѣшѣмѣ), тогѣ (испр.: тогѣ) ѿмени / спѣдѣѣѣѣмѣ.

Теологически значимые для сегодняшнего читателя места московского переводчика, как видим, не смущают.

Показательна также цитата из западнославянского контекста середины XVII в.: поляки, считая представителей русской церкви отступившими от христианства схизматиками, утверждали: «Ducem Moschoviae hic et nunc impossibile ad fidem catholicam inducere» — «Великого князя Московского здесь и теперь невозможно ввести в каѳолическую (‘всеобщую’) веру»; 1656 г.; цит. по [Torke 1996: 119].

В конце XVIII в. Петр Алексеев в составленном им «Церковном словаре» [II, 174—175] (первое издание выходило с 1773 по 1779 г.) дает следующую дефиницию:

каѳолическѣи, соборнын или вселенскѣи, на примѣръ *церковь Каѳолическая* потому называется, что во всемъ мѣрѣ всякаго рода Хрѣстіанѣи ѡбѣ-
млетъ, и не зависѣтъ ѿѣ единаго мѣста особенно, какъ бы оно славно ни
было. *Каѳоликѣ* рѣчь Греч. переводѣтъ *соборнын*, вселенскѣи, на пр. *во еди-
ну святую соборную* (Каѳолическую) *и Апостольскую церковь*.

В русской языковой истории лексема *καθολικός* / *catholicus* сохранит свое этимологическое значение вплоть до первой половины XIX в. [Plank 1960: 30—31]³¹. В современном же русском языке есть два совершенно разных слова: *католический*, т. е. принадлежащий к западной, римской церкви, и *кафолический*, которое «Толковый словарь русского языка» объясняет как *вселенский*, с пометой «эпитет православной церкви» [Ушаков: I, 519]. Ни один исследователь сегодня не сомневается в том, что, называя свой трактат «Венец веры кафолической», Симеон Полоцкий подразумевал православную веру. Мы в этом тоже не хотим сомневаться. Вопрос только в том, что в данном случае следует понимать под *православной верой*. Итак, как же воспринималась лексема *καθολικός* / *catholicus* в церковнославянской книжности, прежде чем она стала ярким примером лексической дивергенции в русском языке?

2. Славянские интерпретации

2.1. Предыстория вопроса

Первая попытка проанализировать восприятие на славянской почве прилагательного *καθολικός* принадлежит Августу Гезену [1884: 90—102]. Реконструируя первоначальные редакции древнейших славянских переводов Символа веры, он задался вопросом о переводе — или же заимствовании — славянскими первоапостолами используемой в Символе греческой религиозной терминологии и ее дальнейшей интерпретации в письменной традиции, в том числе восточных славян. При этом отдельную главу исследователь посвятил лексеме *καθολικός*.

В качестве своего предшественника в этой области А. Гезен назвал Ф. Миклошича, который в посвященном славянской христианской терминологии исследовании [Miklosich 1876] прокомментировал выражение *ἐκκλησία καθολική* и перечислил некоторые его соответствия в славянских и балтийских языках³². Этой работе предшествовали два крупных лексикографических труда Ф. Миклошича: «Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti, 1850 г.) и особенно «Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum», 1862—1865 (далее: Miklosich), в котором церковнославянские лексемы подавались параллельно с греческими и латинскими. Последний служил ориентиром для штудий А. Гезена. На первый, славянский словарь опирался

³¹ В диссертации Б. Планка [Plank 1960] содержится ряд интересных и безусловно заслуживающих внимания интерпретаций, однако все они касаются XIX в., что выходит за хронологические рамки нашего исследования, поэтому мы ограничиваемся лишь данным указанием на эту работу и не обращаемся к ней в дальнейшем.

³² Ср.: «Vom zweiten Jahrhunderte an wurde die rechtgläubige Kirche zum Unterschiede von jeder Gemeinschaft von Haeretikern *ἐκκλησία καθολική* ecclesia universalis genannt. a s l. katolikij, katoličъskъ. n s l. katoličanski, katoljški, občinski. k r o a t. katoličanski aliti občinski. s e r b. občinski. r u s s. katoličeskij. l i t. katolikkas. l e t t. katolis Katholik» [Miklosich 1876: 11].

А. Х. Востоков, работая над собственным словарем церковнославянского языка (1861 г.). Именно со ссылкой на Ф. Миклошича он привел некоторые из славянских соответствий интересующего нас греческого слова [Востоков: VI, 389]. Труд А. Х. Востокова был также известен А. Гезену [1884: 100]. Кроме того, А. Гезен, как он сам сообщает [1884: 95], пользовался черновиками И. И. Срезневского, который начиная с 40-х гг. XIX в. и до своей смерти в 1880 г. собирал «Материалы к словарю древнерусского языка». Для исследуемой нами лексемы он значительно расширил число примеров, но остался в рамках указанных Ф. Миклошичем словоупотреблений.

Опираясь на своих предшественников, А. Гезен [1884] обсудил употребление лексемы *καθολικός* в выражениях *кафолические послания* и *кафолическая церковь*. Причем целью ученого XIX в. было о ц е н и т ь правильность / неправильность перевода / заимствования данного слова славянскими книжниками.

В случае с первым выражением он обратился к четырем соответствиям: *католичьскѣи*, *католикѣи* / *ка-ѡ-ликиѣи*, *ѡбыциѣи*³³, *съборьныи*³⁴, — обратив внимание на то, что в древнейших переводах лексема заимствуется, а в более поздних переводится (90—91).

Выражение *кафолическая церковь* А. Гезен рассмотрел в двух значениях.

Во-первых, как «здание или храмъ, куда собираются вѣрующіе христіане для богослуженія», т. е. приходская или кафедральная церковь (91). Он снова акцентировал внимание на том, что в более ранних памятниках искомый термин заимствуется³⁵, а в более поздних переводится, что касается в том числе и поздних списков ранних переводов. Наиболее подходящим для этого значения славянским эквивалентом А. Гезен счел *соборная*, потому что «въ этихъ церквахъ въ самомъ дѣлѣ собираются прихожане» (92)³⁶. Однако при этом он нашел неоправданной, например, замену *ка-ѡ-ликиѣи* на *соборная* в позднейших списках перевода 18-го Поучения св. Кирилла Иерусалимского: *когда придеши въ грады... пытай... кѣе естъ ка-ѡ-ликиѣи*

³³ Ср. [Miklosich: 484]: *ѡпыци листь*; [Срезневский: II, 580]: *ѡбыциѣи посланиѣи* (по Изборнику 1073 г.).

³⁴ И. И. Срезневский [III, 650] значение лексемы *соборный* в словосочетании *соборные послания* толкует как «имѣющій отношеніе ко всѣмъ», подкрепляя это толкование примером из Жития Андрея Юродивого: «Се слово соборное естъ всякому челоуѣчеству» (*καθολική*).

³⁵ «Без перевода» греческое прилагательное оставлено, например, в написанном Нестором Житии Бориса и Глеба (XI в.): *ти тако ѿиде въ своѡ ка-ѡ-ликиѣи икансиѣи* [Гезен 1884: 92; Срезневский: I, 1201].

³⁶ Ср. объяснение леммы *съборьныи* как соответствия греч. *καθολικός* в [Miklosich: 909]: «ad conventum pertinens» [«относящийся к собранию»], с примерами *зборьни епископи* и *съборьна цркъвь* / *съборьная цркъвь*. Однако как на еще один вариант перевода Ф. Миклошич [Там же: 484] указывает на лексему *ѡбыциѣи* с примерами *ѡбыциѣи цркъвь* из Изборника 1073 г. со ссылкой на [Горский / Невоструев: II/2, 400] и *въселемоу лироу ѡбыциѣи гъньми* из глаголического Клоцева сборника.

цркви. се во ѣ имѣ свое стѣни сѣи мѣри всѣхъ насъ, — потому что, по его мнению, значение славянской лексемы здесь не тождественно значению греческой.

Во-вторых, церковь как общество верующих христиан. Кафолическая церковь подразумевает «то изъ этихъ обществъ, которое распространено по всей вселенной», а стало быть вселенскую церковь (93; см. то же значение в [Срезневский: III, 650]). Именно в этом смысле церковь называется кафолической во всех трех вариантах Символа веры (имеются в виду апостольский, никейский и константинопольский символы). Среди альтернативных славянских переводов-атрибутов 'кафолической церкви' в этом значении, кроме *соборный*, А. Гезен называет: *всѣсѣборный*³⁷, *вспачьскъ*, *общиць*, *всѣличьскъ* (93—99)³⁸. При этом он замечает, что впоследствии все эти варианты, вытеснившие сначала греческое заимствование, вышли из употребления и были заменены на слово *сѣборный*.

В заключение исследователь приводит аргументы в пользу того, что по своему значению лексема *сѣборный* не может полностью заменить греческий термин (98—102). Во-первых, как он утверждает, она соответствует лишь первому из рассмотренных им значений выражения *кафолическая церковь* и абсолютно неуместна, когда речь идет о вселенской церкви. Самым подходящим термином в этом случае было бы *вселенская*, а не *соборная* (98). Во-вторых, если допустить, что *сѣборный* «происходит отъ *сѣборъ* въ смыслѣ... собранія или собора пастырей Церкви», то речь, по А. Гезену, пойдет уже не о церкви, а о синоде или о синодальной церкви, что в большей степени соответствует греческому *συνδικός*³⁹, но не *καθολικός* (100). И наконец, атрибут *сѣборный*, по мнению А. Гезена, не отражает еще одного смыслового оттенка *кафолической церкви* — истинности и правильности ее учения, в отличие от учения еретиков (100). На основании всех этих доводов исследователь заключает, что древние славянские книжники не справились с переводом греческого прилагательного *καθολικός*.

В 1906 г. в связи с решением императора Николая II созвать Всероссийский собор возникла необходимость специально разъяснить лексему *соборный*, чтобы предостеречь от ее неправильного употребления, потому что словосочетание *соборная церковь* в конце XIX — начале XX в. при-

³⁷ В сербском Требнике XV в.; ср. [Miklosich: 118].

³⁸ Ср. примеры в [Срезневский: I, 476, 1199, 1201; II, 580; III, 650; Miklosich: 118, 120, 285], в дополнениях к словарю Востокова [VII, 47].

³⁹ Именно такой, «правильный», как заявляет А. Гезен, перевод дает А. Х. Востоков [VI, 389]. (Заметим, что примеры для леммы *сѣборный* А. Х. Востоков заимствовал из словаря Ф. Миклошича [Miklosich 909], однако привел ее иное греческое соответствие: *συνδικός*.) А. Гезен упускает из внимания тот факт, что далее, в дополнениях к словарю А. Х. Востокова, приводится также пара *сѣборный* *καθολικός* в значении «повсеместный, вселенский» как соответствие греческому *ἡ καθολικὴ ἐκκλησία* ([VII, 47]; в Пандектах Антиоха). К слову сказать, вариант *повсѣмьствъный* зафиксирован также в [Miklosich: 586] со ссылкой на «Церковный словарь» П. Алексеева [III, 183—184].

обрело более узкое значение — церковь, управляемая собором епископов. В газете «Церковные ведомости», служебном органе печати Российской православной церкви, была опубликована «принадлежащая перу авторитетного ученого богослова», имя которого осталось неназванным, заметка «Что значит “соборная” (собственно “каѳолическая”) Церковь символа вѣры?» [ЦеркВед 1906: 50]. Ссылаясь на В. Соловьева, который в 1884 г. параллельно А. Гезену назвал слово *соборная* архаическим переводом греческого *καθολική* и утверждал, что оно означает «церковь, собранную отовсюду, церковь всеобщую» [ЦеркВед 1906: 50], но также явно будучи под влиянием исследования А. Гезена, автор обращает внимание читателей на то, что атрибут *соборная* в Символе веры был принят позже и является неточным для девятого члена Символа, потому что не подходит по значению. Первоначальным же и единственно правильным вариантом было *каѳолическая* в значении «вселенскости» или «повсюдности» церкви [ЦеркВед 1906: 50—54].

Продолжением штудий А. Гезена стала работа известного словенского теолога Франце Гривца [Grivec 1957], которым были сделаны следующие шаги в осмыслении употребления прилагательного *καθολικός* на славянской почве. Ф. Гривец несколько дополнил материал А. Гезена и рассмотрел его под другим углом зрения. Его отправной пункт — «высокая точность первых славянских переводов» (14: «precizno natančnost prvotnih stsl. prevodov»). Особенная же заслуга древних переводчиков, как утверждает Ф. Гривец, состоит в том, что они точно, но в то же время свободно передавали различные значения одних и тех же греческих лексем в различных словосочетаниях (14).

С этой позиции, но также апеллируя к языковой традиции других письменных культур, исследователь рассматривает разницу между понятием *вселенский* и родственным ему по значению *каѳолический* и объясняет, почему последнее осталось без перевода в древнейшей славянской письменности (15). Во-первых, потому что это прилагательное «имеет столь оригинальный оттенок, что его трудно точно передать» (15: «ima tako svojski odtenek, da ga je težko natančno prevesti»). Во-вторых, потому что оба атрибута употребляются в одном однородном ряду, что, по мнению Ф. Гривца, также должно подчеркивать разницу в их значениях. В качестве самого раннего примера такого употребления Ф. Гривец называет перевод Литургии Василия Великого и Иоанна Златоуста, в которой переведена молитва, содержащая просьбу *О вселенскѣи и о свѣтѣи каѳолическѣи апостолскѣи цркви*. Поскольку в литургии это сочетание слов неоднократно повторяется, Ф. Гривец полагает, что тем самым внимание позднейших славянских книжников было не однажды обращено на различное значение обоих прилагательных (16).

Следующий шаг в его аргументации — противопоставление переводов Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников переводам болгарских книжников X в. Вслед за А. Гезеном, который, например, на основании того, что в Устюжской кормчей вне Номоканона Иоанна Схоластика употребляется не греческое заимствование, а славянское слово, предполагал,

что «св. Мефодію принадлежит только переводъ Схоластика» [Гезен 1884: 94], Ф. Гривец утверждает, что «непереведенное прилагательное *καθολικός* является... особенно очевидным *признаком первоначальной книжной школы Кирилла и Мефодия*» (24: «*neprevedeni pridevnik katolikij je... posebno očitna značilnost prvotne Cirilove in Metodove književne šole*» — курсив Ф. Гривца), его последовательное употребление в великоморавской книжности якобы «соответствовало оригинальному соединению Кириллом и Мефодием восточных и западных источников» (22: «*je skladala s Cirilovim in Metodovim izvirnim spajanjem vzhodnih in zahodnih prvin*»), что, по мнению Ф. Гривца, не было целью болгарских авторов, прежде всего потому, что, как он заявляет, значительно снизился уровень письменной культуры и переводы стали более рабскими (22). Еще одна из причин, по Ф. Гривцу, заключается в том, что, как он думает, болгарские книжники X в. уже могли видеть в употреблении этого слова признак западной языковой культуры⁴⁰. Греческий термин они последовательно заменяли на его славянское соответствие *соборный*, что также прижилось в восточнославянской письменности (24).

Как и А. Гезен, Ф. Гривец рассматривает те же самые два значения, присущие выражению *кафолическая церковь*, — ‘здание церкви’ и ‘вселенская церковь’ — и ставит уже знакомый по А. Гезену вопрос: насколько корректен в обоих случаях славянский перевод *соборная* и мог ли он выйти из-под пера славянских первоучителей.

Подобно своему предшественнику, Ф. Гривец находит, что для значения ‘епархиальная, кафедральная церковь как здание’ перевод *соборная* настолько идеален, что принадлежит к числу наилучших переводов св. Кирилла и Мефодия (19). Однако греческое слово *καθολικός* в значении ‘всеобщей, универсальной церкви’ «ни в коем случае не примеримо к кафедральной церкви. Самым подходящим определением было бы *συνδικός*, синодальная церковь» (19: «*nikakor ni primeren za stolno cerkev. Primernejši prilastek bi bil synodikos, sinodalna cerkev*»), потому что при таких церквях проходили церковные соборы, т. е. *синоды*.

Ученого смущает тот факт, что в великоморавских памятниках, например, в Житии Мефодия, случаи употребления слова *соборный* единичны⁴¹:

⁴⁰ Ф. Гривец уверен, что только византийское христианство называло себя ортодоксальным (24), и совершенно не учитывает того, насколько распространенным в греческой письменности оставалось прилагательное *καθολικός*. Кстати говоря, дю Канж, опираясь на греческий словарь которого Ф. Гривец строит свои выводы, в латинском словаре, указывая на то, что словосочетание *ecclesia catholica* может также употребляться в значении ‘приходская церковь’, приводит цитату, что греки в данном случае просто говорят *Catholica*, без существительного: «*Ecclesia Graecorum etiamnum Catholica, nude appellatur, quicquid dicat Bonifilius Constantius in Messana lib. 3. pag. 21*» [du Cange / лат.: III, 224].

⁴¹ Однако надо заметить, что, например, в случае с Житием Мефодия это в принципе вызвано содержанием текста. Искомое слово употребляется в нем всего

возникает сомнение, стояло ли оно там изначально или было вписано позже древнерусскими писцами, потому что сохранились лишь восточнославянские рукописи этого памятника, старейшая из которых датируется XII или XIII вв. (19—20). В древнейших переводах Евангелий и в Списках церковных соборов, по наблюдениям Ф. Гривца, греческому *σύνδοδος*, т. е. собор, соответствует славянское *сънѣмь*, от которого, однако, никогда не образовывали прилагательного. В этой связи Ф. Гривец задается вопросом: не могло ли тогда в качестве прилагательного использоваться *соборный*. Он находит аргументы в пользу положительного ответа и делает вывод, что уже в IX столетии эта лексема входила в базовый словарный запас (20) славянских первоучителей и их учеников и употреблялась ими как атрибут моравской кафедральной церкви (наряду с существительным *сънѣмь* у моравян и *съборъ* у болгар). Однако особенное распространение в связи с вышеизложенными причинами слово *соборный* получило только после переселения учеников Мефодия из Моравии в Болгарию и далее в письменности восточных славян.

Еще одно словоупотребление, к которому обращается Ф. Гривец, — ка-ѡ-лическая церковь как истинная, правая, правоверная церковь, в славянском переводе опять же *соборная*⁴², что, с точки зрения Ф. Гривца (23), является абсолютно неоправданным, потому что, как он находит, совершенно не соответствует этимологическому значению исходной лексемы.

Все эти несоответствия исследователь объясняет изменением значения греческого слова на славянской почве. Причину этого изменения он традиционно видит в упадке уровня культуры и недостаточной профессиональной подготовке древних славянских книжников (21—32).

Таковы основные положения работ А. Гезена и Ф. Гривца. Первый, опираясь на примеры, собранные в лексикографических трудах известней-

два раза. Первый раз сохраняется заимствование, что может быть объяснено терминологическим характером той формулы, в которой это слово употребляется, а именно обозначение церкви как вселенского института: Папа Римский всякого учителя и переводчика, *кѣто възможесть достоинно и правокѣрно съказати* славянам христианскую веру, благословляет от имени вселенской церкви: *ѣто и блѣго бѣмъ и нами и всѣмъ каѡ-ликии и апѣлскои цѣрквѣи боудѣи* [Лавров 1930: 73]. Второй раз речь идет о конкретной, кафедральной церкви, в которой был похоронен Мефодий и которая в быту, в разговорной речи, могла называться славянским словом *собор* или *соборная*, которое и сохраняется в тексте. В этой связи интересно указать на случай, так сказать, обратного перевода — с церковнославянского языка на латынь. Латинский текст «Корсунской легенды» сообщает «in ecclesiam cathedralem intraverunt», его славянский оригинал — *ѡ каѡ-ликии цѣрквѣи ѡндоша*, вариант чтения — *ѡ соборноуи* [KorsLeg: 70, 79].

⁴² В качестве примера он ссылается на цитированное нами выше Мученичество / Житие Пиония, в славянском переводе сохранившееся в Супрасльской рукописи (см. выше: Примеч. 11), и утверждает, что в данном случае имеется в виду «prava, pravoverna Cerkev» (23).

ших в то время славистов, и дополняя их, рассматривает различные интерпретации лексемы *καθολικός* в славянской письменности, утверждает, что изначально было заимствованное слово, которое потом последовательно заменили на славянское, и дает оценку славянскому переводу: он находит его подходящим лишь для некоторых случаев. Второй, следуя своему предшественнику, утверждает, что после XIV в. греческое слово вышло из употребления в славянской письменности и что славянское слово не соответствует греческому, но называет это сменой значения.

Что заставляет нас не согласиться с подобного рода утверждениями и какие критерии семантических интерпретаций позволяют представить развитие значения с иных позиций?

2.2. Лексикологическая resp. лексикографическая суть проблемы

Начнем с точки преткновения обоих исследователей — лексемы *соборная*. Вывод о некорректности славянского перевода является результатом субъективных толкований. А. Гезен и Ф. Гривец исходят из современного им понимания слова *соборный*. Вопрос же заключается в том, какое значение придавал этому слову древний книжник и стоит ли за этим смена значения греческого термина на славянской почве.

Значительный интерес в этом отношении представляют интерполяции переводчиков и переписчиков. Они свидетельствуют о том, что славянские книжники осознавали связь с источником и отдавали себе отчет в своей интерпретаторской работе. Это показывает уже один из примеров, приведенных А. Гезеном. В упомянутом им болгарском переводе Хроники Георгия Амартола (А. Гезен называет Хронику «Хронографом», а перевод — редакцией), датированном XV в., читается: *кафолікѣю же цѣрквѣ рекше соборноу* [1884: 96]. В дальнейшем мы приведем еще не один случай таких объяснений.

Однако подобного рода интерполяции встречаются далеко не всегда, кроме того, не исключены случаи, когда и сами интерполяции могут быть истолкованы по-разному. Поэтому главным критерием семантических интерпретаций, безусловно, является контекстуальное употребление. Уже из данных Ф. Миклошича, А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, а вслед за ними и самого А. Гезена очевидно, что слово *ꙗѡборъный* в церковнославянской письменности употреблялось в тех же контекстах, что *καθολικός* в греческой и *catholicus* в латинской.

Реконструкция славянских *контекстов* и является нашей первоочередной задачей. Для разрешения ее обратимся к также учтенной А. Гезеном Ефремовской кормчей /Синтагме XIV титулов [Бенешевич]. Этот памятник церковного права вызывает интерес именно потому, что в его греческом прототипе представлен достаточно широкий спектр употреблений лексемы *καθολικός* в различных сочетаниях, значениях и контекстах, при этом в славянском переводе греческое прилагательное последовательно заменяется на один и тот же славянский эквивалент — *ꙗѡборъный*. Если систематизировать все эти данные, станет очевидным, насколько славянская

картина соотносится с представленным в первой части приведенного выше экскурса западноевропейским культурно-языковым контекстом.

Следует упомянуть еще одно обстоятельство. Ефремовский список, в котором сохранилась кормчая, восточнославянского происхождения, что, однако, не говорит о том, что перевод был тоже восточнославянским. К. А. Максимович, не считающий убедительным «тезис о древнерусском (восточнославянском) происхождении этого перевода», на основании писцовых глосс и интерполяций, но главным же образом на основании наличия в тексте Кормчей «многочисленных диалектных и книжных болгаризмов» установил, что «Синтагма XIV титулов... многократно переписывалась еще до XII в.» и что собственно перевод следует датировать X в. и локализовать в Болгарии [1997: 89, 94; 2006]*. Какого плана наблюдения можно сделать в этой связи над рецепцией термина?

Итак, начать наше исследование мы предлагаем с того, чтобы, оттолкнувшись от конкретного переводного памятника, составить каталог синтагматических единств, в которых в этом памятнике употребляется искомое слово. При составлении каталога мы будем исходить из греческого текста, потому что в центре нашего внимания стоит интерпретация лексемы *καθολικός*. Таким образом, мы будем учитывать только те случаи употребления слова *съборьныи*, когда оно соответствует слову *καθολικός*. Другие случаи употребления слова *съборьныи* здесь не будут приниматься во внимание, потому что на данном этапе работы нас интересует формальная сторона вопроса: мы не делаем выводов о смысле, мы отталкиваемся от смысла, задаваемого слову исходным — греческим текстом, и ищем эквиваленты в других языках, делая акцент не на отдельном слове, а на его ближайшем окружении, т. е. на сочетаниях слов или синтагмах.

Что касается значений лексемы *съборьныи*, кроме указанных выше словарей Ф. Миклошича, А. Х. Востокова и И. И. Срезневского, они представлены в современных академических словарях церковнославянского и древнерусского языков [SJS: IV, 220; СлРЯ: XXIII, 83—86], соответствующий том Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. еще не вышел из печати. Ефремовская кормчая является одним из источников этих словарей. Однако серьезным упущением всех их — как и вообще методологии современной историко-языковой лексикографии — является то, что, исходя из отдельного слова, они уделяют недостаточное внимание устойчивым выражениям, в которых это слово также употребляется и за которыми может крыться отдельное понятие. Даже такое, без всяких сомнений, авторитетное сегодня в палеославистике издание, как чешский словарь старославянского языка [SJS], фиксирует словосочетание *съборьныи цркви*, дает его греческое и латинское соответствия, но — несмотря на заявленную установку, см. [I: IX] — не оговаривает полного объема значений этого словосочетания и оставляет без внимания другие выражения (за исключением *каѳоли-*

* См. об этом статью Й. Райнхарта в настоящем номере журнала.

ческие / соборные послания), в которых также встречается лексема *соборный* и которые имеют самостоятельное значение. Словарь русского языка XI—XVII вв. [СлРЯ: XXIII, 83—86] в случае с лексемой *соборный* фиксирует большее число устойчивых сочетаний, но зачастую склоняется к модернизированным интерпретациям, что особенно хорошо видно, когда приводится не полный оборот, а лишь часть его, или же не учитывается контекст (см. примеры ниже). Единственным справочным изданием, уделявшим серьезное внимание устойчивым лексическим единствам, остается сегодня Словарь польского языка XVI в. [Słownik].

Предлагаемый далее каталог, как заявлено выше, фиксирует не отдельные слова, но сочетания слов или синтагмы, причем прежде всего именно устойчивые сочетания слов. Значительный интерес устойчивые сочетания представляют потому, что показывают, как функционировало слово, в каких контекстах оно выступало (т. е. по принципу Витгенштейна: «Die Bedeutung eines Wortes ist sein Gebrauch» [Wittgenschein 1967: 35] — «Значение слова — это его употребление»). Особенная же их ценность в нашем случае состоит в том, что они представляют собой готовые формулы, которые перешли в славянскую книжность из христианской письменности других языков. Когда мы воспринимаем их таким образом, т. е. как готовые формулы, мы можем иначе прочесть текст, иначе интерпретировать историю развития того или иного словоупотребления, наконец, иначе увидеть связь традиций в различных языковых культурах.

Однако серьезным препятствием на нашем пути является тот факт, что в медиэвистике до сих пор не выработаны критерии, которые с достаточно высокой долей вероятности позволили бы определить то или иное сочетание слов как устойчивое.

Мы полагаем, что в случае с христианской книжностью исходной позицией в данной области исследования должен стать контакт языковых культур, потому что здесь мы, прежде всего, имеем дело с таким самостоятельным социокультурным и социолингвистическим феноменом, как язык х р и с т и а н с т в а, который накладывается на народные языки. Если перевести этот тезис в категории социолингвистики, язык христианства следует обозначить как культурно-языковой код. Письменные языки средневековья по отношению к нему будут субкодами, которые, каждый по-своему, реализуют заданный код⁴³. Как самостоятельный феномен язык христианства ритуализирован и терминологизирован: он предписывает формулы ритуальной коммуникации и обладает собственным понятийным аппаратом. Этот факт обуславливает большое число почти без изменений сохранившихся в языках-реципиентах синтагматических единств — готовых фор-

⁴³ Ср., например, введенное Й. Схрейненом [Schrijnen 1932] и К. Морманн [Mohrmann 1961—1977] понятие *христианской латыни* (Latinitas christianorum / lateinische Sprache der Christen / le latin des chrétiens / la latinité chrétienne). См. также обзор всех посвященных данному вопросу работ в [Stotz 2002: 35—62].

мул, стандартизированных ритуальными текстами, например, Символом веры, литургическими песнопениями, гимнографией, молитвами, Библией.

Все это дает нам повод считать одним из главных показателей устойчивости того или иного выражения его повторяемость. Причем под повторяемостью мы понимаем употребление этого выражения в аналогичных контекстах или значениях в различных языках. Данный критерий не является универсальным для идентификации устойчивых сочетаний в средневековых текстах. Однако для анализа материала, с которым работаем мы, он имеет первостепенное значение, потому что речь идет об общем для всех христианских языковых культур понятийном фонде.

Поскольку же речь идет о понятийном фонде, не менее важным параметром является семантика, а именно тот факт, что анализируемое выражение имеет самостоятельное значение, т. е. передает какое-либо понятие, идеал или представление. Таким образом, в большинстве случаев мы имеем дело с терминологизированными сочетаниями или же собственно терминами.

На морфолого-синтаксическом уровне устойчивое терминологизированное сочетание представляет собой именное словосочетание, которое сохраняет во всех языках одинаковую синтаксическую структуру: допустимы только такие отступления от структуры прототипа, которые обусловлены характерными особенностями синтаксиса того или иного языка (например, постановка определения в пре- или постпозицию) или структура которых синонимична исходной, а значит, не вызывает смены значения, по крайней мере, в заданном контексте (например, употребление в атрибутивной функции притяжательного генетива или притяжательного прилагательного).

В рамках нашего исследования актуален, кроме того, термин устойчивые мотивы. В риторике их принято называть *общие места*, *loci communes* или же *κοινὰ τόποι* [Curtius 1993; Lausberg 1990]. Они могут включать в себя устойчивые терминологические сочетания и распространять их (ср.: ‘кафолическая церковь, разлитая по всей вселенной’).

Итак, устойчивым терминологическим сочетанием мы считаем сочетание слов, которое в данной своей морфолого-синтаксической комбинации передает определенное значение и употребляется в этом своем значении и в этой своей комбинации в различных языках. Факт наличия такого рода сочетания слов в ритуальных текстах дает повод называть это сочетание стандартным. Кроме того, стандартным мы также называем словосочетание, зафиксированное в грамматической, риторической и лексикографической традиции Средневековья и Нового времени.

Следующий далее каталог является иллюстрацией изложенных здесь теоретических соображений. В нем систематизированы все случаи употребления лексемы *καθολικός* в Синтагме XIV титулов (Ефремовской кормчей) [Бенешевич]. Церковнославянские примеры из текста сопровождаются их греческими соответствиями. В подтверждение действенности пред-

⁴⁵ Встречается один случай, когда атрибут *καθολικός* в данной формуле оставлен без перевода: ὡτ ῥῆλα κῆῖα ἀπὸ κληκῶν πῖρκε — τῆς ἀγίας τοῦ θεοῦ καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας [821: 15—16]. Поскольку это единственный случай во всем тексте, самое вероятное объяснение — слово было пропущено переписчиком или переводчиком или же в греческом оригинале, которым пользовался переводчик, не было атрибута *καθολικός*.

II. *Каѳолическая церковь* (*καθολικὴ ἐκκλησία / ecclesia catholica / kościół katolicki / powszechny / polskolity*) (см. выше; все описанные ниже случаи зафиксированы в: [du Cange / лат.: IV, 224; / гр.: 537—538]):

1. В значении 'единая всеобщая, вселенская христианская церковь' (= значению в пункте I) или 'единая всеобщая христианская вера', ср. в [Срезневский: III, 650; SJS: IV, 220, 831; СлРЯ: XXIII, 84, 86]: *приходящихъ же къ сѣборьнѣн цркви — προσερχομένων δὲ τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ*, по контексту в смысле 'обращающиеся во всеобщую веру' [87: 2—3]; *иako мѣдовати нмъ вѣмъ ичениемъ сѣборьнѣн цркве — ὥστε αὐτοὺς ἀκολουθεῖν ἐν πᾶσι τοῖς διδάγμασι τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας* [87: 15—16]; да аще кын епѣ ноужн подѣмъ неправдыно итѣрженъ боудеть· или хитротн рѣн или исповѣданнѣ рѣн сѣборьнѣн цркве — *ἵνα εἴ τις ἐπίσκοπος βίαν ὑπομείνας ἀδίκως ἐκβληθεῖν ἢ διὰ τὴν ἐπιστήμην ἢ διὰ τὴν ὁμολογίαν τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας* [295: 7—11]; да сѣборьнѣн црквы порождыши и о ѣѣ чытѣном оутробом — *ἵνα ἡ καθολικὴ ἐκκλησία, ἡ αὐτοὺς θεησκευτικῇ ἐν Χριστῷ γεννήσασα γαστρὶ* [397: 14—16]; ср. также [370—371: 31—1; 394: 1; 400: 28—29; 407: 23—24; II/56: 1]; ср.: *Zład możeł porozumyeć / co yełt polskolity álbo powłfechny kofcyoł; Wierzę Kofcioł powłzebythny Krześciánki; ziednay się z brátem twoim: á dáleko więcej z kościołem powłzechnym / ktory iełt zupełne bráctwo wólzytkich Chrześciánow* [XI, 40—41, ср. 43]; *Wiárá Kátholicka iełt powłzechna / miedzy wólzytkimi narody* [XXIX, 263].
2. В том же значении, но в контексте, когда всеобщая церковь противопоставляется сообществам еретиков, ср. в [СлРЯ XXIII, 84]: «вселенский, всеобщий (в отличие от сектантского, раскольнического)»: *О пѣлѣннѣтѣ вѣвѣшинѣтѣ таче же приѣѣгашемъ къ сѣборьнѣн цркви — Περί τῶν παυλιανισάντων, εἴτα προσφυόντων τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ* [92: 23—24]; *корень горетн горѣ рогта сквѣрна бытъ сѣборьнѣн цркви· хрѣстиановѣѣннѣтѣ ерѣи — εἴσα πικρίας ἄνω φύουσα μίasma γέγονεν τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ ἢ τῶν χριστιανοκατηγόρων αἵρεσις* [222: 3—5]; *иako малыи отъ донатѣ крѣпѣмъ вѣ сѣборьнѣн цркви и канѣнкы поставлѣти — “Ὡστε τοὺς μικροὺς παρὰ τοῖς Δονατισταῖς βαπτισμένους ἐν τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ κληρικοὺς χειροτονεῖσθαι* [360: 1—4]; да о сѣѣтѣ еретичѣкѣмъ... и о бѣтѣ рѣн разѣрѣннѣтѣ по быен аѣрѣннѣтѣ странѣ сѣборьнѣн црквы тѣжыцѣ — *ἵνα περὶ τῆς τῶν αἰρετικῶν... ἐπιβουλῆς καὶ ἀναισχυντίας, τῆς τὴν κατὰ πᾶσαν τῶν Ἀφρων χώραν καθολικὴν ἐκκλησίαν βαρέως πορδούσης* [368: 4—8]; *просити подобно итѣомъ помощи обѣщани мѣтн сѣборьнѣн цркви — ἀρμόδιον ἔδοξεν περὶ τοῦ βοηθεῖσθαι τῇ κοινῇ μητρὶ τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ* [369: 17—19]; сѣ нами же пѣрѣцѣмъ сѣрѣч сѣборьнѣн цркви — *ἡμῖν δὲ φιλονεικοῦντες, τουτέστιν τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ* [372: 29—30]; ср. также [88: 9—11; 93: 1—2; 199: 11—14; 370: 1—3; 372: 5—6; 421: 16—19; 462: 9—10; 666: 31; 700: 13; 705: 18—19; 724: 21; 727: 15; 729: 24; II/83: 13—14]; ср.: *Oprocz Kátholickiego kościoła nie máłz zbáwiení* [XI, 40]; *o kościoł zaden áni Kátholicki áni Heretycki nie dbáł* [X, 172].

— с акцентом на истинность, правочерность учения (в отличие от учения еретиков): да не лѣтъ боудеть никому же нхъ ннои вѣрѣ жѣны помнати· ашѣ ли боудѣтъ оѣже лѣтн прижнлн отъ такоуѣн жѣннѣтѣ· аште боудѣтъ рожышамъ отъ ннхъ оѣ еретикѣ крѣстнѣн· приводнн и къ обѣштѣнн сѣборьнѣн цркве... нн сѣмѣшѣтнѣн бѣкѣмъ... аште да не обѣштѣтѣнѣн прѣложнѣтнѣн къ прѣтѣсѣннѣн вѣроу — *μη ἐξεῖναι τινι αὐτῶν ἐτερόδοξον γυναικα λαμβάνειν. τοὺς δὲ ἥδη ἐκ τοιοῦτου γάμου παιδοποιήσαντας, εἰ μὲν ἔφθασαν*

βαπτίσαι τὰ ἐξ αὐτῶν τεχθέντα παρὰ τοῖς αἰρετικοῖς, προσάγειν αὐτὰ τῇ κοινῳίᾳ τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας... μήτε μὴν συνάπτειν πρὸς γάμον... εἰ μὴ ἄρα ἐπαγγέλλοιτο μετατίθεσθαι εἰς τὴν ὁρθόδοξον πίστιν — «простославная вера» в этой цитате и есть вера «соборной церкви» [119: 1—14]; ср.: Niechay w on cżás nie flábieie we mnie wiárá powfechnego y práwowiernego kościolá twego [XI, 42], to iest vřzád zwırzchności świeckiey (...) Kościolá práwego Powfzechnego bronić [XI, 49].

— разлитая по всей вселенной (в отличие от отдельных сообществ еретиков) (ср. выше: Примеч. 14 [du Cange / лат.: IV, 224; / гр.: 537]): *γνωσαντες οὖν ὅτι ἡ ἐκκλησία καὶ ἡ πόλις αὐτῆς ἐκκλησία ἐστίν, ἡ πόλις αὐτῆς ἐκκλησία ἐστίν* — βδελυτομένους, πρὸς τὴν καθολικὴν τοῦ θεοῦ ἐκκλησίαν, τὴν ἀπὸ πάντων τὸν κόσμον διακεχυμένην [360: 13—14]; ср.: (w) kościołe Świętym krześcijańskim / y Apostołłkim / kthory się nie w Rzymie zá Papieżow / ále iefztze od Iádamá y Iewy zátzał / był zá Krystulá y Apołtholow iego / y po wfzytkim świećie się rořprořzył [XI, 39]; Bo kościol iest Kátolicki / to iest po wfzytkim świećie rozłani [X, 172].

3. Как атрибут в характерной для западной традиции [Stichel 2007: 24] формуле «(кафолическая) церковь-мать» (*mater (catholica) ecclesia*) [du Cange / лат.: IV, 225, 303]: *οὐκ ἔβλαψα καὶ τὴν ἐκκλησίαν καὶ τὴν πόλιν αὐτῆς ἐκκλησία ἐστίν* — ἐφύγον καὶ τῆς ἐκκλησίας τῆς καθολικῆς μητρὸς [361: 18—19]; ср.: prześladował matkę náfze / to iest Kofcioł řwięty Krześciańłki [XI, 46; ср.: 51]; ále vczy [Chrysus] przekłádáć matkę duchowną wfzytkich wiernych / ktora iefřcioł powfzechny [...] nád rodzice y krewne ćilefne; ktore [řwiętych Bořych] iedná matká kościol řwięty Kátolicki w Chryřtufie porodziłá [XIII, 212].

4. В значении «епархиальная (епископская) кафедральная церковь, кафедральный собор», ср. [Срезневский: III, 650—651; СлРЯ: XXIII, 85; du Cange / лат.: IV, 224; / гр.: 537]: *ἐκκλησία ἐστίν ἡ ἐκκλησία ἐστίν* — ἐν πόλεσιν... τοῦ τῆς καθολικῆς ἐκκλησίας ἐπισκόπου ἡ πρεσβυτέρου ὄντος προσέρχονται τινες [87: 17—22]; Никако же въ негъбогънѣн църкви възноуѣть домоу соуци хрищенне съвършати· нъ хотѣиен събодектиса прѣчиствѣло просвъщенна· къ събогънѣн църквалъ да прихѣдѣтъ — Μηδραμῶς ἐν εὐκτηρίῳ οἴκῳ ἔνδον οἰκίας τυγχάνοντι βάπτισμα ἐπιτελεῖσθαι, ἀλλ' οἱ μέλλοντες ἀξιούσθαι ἀχράντου φωτίσματος ταῖς καθολικαῖς προσερχέσθωσαν ἐκκλησίαις [181: 15—20].

III. Кафолическая (= христианская) вера⁴⁶ (*καθολικὴ πίστις / fides catholica / wiara powszechna*) (ср. выше) [du Cange / лат.: IV, 489]: *ἀλλ' εἰδότες αὐτοὺς τῆς ὁρθῆς καὶ καθολικῆς πίστεως* [764—765: 27—28, 1]; ср. то же самое: [800: 18—19]; ср.: CONFESSIA Wyznánie wiáry Powfzechney Kofciołow Krześciańłkich Polłkich krotko á prořtemi řłowy zámknione [XI, 55]; áby nikomu nie dopuřzczáć czego infřzego vczyć / iedno to co przyiał řwięty kościol Powfzechny / to iest / Kátolickiey wiáry [X, 173]; Wiára Powfzechna tá iest; ktora nie dżiř / nie wcżorá / nie ná tym álbo owym mieřcu vřolá; ále ktota wfřędzie / ktora záfwe káždę⁸⁰ wieku / ktora od wfzytkich trzymaná byłá [XXIX, 264].

⁴⁶ Ср. в [SJS: IV, 220], однако словарь приводит данное выражение не как самостоятельное словосочетание, но как пример на значение слова *соборный* как «всеобщий, католический».

— Как субстантивированное прилагательное со значением ‘всеобщая церковь’ или ‘христианская вера’: *ἵακο сѣвѣта ради сѣборьнини принимаше повелѣнние сѣвѣдѣнниа ради положиши — ὡς διὰ τὰς ἐπιβουλάς οἱ τῆς καθολικῆς προτραπέντες διαμαρτυρίαν ἀπέδεντο* [398: 21—23]; *кѣ сѣборьнѣи ѡбратятъ — πρὸς τὴν καθολικὴν ἐπιστρέψουσιν* [407: 12—13]; *идеже оубо кѣгда и сѣборьнаиа бѣхуть — ὅπουδῆποτε καὶ καθολικὴ ἐγένετο* [422: 1]; *дрѣвльниаи тоу соущиа сѣборьнаи — ἡ ἑκπαλαὶ ἐκεῖ ὑπάρξασα καθολικὴ* [422: 8]; *аице епѣа отъ прѣдѣла донатъскыиныхъ кѣ сѣборьнѣи ѡбратитъ — ἐὰν ἐπίσκοπος ἐκ τῶν τοῦ Δονάτου μερῶν πρὸς τὴν καθολικὴν ἐπιστρέψῃ* [424: 1—3]; ср.: <...> у Athánázego fundámentu. Ktory też od Christiánftwá ábo Kátholiki wyłącza [X, 175]; A ták tá iedność у zgoda wyznánia Kátolickiego/ we wśzytkich Kátolikách/ nie omylny znak iest Duchá Bożego у kościółá iego [X, 172].

IV. Кафолические книги/ сочинения (ср. выше в тексте и Примеч. 22):

1. *Кафолические эпистолы* (= апостольские послания)⁴⁷ (*καθολικαὶ ἐπιστολαὶ / catholicae epistolae / listy katolickie / powszechny(e)*) [du Cange / гр.: 537]; *посланиа сѣборьныиныхъ · ѿ — ἐπιστολαὶ καθολικαὶ ἐπτά* [279: 3—4]; и *по-слаганиа сѣборьнаиа · нарицаемъиа ѿ апѣа · ѿ — καὶ ἐπιστολαὶ καθολικαὶ καλούμεναι τῶν ἀποστόλων ἐπτά* [558: 5—6]; *павъль и четъири посланиа · сѣмь же сѣборьныиныхъ — Παύλου τέσσαρες τε ἐπιστολαὶ. ἐπτά δὲ καθολικαὶ* [633: 13—14]; *сѣборьныиныхъ посланиа · нѣции же сѣмь рѣша · ѡби же · ѿ · тѣмъ · подобаетъ же при-имати — καθολικῶν ἐπιστολῶν τινὲς μὲν ἐπτά φασιν, οἱ δὲ τρεῖς μόνους χρῆναι δέχεσθαι* [636: 17—20]; ср.: Lecz listy infzych Apostołów <...> nie ták są pifane do iednego ktorego kościółá / abo do iedney osoby <...> ále do wśytkich wiernych: у dla tegoż ie zowią Kátholickimi / to iest powszechnymi / ábo do wśzech w obec [X, 173—174] [XXIX, 265, 266].
2. *Кафолический* в значении ‘канонический’:
 - Канонические книги Библии (Pismo święte katolickie, Biblia katolicka = zbiór ksiąg Starego i Nowego Testamentu, które Kościół uważa za kanoniczne, natchnione i święte [X, 173]): *ἵακο мѣѣ сѣборьныиныхъ писании ничьсо же кѣ цѣркѣи почитати — Ὡστε ἐκτὸς τῶν καθολικῶν γραφῶν μηδὲν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ ἀναγινώσκεισθαι* ([279: 3—4]; далее в качестве объяснения, что такое ‘канонические книги’, перечисляются книги Библии); ср.: Wśzyścýc haeretycy pifmo święte Kátholickie czytáią; Biblia Kátholicka nie ma w fobie fałszu żadnego [X, 173];
 - Канонические «Деяния апостолов»: *приими же кѣнигъ... сѣборьныиныхъ дѣланиа и апѣа — δεῦρο δ' ἐ βίβλον τὴν τῶν καθολικῶν Πράξεων ἀποστόλων* [636: 3—4].

V. *Кафолические епископы*, т. е. ‘христианские епископы’ или же ‘епископы кафедральных церквей’ (*καθολικοὶ ἐπίσκοποι / catholici episcopi / katolickcy biskupy / powszechny (universalny) biskup*) [du Cange / лат.: IV, 277]; *писаниа почитаемѣа соуть... възпоминаица сѣборьныиа епѣа — γραμματα ἀναγινώσκονται... ὑπομινύσκοντα τοὺς καθολικοὺς ἐπισκόπους* [367: 14—18]; *по иѣзболеннии конегождо епѣа сѣборьнааго — κατὰ τὴν ἐνὸς ἐκάστου καθολικοῦ ἐπισκόπου προαίρεσιν* [370: 16—17]; *опрѣлати · отъ сѣборьныиныхъ епѣа иже кѣ тѣхъ мѣстѣхъ — διεκδικεῖσθαι*

⁴⁷ Ср. [Срезневский: III, 650] — приводится лишь в качестве примера; [SJS: IV, 220] — оговаривается как *terminus technicus biblicus*; [СлРЯ: XXIII, 85] — фиксируется лишь в форме ед. ч. в значении ‘послание, адресованное всей церкви’.

ὑπὸ τῶν καθολικῶν ἐπισκόπων, τῶν ἐν τοῖς τόποις ἐκεῖνοις [407: 19—21]; како меж-
ду собою раздѣляють епархїальства епѣи· се оубо епархїи· се же отъ donating ѡбраще-
нїа — *Περὶ τοῦ, πῶς μεταξὺ ἀλλήλων μερίζονται τὰς διοικήσεις οἱ ἐπίσκοποι, τοῦτο*
μὲν οἱ καθολικοὶ, τοῦτο δὲ οἱ ἐκ τοῦ Δονάτου ἐπιστρέψατες [422: 10—14]; ср.:
[440: 21]⁴⁸; ср.: O co się iednák haeretycy všilnie stáráí / ľámi šiebie rovnáíac z
Chrístufem / á Biskupy y káplany Kátholické z Biskupy Zydowskimi y z
Pháryzeufzámi [X, 173]; Ale dáleko inflá rzecz być powślechnym biskupem /
niżli być biskupem powślechnego koścyolá / to yeft / myeć przełożeństwo á
zwirzchność nád powślechnym koścyolem; A iż sie Grzegorz S. y inni po nim
vniuerfálnym abo powślechnym Biskupem piśać niechciał [II, 157].

— высшие церковные иерархи [du Cange / лат.: IV, 228—229, 244; / гр.:
538—539]: *αἵτε γὰρ πρὸς πόλιν τὰς ἐκκλησίας τοῦτο ἐκτελεῖται — εἰ δὲ*
τυχὼν οἱ ἀρχαῖοι καθολικοὶ τὸν ἴδιον θελήσουσιν [422: 28—30]; ср.: po-
wszechne *pasterstwo*, powszechny *pasterz*, powszechny *patryjarcha*, po-
wszechna *zwi(e)rzchność* [XXIX, 263—264].

VI. *Καθολικὸν εὐαγγέλιον*⁴⁹ (*καθολικὴ ἐνότης / unitas catholica / jedność*
Kościoła katolickiego / jedność powszechna): *иже оубо когда каноници исправля-*
ициа свѣтоу къ епархиоу прилѣшении приити вѣхотѣтъ — οἱ τινες δὲ ὁποτε
κληρικοὶ διοικοῦμένης τῆς βουλῆς πρὸς τὴν καθολικὴν ἐνότητα μεταστρέψιν
[370: 13—16]; *паче ти приити вѣхотѣтъ иже ради епархиоу едиинении вѣхотѣтъ*
промысли — ἀλλὰ μᾶλλον οὗτοι προσδεχθῶσιν, δι' ὧν τῇ καθολικῇ ἐνότητι γίνετα
πρόνοια [371: 17—19]; *незастотни земьныи полъзи епархиоу едиинение вѣхотѣтъ*
тѣ ἀπληστία τῆς γῆνιης λωσιτελείας τὴν καθολικὴν ἐνότητα ἐπιποθήσαι [399: 22—
25]; *да аще епѣ отъ donating епархиѣ къ епархиоу къ едиинении обрати — ἵνα*
εἴπερ ἐπίσκοπος ἀπὸ τῶν Δονατιστῶν πρὸς τὴν καθολικὴν ἐνότητα ἐπέστρεψεν [422:
15—17]; *да аще кѣто по законѣ мѣсто коу къ епархиоу едиинении обратитъ — ἵνα,*
ἐάν τις μετὰ τοὺς νόμους τόπον τινα πρὸς τὴν καθολικὴν ἐνότητα μεταστρέψῃ
[423: 17—19]; *не подоканничи къ епархиоу прилѣшении обратитисѣ — μὴ τῶν*
ὀφειλόντων πρὸς τὴν καθολικὴν ἐνότητα ἐπεστραφῆναι [427: 11—13]; ср. [371: 4;
399: 20—21; 425: 18—19]; ср.: A poty máyá záofoánye koścyłow bożych / poki
fye od yedności yednego powślechnego koścyolá nye oderwá (...) [XI, 54]; A ták
tá iedność y zgodá wyznánia Kátolickiego / we wfzytkich Kátolikách / nie
omylny znak ieft Duchá Bożego y kościołá iego [X, 172]; Zależy tedy tá idność
Powślechna y zgodá Krześciánfkiego ludu rozmáitego / nie ná pozwierzchnych
Ceremoniach álbo obrzędziech kościelnych / (...) ále ná szczyrości prawdy y
wiáry powślechny kościołowi od Apofołow podány [XXIX, 263].

⁴⁸ Ср. словосочетание, образованное по той же модели: на *εὐαγγέλιον* *εὐαγγέλιον* *εὐαγγέλιον* — *κατὰ τῶν οἰκονομούντων τὰς ἐκκλησίας ὁρδοδόξων ἐπισκόπων* [98: 2—3]; речь здесь не идет о православных епископах в современном смысле слова, т. е. о епископах православной церкви, но о христианских епископах, представителях истинной веры, в отличие от еретиков. По этой же модели образованы словосочетания: *katolicki doktor, historyk, kaznodzieja, patryjarcha* и др. [X, 173].

⁴⁹ Ср. примеры из Ефремовской кормчей в [Срезневский: I, 811; II, 1435; СлДрЯ: III, 184; СлРЯ: XIX, 220], но опять же как отдельное слово, а не устойчивое словосочетание. Более того, СлДрЯ, приводя греческий эквивалент, атрибут *καθολικὴ* выпускает.

— ἐνότης переведено как церковь: сѣборьнѣи цѣркви приобщишася — τῇ καθολικῇ ἐνότῃ ἐκοινωνήσαν [421: 21—22].

VII. Ряд именных словосочетаний с атрибутом *кафолический* в значении ‘всеобщий’, в зависимости же от контекста возможно также ‘христианский’, обозначающих какое-либо положительное качество: искренность, простоту, прямодушие, добродетель и т. д.: *иako да отъ того сѣборьнаи чистота дръвѣи въ вѣшнихъ вѣнчавшии лѣта — ὅπως ἐκ τούτου ἡ καθολικὴ εὐλικρινότης, ἐκπαλαί τοῖς ἀνωτέροις διαλάμψασα χρόνοις* [396: 25—27]; *ср.: τῆς... ὑπερουσίῳ καὶ... καθολικῆς... πατρικῆς ὑποστάσεως; τῇ καθολικῇ τοῦ θεοῦ προνοίᾳ; ἐλθεῖν ἐπὶ τὰς καθολικὰς εὐεργεσίας τοῦ θεοῦ...* [Lampe: 690]; *catholica bonitas Dei* [Blaise: 139]; *katolicka / powszechna czujność, łaskawość, prawda* и др. [X, 173; XXIX, 263—265].

VIII. Кафолический (в зависимости от контекста в смысле ‘церковный’ или ‘всеобщий’) порядок / устав / правила / обычай (*catholica traditio* [Blaise: 822], *powszechne prawo / powszechny zwyczaj / tradycyje powszechne* [XXIX, 264]): *мы оубо того проинаи да сѣборьнымъ чинѣмъ цѣрквь по конемужьдо градоу... подмѣтѣа — ἵνα ταῖς καθολικαῖς τάξεσιν τῶν ἐκκλησιῶν ἀνὰ ἐκάστην πόλιν παρoσχεθῇ* [398: 4—9]; *ср.: Εὐπ[ρά]κτου κανκελλαρίου τάξεως καθολικοῦ* [Lampe: 1373] *Zwyczaj Kościelny Powszechny nie ma być odmienian; Trádicie Powszechne nie są wymyśły ludzkie* [XXIX, 263, 264].

VIII. ‘Всеобщий, касающийся всех, совместный’ (см. выше в тексте, п. 1.1) [ср.: SJS: IV, 220; СлРЯ: XXIII, 84]: *пониже бо сѣборьнынъ вѣсѣа тѣари прѣдѣлникъ — ἐπειδὴ γὰρ ἡ καθολικὴ καὶ αὕτη τῆς κτίσεως ἐορτή* [612: 12—13]; *ср.: Catholicus — Powszechnij, obecnij* [XXIX, 262] *Augustin / dla tego kościoł zowie powszechnym / iże zupełnie ábo ná wšytkim iest dołkonáły / á ná niczym niechromie* [XXIX, 263]; *powszechny a zupełny* [XXIX, 266].

Предложенный каталог, будучи основанным на одном тексте, не претендует на полноту. Однако он четко показывает, как функционировало слово: 1) оно употреблялось в устойчивых словосочетаниях, которые не допускают замену одних компонентов на другие, неравнозначные первым, и репродуцируются в тексте как готовые формулы, 2) оно употреблялось в словосочетаниях, которые образуются по модели устойчивых сочетаний, но допускают замену компонентов, при этом в словосочетании заменяется не зависимое слово, а главное. Слово, которое не подлежит замене, функционирует как слово-концепт. На теоретическом уровне мы разовьем эти положения в последующих работах, когда будет собрано большее количество примеров. Сейчас же вернемся к анализу славянского перевода.

В Ефремовской кормчей славянский книжник последовательно передает греческий термин одним и тем же славянским соответствием. Отступления единичны. Один раз лексема *καθολικός* остается без перевода (см. выше: Примеч. 45)⁵⁰, и один раз она переводится как *весь*: *въсѣхъ иеть иацѣ-*

⁵⁰ Еще один случай, когда в греческом тексте наличествует лексема *καθολικός*, а в славянском нет, объясняется тем, что параллельный греческий текст в принципе не соответствует славянскому, т. е. он явно не был его прямым источником: *И поставитъ и посредѣ цѣркве — Ὁφείλει ὁ ἱερεὺς ἰστᾶν τὸν ἀπὸ Ἀρμενίων ἢ Ἰακωβιτῶν ἐλθόντα πρὸς τὴν καθολικὴν ἐκκλησίαν ἐμπροσθεν τῆς ἁγίας κολυμβήθρας* («Пришедшего от армян

ление — *καθολικὴ μὲν ἐστὶν θεραπεία* [621: 1—2], в смысле ‘всеобщее исцеление’ (еще одно устойчивое выражение, за которым стоит христианское понятие: *καθολικὴ θεραπεία / catholica sanitas / powszechnie uzdrowienie*).

Одной из возможных причин этого отступления могла быть иная грамматическая структура предложения: в отличие от систематизированных выше примеров, в которых прилагательное *καθολικός*, если оно не субстантивировалось, функционировало как атрибут, в данном случае оно входит в состав сказуемого. Можно предположить, что, подобрав иное соответствие к одному и тому же слову, переводчик, в том числе на лексическом уровне, отразил иную грамматическую структуру оригинала и функционально иной случай словоупотребления.

В пользу этого тезиса говорят примеры перевода наречия *καθόλου* в том же памятнике. В зависимости от оттенков смысла и от синтаксической функции, оно передавалось тремя способами: как *отиноудь / ѿноудѧ*, т. е. ‘вообще, совершенно’ [84: 20; 601: 7; 606: 22; 622: 4—5; 682: 12; 696: 3; 702: 12; 706: 6; 799: 25], *всѣде / вѣсѣдѣ* [178: 6; 467: 11] или же как *всѣ* [86: 16; 90: 1—2; 314: 8; 368: 29; 483: 23]. Последний из вариантов интересен тем, что он встречается в синтагмах с атрибутивным порядком слов, однако функцию атрибута в них в греческом тексте выполняет не прилагательное, а наречие: *лицѣ ѿбо хощеть быти всемоу гл҃мотрениу пакость* — *ἐὰν μέντοι τῇ καθόλου οἰκονομίᾳ ἐμπόδιον ἔσῃσαι* [465: 3—4]; *егда и всѣхъ боудеть възкр҃сєннє* — *ὅτε καὶ ἡ καθόλου γίνεται ἀνάστασις* [719: 17—18] (здесь мы снова имеем дело со стандартным словосочетанием: *всеобщее воскресение / καθολικὴ ἀνάστασις / catholica resurrectio / powszechnie zmartwychwstanie*). Конструкция с наречием в функции атрибута в греческом языке равнозначна конструкции с прилагательным в той же функции. Для славянского книжника грамматическая синонимия в источнике (прилагательное *καθολικός* функционально равно наречию *καθόλου*) дает повод для лексической синонимии в переводе (*соборный* = *весь / всех*). Значение христианского понятия при этом не меняется.

Однако возможно еще одно объяснение. Ниже (см. п. 3.1) мы приведем ряд примеров, которые свидетельствуют о том, что местоимение *весь* также выступало в качестве эквивалента имени прилагательного *καθολικός*. Особенно примечателен тот факт, что, как также будет проиллюстрировано в дальнейшем, этот вариант был характерен прежде всего для ранних южнославянских переводов. К ним, согласно аргументации К. А. Максимова (см. выше), и относится Синтагма XIV титулов. В таком случае в данном отступлении можно, кроме того, видеть реликты более древнего, южнославянского перевода.

Для интерпретации перевода показателен также и отказ от употребления заимствований (или же стремление истолковать их [Максимович 1997:

или якобитов к кафолической церкви священник должен поставить перед святой купелью» [168: 5]).

89—94]). В нашем случае это отразилось в том, что, как мы видели, для передачи греческого прилагательного *καθολικός* последовательно употребляется славянское прилагательное *соборный* и ни разу не встречается заимствование *каѡоликии*. Целенаправленный отказ от заимствований может быть объяснен тем, что «Синтагма / Кормчая XIV титулов» появилась в тот период переводной славянской книжности, когда письменность на церковнославянском языке стала целью государственной политики, см. обзор научной литературы в [Буладин 1995: 40]. Тогдашние переводчики старались по максимуму использовать именно средства собственного языка. В этом можно видеть своеобразное проявление идеи *dignitas*, стремления доказать собственное достоинство и способность один к одному передать на собственном языке основные понятия и нормы христианского учения⁵¹.

Однако здесь возможно и другое объяснение — прагматическое, а именно «коммуникация» книжников с потенциальным читателем, стремление сделать текст доступным для него на лексическом уровне. С прагматической точки зрения славянизация перевода могла быть обусловлена жанром памятника: не следует ли предположить, что юридический текст, представляющий собой пособие по каноническому праву, должен был в какой-то степени соотноситься с реалиями жизни? Это значит, что если в разговорном языке церковь называлась *соборной*, греческое *καθολική* и следовало передавать как *соборная*, а не как *каѡолическая*. Данный тезис, безусловно, является лишь предположением и требует специального рассмотрения.

Кроме выражения *соборная церковь*, в приведенном выше каталоге мы перечислили еще целый ряд выражений, которые мы обозначили как устойчивые, поскольку они зафиксированы в письменности других христианских языковых культур. Прототип всех этих славянских выражений — греческие словосочетания с лексемой *καθολικός*. Но возникает вопрос, каким принципом руководствовались переводчики *resp.* переписчики Ефремовской кормчей: по образцу выражения *соборная церковь* они составили все остальные выражения, передав *καθολικός* как *соборный*, или же эти выражения уже были в наличии в славянском лексическом фонде? С тем чтобы ответить на этот вопрос, необходимо провести целый ряд исследований как переводных, так и оригинальных памятников церковнославянской письменности. Исследование переводных сочинений позволит выявить, каким образом переводились подобного рода выражения в других текстах. Исследование же оригинальных сочинений покажет, какие из этих выраже-

⁵¹ Эта идея звучит уже в Житиях Кирилла и Мефодия: требование прекратить службу на славянском языке папа римский обосновывает тем, что «три языки оубо есть токмо (избръ), еврѣискъ, гречьскъ и латиньскыи, имиже достоить славою богу въздаѣти» [Лавров 1930: 28]. Славянский книжник в знак несогласия называет это требование трехязычной ересью и будет утверждать, что славянский язык в не меньшей степени пригоден для обряда богослужения.

ний вошли в оригинальную письменность и какое они получали в ней употребление, все ли они сохранили в своем составе лексему *соборный* или она была заменена на синонимические ей.

Принципа максимальной славянизации перевода книжники, как правило, будут придерживаться и в дальнейшем. Одним из самых распространенных вариантов греческого *καθολικός* станет слово *съборный*, в каком бы значении оно ни употреблялось. Другие славянские варианты, также предложенные древними переводчиками: *обыць*, *всѣсъборный*, *всѣчьскъ*, *всѣличьскъ*, *повѣсьмьтънь*, — будут встречаться значительно реже или же закрепятся за отдельными значениями термина *καθολικός*, что мы и покажем ниже. Предстоит также ответить на вопросы, какие еще интерпретации греческого термина предложила церковнославянская книжность и действительно ли после XIV в. заимствование *католики* / *католический* совершенно вышло из употребления, как утверждали выше реферированные авторы.

3. Католические концепты учебника ортодоксии

Значительный интерес с точки зрения истории термина представляют варианты его прочтения в различных переводах или же в различных редакциях перевода одного и того же сочинения, а также в различных списках одной и той же редакции перевода. Ценными источниками, поставляющими показательные в этом отношении примеры, могли бы служить сочинения Отцов Церкви, переводы которых за девять веков развития церковнославянской письменности несколько раз обновлялись. Однако на сегодняшний день, благодаря осуществленным в рамках фрайбургского проекта критическим изданиям, единственным доступным текстом, позволяющим проследить языковые изменения с IX по XVII вв., является «Богословие» Иоанна Дамаскина — учебник истинной, правой веры, имевший непреходящее значение в духовной культуре славянских последователей восточной христианской церкви и за указанный период времени выдержавший как минимум четыре крупных перевода, которые и представляют особенный интерес для нашего дальнейшего изложения вопроса⁵².

⁵² Этим числом не ограничивается количество попыток перевести сочинение Иоанна Дамаскина на церковнославянский язык. Обстоятельный обзор переводов представлен в публикации Э. Вайера [Weier 1987: XIII—XVI]. Для нас интерес представляет только тот текст, в котором встречается исследуемый термин. Этот текст будет упомянут в свое время. Кроме того, совсем недавно стали известны еще два полных славянских перевода «Богословия» Иоанна Дамаскина: перевод митрополита Даниила и перевод Сергия Шелонина [Сапожникова 2008]. Поскольку сами тексты этих переводов до сих пор не введены в научный оборот, на данном этапе работы у нас не было возможности познакомиться с ними. Однако они будут учтены в наших последующих публикациях.

Во-первых, это датируемый не ранее 863 г. перевод Иоанна Экзарха, выполненный в Болгарии, но сохранившийся только в восточнославянских рукописях, самая древняя из которых восходит к XIII в. [Sadnik 1967—1983: I, VII—XXVII]. Поскольку Иоанн Экзарх перевел не полный текст, а лишь 48 глав, не всегда будет возможно провести сравнение. Однако даже два случая его перевода лексемы *καθολικός* дают повод для размышлений. Во-вторых, это возникший, скорее всего, в лавре св. Афанасия на Афоне не позже чем в середине XIV в. первый полный перевод всех ста глав «Богословия» на сербско-церковнославянский язык. Как показало исследование Э. Вайера [Weiher 1987: XVII—XVIII], это был фактически новый перевод с незначительным использованием текста Иоанна Экзарха. В-третьих, перевод с латинского на рутенско-церковнославянский язык, изготовленный к концу 70-х гг. XVI в. скрывавшимся от гнева Ивана Грозного в Польско-Литовском княжестве Андреем Курбским при участии Михаила Оболенского⁵³. Источником перевода, как установила Ю. Бестерс-Дильгер [Besters-Dilger 1992: 36—39; 1995: XXIII—XXX], было двуязычное греко-латинское издание 1559 г., при этом Курбский весьма активно использовал один из поздних, а потому сильно испорченных списков перевода Иоанна Экзарха. В-четвертых, изданный в Москве в 1665 г. перевод Епифания Славинецкого⁵⁴, приглашенного в Москву киевского монаха, переводческое мастерство которого, несмотря на солидное число посвященных ему работ, до сих пор остается недооцененным. Его взгляды, в том числе в деле перевода, принято сводить к грекофильству, что значительно снижает уровень его чисто филологического профессионализма. Нет сомнений в том, что Епифаний переводил с греческого оригинала, однако он не пренебрегал параллельным латинским текстом и держал под рукой переводы своих предшественников, с которыми он также считался [Podtergera 2006: 147—156; здесь же литература вопроса].

Помимо греческого оригинала и его славянских переводов интересно обратиться и к авторитетным в то время латинским интерпретациям текста Иоанна Дамаскина: оказавшиеся с XVI в. в центре внимания славянских переводчиков, они позволят нам утвердиться в ряде выводов, особенно когда затрагивается вопрос о латинском влиянии на славянскую письменность. Прежде всего следует учесть использованный Курбским, а возможно и Епифанием Славинецким [Podtergera 2006: 148, Примеч. 35], контаминированный перевод Якоба Фабера, соединившего греческий оригинал с

⁵³ В. В. Калугину [1998: 36—37] удалось установить, что «замысел перевести “Богословие”» сложился у князя Андрея к весне 1575 г., перевод же был готов «не позднее первых месяцев 1577 г.».

⁵⁴ Критическое издание этого текста готовится во Фрайбурге, см. об этом [Weiher 1987: XV]. Мы пользовались старопечатным московским изданием [Славинецкий 1665].

предшествующим латинским переводом. Чтобы провести больше культурно-языковых параллелей, обратимся также к переводу французского издателя, монаха-бенедиктинца Жака Билли: хотя мы и не располагаем сведениями о том, что его перевод «Богословия» был доступен в Москве XVII в., однако достоверно известно, что книги, вышедшие из его типографии, и другие его переводы были в ходу у справщиков Чудовского монастыря⁵⁵. Интерес вызывает, помимо того, составленный Жоссом Клиштовом и опубликованный почти во всех греко-латинских изданиях сочинений Дамаскина комментарий, в котором не только истолковывались идеи Отца Церкви, но предлагались и языковые интерпретации. Этим комментарием пользовался Курбский [Besters-Dilger 1995: LXXII—LXXIII]. Мы полагаем, что Епифаний Славинецкий мог также быть с ним знаком [Podtergera 2006: 150—154].

Лексема *καθολικός* встречается в тексте Иоанна Дамаскина пять раз, в разных значениях или с разными оттенками одного и того же значения, что славянские переводчики не оставили незамеченным. Анализируя в дальнейшем все эти примеры, мы будем приводить их не в порядке их следования в тексте (его легко восстановить, поскольку всякий раз указываются цитируемые места), а согласно общей частотности их употребления в том или ином значении в христианской литературе⁵⁶.

3.1. Святая кафолическая и апостольская церковь

Единородность Отца и Сына — один из постулатов христианской доктрины: *Διδάσκει οὖν ἡ ἀγία καθολικὴ καὶ ἀποστολικὴ ἐκκλησία ἅμα πατέρα καὶ ἅμα τὸν μονογενῆ αὐτοῦ υἱόν...* [8, 96—97]. Здесь мы имеем дело с вышеуказанной стандартной устойчивой формулой из Символа веры, которая стала термином, обозначающим христианскую церковь (ср. среди словоупотреблений *ЕК I*). Эта формула сохранена в обоих латинских переводах. Фабер дословно следует греческому тексту: «Docet igitur sancta catholica et apostolica ecclesia, simul patrem, et simul unigenitum eius filium» [Faber 1527: 43]. Жак Билли стилизует предложение по законам латинского языка: «Sancta igitur et Catholica atque Apostolica Ecclesia simul et Patrem et unigenitum ipsius Filium docet» [177]. Славянские переводчики, дословно следуя тексту оригинала, интерпретируют термин по-своему:

⁵⁵ Так, например, Евфимий Чудовский, корректируя славянский перевод греческого текста слов Григория Богослова, прибегал к их латинскому переводу Билли [Горский / Невоструев: II/2, 103].

⁵⁶ Цитаты приводятся по следующим изданиям: 1) греческий текст [Kotter 1973]; 2) латинский перевод Фабера и славянский перевод Курбского [Besters-Dilger 1995]; 3) латинский перевод Билли и комментарий Клиштова [IoanDam 1577]; 4) Иоанн Экзарх [Sadnik 1967—1983]; 5) перевод XIV века [Weiher 1987]; 6) перевод Епифания Славинецкого [Славинецкий 1665].

Иоанн Экзарх [60b1–2]	перевод XIV в. [127b21–24]	Андрей Курбский [11a20–21]	Епифаний Славин- ецкий [Л. 4 ^v]
у҃чити ѡ҃бо вса҃чьскаѧ и апостольскаѧ* цр҃квы с҃ѣла, кѣде о҃ца тоу же иноч҃адаго емоу с҃ѣла *сѡборнаѧ / соборнаѧ с҃ѣла;	У҃чити ѡ҃бѡ с҃ѣла сѡборнаѧ и ап҃льскаѧ цр҃кѣи. въкоупѣ ѡ҃ца, въкѡпѣ ѣдинороднаго ѣго с҃ѣла	у҃чити бо с҃ѣла собор- наѧ и ап҃льскаѧ цр҃ко҃, коупно о҃ца, и коупно ѣдиноро҃но҃ его с҃ѣла	О҃у҃чи҃тъ ѡ҃бѡ с҃ѣла ѡ҃ каѡли҃ческаѧ ѡ҃ ап҃льскаѧ цр҃ковѣ, кѡпнѡ о҃ца, ѡ҃ кѡпнѡ ѣдинороднаго ѣго с҃ѣла

Приводя именно этот пример из «Богословия» в переводе Иоанна Экзарха, А. Гезен [1884: 96—97]⁵⁷ высказывает сомнение в том, что слово *вса҃чьскаѧ* могло выйти из-под пера преславского переводчика, поскольку далее в тексте перевода на месте греческого *καθολικός* оставлено *каѡли҃чскѣи* (см. ниже: п. 3.3). Однако современному исследователю это не дает повода для сомнений. К особенностям переводческой техники Иоанна Экзарха относят преднамеренную непоследовательность в употреблении терминологии, а также стремление на уровне перевода разъяснить содержание исходного слова [Sadnik 1967—1983: I, x; Weiher 1972: 143; Hansak 1977; 1979; 1981]. В данном случае греческий термин заменен славянским соответствием, имеющим значение ‘всеобщий’ и достаточно распространенным в древнейшей церковнославянской письменности⁵⁸. Так, например, словосочетание *вса҃чьскаѧ цр҃квы* как перевод *ἡ καθολικὴ ἐκκλησία* в значении ‘всеобщая христианская церковь, противопоставленная учению еретиков’ употребляется пять раз подряд в Супрасльской рукописи в Житии Иоанна Молчальника [Супрасълски 1982: 298 1—2, 5—6, 17—18, 29—30, 299 3—4]. Кроме того, в этом же кодексе в Толковании Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея встречается еще один случай, когда греческая лексема *καθολικός* переведена как *вса҃чьскъ*: *нъ ѡ҃де ѡ҃бо ѡ҃ вселѣ ѡ҃спѣѣтѣ глаголетъ всѣхъчѣтѣмѣ* — ‘Ἀλλ’ ἐνταῦθα μὲν περὶ πάσης ὠφελείας λέγει καθολικώτερον [Супрасълски 1982: 370 17—18]⁵⁹. Codex Suprasliensis, как известно, входит в канон древнейших церковнославянских памятников. Вошедшие в него переводы были изготовлены в Болгарии. Таким образом, у нас есть все основания видеть в лексеме *вса҃чьскъ* один из древнейших южнославянских соответствий греческого прилагательного *καθολικός*.

Показателен в этом отношении перевод формулы *ἡ ἀγία καθολικὴ καὶ ἀποστολικὴ ἐκκλησία* в сохранившемся в Четиих Минях митрополита Мака-

⁵⁷ Этот же пример со значением ‘universalis’, т. е. ‘всеобщий, вселенский’, приводится в [Miklosich: 120] (со ссылкой на [Горский / Невоструев: II/2, 301]) и [Срезневский: I, 476].

⁵⁸ Ср. [SJS: I, 372; СлДрЯ: II, 285—286; СлРЯ: III, 163]. Однако *вса҃чьскаѧ цр҃квы* как эквивалент *ecclesia catholica* приводится только в [SJS: I, 372].

⁵⁹ Грамматическое несоответствие славянского перевода греческой фразе для нас сейчас несущественно. В [SJS: I, 372] допущена ошибка при интерпретации данного примера: прилагательное *вса҃чьскъ* здесь подается как эквивалент греческому *πᾶς*.

рия Житии Константинопольского патриарха Евтихия. Здесь сообщается: *іако вслѣчески ѿ апѣльскы цркви крестѣ сѣи крѣнѣиѣмъ* — в греческом оригинале стоит: *ὅτι τῆς καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς ἐκκλησίας ἐβαπτίσθη τὸ ἅγιον βάπτισμα*. Издатели поняли это выражение следующим образом: «что крещень св. крещеніемъ соборной и апостольской церкви» [ВМЧ: Апрель 1—8, стлб. 188]. Однако очевидно, что это перевод греческой фразы. Смысл же славянского предложения затемнен: слово *вслѣчески* в данном примере не является атрибутом к существительному *цркви* — мешает предлог *ѿ*. Надо думать, мы имеем дело со случаем, когда переписчик не понял переводчика, потому что в восточнославянской языковой среде в XVI в. слово *вслѣчески* получило иное значение и больше не ассоциировалось ни с греческим прилагательным *καθολικός*, ни с его славянским эквивалентом *соборный*⁶⁰. В этом же Житии [Стлб. 198] встречается еще один случай, когда греческое *καθολικός* (но уже в значении ‘католикос, верховный церковный иерарх’, а точнее ‘монастырский игумен’) переводится как *вслѣчески*: «прїи́мъ скорѣ», *рекше ѿгѣменьствѣ всѣмъ, ѿже по митрополемъ, чернечьскомъ съборѣ, тѣмже ѿ вслѣчески ѿменѣтсѣ* — греческий оригинал сообщает: *ἀναδέχεται τὴν φροντίδα, ἥτοι Ἦγουμέναν ὅλου τοῦ ὑπὸ τὴν μητρόπολιν μοναχικοῦ Συστήματος, ὃθεν καὶ Καθολικός ὠνομάζεται* [ASS: I, LXIII]. Это дословный перевод. Вряд ли читатель, не обратившись к тексту греческого оригинала, мог бы понять, что речь идет о должности католикоса. Известно, что для ВМЧ далеко не все тексты переводились заново или сверялись с оригиналом перевода. Многие жития просто переписывались. К последним, скорее всего, и относится Житие Евтихия, в чем можно убедиться, если сравнить его с вошедшими в ВМЧ новыми редакциями других житий (ср. ниже Примеч. 65).

В переводе «Богословия» Иоанна Экзарха прилагательное *вслѣчески* встречается еще раз, однако в значении ‘всевозможный, всякого рода’: *вслѣскини... пѣ́ми* (308a2—4) как соответствие греческому *παντοίοις... κελαθήμασι* (90, 24). Абсолютно разные на сегодняшний день значения: ‘всеобщий’ и ‘всевозможный / всякого рода’, в церковнославянском языке составляли семантическое поле одного и того же слова. Очевидно, поэтому, чтобы подчеркнуть иной оттенок, иногда требовалось уточнение. В этой связи любопытен пример из «Шестоднева» Иоанна Экзарха, когда он прибегает к типичному для своей литературной техники методу словесных дублетов [Hansack 1977; 1979]: *и малыя пачинны всѣчъскыи и различныи языкъ пачинны вѣхъ* [Aitzetmüller: 172b28—172c3]. Экзарх использует два синонимичных слова, соединяя их союзом *и*, чтобы выразить одно понятие и чтобы с помощью второго слова конкретизировать значение первого, см. подробно в [Hansack 1977: 52—62; 1979]: *вслѣчески* — это тот, который ‘различны’.

Любопытен, кроме того, еще один пример употребления в «Шестодневе», в подобном контексте, лексемы *вслѣчески* в том же значении. Греческое

⁶⁰ Конечно, не следует исключать, что ошибка была допущена и в более раннее время, для этого необходимо провести текстологическое исследование рукописной традиции данного памятника.

предложение *Kaì ἡ θάλασσα τὰ παντοδαπὰ γένη τῶν πλωτῶν ὥδιε* Иоанн Экзарх передал как и море *въсѣчъскыа роды отъ плавающихъ породѣ*. Однако в других списках вместо *въсѣчъскыа* стоит *вселенныа* [Aitzetmüller: 174a26—174b1]. Данная параллель интересна потому, что она напоминает о еще одном славянском переводе выражения *ἡ καθολικὴ ἐκκλησία* и возвращает нас к исходной формуле со значением ‘всеобщая, вселенская церковь’. В названном А. Гезеном [1884: 97] сборнике поучений XII в. из библиотеки Троицкой лавры читается: *и҃хъ же и вселенъская и а҃льскаа ц҃ркы приа҃тъ*. Один из аргументов Кирилла Иерусалимского, почему церковь называется *кафолической* (ср. Примеч. 14), — *διὰ τὸ διδάσκειν καθολικῶς* (Cyrill. Hieros. catech. 18, 23 [Leclercq 1910: 2627]) — в славянском переводе звучит как и *занѣ оучитъ вселенъскы* [Гезен 1884: 13]. А. Гезен приводит эту цитату по «Сведениям и заметкам» И. И. Срезневского, в словарь которого этот пример не вошел. Однако в словаре И. И. Срезневского [I, 469] приводится другой пример, который возвращает нас к слову *различный*: в «Златоструе» (XII в.) в одном ряду стоят лексемы *различныи* и *вселенъскыи*: *Волнкоу родоу различноу и вселенъскоу ꙗкоу и птицама*. Славянское дублирование здесь отражает греческое — *ποικίλοις καὶ παντοδαποῖς*. Разница в значениях обоих слов едва различима: первое означает ‘разнообразный, различный’, второе — ‘разнообразнейший, разнородный’. У первого оттенок ‘пестрый’, у второго — ‘всевозможный’ [Lampe: 1109, 1004].

Добавим в семантическую цепочку *кафолическая* — *всяческая* — *различная* — *вселенская* еще два звена — *весь* и *соборный* — и снова вернемся к заявленной формуле. Данный ряд синонимов находит аналог в греческой традиции. В основе *παντοδαπά* лежит *πᾶς* — синоним *ὅλος*, а отсюда и *καθ’ ὅλου* [Schmidt 1969: 551–554]. Славянский книжник оба греческих слова переводил как *всь*⁶¹. Кроме того, нам известны случаи, когда и *καθολικός* передано как *всь*. В Житии Иоанна Златоуста, древнейший список которого сохранился в сербской рукописи XIV в., но перевод которого Э. Ханзак [Hansack: 18–79] не без оснований склонен связывать если не с самим Иоанном Экзархом, то с представителями той же самой переводческой школы, лексема *καθολικός* встречается четыре раза, причем дважды в славян-

⁶¹ Ср. [Miklosich: 119; Срезневский: I, 471–472; SJS: I, 368–369]. Чтобы остаться в рамках «Богословия» Иоанна Дамаскина, укажем на славянские индексы во всех используемых нами изданиях: *всь* является переводом для *πᾶς* и *ὅλος*. — Синонимическое употребление лексем *καθολικός*, *ὅλος* и *ὀλικός* встречается в переведенных Исайей Сербом на церковнославянский язык толкованиях Максима Исповедника к трактату псевдо-Дионисия Ареопагита «О божественных именах»: *καθολικά, ἥτοι γένη, ἥ ὅλα* — «гъво́ръныа, рекше, роды, или вѣа» [PG: IV, 213; ВМЧ: Октябрь 1–3, 409]. Данное место является комментарием к выражению Ареопагита: *θεωνυμίαν ὀλικήν* — «богоимѣнѣ гъво́рное» [PG: III, 637; ВМЧ: Октябрь 1–3, 408]. Таким образом, как синонимичные употребляются и славянские лексемы *весь* и *соборный*.

ском тексте с ней соотносится именно **въсь**⁶². Первый раз, когда речь идет об авторах церковных историй: *πάλιν δὲ ἀνεδείχθησαν μετ' ἐκείνους καθολικοὶ τῶν ἐκκλησιῶν ἱστοριογράφοι* — славянский книжник пишет: **пакы же ѿвнѣ по тѣхъ вѣхъ, цркви повѣстѣици пишущи** [Там же: 5, 16—17]. Налицо грамматическое несоответствие переводу: прилагательное *καθολικοί*, которое в греческом тексте является определением к *ἱστοριογράφοι*, переведено как **вѣхъ**. Э. Ханзак предполагает, что, возможно, это недописанное **въсѣхъ** или же **въсѣхъ**⁶³: первое встречается в Супрасльской рукописи (см. выше), которая обнаруживает многочисленные лексические параллели с переводом данного Жития [Там же: 107, 64—65]; второе употребляется далее в самом тексте в значении ‘всеобщая церковь, противопоставленная сообществам еретиков’: **нѣ пристѹпити къ всѣхъ цркви** — *ἀλλὰ προσελθεῖν τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ* (показательно, что в датируемом XVI в. русском списке этого жития **въсѣхъ** заменено на **всѣхъ**) [Там же: 107, 261, 13—14, 262]. Однако согласиться с исследователем трудно, потому что славянское предложение грамматически корректно: словоформа **вѣхъ** согласуется со словоформой **тѣхъ**, а соответственно, нет оснований подозревать, что здесь что-то недописано. Т. е. либо источник перевода был иным, либо переводчик интерпретировал текст по-своему. В пользу последнего говорит тот факт, что в переводе есть еще один случай, когда греческому *καθολικός* в значении ‘общий, всеобщий’ соответствует **въсь**: фраза *καὶ λέγοντος, μὴ δεῖν πρὸ καθολικῆς διαγνώσεως προπετές τι ποιεῖν* переведена как **и гл҃гоу не могу ꙗко др҃зотн ѡтворити, даже не оуѣдѣтъ бѣи г҃олы** [Там же: 639, 641, 18—1], т. е. греческому сочетанию *πρὸ καθολικῆς διαγνώσεως* в славянском переводе соответствует сочетание **бѣи г҃олы**. Согласно двуязычному индексу К.-Х. Майера [Meuser: 49—50], один случай перевода *καθολικός* как **въсь** встречается и в Супрасльской рукописи [354 18]: **въсѣмъ намъ по радѹ. не частн ꙗкѣнѣ поѡа ѡбидѣ блаженѣи да҃ида** — *Καθολικὸν ἡμῖν, καὶ οὐ μερικὸν μέλος ὑπαγορεύων ὁ μακάριος Δαυὶδ, ἐπηλθε ψάλλειν*. Примечательно то, что на месте *καθολικός* снова стоит **въсь**, а предложенный перевод грамматически снова не соответствует источнику: в греческом тексте рассматриваемое прилагательное определяет стоящее в винительном падеже существительное *μέλος*, но не личное местоимение в форме дательного падежа. Как мы помним, случай перевода *καθολικός* как **въсь** встречался также и в Ефремовской кормчей.

Скорее всего, мы имеем дело с еще одной закономерностью — фактом, что прилагательное *καθολικός* южнославянскими книжниками интерпрети-

⁶² Один раз она остается без перевода: **и ходѣи по всѣ дѣи въ цркви** [Hansack: 265, 13—14] — *καὶ ἀπὴρχοντο ἐν τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ* (имеется в виду здание католической церкви — кафедральный собор или приходская церковь, но ни в коем случае не «католическая церковь», как это следует из перевода Э. Ханзака [Там же: 266], ср. также [107, 262]).

⁶³ Примечательно то, что приведенный А. Гезеном [1884: 94] пример подобного перевода так же восходит к сербской рукописи (ср. Примеч. 37).

ровалось в том числе как *всѣ*. Подобную параллель можно обнаружить в польском и латинском контекстах: в качестве синонимов выражения *каѳолическая церковь* польские авторы вслед за латинскими (*omnis Ecclesia*) употребляли выражения *wszy(s)tek*, или *wobec Kościoł*, или же *wszytkiego świata Kościoł* [Słownik: XI, 42]. В этой связи показательно также и лексическое дублирование в сербско-церковнославянском переводе (XIV в.) философских глав, т. е. «Диалектики», Иоанна Дамаскина: греческое наречие *καθολικῶς* здесь передается одновременно двумя словами — *събор'нѣ по в'сѣмъ* [Weiher 1969: 8a1]⁶⁴, точно так же *καθόλου* — *по всемоу, сирѣчь събор'но* [Там же: 101b1].

Вернемся к нашей цитате из «Богословия» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха: в двух более поздних списках (один из них датируется XV в., другой — XVI в.) славянское соответствие *всѣхъ* заменено на *соборьныи*. Причем, как установила Л. Садник [Sadnik 1967—1983: I, XXII, XXIV], писцы обеих рукописей пользовались в том числе греческим оригиналом и «по-новому» переводили некоторые термины, но это не было новым переводом всего текста. То есть переписчики осознавали, что греческому *καθολικῆ* соответствует славянское *соборьныи*. Это была преднамеренная замена, с которой мы встречаемся также в поздних списках Жития Иоанна Молчальника. А. Гезен [1884: 96] обратил внимание на то, что в редакции этого Жития, представленной в Макарьевских Минеях, *всѣхъ* последовательно заменено на *соборьныи*⁶⁵. Таким образом мы выходим на один из самых распространенных славянских вариантов исходной терминологической формулы, означающей всеобщую, вселенскую, христианскую церковь — (*святая*) *соборная и апостольская церковь*. Этот вариант предлагает южнославянский переводчик «Богословия» в XIV в. К особенностям переводов того времени относят буквальное подражание языку оригинала, отказ от употребления заимствованных слов и нормированную передачу лексики: один и тот же греческий термин переводчик стремился последовательно передавать одним и тем же славянским словом [Weiher 1972: 154] — факт, который имеет место в первом полном переводе 100 глав «Богословия» [Weiher 1987: XVIII]: *καθολικός* последовательно переводится как

⁶⁴ В другом переводе, сохранившемся в сербском сборнике времен Стефана Лазаревича, на этом месте стоит просто *събор'нѣ* [Novaković 1877: 25].

⁶⁵ Ср. в Супрасльской рукописи [Супрасълски 1982] и ВМЧ [MLS: XLV]: *кѣ цр'кѣви же вѣсѣхъ* не *прѣдѣшталше* [298 1—2] — *τῇ δὲ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ οὐκ ἐκοινῶνει* — *собор'нѣ же цр'кви не причащашеся* [830b41—42]; *прѣстроѣти кѣ вѣсѣхъ* цр'кѣви [298 5—6] — *ἐνῶσαι τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ* — *примѣстити кѣ собор'нѣ цр'кѣ* [830c5—6], *прѣдѣштити кѣ вѣсѣхъ* цр'кѣви [298 17—18] — *κοινωνῆσαι τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ* — *прѣдѣштити сѣвѣр'нѣ цр'кѣ* [830c24—25], *и вѣсѣхъ* цр'кѣви *исповѣсть прѣдѣштити сѣ* [298 29—30] — *καὶ τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ καθολομολογήσῃ κοινωνῆσαι* — *и сѣвѣр'нѣ цр'кѣви оѣщаетсѣ причащенію* [830c41—42—830d1], *вѣсѣхъ* цр'кѣви *прѣдѣштити сѣ* [299 3—4] — *κοινωνῆσαι τῇ καθολικῇ ἐκκλησίᾳ* — *прѣдѣштити сѣвѣр'нѣ цр'кѣ* [830d6—8].

сборным, единственное исключение, что будет показано в дальнейшем, могло быть вызвано особыми причинами (см. ниже п. 3.4).

Как видно из приведенной выше таблицы с цитатами, в таком же виде, только в восточнославянской орфографии, данная формула-термин предстает в переводе Курбского. Бросается в глаза почти буквальное совпадение с переводом XIV в. Однако Ю. Бестерс-Дильгер [Besters-Dilger 1995: XXVII] утверждает, что Курбскому этот перевод был недоступен. Совпадение, в таком случае, объясняется не ориентацией Курбского на предыдущий славянский перевод, а тем, что в его время эта формула стала обиходной как в переводной, так и в оригинальной литературе. Так, например, три раза подряд на одной странице она встречается в опубликованном в БЛДР [VIII, 404] списке перевода «Тактикона» Никона Черногорца (1397 г.). К слову сказать, в этом же тексте должность церковного иерарха *католикос* переводится как *соборный* [Там же: VIII, 414]⁶⁶. Интересно употребление этой формулы в произведениях старца Филофея (первая половина XVI в.), с именем которого связывают распространение концепции 'Москва — Третий Рим'. Он рассматривает русскую культуру через призму общехристианских понятий: поскольку «старого... Рима церкви падеся невѣрием аполинариевы ереси», а «второго Рима, Константинова града церкви, Агаряне внуцы секирами и оскордѣи разсѣкоша двери», то престол «святыя вселенския соборныя апостольския церкви», которая «в концях вселенныя в православной христианстей вѣре... паче солнца свѣтитися», воссиял в Третьем Риме, в державе великого князя московского [БЛДР: IX, 300, 302]. Иван Грозный, в 1570 г. отвечая польскому протестанту Яну Роките, использовал топоним единой христианской церкви, распространившейся по всей вселенной: «...христианская соборная и апостольская церкви едина есть. Аще и во едином мѣстѣ, во граде, или веси, или повсюду вселенныя...» [БЛДР: XI, 248]. Количество примеров можно до бесконечности умножать⁶⁷. Для нас важно то, что авторы, которые употребляли эту формулу, понимали, что речь идет о *всеобщей* церкви. Именно такое значение имеет слово *соборный* в данном случае. И именно такое значение в этой же формуле имеет лексема *καθολικός* / *catholicus* в Символе веры.

Славянский эквивалент христианского термина в середине XVII в. был хорошо знаком Епифанию Славинецкому. В переводе словаря Калепина

⁶⁶ Греческое заимствование *католикос* для обозначения должности церковного иерарха в СлРЯ [VII, 92] зафиксировано только в памятниках середины XVII в.

⁶⁷ Ср. примеры на употребление этой формулы в различных значениях — как более общих (христианская церковь), так и в более частных (кафедральный собор) — в материалах, опубликованных в [РИБ: 142, 191, 194, 196, 205, 217, 318, 326 (дважды), 327 (дважды), 328, 330, 452, 531, 532, 533, 534, 557, 558 (дважды), 584 (дважды), 588, 591, 619, 637, 648, 701]. Ср. также многочисленные примеры в «Словаре юридической, политической и религиозной лексики России XVI в.» [Giraud / Maniscalco: 888—893].

(1642 г.) латинскому *catholicus* он подобрал два славянских варианта: «каѳоличе(с)ки(й), собо(р)н(ы(й))» [Лексикони: 115]. В Лексиконе Федора Поликарпова [Поликарпов: 637], который является переработкой греко-славяно-латинского словаря Епифания Славинецкого, спектр значений представлен несколько шире: *Совѣрный, повѣстивенный, каѳоликѣс, συνδικѣс, uniuersalis, catholicus, каѳолическій*. В своем переводе «Богословия» Епифаний сохраняет заимствование. Точно так же он поступает в переводе Символа веры: *Вѣдѣ единѣхъ Свѣтъхъ Каѳолическѣхъ и ѿплѣскѣхъ црковѣ* (цит. по [Гезен 1884: 126]). Это следует объяснять не его стремлением подражать греческому образцу, а тем, что Епифаний Славинецкий, один из образованнейших людей своего времени, воспроизводит хорошо известный христианский термин, употребление которого в данной формуле подтверждено традицией — как греческой, так и латинской. При переводе Епифаний обращается к текстам на других языках. Один из ведущих принципов перевода в XVII в., до сих пор недооцененный в исследовательской литературе, — *ѿкъ и прочѣхъ ѿзыкъ переводы свидѣтельствуютъ* (см. об этом подробнее в [Podtergera 2006: 147—156]). Параллельный латинский текст сохраняет греческое заимствование. Однако многочисленные случаи такого словоупотребления можно найти и в современной Епифанию восточнославянской традиции (см., например [Титов: 27, 55, 96—97, 105, 174]). Заимствованное слово сужает спектр значений, исключая тем самым ненужные интерпретации. Этим, скорее всего, и обусловлено его употребление эрудитом, знающим христианскую традицию во всех ее тонкостях.

Подводя итоги этого обзора, вернемся еще раз к древнейшей славянской традиции. Соборные правила в Номоканоне Иоанна Схоластика из Устюжской кормчей, перевод которого связывают с именем Мефодия, гласят: *да послѣдоуютъ въ всѣхъ догматѣхъ каѳоликии ап(о)с(то)л(ы)кѣхъ црквѣ* (цит. по [SJS: II, 17]). Кирилл и Мефодий, как утверждали А. Гезен и Ф. Гривец, начали с заимствования общехристианского термина. Их последователи (хотя не следует исключать и того, что подобные варианты могли предложить уже и сами первоучители) попытались объяснить чуждое слово, передав его основное значение — ‘всеобщий, всеохватывающий’ — образованиями с корнем *-весь-* и лексемой *соборный*. Тем не менее заимствование *каѳолический* вплоть до конца XVII в. не было забыто в церковнославянской письменности.

Зададимся вопросом: насколько последовательными были переводчики при передаче одного и того же слова в рамках одного и того же текста.

3.2. По преданию каѳолической церкви

В главе 83 «О вере» (*Περὶ πίστεως*) Иоанн Дамаскин утверждает: *‘Ο γὰρ μὴ κατὰ τὴν παράδοσιν τῆς καθολικῆς Ἐκκλησίας πιστεύων, ἢ κοινωνῶν διὰ τῶν ἀτόπων ἔργων τῷ διαβόλῳ, ἄπιστός ἐστιν* (83, 5—7). Якоб Фабер в своем переводе несколько отступает от греческого оригинала: «Qui enim secundum traditionem catholicae ecclesiae credit, sed communicat operibus diabolo,

infidelis est» (495). Жак Билли передает его достаточно точно: «Nam qui iuxta Ecclesiae Catholicae traditionem non credit, vel per flagitiosa opera cum diabolo commercium habet, fidei expers est» (305v). Славянские переводчики снова интерпретируют текст каждый по-своему:

перевод XIV в. (348a16—21)	Андрей Курбский (124a10—12)	Епифаний Славинецкий (Л. 45 ^е)
ниже бѣ не по прѣдани[ю] сѣбоуни цркви вѣроуей. нѣ приобщае се непобѣднѣ дѣлѣ дѣиаволѣ, невѣрнѣнъ ѿ.	кто оубо по преданію христѣанскѣ цркви вѣрѣтъ, а дѣлы дѣиаволѣу сообщаетсѣ, нѣсть вѣрнѣнъ.	Не по преданію бо католическѣ цркви вѣрѣа. или ѿществоа безличѣстными дѣлы дѣиаволѣ, невѣренъ єсть.

Иоанн Экзарх эту главу из «Богословия» Иоанна Дамаскина не перевел.

Переводчик XIV века и Епифаний Славинецкий придерживаются своих принципов, они последовательно используют одно и то же слово: первый — славянское, второй — заимствованный общехристианский термин.

Отдельного комментария заслуживает перевод Андреем Курбским латинского прилагательного *catholicus* как *христианский*. Такая интерпретация встречается и в других его произведениях. Так, в «Истории о великом князе Московском» он пишет: «Внегда же путь Господень оставили и вѣру церковную отринули» [БЛДР: XI, 382]. Значение словосочетания *вера церковная* становится понятным из дальнейшего изложения, когда Курбский, в рамках одного абзаца чередуя выражения *христианская вера* и *католическая вера*, объясняет последнее и при очередном использовании заменяет его на синонимическое: «И бишася много со живущими ту... варвары и едѣва возмогоша... наклонити ихъ... ко познанию християнские вѣры...». Следующее предложение начинается: «Внегдаже пребывахомъ въ каталицкой вѣрѣ...»⁶⁸; маргинальная помета объясняет, что значит «каталицкой» — «церковной». Далее в том же абзаце читаем: «Ныне же, егда отступихом от веры церковные...» [БЛДР: XI, 382]. Это совершенно целенаправленное использование синонимических выражений, которое, кстати, свидетельствует об уровне владения Курбским техникой литературного перевода. Однако для нас сейчас важно другое: лексемы *христианский*, *католический* и *церковный* в данном случае являются абсолютными синонимами, которые заменяют друг друга. В этот же ряд следует поставить и *соборный* как еще один из вариантов, которые Курбский использует для перевода *catholicus*.

Эта интерпретационная цепочка вызывает значительный интерес. С одной стороны, она соответствует славянской традиции понимания данного

⁶⁸ СлРЯ [VII: 92] предлагает для данного случая совершенно неоправданную интерпретацию: «относящийся к вероисповеданию западной христианской церкви, возглавляемой римским папой». В параллельно опубликованном переводе на современный русский язык также предлагается слово *католический*, что делает текст бессмысленным [БЛДР: XI, 383].

термина, которое было обусловлено традицией употребления его в греко-латинской христианской письменности. С другой стороны, она напрямую вписывается в контекст разгоревшегося в Западной Европе в первой половине XVI в. религиозного конфликта, который, с точки зрения истории языка, стал в том числе конфликтом семантических интерпретаций.

Ссылка на предания каѳолической — всеобщей, христианской — церкви (ἡ τῆς καθολικῆς τοῦ θεοῦ ἐκκλησίας παράδοσις / *catholica traditio* [Gesner: I, 799; Forcellini: I, 556; Blaise: 822; Lampe: 1014—1016]) также относится к *общим местам* христианской литературы и используется чаще всего как опорный аргумент, подтверждающий авторитетность того или иного высказывания или праведность того или иного деяния. Это выражение встречается, например, в «Волоколамском патерике»: «творяще по преданию соборныя церкви» [БЛДР: IX, 28], т. е. 'поступая согласно христианским заветам' или же 'заветам христианской веры'. В ВМЧ [Апрель 1—8, Стлб. 114] в «Слове от патерика» некий впавший в соблазн брат увещается: Не держи тако ѿче, но ꙗкоже предасть намъ соборная цркъвь. В качестве синонимичных выражений — как и в греко-латинском контексте [Lampe: 1015 (B4f)] — употребляются: 'от церковного / апостольского / отеческого предания', 'по преданию христианской / православной веры' и подобные. В Изборнике 1073 г. читаем: приѣмѣж же всѣ цркъвнаѣ прѣданныѣ и ѡтъ цркъвнаѣго прѣданныѣ (22в20—22; 127б14—15, то же: 259в10—11). Митрополит Фотий пишет в отправленном в Псков послании о стригольниках (1427 г.): «преданіе христіанскія вѣры утвердивше» [РИБ: 478]. Автор опубликованных А. Поповым полемических сочинений против латинян (1580 г.) заявляет: «наипаче же не сохранише преданія святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ седми соборъ вселенскихъ, иже предаша съ римскими первыми православными папами всимъ церквамъ единоподержати исповѣданіемъ православныя вѣры, яко же мы ныне держимъ»; или: «также и мы бѣдная Русь... святого преданія православныя вѣры держимо» [ЧОИДР: 39—40]. У Максима Грека это один из излюбленных аргументов в антилатинских и антиеретических сочинениях: «Такожде и церковная ихъ (богодухновенныхъ отецъ) преданія... и списаша и предаша святѣи и апостольстѣи и соборнѣи церкви», «поелико супротивно носитеся апостольскихъ правилъ и отеческихъ преданій... соборную Церковь разколисте», «мы держимъ вся благочестія тайны и богословная догматы апостольскихъ и отеческихъ церковныхъ преданій» [МГ: I, 22, 186]; «но ниже сіе согласуетъ преданію соборныя церкви...» [МГ: III, 114].

Здесь следует говорить уже не о лексико-семантическом, а о синтагмо-семантическом поле. Все приведенные выражения — а их число в рамках специального исследования можно увеличить (ср. примеры к лексеме *прѣдание* в [Срезневский: II, 1628]) — имеют одно и то же значение и употребляются с одной и той же целью: они говорят о наличии единой христианской доктрины и подчеркивают ее истинность и непорочность. Отдельные компоненты этих синтагм будут также находиться в синоними-

ческих отношениях, что приведет к развитию дополнительных значений того или иного слова. Как синонимы — и это сохранится до сегодняшних дней — будут употребляться *церковь* и *вера*; *предание*, *завет* и *правило*. Один ассоциативный ряд будут образовывать прилагательные *христианский*, *католический*, *соборный*, *церковный*, *апостольский*, *отеческий*, *православный*, *евангельский*, *пророческий*. Максим Грек в «Слове ответном Николаю Латынянину», доказывая незыблемость Символа веры, в одном абзаце воспроизведет почти весь обрисованный здесь ассоциативно-семантический круг:

«преданное намъ крѣпцѣ исповѣданіе соборныя и апостольскія непорочныя вѣры. Имѣть же сие (далее следует изложение Символа веры, из которого нам интересен только девятый член): [верую]... во едину святую, Соборную и Апостольскую Церковь... Сія вѣра пророческая, сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православныхъ, сія вѣра вселенную утверди» [МГ: I, 408—409].

Вопрос о том, в какой степени значения этих лексем можно подвести к единому инварианту и что это будет за инвариант — ‘христианский’, ‘католический’, ‘апостольский’ или какой иной — станет одним из предметов западноевропейского религиозного спора первой половины XVI в., спора, который приведет к еще одному разделению церквей, что в свою очередь станет причиной конкретизации и сужения значений отдельных слов, которые до того функционировали как взаимозаменяющие или дополняющие друг друга синонимы.

На том, что *catholicus* следует понимать, а следовательно и переводить как *христианский*, настаивал Мартин Лютер: он апеллировал к изначальному значению слова и утверждал, что теперь уже под ним понимают прежде всего папу и его кардиналов (см. подборку цитат по теме «Des Pabsts Kirche ist nicht die heilige katholische Kirche» («Папская церковь — это не святая католическая церковь») в [Luther 1986: XXIII, 955—957]). В 1538 г. в переводах трех Символов веры девятый член Никейского символа Лютер [WA-50: 283] перевел как «eine Heilige, Christliche, Apostolische Kirche» — «единая святая христианская апостольская церковь», и сопроводил этот перевод следующим комментарием:

(Christlich) Catholica kan man nicht wol besser deuschen denn Christlich, wie bis her geschehen, Das ist: wo Christen sind in aller Welt, da wider tobet der Papst und will seinen hoff allein die Christliche Kirche geheissen haben, Leugt aber, wie der Teuffel sein Abgott.

(Христианская). Слово *catholica* лучше, чем *христианская*, невозможно перевести на немецкий, как это и было до сих пор. Это значит: где бы ни были на Земле христиане, там также беснуется папа и хочет, чтобы только его двор назывался христианской церковью. Однако он лжет, как его кумир — черт.

Церковные реформы Мартина Лютера не вызывали симпатий со стороны древнерусских книжников. Лютеранское учение они приравнивали к

ереси. Однако перевод лексемы *catholicus* как *христианский* был достаточно распространенным явлением в польской языковой культуре XV—XVI вв. В этом смысле показателен следующий пример:

(w) kościele Świętym krześcijańskim / y Apostollkim / kthory się nie w Rzymie zá Papieżow / ále iefztze od Iádamá y Iewy zátzał / był zá Krystulá y Apoftholow iego / y po wŹyŹstkim Źwiećie się roŹproŹyŹł [Słownik: XI, 39:], —

очевидна стандартная формула *святая каѳолическая апостольская церковь* (kościół święty krześcijański i apostolski), расширенная до устойчивого мотива *распространенная по всей земле* (po wszystkim świecie się gosproszył), см. также многочисленные примеры на перевод *catholicus* как *христианский* в [Karpluk 2001: 16]. Польский контекст, вероятнее всего, и мог оказать непосредственное влияние и на восточнославянскую письменность. Князь Курбский не одинок в своей интерпретации латинского *catholicus* как *христианский*. Такой же вариант предлагается, например, в тексте Символа веры в рукописи Синод. 558, л. 59—59 об. Рукопись датируется, главным образом, XVI в. [Горский/Невоструев: II, 3, 761—771]. Вперемешку с церковнославянским переводом здесь дается записанный кириллицей латинский текст Символа. Интересующее нас место читается следующим образом: [кредо инь] ^мспирит^му^м / ^мСанакт^м ^мсанкта. вѣрѣю в^мдѣ^ма с^мгаго ст^м / ^мѣкклекл^ми^мз^м католика ... цр^мк^мвь хри^мст^минск^м...

3.3. Каѳолические послания святых апостолов

Прилагательное *каѳолический*, как было указано выше, закрепилось и в качестве атрибута семи апостольских посланий, образуя устойчивое словосочетание *каѳолические послания*. Иоанн Дамаскин, перечисляя книги Нового завета, называет и *καθολικά ἐπιστολαὶ ἑπτὰ*: Ἰακώβου μία, Πέτρου δύο, Ἰωάννου τρεῖς, Ἰούδα μία (90, 74—75). Фабер дословно следует греческому тексту: «Catholicae epistolae septem, Iacobi una, Petri duae, Ioannis tres, et Iudae una» (563). Жак Билли несколько изменяет порядок слов, строя вторую часть фразы по принципу хиазма: «septem Catholicae Epistolae, una Iacobi, duae Petri, tres Ioannis, Iudae una» (326). Для нас важно то, что оба западноевропейских переводчика, как и в предыдущих случаях, сохраняют заимствование (выбора у них не было: данный термин пустил прочные корни в латинской традиции). Подобным образом ведут себя и славянские книжники, в той или иной степени знакомые с общехристианской традицией употребления данного словосочетания:

Иоанн Экзарх [313a5—8]	перевод XIV в. [397612—15]	Андрей Курбский [141a8—10]	Епифаний Славянецкий [Л. 51]
и каѳолкини* епис- толи; ^м иаковѣи ^м ѣдина, ^м петровѣ двѣ, ^м иоановѣ ^м три, ^м иудова ^м ѣдина *сборьныи;	Съборьниѣ* епѣстолиѣ. и ^м иаковѣи ^м ѣдина. пет- ровѣ двѣ ^м иоановѣ три. ^м иудина ^м ѣдина. *съборьниѣ / съборное	Каѳолцкѣи епистолѣ* ^м ѣ, ^м иаковѣи ^м ѣдина, ^м перовѣ двѣ, ^м иоановѣ три, ^м иудино ^м ѣдино.	Каѳолѣческаѣ посланиѣ ^м ѣдина ^м иаковѣи ^м ѣдино, ^м Петровѣ двѣ, ^м иоановѣ три, ^м иудино ^м ѣдино.

⁷⁰ В издании Ю. Бестерс-Дильгер церковнославянский текст примечаний Курбского набран латиницей. Поскольку у нас не было возможности сверить этот текст

каѡолицкие, сире(ч), црко(в)нические почему нарицаю(т)ся? потому, иже цркви утвержающе в ра(з)сѣлании сущи(х)... писали самые апо(с)толи? а не такъ яко нѣцы(и) бладу(т), иже бы ста(р)цы або прозвители..., писали и(х) црко(в)ные, а не ап(с)ли, и пото(му) наричутся црковъные, и тытулы... ап(с)льские чести ра(ди) приписали к ни(м): сию бо ере(с) на мо(с)квѣ слыша(х) о(т) нѣкотory(х) кирило(в)ски(х) мнихо(в)... [141].

Курбский, очевидно, не делает разницы между словами *церковь* и *собор*, а соответственно и *церковный* и *соборный*. Такую синонимию фиксирует и восточнославянская лексикографическая традиция XVII в. Так, согласно Азбуковнику, «еклисиясть» значит «црковни^к или соборникъ» [Ковтун 1989: 184–606]. Памва Беринда [Беринда 155] утверждает: Црковъ ѣсть нѣтъана ѿ царѣ, иже царскимъ домомъ ѣтъ. а в Грекомъ языкѣ Екклисиа, црковъ. ѿнакъ называється, съборъ, ѿ зобранѣ. Переводя латинский словарь Калепина, Епифаний Славинецкий подбирает для *ecclesia* следующие славянские варианты: «це(р)ковъ, собрание, собо(р)» [Лексикони: 173]. Подобным образом Арсений Сатановский в славяно-латинском словаре [Там же: 514] объясняет *съборный* через «Vniuersalis. Capitalis. Ecclesiasticus»⁷¹. Словосочетание *соборные послания* было весьма распространенным в древнерусской книжности и сохранилось в современном языке. Лексема *соборный* вместо латинского *catholicus* уже встречалась в переводе Курбского. Употребляя на этот раз заимствованный термин, который он наверняка мог видеть и в используемом им списке перевода Иоанна Экзарха, незаурядный литератор предлагает новый вариант, что наверняка соответствовало его представлениям о стиле, стремлению следовать принципу *varia- tio delectat*, см. об этом в [Liewehr 1928: 39–42].

Заимствованного слова в третий раз в переводе «Богословия» придерживается Епифаний Славинецкий. Единственное уместное, на наш взгляд, тому объяснение: он следует хорошо знакомой ему письменной традиции употребления христианского термина. К слову сказать, значение прилагательного *каѡолический* как атрибута апостольских посланий специально оговаривается в опубликованном в греко-латинском издании, которым Епифаний пользуется для своего перевода, комментарии Жосса Клиштова (л. 328^v: «Cur Catholicae epistolae nuncupentur septem quatuor Apostolorum epistolae» — «почему семь посланий четырех апостолов называются каѡолическими?»), настаивающего на употреблении именно определения *каѡолические*, но ни в коем случае не *канонические*⁷²:

с рукописью, мы передаем его гражданским кириллическим шрифтом, чтобы не вносить собственных палеографических интерпретаций.

⁷¹ Такое же толкование сохранит и основанный на всех этих трех словарях *Lexicon Slavonicum* Спарвенфельда: «Церковь : соборъ...», «Церковный : соборный. Ecclesiasticus, quod ad Ecclesiam pertinet» [Sparwenfeld IV, 5350–5351] — «церковный, то, что относится к церкви».

⁷² В 1527 г. Якоб Фабер, чей перевод «Богословия» Иоанна Дамаскина мы используем в данной работе, отдельной книгой издал собственные комментарии к

Caeterum et id annotare hic non fuerit superuacuum, quod septem illae epistolae sanctorum quatuor Apostolorum, Iacobi, Petri, Ioannis et Iudae, recto et apto nomine nuncupantur Catholicae, id est uniuersales, quod non scribantur ad aliquam particularem Ecclesiam aut singularem hominem, quemadmodum epist(olae) beati Pauli: sed indifferenter et promiscue ad totum credentium in Christum coetum, universamque Christianorum congregationem excepta secunda et tertia epistola Ioannis. Scriptorum autem imperitia factum est (ut nonnulli viri eruditissimi coniectant) quod commutatis aliquibus mediarum syllabarum litteris, pro Catholicis vulgo Canonicae dicantur epistolae: cum non Canonicae, sed Catholicae sint appellandae.

(И кроме того, не будет излишним заметить, что эти семь посланий четырех святых апостолов — Иакова, Петра, Иоанна и Иуды — называются правильным и подходящим именем *кафолические*, т. е. 'всеобщие', поскольку написаны не к какой-нибудь конкретной церкви или к отдельному человеку, как, например, послания блаженного Павла, но без различий и вообще ко всему верующему во Христа сообществу и вселенскому обществу христиан, исключая второе и третье послания Иоанна. По неопытности же переписчиков (как объясняют некоторые ученые мужи) произошло так, что переменили несколько букв средних слогов и сплошь и рядом послания вместо кафолических называются каноническими, тогда как должны называться не каноническими, а кафолическими).

Приведенные в данном разделе примеры еще раз показывают то, что заимствование *кафолический*, вопреки утверждениям А. Гезена и Ф. Гривца, после XIV в. не было забыто церковнославянской книжностью. В XVI в. его использует переводивший с латинского языка Андрей Курбский, в XVII в. — переводчик с греческого языка Епифаний Славинецкий. Оба автора ориентируются в традиции греко-латинской христианской книжности. Оба знают и славянскую письменную традицию. Они воспроизводят хорошо известное им христианское стандартное выражение — *кафолические послания*, которое используется и обсуждается в современной им научно-богословской литературе и помимо того встречается в славянской письменности. Вопрос о том, как церковнославянская языковая традиция контактировала с западноевропейской и какое влияние оказывала послед-

кафолическим посланиям святых апостолов. В предисловии он пояснял: «...rari admodum reperiuntur Commentarij in Epistolas, quas nostri Canonicas, Graeci Catholicas dicunt, hi quidem quod uniuersaliter ad omnes fideles spectent, siquidem *καθολικός*, uniuersalis dicitur. Illi uero, Canonicas, quod recte uiuendi secundum spiritum et uerum Christianismum contineant canonem, id est regulam» — «...весьма редко встречаются комментарии к посланиям, которые наши называют каноническими, а греки кафолическими. Они (греки) потому (их так называют), что они обращены вообще ко всем верующим, ибо *καθολικός* значит *всеобщий*. Наши же (называют их) каноническими, потому что они содержат каноны, т. е. правила, как следует правильно жить согласно духу и истинному христианству...» [Faber 1527: без пагинации]. См. также подобные примеры и интерпретации в [OxfEngDic: II, 988; Kirchenlexikon: II, 1296—1299 и Siegert: 121].

няя на формирование и закрепление славянской богословской терминологии, непременно должен оказаться в центре внимания исследователей.

3.4. Научный термин

Как было показано в первом разделе настоящей работы, термин *καθολικός* в своем изначальном значении — ‘общий, всеобщий’ — употреблялся в античных науках: философии, логике, риторике, грамматике и др. «Внешняя мудрость», по Иоанну Дамаскину, является одной из неотъемлемых составляющих «источника знаний» образованного священника, служить подручным справочным средством которого и должна была *Πηγή γνώσεως*: «Догматику» Дамаскин предварил «Диалектикой», с тем чтобы разъяснить философские понятия, которые получают употребление в теологии, и еще раз обратиться к ним при изложении основ истинного христианского учения [Richter 1982: 33, 72].

Соотношение между субстанцией (*οὐσία*) и ипостасью (*ὑπόστασις*) Иоанн Дамаскин объясняет в аристотелевских категориях общего и частного: *καὶ ὅτι εἰς ἐστὶ θεός· λαμβάνεται δὲ καὶ ἐπὶ τῶν ὑποστάσεων ὡς τοῦ μερικωτέρου δεχομένου τὸ τοῦ καθολικωτέρου ὄνομα* (48, 8—10) и *Τὰ κοινὰ καὶ καθολικὰ κατηγοροῦνται τῶν αὐτοῖς ὑποκειμένων μερικῶν. Κοινὸν τοίνυν ἡ οὐσία, [ὡς εἶδος,] μερικὸν δὲ ἡ ὑπόστασις* (50, 1—2). Латинские переводчики передают исследуемый нами термин разными выражениями. У Якоба Фабера это — *всеобщий*, причем в первом случае он образует сравнительную степень от латинского прилагательного *universalis*, что семантически вряд ли возможно (так же, как и в соответствующем русском варианте: слово *всеобщий* в силу своего значения не предполагает сравнения, оно выражает конечную степень признака), однако переводчик таким образом буквально следует греческому тексту и по греческому образцу придает латинскому слову иное, более узкое значение⁷³: «et unus est Deus: sumitur etiam et de hypostatibus, ut particulariori suscipiente universalioris nomen» (282) и «Quae communia et universalis sunt, praedicantur de subiectis sibi particularibus. At quia substantia communis est, particulare vero hypostasis» (292). Жак Билли выбирает вариант, соответствующий этому иному значению греческого термина и допускающий образование компаратива — *общий* (ср. русск.: *более общий*): «(...et, Unus est Deus:) tum etiam de personis, nimirum eo quod specialius est,

⁷³ Точно так же поступает в XIII в. Роберт Гроссетесте [Grosseteste: 7 4, 5, 6, 21, 27, 28; 8 26, 27; 11 22, 25; 35 8, 40, 41, 80], переводчик «Диалектики» на латинский язык. Жосс Клиштов в своей комментарии также использует слово *universalis* в форме компаратива: «Hic enim Deus hypostatice sumitur et personaliter: primo quidem loco pro solo patre, secundo pro filio, tertio pro spiritu sancto. Et ibidem quod particularius est, suscipit nomen universalioris...» (250; «Ведь здесь в самом деле Бог понимается как сущность и как лицо: во-первых, как единый Отец, во-вторых, как Сын, в третьих, как Дух Святой. И здесь то, что более частное, принимает имя более общего...»).

generalioris nomen suscipiente» (249v) и «Quae communia et generalia sunt, de particularibus sibi subiectis praedicantur. Commune porro quiddam essentia est: particulare, persona» (252^v)⁷⁴. Перед славянскими книжниками стоит задача передать новый — нерелигиозный — контекст словоупотребления:

перевод XIV в. (249b26—250a3)	Андрей Курбский (71a5—7)	Епифаний Славинецкий (Л. 28 ^f)
и ꙗко єдинъ ѿ бѣ. прїѣмлетъ же се ѿ ѿ сѣставѣхъ, ꙗко же ѿ чести прїѣмлемоу ѿже ѿбщишемоу ѿме	і єдинъ єсть бѣа: вываєт се прїемаємо і о сѣставѣхъ, іже частнє прїавшъ всеобщаго іма	и ꙗко єдинъ бѣа. Прїѣмлетсѧ же и ѿ ѿпостѣсѣхъ, ꙗко частншъ прїѣмашъ повсѣмст- веншаго іма
(254a25—b3)	(73b7—8)	(Л. 28 ^v)
Иже ѿбща и сѣборна по- казуѣт се, иже тѣмъ по'леж- цимъ честнѣмъ. ѿбще о'бще со- щество, ꙗко видѣ. честно же сѣставѣ	Иже ѿбще і всѣ въкупѣ соутъ проповѣдоуѣтсѧ о'т по'лежацихъ и частныхъ. а и* сощество о'б- ще єсть, частно же по'бѣтѣ	ѿбща и повсѣмственнаѧ, на- глаголюѣтсѧ ѿ ѿмъ по'леж- цихъ частныхъ. ѿбще ѿбще сѣщество, ꙗко видѣ: частное же, ѿпостѣсѣ

Переводчик XIV в. первый и единственный раз отступает от своих принципов и переводит *καθολικός* как *общий*. Значит ли это, что он не может образовать степень сравнения от лексемы *соборный*? Вряд ли. В изготовленном тогда же переводе «Диалектики» [Weiher 1969: XXXV] форма *сѣбор'нѣши* употребляется 18 раз. Она встречается и в переводах Исайи Серб (1371 г.) сочинений псевдо-Дионисия Ареопагита с комментариями Максима Исповедника: «сѣборнѣйше сего» — *καθολικωτάτη τῶν τῆσδε*, «сѣборнѣйша суть иже обиемительная» — *καθολικωτάτη... ἐστὶ τὰ περιεκτικώτερα* [ВМЧ: Октябрь 1—3, 623, 624; PG: III, 373; IV, 117]; в обоих случаях с помощью *сѣбор'нѣши* передается превосходная степень греческого прилагательного.

⁷⁴ Билли, судя по всему, сознательно не образует степени сравнения от *universalis*. В своем переводе «Диалектики» греческое *καθολικός* в сравнительной степени он передает чаще всего как *latius*, ср.: «...genus appellatur. Velut, animal hominem, bouem, equum continet: latiusque patet quam species» [IoanDam 1577: 421; ср.: 420^v, 422^v, 425, 425^v, 426, 432, 432^v] — *λέγεται γένος οἷον τὸ ζῶον· περιέχει γὰρ ἄνθρωπον, βοῦν, ἵππον, καὶ ἐστὶ καθολικώτερον τοῦ εἶδους* [Kotter 1969: 541/544 78—79; в дальнейшем даются ссылки на это издание] — гл҃ет' се родъ, ꙗкоже живот'но, ѿбдыржѣтъ бо чл҃вкъ, конѧ, вола и ѿ сѣборнѣйше вида [Weiher 1969: 16a6—8]. Для положительной степени он использует *generalis*, ср.: «... vel generalis est, vel particularis. Generalis, ut homo: particularis, ut Petrus, Paulus... generalis, hoc est communis» [IoanDam 1577: 421], соответствует греческому 540/541 22—27 и славянскому 13b6—14a2; см. ниже. Один раз сравнительную степень от *καθολικός* он передает как *generalioris* [Там же: 427^v] и дважды в одном предложении прилагательным *universalis* в положительной степени: «ei quod universale est, ad praedicationem subiicitur. Quandoquidem quod universale est...» [Там же: 425^v] — *ὑπόκειται γὰρ τὸ μερικὸν τῷ καθολικώτερω πρὸς κατηγορίαν, ἐπειδὴ τὸ καθολικώτερον...* (580/581 5—7) — по'лежит' бо честное сѣбор'нѣшмоу къ показанию, понижѣ сѣбор'нѣшме... (39b6—7).

Отступление переводчика XIV в., на наш взгляд, может быть объяснено двояко. Во-первых, в «Богословии» Иоанна Дамаскина лексемы *κοινός* и *καθολικός* употребляются как абсолютные синонимы⁷⁵. В начале главы 48 при объяснении разницы между субстанцией и ипостасью используется первый термин: ... ἡ μὲν οὐσία, τὸ κοινὸν καὶ περιεκτικὸν εἶδος τῶν ὁμοειδῶν ὑποστάσεων σημαίνει οἶον θεός, ἄνθρωπος, ἡ δὲ ὑπόστασις ἄτομον δηλοῖ ἥτοι πατέρα, υἱόν, πνεῦμα ἅγιον, Πέτρον, Παῦλον (48 3—5; «... субстанция означает общий и всеобъемлющий вид одновидовых ипостасей, как Бог и человек; ипостась же выражает неделимое, т. е. Отца, Сына, Святого Духа, Петра, Павла»). (В переводе XIV в. это *ѡбщій и ѡбъѣмъжнй видъ* [249b8—9]; у Курбского — *ѡбщнй і тотже зракъ* (70b21), с латинского «communem et contentivam earum quae eiusdem specie» (282); у Епифания Славинецкого — *ѡбщій и ѡбъѣмъжн-телный видъ* (27^v)). При следующем употреблении, которое соответствует приведенным в таблице цитатам, используется второй термин. Точно так же в главе 50: она начинается языковым дублетом *κοινὰ καὶ καθολικά* (что показывают цитаты в таблице), в следующем предложении сохраняется только *κοινόν*, которому во всех славянских переводах соответствует *общее*. Как друг друга заменяющие синонимы обе лексемы представлены и в «Диалектике»: *καθόλου ἥγουν κοινῆς* — *съборноу, ирече ѡбщему* (14a1). Подобная синонимия прослеживается, кроме того, на уровне употребления одного и того же устойчивого выражения, например *общее / всеобщее воскресение*. В трактате «О божественных именах» псевдо-Дионисий Ареопагит использует слово *κοινός*: *τῆς... κοινῆς ἀναστάσεως* — в славянском переводе Исаяи Серб: «*общемъ въскресеніи*». В «Церковной иерархии» на этом же месте стоит *ὀλικός*: *διὰ τῆς... αὐτῶν ὀλικῆς ἀναστάσεως*. Исаяя Серб переводит дословно как: «*ради ихъ всего въскресенія*». Максим Исповедник подбирает в комментарии синонимичное выражение *καθολικός*: *τῆς... καθολικῆς ἀναστάσεως* — «*съборнаго въскресенія*» [PG: III, 337, 553; IV, 176; ВМЧ: Октябрь 1—3, 539, 701, 704].

Во-вторых, — и это знаменательно, — такая интерпретация совпадает с интерпретацией, предложенной в грамматическом трактате «О восьми частях слова», связанном, как установил Г. Кайперт [Keipert 1999: 27—36], на уровне языка-объекта и с текстом перевода «Богословия»: ряд примеров, которыми составитель иллюстрирует категорию рода имен существительных, заимствован именно из этого перевода. Имеет ли трактат также какое-либо отношение и к переводу «Диалектики» — тема отдельного исследования. Сейчас важно то, что все три текста пересекаются, когда на повестку выходят одни и те же категории (*общее и частное*), только в разных областях гуманитарного знания. В «Диалектике» в главе «Об изречении» (*Περὶ*

⁷⁵ Подобным образом Максим Исповедник, произведения которого считаются одним из источников сочинений Иоанна Дамаскина, переносит в теологию понятия аристотелевской логики, уравнивает *κοινόν* и *καθόλου* [Studer 1956: 105, Примеч. 10].

φωνής) среди прочего показывается разница между изречениями общими и частными. Именно здесь слово *соборный* объясняется как *общий*:

Ἡ δὲ σημαντικὴ ἐστὶν ἡ καθόλου ἢ μερικὴ· καθόλου μὲν, οἷον ἄνθρωπος, μερικὴ δὲ, οἷον Πέτρος, Παῦλος. Οὕτε οὖν περὶ τῆς μερικῆς ἐστὶ λόγος τῇ φιλοσοφίᾳ, ἀλλὰ περὶ τῆς σημαντικῆς καὶ ἐνάρεθρον καὶ καθόλου ἡγούν κοινῆς καὶ ἐπὶ πολλῶν λεγομένης [540/541 22—27].	назnamenател'ни же ꙗко или събор'ни или ꙗкоже ꙗкоже члвкъ, ꙗкоже ꙗкоже пет'ръ, пав'ль —, ниже оуеко ꙗкоже ꙗкоже ꙗкоже слово философ'ин, нь ѡ назnamenател'номъ и пишущимъ се и събор'номъ, сирѣчь ѡб'щемъ и ѡ многыхъ гл҃емъ [13b6—14a2].
---	---

В переводе «Богословия» вышеприведенному месту из греческого текста, где истолковывается разница между субстанцией (*общим*) и ипостасью (*частным*), соответствует: ѡбщѣство ѡбщѣн и ѡбщѣрѣжнѣ видъ ѣдиновѣднѣ съставъ, назnamenенъ. ꙗкоже. бѣ. члвкъ. съставъ же не прѣрѣкомое ꙗвлѣеть. сирѣчь. ѡбщѣ. сѣа. дх҃а с҃го. петр҃а. павла [249b7—16]. Как уже оговаривалось, славянское *ѡбщѣ* передает греческое *κοινός*. В «Трактате о восьми частях слова» иллюстрируется разница между именами собственными (*частными*, свойственными «составу») и нарицательными (*общими*, характерными для «естества»), первые определяются как «собные», вторые — как «общие»: ѡба ко имень павла ꙗко ꙗкоже ꙗкоже ꙗкоже, ѡба же соба комоу ꙗкоже съставу, ꙗко сѣ. бѣ мѣжъскомъ имень ꙗкоже ꙗкоже ꙗкоже имень имень, члвкъ. собою же съставъ петр҃а, павла [Weiher 1977: 2b11—16, см. также далее: 16—21]. Налицо содержательная связь всех трех отрывков. В философии и в логике разница между естеством / существом и составом равна разнице между видом и родом, а соответственно, и общим и частным, что объясняет «Диалектика» Дамаскина:

Ταύτην ἐκάλεσαν φύσιν ἡγούν τὰ εἰδικώτατα αἰδη, οἷον, ἄγγελον, ἄνθρωπον, ἵππον καὶ τὰ τοιαῦτα, ὡς καθολικώτερα καὶ περιεκτικὰ τῶν ὑποστάσεων Ὡστε τὸ μὲν μερικώτερον ἐκάλεσαν ὑπόστασιν, τὸ δὲ καθολικώτερον καὶ περιέχον τὰς ὑποστάσεις ἐκάλεσαν φύσιν (592/593 16—21).	се нарекоше ꙗкоже, рек'ше видъ и ꙗкоже видъ, ꙗкоже аг҃ла, члвка, коня и снцевѣа, ꙗко събор'нѣиша и ѡбщѣрѣжнѣ съставъ... ꙗкоже ꙗкоже оуеко четнѣише, нарекоше съставъ, събор'нѣише же и ѡбщѣрѣженъ все състави нарекоше ꙗкоже (42b9—43a5).
--	---

Эти же категории воспроизводятся в теологии, что показывает вторая цитата из «Богословия» (см. таблицу в начале раздела). 'Общее' как понятие в философии передается через греческое *καθολικός*, в славянском переводе XIV в. в абсолютном большинстве случаев ему соответствует *соборный*⁷⁶. Эти же самые категории были перенесены в грамматику, однако получили в ней новый, более узкий смысл. Значительно чаще, согласно приведенным

⁷⁶ В отдельных главах из «Диалектики», перевод которых представлен в Изборнике Святослава 1073 г., *καθολικός* переводится как *всѣчѣки* (233b23—г4; 234a4—9), причем в некоторых случаях переводчик пытается передать форму сравнительной степени: *всѣчѣчѣиша же сѣтъ рѣзньѣ видѣвъ* (234a25—27) — *Καθολικώτεροι γὰρ εἰσιν αἱ διαφοραὶ τῶν εἰδῶν* (577/580 22—23).

В. Ягичем [1895: 348—350] примерам, в качестве термина, обозначающего имя нарицательное, употреблялось слово *κοινός*, которое В. Ягич, а вслед за ним и Э. Вайер [Weiher 1977: 426] называют в качестве предполагаемого исходного варианта для славянского *обыцъ* в «Трактате о восьми частях слова».

Так как же взаимосвязаны все три текста? Почему переводчик XIV в. единственный раз отступает от собственных принципов и именно в том месте, которое содержательно пересекается с грамматикой? Ориентируется ли он на грамматику? Или же, наоборот, *обыцъ* в грамматическом трактате является еще одним примером того, что текст «Богословия» использовался составителем грамматики в качестве объекта языковой иллюстрации? Или работа над обоими текстами шла одновременно? Имеет ли это какое-либо отношение и к переводу «Диалектики»? Всё это вопросы, ответам на которые следовало бы посвятить специальное исследование, — совпадение кажется нам весьма любопытным и вряд ли случайным.

В переводе Курбского примечательно то, что латинский компаратив *universalioris* он передает словом *всеобщий*, а позитивную форму *universalis* как *общий*. Категории общего и частного встречаются и в другом сочинении, также переведенном Курбским — в главе о «Силлогизмах» из трактата Спангенберга *Erotemata Trivii*. Для латинского *universalis* Курбский подбирает здесь слово *соборный*: *много ли есть чиновъ? . . . Множество. понеже иные соборныя соу, а другіе частныя... чинъ соборный есть, егоже заимкненіе ѿ соборное, яко, варвара. а чинъ частный есть, егоже заимкненіе ѿ частное, яко даріи* — «Quotuplices sunt Modi? Multiplices. Alii enim sunt universales, alii particulares... Modus universalis est, cuius conclusio est universalis, ut Barbara. Modus particularis est, cuius conclusio est particularis, ut Darii» [Eismann 1972: 61b20—62a2; 43].

Епифаний Славинецкий, казалось бы, следует поморфемному принципу: приставку *καθ-* (*κατά*) он передает как *по-*, корень *-ολ-* (*ὅλος*) как *весь*. Однако, переведя *καθολικός* как *повсемственный*, он не придумал нового слова, а использовал уже имеющееся в церковнославянском словарном фонде. Лексема *повсемственный* функционировала в тех же контекстах, что и ее прототип *καθολικός* / *catholicus*. Симеон Полоцкий, например, в своем переводе составленного греком Паисием Лигаридом латинского «Опровержения челобитной попа Никиты», с одной стороны, употребляет выражение «церковь повсемственная» (наряду с выражениями «церковь соборная» и «церковь кафолическая») [Материалы: 70, 179, 182, 197, 219, 224, 255], с другой — «повсемственное... оскудение», «повсемственные смотрения» [Там же: 181, 195]. Кроме того, есть еще примеры у Стефана Яворского. В сочинении «Апология, или Словесная оборона» он пишет: «су^т и прочія повсем^{ст}венныя глѣы, но глѣы точію, а не самая истинна, и повсе^мственное имя за ча^{ст}т возмел^тся тропице» [Живов 2004: 247]⁷⁷. Лексема *повсемственный* в данном случае употребляется как проанализированный

⁷⁷ Мы искренне благодарим В. М. Живова, обратившего наше внимание на данный пример.

нами в данном разделе научный термин со значением ‘родовое понятие’. В восточнославянской письменности эта лексема появилась, скорее всего, под польским влиянием: выше мы уже приводили многочисленные примеры на употребление прилагательного *powszechny* как эквивалента для *catholicus*. Можно предположить, что, отказавшись в данном случае от заимствования и прибегнув к славянскому соответствию, Епифаний передал иной контекст словоупотребления, нерелигиозный термин. Показательно то, что, как мы видели, подобным образом повели себя и его западноевропейские «коллеги»: в трех случаях, когда переводились устойчивые, в том числе терминологические сочетания, за которыми стояли христианские понятия и представления, Фабер и Билли использовали лексему *catholicus*; в случаях же, когда греческое слово подразумевало нерелигиозные ассоциации, вместо заимствования ему был подобран равнозначный латинский эквивалент.

4. Вместо заключения

Предложенные в настоящей статье наблюдения не исчерпывают поставленной темы, а скорее, как было заявлено в п. 0, являются лишь введением в проблему, окончательно разрешить которую можно будет только благодаря совместной работе целого коллектива исследователей. Нашей целью было показать, на что следует обращать особое внимание при попытках интерпретировать тот или иной термин в древнеславянской письменности. В качестве подведения итогов хотелось бы особенно подчеркнуть следующее:

1. Необходимым условием лексико-семантических интерпретаций, безусловно, является контекстуальное употребление. Несмотря на то что это — общеизвестная истина, данным аспектом зачастую пренебрегают. В результате, вместо того чтобы задуматься над тем, что хотел сказать средневековый автор, исследователи, видя в тексте знакомые слова, интерпретируют высказывание на современный лад, тем самым модернизируя ситуацию (см. примеры в п. 3. 2) и создавая научный миф.
2. Контекстуальное употребление может пониматься в широком смысле слова, т. е. употребление слова в целом тексте. В таком случае его значение можно описывать по модели, предложенной в свое время Е. М. Верещагиным [1972]. Эта модель предполагает составление семантических цепочек, состоящих из текстуальных синонимов и антонимов того или иного слова и тем самым отражающих как функционирование этого слова в целом тексте, так и его ассоциативно-семантический ряд. Мы предлагаем расширить эту модель, а именно включить в эти цепочки лексику из других переводов одного и того же текста и сопоставить употребление исследуемых слов с их употреблением в других текстах, современных рас-

смаатриваемому переводу (см. п. 3.1). С одной стороны, это позволит проследить историю словоупотребления, с другой стороны, таким образом мы когда-нибудь сможем составить ассоциативный словарь синонимов церковнославянского языка.

3. Контекстуальное употребление может пониматься и в узком смысле слова, т. е. как непосредственное окружение данного слова, синтагма, в которой оно употребляется. В этой связи самостоятельным направлением лексико-семантических интерпретаций церковнославянских текстов непременно должно стать исследование не отдельных слов, а целых сочетаний, ряд из которых окажется устойчивыми, а также окружения этих сочетаний, высказываний, в состав которых они входят. Таким образом мы сможем выйти на историю общехристианских понятий (см. п. 2. 2), что позволит нам иначе представить, как церковнославянская языковая культура конфронтировала с другими языковыми культурами, в том числе западноевропейскими, и какое это имело значение для развития языкового сознания в славянских землях. Нам в высшей степени необходим церковнославянский Лампе [Lampe], который, не основываясь на случайно выбранных примерах, но систематизируя весь корпус переведенной в *slavia orthodoxa* патристики, представит понятийный фонд церковнославянской языковой культуры и тем самым станет неопровержимым доказательством в пользу существования третьей христианской цивилизации средневековой Европы.
4. Кроме того, нам следует изменить перспективу исследований, а именно окончательно отказаться от современных узконациональных моделей исследования церковнославянской языковой культуры по известному типу «русским литературным языком средневековья был язык церковнославянский» и вписать ее в контекст общеевропейского процесса языкового развития. Западноевропейские параллели (см. пп. 3.3, 3.4) должны наконец стать правилом для комментирования культурно-языкового развития церковнославянской письменности, особенно же когда дело касается истории христианских терминов и понятий.

Литература и источники

Алексеев — П. А л е к с е е в. Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних, також иноязычных, без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах. 3-е изд. Ч. I—V. М., 1815—1818.

Бенешевич — В. Н. Б е н е ш е в и ч. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. I—II. СПб., 1906; София, 1987.

Беринда — Лексикон словенороський Памви Б е р и н д и / Підготовка тексту і вступна стаття В. В. Німчука. Київ, 1961 (= Пам'ятки української мови XVII ст.).

БЛДР — Библиотека литературы Древней Руси. Т. VIII. СПб., 2003; Т. IX. СПб., 2000; Т. XI. СПб., 2004.

Буланин 1995 — Д. М. Бу л а н и н. Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. I. С. 17—73.

Верещагин 1972 — Е. М. В е р е щ а г и н. Из истории возникновения первого литературного языка славян: Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия. М., 1972.

ВМЧ — Великие Минеи Чети, собранные всероссийским митрополитом Макарием / Изд. Имп. Археограф. комиссией. Октябрь, дни 1—3. СПб., 1870; Апрель, дни 1—8. М., 1910.

Востоков — А. Х. В о с т о к о в. Словарь церковно-славянского языка. СПб., 1861 (= Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики русского языка и других славянских наречий. Вып. IV, VI—VII).

Гезен 1884 — А. Г е з е н. История славянского перевода символов веры. Пг., 1884.

Горский / Невоструев — А. В. Г о р с к и й, К. И. Н е в о с т р у е в. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. I—III. М., 1855—1917 (переиздание в: MLS, Fontes et dissertationes. Bd. II. Wiesbaden 1964).

Живов 2004 — В. М. Ж и в о в. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004 (= Научная библиотека).

Изборник 1073 — Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. I—II. София, 1991—1993.

Калугин 1998 — В. В. К а л у г и н. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998 (= Studia Philologica).

Ковтун 1989 — Л. С. К о в т у н. Азбуковники XVI—XVII вв. (старшая разновидность). Л., 1989.

Лавров 1930 — П. А. Л а в р о в. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930 (переиздание в: Slavistic printings and reprintings. The Hague; Paris 1966).

Лексикони — Лексикони Є. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / Підг. до видання В. В. Німчук. Київ, 1973 (= Пам'ятки української мови XVII ст.).

Максимович 1997 — К. А. М а к с и м о в и ч. Глоссы и интерполяции в Ефремовской кормчей XII в. // ВЯ. 1997. № 3. С. 89—94.

Максимович 2006 — К. А. М а к с и м о в и ч. Древнерусская Ефремовская кормчая XII в.: локализация перевода в связи с историей текста // Лингвистическое историкоисследование 2004—2005. М., 2006. С. 102—113.

Материалы — Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. IX. М., 1895.

МГ — Сочинения преподобного Максима Грека / Изд. при Казанской духовной академии. 2-е изд. Ч. I—III. Казань, 1894—1897.

ПБЭ — Православная богословская энциклопедия / Под ред. Н. Н. Глубоковского. СПб., 1908. Т. IX.

Поликарпов — F. Polikarpov. Leksikon trejazyčnyj. Dictionarium trilingue. Moskau 1704 / Nachdruck und Einleitung von H. Keipert. München, 1988 (= Specimina Philologiae slavicae. Bd. 79).

РИБ: Памятники древнерусского канонического права. Ч. I. 2-е изд. СПб., 1908 (= Русская историческая библиотека. Т. VI).

Сапожникова 2008 — О. С. Сапожникова. Несостоявшееся издание XVII в.: Богословие Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского // ТОДРЛ. СПб., 2008. № 58. С. 99–126.

Славинецкий 1665 — Блаженнаго ѿа́нна дама́скина ѿзда́ніе ѿпа́сное правосла́внымъ вѣ́ры. М., 1665.

СлДрЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. I—VII. М., 1988—2004.

СлРЯ — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. I—XXVII. М., 1975—2006.

Срезневский — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I—III. М., 1958.

Супрасълски 1982 — Супрасълски или Ретков сборник / Увод и коментар на старобългарския текст Й. Заимов. Подбор и коментар на гръцкия текст М. Капалдо. Т. I. София, 1982.

Титов — Хв. Тітов. Матеріяли для исторії книжної справи на Україні в XVI—XVIII вв.: Всезбірка передмов до українських стародруків. Київ, 1924 (переиздание v: Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven. Bd. 16).

Томеллери 2006 — В. С. Томеллери. Из истории новгородской переводной литературы: любопытный пример контаминации // Iter philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag München, 2006. S. 243—249 (= Sammelbände / Sborniki, 28).

Ушаков — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I. М., 2001.

ЦеркВед 1906 — Церковные ведомости. № 2 (14 января 1906 г.). С. 50—54.

ЧОИДР — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1. М., 1879.

Ягич 1895 — В. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. СПб., 1895.

ASS — Acta sanctorum. Aprilis / Collecta, digesta, illustrata a Godefrido Henschenio et Daniele Papebrochio e Societate Jesu. T. I. Antverpiae, 1676.

Aitzetmüller — R. Aitzetmüller. Das Hexaameron des Exarchen Johannes. Graz, 1958—1975 (= Editiones monumentorum Slavicorum veteris dialecti).

Anglada 1964 — A. Anglada. Christiano mihi nomen est, catholico vero cognomen a la luz de la doctrina grammatical // Emérita. 1964. № 32. P. 253—266.

AugLex — Augustinus-Lexikon / Hrsg. von C. Mayer. Vol. I/2, Basel; Stuttgart, 1986.

Balbus — Johannes de Janua Balbus. Summa, quae vocatur Catholicon. Maguntiae (Mainz), 1460.

Beinert 1964 — W. Beinert. Um das dritte Kirchenattribut. Bd. I. Essen, 1964 (= Koinonia. Bd. 5).

Bauer — W. Bauer. Wörterbuch zum Neuen Testament. Berlin, 1963.

Besters-Dilger 1992 — Ju. Besters-Dilger. Andrej M. Kurbskij als Übersetzer. Zur kirchenslavischen Übersetzungstechnik im 16. Jahrhundert. Freiburg i. Br., 1992 (= MLS, Bd. XXXI).

Besters-Dilger 1995 — Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij (1528—1538) / Hrsg. von Ju. Besters-Dilger. Freiburg i. Br., 1995 (= MLS, Bd. XXV).

- Blaise — A. Blaise. Dictionnaire latin-français des auteurs chrétiens, Turnhout, 1954.
- Bray 1990 — L. Bray. La lexicographie française des origines à Littré // Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Berlin; New York, 1990. P. 1788—1818 (= Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Bd. 5, 2).
- Calepinus — Ambrosii Calepini Dictionarium undecim linguarum. Basileae, 1590.
- du Cange / rp. — Du Cange. Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Vol. I—II. Lugduni, 1688 (= Graz 1958).
- du Cange / лат. — Du Cange. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Bd. II, III, VI. Graz, 1954 (перепечатанное без изменений издание 1883—1887 гг.).
- CathAng — Catholicon Anglicum, English-Latin Wordbook, dated 1483 / With introd. and notes by S.-J.-H. Herrtage, with a preface by H.-B. Wheatley. L., 1881 (= Early English Text Society: Original Series. Vol. 75).
- CGIBil — Glossaria bilingua altera / Hrsg. und kom. von J. Kramer. Leipzig, 2001 (= C. Gloss. biling. II).
- CGL — Corpus glossariorum Latinorum / Ed. G. Goetz. Vol. I—VII. Lipsiae, 1888—1901.
- Crum 1905 — W.-E. Crum. A Use of the Term «Catholic Church» // Proceedings of the Society of Biblical Archaeology. 1905. № 27. P. 171—172.
- Curtius 1993 — E.-R. Curtius. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. 11. Aufl. Tübingen; Basel, 1993.
- DicML — Dictionary of Medieval Latin from British Sources. Vol. I. L., 1975; Vol. VIII. Oxford, 2003.
- Eismann 1972 — W. Eismann. O silogizme vytolkovano. Eine Übersetzung des Fürsten Andrej M. Kurbskij aus den Erotemata Trivii Johann Spangenberg's. Wiesbaden, 1972 (= MLS. Bd. IX).
- Engmann 1978 — J. Engmann. Aristotelian Universals // Classical Philology. 1978. № 73. S. 17—23.
- Estienne — Roberti Stephani lexicographorum principis Thesaurus linguae Latinae in IV tomos divisus. Basileae, 1740.
- Faber 1527 — Iacobi Fabri. Stapulensis, theologi celeberrimi, commentarii in epistolas catholicas. Basileae, 1527.
- Forcellini — Lexicon totius Latinitatis ab Aegidio Forcellini. Patavii, 1940.
- Gesner — M. Gesner. Novus linguae et eruditionis Romanae Thesaurus post Ro. Stephani et aliorum. Vol. I, III. Lipsiae, 1749.
- Giraud / Maniscalco — G. Giraud, G. B. Maniscalco. Lessico giuridico politico ed ecclesiastico della Russia del XVI secolo. Roma, 1994 (= Da Roma alla terza Roma. Lessici-I).
- Grivec 1957 — F. Grivec. Vselenskij — sobornyj // Slavistična revija. 1957. № 10. S. 14—33.
- Gräzität — Lexikon zur byzantinischen Gräzität besondrs des 9. — 12. Jahrhunderts. Fasz. 4. Wien, 2001.
- Grosseteste — St. John Damascene Dialectica: Version of Robert Grosseteste / Ed. by O.-A. Colligan. New York; Louvain; Paderborn, 1953 (= Franciscan Institute Publications: Text series. T. 6).
- Hansack — E. Hansack. Die Vita des Johannes Chrysostomos des Georgios von Alexandrien in kirchenslavischer Übersetzung. Bd. I—III. Würzburg 1975 — Freiburg i. Br., 1984 (= MLS. X, 1—3).

Hansack 1977 — E. H a n s a c k. Der Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // *Palaeobulgarica* / Старобългаристика. 1973. № 1 (3). S. 33—59.

Hansack 1979 — E. H a n s a c k. Zum Übersetzungsstil des Exarchen Johannes // *Die Welt der Slaven*. 1979. № 24/1. S. 121—171.

Hansack 1981 — E. H a n s a c k. Die theoretischen Grundlagen des Übersetzungsstils des Exarchen Johannes // *Die Welt der Slaven*. 1981. № 26 (1). S. 15—36.

Huguet — E. H u g u e t. Dictionnaire de la langue française du 16e siècle. T. II. Paris, 1932.

IoanDam 1577 — Sancti Ioannis Damasceni opera, multo quam unquam antehac auctoria, magnaue ex parte nunc de integro conversa / Per D. Jacobum Billium Prunaum, S. Michaëlis in eremo Coenobiarcham. Parisiis, 1577 [S. 146—313: D. Ioannis Damasceni de orthodoxa fide accurata expositio, Jacobo Billio... interprete. Iodoci Clichtovei, Neoportensis, Parisiensis Theologi, Commentarius; S. 418—437: Divi Ioannis Damasceni de dialectica sive logica liber].

Isidorus — I s i d o r i. Hispalensis episcopi Etymologiarum sive Originum libri XX. Oxonii, 1911 (= Scriptorum classicorum bibliotheca oxoniensis).

Jagić 1900 — V. J a g i ć. Zur Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Bd. I—II. Wien, 1900.

Janssen 1938 — H. J a n s s e n. Kultur und Sprache. Zur Geschichte der alten Kirche im Spiegel der Sprachentwicklung. Von Tertullian bis Cyprian. Nijmegen, 1938 (= *Latinitas Christianorum primaeva*. Bd. 8).

Karpluk 2001 — M. K a r p l u k. Słownik staropolskiej terminologii chrześcijańskiej. Kraków, 2001.

Keil — H. K e i l. Grammatici Latini. Vol. IV. Lipsiae, 1864; Vol. VII. Lipsiae, 1880.

Keipert 1999 — H. K e i p e r t. Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1999. № 58 (1). S. 19—42.

Kelly 1971 — J.-N.-D. K e l l y. Die Begriffe «katholisch» und «apostolisch» in den ersten Jahrhunderten // *Katholizität und Apostolizität*. Göttingen, 1971. S. 9—21 (= *Kerygma und Dogma* 2. Beiheft).

Kirchenlexikon — Kirchenlexikon oder Encyklopädie der katholischen Theologie und ihrer Hilfswissenschaften. Bd. I—XII. Freiburg i. Br., 1882—1901.

Konstanciak 1988 — F.-J. K o n s t a n c i a k. Celeuma: quasi calcantium oma. Anmerkungen zu einem Lexikonartikek des Johannes Balbi, in: *Festschrift für Paul Klopsch*. Göppingen, 1988. S. 257—307 (= *Göppinger Arbeiten zur Germanistik*. Bd. 492).

KorsLeg — Korsuner Legende / Hrsg. von J. Vašica. München, 1965 (= *Slavische Propyläen*. Bd. 8).

Kotter 1959 — B. K o t t e r. Die Überlieferung der Pege Gnoseos des hl. Johannes von Damaskos. Ettal, 1959 (= *Studia patristica et byzantina*, 5).

Kotter 1973 — B. K o t t e r. Die Schriften des Johannes von Damaskos, hrsg. vom Byzantinischen Institut der Abtei Scheyern. Bd. II, "Εκδοσις ἀκριβής τῆς ὀρθοδόξου πίστεως, Expositio fidei, besorgt von B. Kotter (= *Patristische Texte und Studien*, 12), Berlin; New York, 1973.

Krömer 1990 — D. K r ö m e r. Lateinische Lexikographie // *Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires*. Berlin; New York, 1990. S. 1713—1722 (= *Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft*, 5, 2).

Lagadeuc — Le Catholicon de Jean Lagadeuc. Dictionnaire breton-latin-français du XVème siècle / Publié et édité avec une introduction par CH.-J. Guyonvarc'h. Vol. 2. Rennes, 1975 (reproduction de l'édition de Jehan Calvez. Tréguier, 1499).

Lampe — G.-W.-H. Lampe. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1968.

LatBoh — Latinitatis medii aevi lexicon bohemorum. Slovník středověké latiny v českých zemích. T. I. Praha, 1977.

LatPol — Lexicon mediae et infimae Latinitatis Polonorum. Słownik Łaciny Średno-wiecznej w Polsce. T. II, IX. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1959—1967.

Lausberg 1990 — H. Lausberg. Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft. 3. Aufl. Mit einem Vorwort von A. Arens. Stuttgart, 1990.

Leclercq 1910 — Dictionnaire d'Archéologie chrétienne et de liturgie / Publié sous la direction du... F. Cabrol... et du ... H. Leclercq. T. II/2. Paris, 1910.

Liddell/Scott — H.-G. Liddell, R. Scott. A Greek-English Lexikon. Oxford, 1953 (репринт: 9-е изд. 1949 г.).

Liewehr 1928 — Kurbskijs «Novyj Margarit» / Untersucht und in Auswahl ediert von F. Liewehr. Prag, 1928 (= Veröffentlichungen der Slavistischen Arbeitsgemeinschaft an der Deutschen Universität in Prag. II. Reihe: Editionen. Heft 2).

Lods 1971 — M. Lods. A propos du premier emploi du mot catholique// Positions luthériennes. 1971. № 19. P. 224—232.

Luther 1986 — Dr. Martin Luthers sämtliche Schriften / Hrsg. von J.-G. Walch. Bd. 23: Haupt-Sachregister. Berichtigungen und Nachträge. St. Louis-Missouri, 1986.

Mason 1974 — H.-J. Mason. Greek Terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto, 1974 (= American Studies in Papyrology. Vol. 13).

Maćzyński — Ioannes Maćzyński. Lexicon latino-polonicum. Regiomonti 1564 / Hrsg. von R. Olesch. Köln; Wien, 1973. (= Slavistische Forschungen. Bd. 14).

Meyer — K. H. Meyer. Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch des Codex Suprasliensis. Glückstadt; Hamburg, 1935.

Miklosich — F. Miklosich. Lexicon Palaeoslovenico-Graeco-Latinum. Wien, 1862—1865 (= Aalen, 1963).

Miklosich 1876 — F. Miklosich. Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung. Wien, 1876.

MLW — Mittellateinisches Wörterbuch bis zum ausgehenden 13. Jahrhundert. Bd. II. München 1999.

MLS — Великие Минеи Четгы митрополита Макария. Успенский список, 26—31 марта / Hrsg. von E. Weiher, S. O. Šmidt, A. I. Škurko. Freiburg i. Br., 2001 (= MLS, XLV).

Mohrmann 1961—1977 — Ch. Mohrmann. Études sur le latin des chrétiens. Bd. I—IV. Roma, 1961—1977. (= Storia e letteratura. Raccolta di studi e testi. T. 143).

Müller 1962 — Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis / Nach der Erstausgabe von 1844 neu herausgegeben und erläutert von L. Müller. Wiesbaden, 1962 (= Slavistische Studienbücher).

Novaković 1877 — St. Novaković. Srpsko-slovenski zbornik iz vremena despota Stefana Lazarevića // Starine Jugoslavenske Akademije. Bd. 9. Zagreb, 1877. S. 1—47.

OxfEngDic — The Oxford English Dictionary. 2nd edition. Vol. II. Oxford, 1989.

Papias — Papias. Vocabularium. Venetiis, 1491.

PG — S. Dionysii Areopagitae Opera omnia. T. I—II (= Patrologiae cursus completus / Series Graeca / Hrsg. J.-P. Migne. T. III—IV. Lutetiae Parisiorum, 1857).

Plank 1960 — B. Plank. Katholizität und Sobornost'. Ein Beitrag zum Verständnis der Katholizität der Kirche bei den russischen Theologen in der zweiten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Theologischen Fakultät der Julius-Maximilians-Universität Würzburg. Würzburg, 1960.

Podtergera 2006 — I. Podtergera. Zum lateinischen Hintergrund der Moskauer «Gräköphilie» in der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts // *Iter philologicum*. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag. München, 2006. S. 139—156 (= Sammelbände / Sborniki. Bd. 28).

Powitz 2005 — G. Powitz. Das 'Catholicon' in buch und textgeschichtlicher Sicht // G. Powitz. Handschriften und frühe Drucke. Ausgewählte Aufsätze zur mittelalterlichen Buch- und Bibliotheksgeschichte. Frankfurt am Main, 2005. S. 113—133 (первые в: Wolfenbütteler Notizen zur Buchgeschichte. 1988. № 13. S. 125—137).

Richter 1982 — Johannes von Damaskos: Philosophische Kapitel / Eingeleitet, übersetzt und mit Erläuterungen versehen von G. Richter. Stuttgart, 1982.

Rottmanner 1900 — O. Rottmanner. *Catholica* // *Revue bénédictine*. 1900. № XII. P. 1—9.

Sadnik 1962 — L. Sadnik. Zur Wiedergabe von πάθος und ihm verwandter Wörter in den ältesten slavischen Denkmälern // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1962. № 30 (2). S. 242—249.

Sadnik 1967—1983 — Des hl. Johannes von Damaskus Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὁρθοδόξου πίστεως in der Übersetzung des Exarchen Johannes // Hrsg. von L. Sadnik. Bd. I. Wiesbaden 1967; Bde II—IV. Freiburg i. Br. 1981—1983 (= MLS, V, XIV, XIV, XVII).

Sadnik 1977 — L. Sadnik. Die Bruchstücke aus Väterschriften im Anschluß an die Übersetzung der Ἐκθεσις ἀκριβῆς τῆς ὁρθοδόξου πίστεως des Exarchen Johannes // *Anzeiger für slavische Philologie*. 1977. № IX (1). S. 429—444.

Schmidt 1969 — J.-H.-H. Schmidt. Synonymik der griechischen Sprache. Amsterdam, 1969.

Schrijnen 1932 — J. Schrijnen. Charakteristik des altchristlichen Latein. Nijmegen, 1932.

Şesan 1951 — M. Şesan. L'orthodoxie, Byzance et Rome // *Byzantinoslavica*. 1951. № XII. S. 175—178.

Sieben 1980 — H.-J. Sieben. Voces. Eine Bibliographie zu Wörtern und Begriffen aus der Patristik (1918—1978). Berlin, 1980 (= *Bibliographia patristica...* Supplementum 1).

Siegert — H. Siegert. Griechisches in der Kirchensprache. Ein sprach- und kulturgeschichtliches Wörterbuch. Heidelberg, 1950 (= Sprachwissenschaftliche Studienbücher).

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. T. I—IV. Praha, 1966—1997.

Słownik — Słownik polszczyzny XVI wieku. T. I—XXXII. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1966—2004.

Sophocles — E. A. Sophocles. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From B. C. 146 to A. D. 1100). Boston, 1870.

Sparwenfeld — J. G. Sparwenfeld. *Lexicon Slavonicum* / Ed. and commented by U. Birgegård. Vol. I—V. Uppsala, 1987—1992 (= *Acta bibliothecae R. Universitatis Upraliensis*. T. XXIV: 1—5).

Stichel 2007 — R. Stichel. Beiträge zur frühen Geschichte des Psalters und zur Wirkungsgeschichte der Psalmen. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2007 (= *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 116).

Stockmeier 1973 — P. Stockmeier. Zum Begriff der καθολικὴ ἐκκλησία bei Ignatius von Antiochien // Ortskirche/Weltkirche. Festg. J. Döpfner. Würzburg, 1973. S. 63—74.

Stotz 2002 — P. Stotz. Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters. Bd. 1: Einleitung. Lexikologische Praxis. Wörter und Sachen. Lehnwortgut. München, 2002 (= Handbuch der Altertumswissenschaften. Bd. II. 5. 1).

Studer 1956 — B. Studer. Die theologische Arbeitsweise des Johannes von Damaskus. Ettal, 1956 (= Studia patristica et byzantina. Heft 2).

Suidas — Σοῦιδας. Suidae Lexicon Graece et Latine / Ad fidem optimorum librorum exactum post Thomam Gaisfordum recensuit et annotatione critica instruxit Godofredus Bernhardt. T. I/2, II/1. Halis; Brunsvigae, 1853.

ThGL — Thesaurus Graecae linguae. Vol. IV—V. Parisiis, 1829.

ThLL — Thesaurus linguae Latinae. Vol. III. Lipsiae 1907; Vol. IX. Lipsiae, 1968—1981.

Tomelleri 1998 — V.-S. Tomelleri. Zur Geschichte des «Westlichen Einflusses» in Russland: Die «Dicta Sancti Augustini» // Contributi italiani al XII Congresso internazionale degli Slavisti (Cracovia 27 Agosto — 2 Settembre 1998). Roma, 1998. S. 147—181.

Torke 1996 — H.-J. Torke. Moskau und sein Westen. Zur «Ruthenisierung» der russischen Kultur // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Osteuropäische Geschichte in vergleichender Sicht. 1996. № 1. S. 101—120.

Trésor — Trésor de la langue française. T. V. Paris, 1977.

WA-50 — Die drei Symbola oder Bekenntnis des Glaubens Christi (1538) / Hrsg. von D. Clemen und D. Brenner // D. Martin Luthers Werke: kritische Gesamtausgabe. Bd. 50. Weimar. 1914. S. 255—283.

Wartburg — W. Wartburg. Französisches etymologisches Wörterbuch. Eine Darstellung des galloromanischen Sprachschatzes. Bd. II/1. Tübingen, 1949.

Weiher 1964 — E. Weiher. Studien zur philosophischen Terminologie des Kirchenslavischen // Die Welt der Slaven. 1964. № IX. S. 147—175.

Weiher 1969 — E. Weiher. Die Dialektik des Johannes von Damaskus in kirchenslavischer Übersetzung. Wiesbaden, 1969 (= MLS, VIII).

Weiher 1972 — E. Weiher. Zur sprachlichen Rezeption der griechischen philosophischen Terminologie im Kirchenslavischen // Anzeiger für slavische Philologie. 1972. № VI. S. 138—159.

Weiher 1977 — E. Weiher. Die älteste Handschrift des grammatischen Traktats «Über die acht Redeteile» (mit: V. M. Zagrebin, Rukopis' No. 84 iz sobranija A. F. Gil'ferdinga Gosudarstvennoj Publičnoj biblioteki, S. 378—382) // Anzeiger für slavische Philologie. 1977. № IX (1). S. 367—427.

Weiher 1987 — Die Dogmatik des Johannes von Damaskus in der kirchenslavischen Übersetzung des 14. Jahrhunderts / Hrsg. von E. Weiher. Freiburg i. Br., 1987 (= MLS, XXV).

Wittgenstein 1967 — L. Wittgenstein. Philosophische Untersuchungen. Frankfurt am Main, 1967.

П. В. ПЕТРУХИН

К ИЗУЧЕНИЮ НОВГОРОДСКОЙ БЕРЕСТЯНОЙ ГРАМОТЫ № 724

0. Грамота № 724, найденная в 1990 г. и рассказывающая о сборе дани в Новгородской земле, по праву принадлежит к числу наиболее известных берестяных документов¹. К счастью, это относительно длинное письмо дошло до нас целиком и благодаря усилиям А. А. Зализняка, В. Л. Янина и А. А. Гиппиуса весь его текст удалось прочесть; в книге В. Л. Янина «Я послал тебе бересту» [Янин 1998: 399] рассказывается об основных этапах этой сложнейшей работы, без которой никакое дальнейшее изучение памятника, разумеется, было бы невозможно.

Но даже после того, как мы получили «готовый» текст грамоты, ее содержание полностью не прояснилось. Здесь мы сталкиваемся с одной из основных трудностей в изучении берестяных грамот, а именно с отсутствием необходимой прагматической информации: автор грамоты Савва обращался к конкретным адресатам, которые были в курсе его дел и знали упомянутых им лиц, нам же остается лишь строить предположения — более или менее убедительные.

Интерпретация грамоты, предложенная А. А. Зализняком и В. Л. Яниным, была единодушно принята как историками, так и лингвистами. Тем не менее, на мой взгляд, она не бесспорна и при ближайшем рассмотрении вызывает ряд вопросов, в той или иной мере затрагивающих практически все основные аспекты изучения грамоты — ее содержание, язык, датировку, палеографические особенности.

Бросается в глаза необычное скопление противоречий и парадоксов, связанных с грамотой № 724. Так, будучи найдена в грунтовом слое, относящемся по данным дендрохронологии к 1202—1266 гг. [Ершевский 2003: 168], исходя из содержания она была датирована 1161—1167 гг., предположительно — зимой 1166/1167 г. [НБГ X: 24] (внестратиграфический ана-

¹ Первоначальный вариант работы был представлен в виде доклада на Семинаре по истории русского языка и культуры под руководством А. А. Гиппиуса и В. М. Живова. Автор признателен участникам семинара за высказанные замечания и соображения.

Работа выполнена в рамках проекта, финансируемого грантом для государственной поддержки ведущих научных школ РФ НШ-2123. 2008. 6.

лиз, согласно [Там же], указывает на 60—90-е гг. XII в., в [Зализняк 2004: 350] интервал сужен до 60—70-х гг. XII в.²). Язык основного текста грамоты также расходится с предложенной датировкой (1161—1167 гг.) и также указывает скорее на XIII век, ср.: «наблюдаемая здесь картина характерна скорее для новгородских документов конца XII — первой четверти XIII века (и возможна также и для более поздних документов XIII века)» [Зализняк 1995: 286—287]. В то же время на обороте бересты имеется приписка, текст которой, судя по состоянию редуцированных, может быть отнесен к XII веку. В целом с лингвистической точки зрения основной текст и приписка, написанные от лица одного человека, резко контрастируют: если в первом достаточно последовательно соблюдаются нормы книжной графики и стандартной (наддиалектной) морфологии, то вторая — типичный образец бытового письма, изобилующий диалектизмами. Объяснения, которые даются этим фактам в рамках принятой концепции, по-моему, не всегда убедительны и требуют дополнительного анализа. Но сначала попробуем еще раз обратиться к содержанию грамоты.

1. Как уже говорилось, грамота состоит из двух частей: основного текста на внешней стороне бересты и приписки на обороте. Ниже приведен текст грамоты с переводом по [Зализняк 2004: 350—351].

Внешняя сторона

пт савы поклананее къ братѣи и дрѹжине оста-
вили ма были людѣ да остатѣ дани испра-
вити было имѣ досени а по первомѹ пѣти
послати и отѣбыти проче · и заславъ заха-
рьа въ в[ѣ]рѣ ѹрокѣ не данте савѣ ни одно-
го песца хотѣ на нихъ емати самъ въ томъ
а въ [т]омъ ми са не исправилъ въ борзѣ ни
къ вамъ ни [т]ѹти былъ а въ томъ есмь осталъ
по томъ пришли смерди ѿ андрѣа мѹжь при-
шли и дане ѿшли людѣ · и осьмь высагла
что о тѹдоре порозѹмѣите братѣе емѹ да-
че что въ с[ѣ] (-)емѹ състане тѣгота тамъ
и съ дрѹжиною егѹ ·

‘От Саввы поклон братьям и дружине. Покинули меня люди; а надлежа-
ло им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть
прочь. А Захарья, прислав [человека, через него] клятвенно заявил: «Не
давайте Савве ни единого песца с них собрать. [Я] сам за это отвечаю

² Датировочная матрица для грамоты № 724 [НБГ Х: 315] показывает, что хро-
нологические рубрики (1160—1180) и (1180—1200) совпадают практически во
всем, кроме одного признака, который после рубрики (1160—1180) имеет сильную
закрывающую скобку. Этого очевидно недостаточно, чтобы исключить конец
XII века, в силу чего, надо думать, в [НБГ Х: 24] и была предложена более осто-
рожная внестратиграфическая датировка (1160—1200 гг.).

(или: [Он] сам за это взялся, т. е. он самозванец)». А со мною по этому поводу сразу вслед за тем не рассчитался и не побывал ни у вас, ни здесь. Поэтому я остался. Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и [его] люди отняли дань. А восемь [человек], что под началом Тудора, вырвались (или: вышли из повиновения). Отнеситесь же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его’.

Внутренняя сторона

а се[л]ечаномъ свомъ къ[н]лз[ь] самъ отъ[в]олокѣ[и]
отъ[м]ъс(т)ѣ ѹчастокѣ водале а[ч]е ли ти брат[ь]ѣ
вины л[ю]дѣ на ма не ищѣ[тъ] а до[вѣд]ок[а] бѣд[ѣ]
то же нынѣца радѣ быхѣ послалѣ [грам]о[тѣ]

‘А сельчанам своим князь сам от Волока и от Мсты (т. е. примыкающие к ним [?]) участки дал. Если же, братья, вины люди на мне не ищут и будет дознание, то я сейчас с радостью послал бы грамоту’.

Согласно В. Л. Янину и А. А. Зализняку, речь идет о следующей ситуации (воспользуясь лаконичным изложением в [Зализняк 1995: 284—285]): «Упоминание песцов показывает, что речь идет о сборе дани в Заволочье, т. е. на северо-восточной периферии новгородских владений; примерно та же территория может именоваться в летописи также Югорской землей, или Югрой. В грамоте отражена конфликтная ситуация, определяемая борьбой между разными претендентами на сбор дани с местного населения. Прибывший с этой целью новгородец Савва не может этого сделать, во-первых, потому, что его по какой-то причине оставили люди, которые должны были непосредственно заниматься сбором дани, во-вторых, потому, что некий Захария через специального посланца дезавуировал (очевидно, перед местными князьками) полномочия Саввы по сбору дани. Этой ситуацией воспользовался “муж” некоего Андрея: он добился того, что местные “смерды” его приняли, т. е. признали за ним право сбора дани, и его люди эту дань собрали».

Как можно заметить, эта трактовка в одном пункте отличается от приведенного выше перевода: в [Зализняк 2004: 350] слова *и дане ѡали людѣ* переведены как ‘и [его] люди *отняли* дань’, в то время как в цитированной более ранней работе [Зализняк 1995: 284] переведено ‘и [его] люди *собрали* дань’ (в обоих случаях курсив мой. — П. П.). Впрочем, уже в первом издании «Древненовгородского диалекта» [Зализняк 1995: 296] в переводе стоит *отняли* (что естественно, поскольку древнерусский глагол *отѣати* никогда не встречался в значении ‘собрать’). Однако в [НБГ X: 24] авторы вновь вернулись к старому варианту: «“люди” (т. е. сборщики дани Андреева мужа) *брали* дань в его пользу» (курсив мой. — П. П.). Явно несправедливым и внутренне противоречивым является и утверждение о том, что Савве вовсе не удалось собрать дань: ведь Савва говорит, что «покинувшие» его «люди» должны были собрать *остаток* дани. Следовательно, основная ее часть была собрана. Вполне очевидна логическая связь между

противоречивостью этого толкования и колебаниями в переводе фразы *и дане ѿли людье*.

Следующий шаг, который делают авторы перевода, — отождествление персонажей грамоты с известными историческими лицами. В. Л. Янин предположил, что Захария — новгородский посадник, занимавший эту должность с 1161 по 1167 г. (отсюда датировка грамоты). «В Савве, который ссылается в своем письме на князя (*кѣназь самъ...*), естественно видеть княжеского человека. И спор о том, кто именно имеет право собирать для Новгорода дань с дальних владений, получает максимально правдоподобный смысл: это элемент противоборства князя и посадника» [Зализняк 2004: 351]. Князь, на которого ссылается Савва, — это в таком случае Святослав Ростиславич: именно он княжил в Новгороде с 1161 по 1167 г. Упомянутый в грамоте Андрей, согласно гипотезе В. Л. Янина, — не кто иной, как суздальский князь Андрей Боголюбский (княжил с 1157 по 1174 г.). «Мужем» Андрея, по мнению В. Л. Янина, мог быть его сын Мстислав, о котором летопись под 1166 г. сообщает: *Тоє же зимы иде Мстиславъ за Волокъ* (Лавр., л. 118 об.). Отсюда предположительное датирование грамоты зимой 1166/1167 г.

Получается, что в грамоте идет речь о двух совершенно разных — и по составу участников, и по характеру, и по масштабу — конфликтах: один — внутренний, между новгородским князем и новгородским же посадником, другой — внешний, между Новгородом и Суздалем.

Парадоксальным образом именно в свете предложенного В. Л. Яниным отождествления персонажей грамоты с перечисленными историческими деятелями вероятность обоих этих конфликтов вызывает серьезные сомнения.

В монографии «Новгородские посадники» В. Л. Янин [2003: 146] пишет: «Захария, избранный на вече в связи с победой Святослава, остается его единомышленником до конца своего посадничества. Княжение Святослава оканчивается в 1167 г. гибелью посадника, павшего жертвой политических привязанностей своей группы». Трудно, следовательно, представить себе более крепкий политический союз, чем союз между Святославом и Захарией. На этом фоне «противоборство князя и посадника» могло иметь место разве что «по инерции» — на отдаленных окраинах Новгородской земли, на уровне княжеских и посадничьих администраторов.

Еще более слабой представляется вероятность конфликта между Новгородом при князе Святославе Ростиславиче и Суздалем при Андрее Боголюбском. Дело в том, что Святослав был посажен на новгородский стол при непосредственном участии Андрея (ср., например: [Янин 2003: 145]). Едва ли последний стал бы вероломно нападать на владения своего ставленника. В подтверждение того, что подобные конфликты были «типичны для середины XII — начала XIII вв.» [НБГ X: 25], авторы гипотезы [Зализняк 1995: 285; Янин 1998: 401; НБГ X: 25] приводят следующий пассаж из Новгородской первой летописи по Синодальному списку: *Иде Даньслав Лазутиницъ за Волокъ даньникомъ съ дружиною; и присла Андрѣи пълкъ*

свои на нь, и бишася с ними, и бѣше новгородѹ 400, а суждальцѹ 7000; и пособи богъ новгородцемъ, и паде ихъ 300 и 1000, а новгородѹ 15 муж; и отступиша новгородѹци, и опять воротивъшеся, възаяша всю дань, а на суждальскихъ смърдѣхъ другую, и придоша сторови вси (НПЛ, 1169 г., л. 36—36 об.). Но в том-то и дело, что это столкновение произошло в 1169 г., то есть **после изгнания новгородцами Святослава Ростиславича**. Как известно из летописи, Андрей поддержал Святослава в его попытках вновь — военным путем — утвердиться на новгородском столе. Это противостояние закончилось знаменитой битвой между новгородцами и суздальцами 25 февраля 1170 г. Все эти действия Андрея логически последовательны — в отличие от его предполагаемого нападения на новгородских данников в период княжения Святослава³.

Отметим также разницу в масштабах событий, описываемых соответственно в летописи и в письме Саввы. Даже со скидкой на обычное для летописей преувеличение сил и потерь противника ясно, что в летописи речь идет о серьезном военном столкновении, в грамоте же ничего подобного нет.

В. Л. Янин допускает даже непосредственную связь между письмом Саввы и событиями 1167 г. в Новгороде. Отмечая, что грамота найдена на Прусской улице, исследователь пишет: «Расправа с посадником Захарией в 1167 г. принесла посадничество прусскому боярину Якуну, тогда как Захария потерял жизнь, поддержав изгоняемого князя Святослава Ростиславича, который вступил в политический союз с Андреем Боголюбским. Письмо Саввы, направленное и против Захарии, и против князя Андрея, обнаружено именно там, где в Новгороде пребывали их главные противники» [НБГ X: 25]. Таким образом, по мнению В. Л. Янина, грамота № 724 «разъяснила причины новгородского политического переворота 1167 г.». Смысл этого утверждения до конца не ясен, но, видимо, имеется в виду, что князя Святослава и посадника Захарию могли обвинить в предательстве, точнее, в сговоре с Андреем Боголюбским, которому они отдали предназначенную Новгороду дань (или сами земли?); в результате Святослав был изгнан, а Захария убит. Сам В. Л. Янин, по-видимому, верит в справедливость этих обвинений (тем самым отбрасывая версию о противобор-

³ То же относится и к другим приведенным В. Л. Яниным и А. А. Зализняком летописным параллелям [Там же]: *На то же лѣто идоша даньници новгородѹстии въ малѣ; и учювъ Гюрги, оже въ мале или, и посла князя Берладьскаго съ вои, и бивъшеся мало негде, сташа новгородѹци на островѣ, а они противу ставше, начаша городъ чинити въ лодѣяхъ; идоша новгородѹци к нимъ на третии день, и бишася; и много леже обоихъ, нѣ суждальцѹ беицисла* (НПЛ, 1149, л. 26—26 об.) — эти события происходят на фоне общей вражды между Юрием Долгоруким (Гюрги) и Новгородом; *Поиде тоя зимы Съмьюнъ Еминъ въ 4-хъ стѣхъ на Тоимокары, и не пусти ихъ Гюрги, ни Ярослав сквозѣ свою землю* (НПЛ, 1219, л. 91 об.), — это своеобразный отголосок битвы на Липице (1216 г.): как известно из летописного рассказа [БЛДР, т. 5: 82, 84], Юрий (Гюрги) и Ярослав загнали несколько коней, убегая от новгородцев.

стве князя и посадника), ср.: «Распоряжением Захарии деятельность Савы была остановлена в сложной ситуации, когда тот столкнулся с людьми Андрея Боголюбского, перехватившего предназначенную Новгороду дань» [Янин 2003: 168]. Станным образом это утверждение противоречит порядку событий, как они изложены у Саввы: сначала пришел посланник от Захарии, а потом уже случилось все остальное. Как бы то ни было, причина изгнания Святослава Ростиславича известна и не предполагает никаких конспирологических сюжетов: крайне непопулярный у новгородцев и сильный лишь поддержкой своего отца — киевского князя Ростислава Мстиславича, он был изгнан из Новгорода после смерти Ростислава в том же 1167 г.

1.1. Наиболее проблематична интерпретация заключительной части основного текста грамоты. В переводе А. А. Зализняка и В. Л. Янина фрагмент звучит так: «Потом пришли смерды, от Андрея мужа приняли, и [его] люди отняли дань. А восемь [человек], что под началом Тудора, вырвались (или: вышли из повиновения). Отнеситесь же с пониманием, братья, к нему, если там из-за этого приключится тягота ему и дружине его».

Здесь вопросы вызывает буквально каждая фраза. Что значит «пришли смерды»? Откуда и куда? Смердами на Руси назывались свободные и феодально зависимые сельские жители [Свердлов 1983: 135—149]. Речь, следовательно, идет о членах местной общины (или общин). Далее, когда в рассказе от первого лица (каковым является рассказ Саввы) говорится «пришли NN» — без уточнения, *к кому* пришли, то обычно имеется в виду: пришли ко мне, т. е. к рассказчику. Но в данном случае, как полагают авторы перевода, не так: смерды приходят вовсе не к Савве, а к «мужу» Андрея.

Потом еще меньше ясности: каким образом Андрей Боголюбский узнал о неприятностях, постигших новгородского данника Савву в далекой северной глуши? Или его «муж» оказался там случайно? В целом беспрецедентной (по крайней мере, для столь позднего времени, как вторая половина XII в.) кажется и сама ситуация, когда смерды самостоятельно решают, кому платить дань. Из приведенных выше летописных фрагментов следует, что подобные вопросы решались на более высоком уровне, в том числе в ходе серьезных военных столкновений, но не в порядке свободного волеизъявления местных жителей.

Интерпретация слов *и дане ѡали людѣ*, как говорилось выше, вызывает сомнения у самих авторов перевода.

Далее Савва сообщает, что восьмерым из его людей удалось «вырваться» (убежать), и просит «братьев и дружину» отнестись к ним с пониманием. Согласно убедительной гипотезе А. А. Гиппиуса [1997: 22], «*осьмь*» в данном случае не просто горстка случайно уцелевших людей, но небольшой отряд, имеющий своего предводителя и выступающий как звено более крупного подразделения, своего рода «микродружина» Тудора в составе дружины Саввы». Поскольку просьбой позаботиться об отряде Тудора за-

канчивается основной текст грамоты, естественно полагать, что в этом и была основная цель Саввы: объяснить, что произошло с отрядом Тудора и почему им пришлось бежать. О себе Савва говорит лишь в приписке, что безусловно характеризует его с самой лучшей стороны. Но странным образом при этом Савва умалчивает о том, что же собственно произошло с этим отрядом, оставляя место для разных домыслов: может быть, они бежали при виде Андреева «мужа» и его людей? Может быть, бежали из плена? Фраза *и осьмь высагла* скорее говорит в пользу второго предположения, но полной ясности нет.

Замечу, что А. А. Зализняк [2004: 354], опираясь на западославянские параллели, предложил вполне убедительное толкование ранее не встречавшегося в древнерусском глагола *высагнути*: ‘выйти за пределы’, ‘вырваться’⁴. При этом исследователь допускает возможность иного толкования, предложенного А. Де-Влаамом, по мнению которого *высагнути* следует понимать как антоним к *присагнути*, т. е. как ‘выйти из повиновения’, ‘сложить с себя присягу’. А. А. Зализняк полагает, что «к контексту это подходит довольно хорошо» [Там же], с чем трудно согласиться: ведь тогда получается, что Савва печется о благе людей, которые предали его, изменив присяге! Это уже чрезмерная степень альтруизма для начальника дружины. Кроме того, не вполне адекватным оказывается и поведение самой «восьмерки» Тудора: сложив с себя присягу, они вместо того, чтобы переметнуться на сторону Андреева мужа, отправляются напрямик к «братьям и дружине», где их может ожидать неприятная «тягота».

Гипотеза А. Де-Влаама несостоятельна и по другой причине: древнерусский глагол *присаици (присагнути) / присазати* ‘прикоснуться’ не имел современного значения ‘принести присягу’, ср.: «Ранняя история слов *присягати / присагнути, присяга* в великорусском свидетельствует о том, что они были заимствованы из западнорусского во второй половине XV в. в связи с дипломатическими сношениями с Западом (...) Слова эти стали употребительными в русском языке лишь к началу XVIII в., когда *крестное целование* выходит из употребления» [Золтан 2002: 791]. В свою очередь, в деловой язык западной Руси эти слова проникли во второй половине XIV в., по-видимому, из польского [Там же]. Одно из слов, которое наряду с *ротой* и *клатвой* исконно использовалось в восточнославянском в значении ‘присяга’, представлено в самой грамоте № 724 в выражении *въ в[ѣ]ре ѿрокль*.

Странно выглядит фраза *и дане ѿшли людье*. Во-первых, при смене субъекта действия (которая, согласно рассматриваемой трактовке, здесь имеет место), как правило, в древнерусском используется порядок SP, т. е. подлежащее стоит на первом месте (ср. здесь же: *и осьмь высагла; и заславъ захарьа въ в[ѣ]ре ѿрокль*). Во-вторых, не сказано о том, что это за

⁴ Ср. об активном использовании в восточнославянском глагольной приставки *вы-* в пространственном значении: [Белозерцев 1964].

люди. Со стороны Саввы было бы большим легкомыслием оставлять неопределенность именно в этом пункте.

Формула *принять кого-либо от кого-либо* («*ѿ Анѣдрѣа мѣжъ приаши*») в том правовом значении, которое предполагают здесь авторы трактовки, насколько мне известно, в других памятниках не засвидетельствована.

3. Между тем именно в последнем фрагменте, как представляется, и заключен ключ к пониманию подлинного смысла грамоты. Нужно лишь допустить, что глагол *приати* в словосочетании *мѣжъ приаши* означает не ‘оказать прием’ и не ‘принять (в качестве нового господина)’, а нечто противоположное — ‘задержать, арестовать’.

Данное значение у глагола *приати* (и его видового коррелята *приимати*) хорошо засвидетельствовано в ранней восточнославянской письменности во всех типах текстов, так или иначе отражающих разговорный узус. Ср. летописный рассказ о событиях, предшествовавших битве на Липице:

- (1) И зая князь вършь на Търожку, не пусти въ городъ ни воза; и послаша по князя Смена Борисовица, Вячеслава Климятица, Зубьца Якуна, и тѣхъ прия, и кого послашь и князь прия. <...> Новгородци же, останѣе живыхъ, послаша Гюргя Иванковица посадника и Степана Твердиславица, ины мужа (НПЛ Ком.: и иных муж) по князя, и тѣхъ прия; <...> и потомъ послаша Мануилу Ягольчевича съ последнею речью: «пойди въ свою отчину къ святѣи Софии; не идеши ли, а повежъ ны». Ярославъ же и тѣхъ не пусти, а гость новгородскыи всѣ прия (НПЛ, 1215 г., л. 81—82).
‘И задержал князь (Ярослав Всеволодович) хлеб в Торжке, не пускал в город (Новгород) ни одного воза. И послали за князем Смена Борисовича, Вячеслава Климятича и Якуна Зубца, и он их задержал; кого послали, тех князь задержал. <...> Новгородцы же, кто остался в живых, послали за князем посадника Юрия Иванковича, Степана Твердиславича и иных мужей, и их тоже князь задержал. <...> И потом послали Мануила Ягольчевича с окончательными словами: «Пойди в свою отчину к святой Софии. Если же не пойдешь, то сообщи нам». Ярослав же и их не отпустил, а всех новгородских купцов задержал’.

Очевидно, чтобы предотвратить подобные инциденты, в формуляр договорных грамот Новгород с князьями был включен следующий пункт:

- (2) А про послы, княже, и про купци про ноугородские по твоей земли, техъ ти не приимати (Договорная грамота Новгорода с князем Василием Васильевичем, 1424 г. (согласно [Янин 1990: 173]), ГВНП, № 19, с. 36).
‘А что касается пребывающих на твоей земле новгородских послов и купцов, то тебе, князь, их не задерживать’.

Ср. также в ГВНП грамоты № 22, 1456 г., с. 41; № 26, 1471 г., с. 47; № 339, 1480 г., с. 326.

Любопытно, что в трех грамотах в том же контексте использован глагол *переимати*, но он требовал уточнения: *а сцлою ти гостя въ Тфѣрь не переимати* (ГВНП, № 13, 1318 г. [Янин 1990: 161], с. 26); так же: № 20, 1146 г. [Янин 1990: 179], с. 38. Без такого уточнения данный глагол встретился лишь один раз (№ 38, 1323 г., с. 68), причем в списке XVII в. (две предыдущие грамоты подлинны). Глагол *приимати* не требовал подобных разъяснений.

Другие синонимы к *приати* / *приимати* в значении ‘арестовать’: *оудержати*, *держати*, *забавливати*, ср.:

- (3) Да и о семь тобе своему господину чоломъ бьемъ, што князь мesterъ нашихъ псковичъ полонилъ, и тые наши полоняне псковичи черезъ твою Литовъскую землю бегаютъ ко Пскову из Немецкое земли, и литва тыхъ полоняниковъ ко Пскову не пускаютъ, забавливаютъ у себе; и ты бы, господине, пожаловалъ, нашихъ полоняниковъ псковичъ своимъ не велелъ приимати (ГВНП, № 339, 1480 г., с. 326).

‘И о том мы бьем челом тебе, нашему господину, что магистр (Ливонского ордена) взял в плен псковичей, и эти пленники-псковичи через твою Литовскую землю бегут во Псков из Немецкой земли, а литовцы этих пленников к Пскову не пускают, задерживают у себя; и ты бы, господин, пожаловал, велел бы своим не задерживать пленных псковичей’.

По сравнению с *оудержати* глагол *приати* / *приимати*, вероятно, имел более негативную окраску, ср. описание ареста новгородцев в Киевской летописи и в НПЛ (т. е. глазами самих новгородцев):

- (4) Всеволодъ же се слышавъ посла по нихъ вороти еп^спа с ними. и оудержа ѿ (Х.П.: А) со еп^спомъ (Ипат., 1140 г., л. 114)
‘Всеволод же, услышав об этом, послал за ними, вернул их вместе с епископом и арестовал их с епископом’.
- (5) И разгнѣвася Всеволодъ, и прия слы вся и епископа и гость (НПЛ, 1141 г., л. 22)
‘И разгневался Всеволод, и арестовал всех послов, епископа и купцов’.

Глагол *приати* предположительно (в силу фрагментарности текста) переведен как ‘арестовать’ в берестяной грамоте № 890 (сер. XII в.) [Зализняк 2004: 322].

Часто в пределах одного простого предложения невозможно понять, какое из значений данного глагола имеется в виду — требуется учитывать более широкий контекст, ср.:

- (6) Тои же осени присла Изяслав ис Кыева сына своего Ярослава, и прияша (и — НПЛ Ком., л. 107 об.) новгородцы (НПЛ, 1148 г., л. 25 об.)
‘Той же осенью Изяслав прислал из Киева своего сына Ярослава, и приняли его новгородцы’;
- (7) Прияша новгородцы Ростиславиця Святослава, и поправиша и въ Ладогу, а княгину въпустиша въ монастырь святыя Варвары, а дружину его въ погрѣбъ въсажаша (НПЛ, 1160 г., л. 31—31 об.)
‘Новгородцы заключили под стражу Святослава Ростиславича и отправили его в Ладогу, а княгиню поместили в монастырь святой Варвары, а дружину князя заточили в тюрьму’.

Любопытный пример содержит «История Иудейской войны» Иосифа Флавия (в греческом тексте точная параллель отсутствует):

- (8) Томоу же поревновавше и Фасаило братъ его. и грады ставлаше и люди тѣшаше лоучша приемла. а слыа приемла (в списке Виленского хронографа XVI в.: *оубиваше*) (Флав., т. 1: 354г)
‘Подражая ему (Ироду), также и брат его Фазаиль строил города и утешал людей, лучших принимая (у себя), а злых заключая под стражу (?)’.

Впрочем, по мнению А. А. Пичхадзе (устное сообщение), возможно, что перед вторым *приемла* переписчик «Истории» по недосмотру пропустил отрицательную частицу *не*.

Как ни странно, несмотря на достаточно большое количество примеров, данное значение у глагола *приати / приимати* не отмечено ни в «Материалах» И. И. Срезневского, ни в [СлРЯ XI—XVII]. В VIII томе СДРЯ был учтен предложенный в [Петрухин, Сичинава 2008: 238] перевод следующего фрагмента Киевской летописи:

- (9) в се же лѣто посла Всеволодъ Сѣополка. в Новѣгородъ. шюрина своего. смолвася с Новѣгородцы. которыхъ то быль прикаль (Ипат., 1142 г., л. 114 об.)
‘В тот же год Всеволод, договорившись с новгородцами, которых он насильно удерживал, отправил в Новгород Святополка, своего шурина’.

К сожалению, данный пример был включен в словарную статью на том этапе, когда по техническим причинам изменить ее структуру было уже нельзя, и потому оказался в разряде примеров с общим значением ‘взять’, как представляющий его подзначение ‘задержать, арестовать’ [СДРЯ, т. 8: 658]. Вообще же есть все основания выделить последнее значение как самостоятельное: речь идет не о контекстно обусловленной разновидности широкого значения ‘взять’ (и не о метафоре, как, например, в случае с отмеченным у того же глагола значением ‘овладеть, завоевать’ [Срезн., II:

1503—1504]), а об особом — судя по всему, терминологическом — значении.

4. Если допустить, что в грамоте № 724 глагол *приати* означает ‘задержать, арестовать’, то тогда интересующий нас фрагмент с учетом содержания грамоты читается следующим образом: *По томъ пришли смерди ѿ Аньдрѣа, мѣжъ приали и дане ѿали людѣе*. Перевод: ‘Потом пришли смерды от Андрея, задержали мужей и отняли дань’.

В этом случае ситуация такова. «Люди», которым следовало собрать остаток дани, по какой-то причине этого не сделали. Затем некто Захария через своего посланника дезавуировал полномочия Саввы как сборщика дани. Не вполне ясно, кому было адресовано это послание: это могли быть местные землевладельцы, старейшины общины или администраторы. Как бы то ни было, распоряжение Захарии дошло до адресатов слишком поздно: Савва уже собрал основную часть дани. В этой ситуации (возможно, из опасений, что им придется повторно платить уже уплаченную дань) местные плательщики дани решили действовать: Андрей — по-видимому, один из людей, получивших послание Захарии, — послал к Савве смердов, которые взяли под стражу подчинявшихся ему дружинников и отобрали собранную им дань. Далее Савва сообщает, что восьмерым из его людей — отряду под началом Тудора — удалось бежать, и просит отнестись к ним с пониманием.

Упомянутый в грамоте Андрей — либо местный администратор, либо землевладелец (боярин, вотчинник), либо местный старейшина. Вопрос о том, был ли Захария посадником или просто высокопоставленным администратором, остается открытым⁵.

Воинственная роль, которую выполняют в рассказе Саввы смерды, вполне согласуется с тем, что известно о них из исторических источников: смерды принимали участие в военных походах (ср., например: НПЛ, 1016 г., л. 1 об.), в их погребениях находят топоры — не только орудие труда, но и орудие ополченца [Макаров 1993: 135—136].

Любопытно, что в грамоте № 550 (1180—1200 гг.) [Зализняк 2004: 401], где речь идет о сборе податей, представлена очень похожая ситуация: «вежники», по словам автора грамоты Петра Михалковича, утверждают, что уплатили подать некоему Сбыславу, который, по сведениям Петра, не должен был эту подать собирать. При этом в словах Петра сквозит сомнение в честности «вежников». Следовательно, подобные казусы в рассматриваемый период не были редкостью.

⁵ Как следует из слов Саввы, он ожидал, что Захария лично приедет на место, чтобы разобраться в сложившейся ситуации. То, что он этого не сделал, явно вызывает у Саввы возмущение и расценивается как недобросовестное исполнение обязанностей. Между тем едва ли подобные разъезды (особенно если речь идет об отдаленных северных окраинах Новгородской земли) входили в круг обязанностей посадника, у которого обычно было достаточно хлопот в самом Новгороде.

Важнейшее преимущество предложенной интерпретации — в прояснении вопроса о том, что же собственно произошло с отрядом Тудора. Как уже говорилось, вопросительный знак, который оставляло в этом пункте прочтение А. А. Зализняка и В. Л. Янина, выглядел неестественно: ведь письмо Саввы заканчивается просьбой «отнестись с пониманием» к Тудору и его отряду, иными словами, постараться понять, в какую ситуацию они попали.

Таким образом, вместо довольно запутанного текста, распадающегося на две или даже три части — приход известия от Захарии, приход «Андреева мужа», просьба отнестись с пониманием к отряду Тудора — мы получаем цельный и логически последовательный рассказ, завершающийся естественно вытекающей из него просьбой.

С лингвистической точки зрения данное прочтение также кажется предпочтительным. Так, фраза *По томъ пришли смерди ѿ Аньдрѣа* подразумевает, как и следовало ожидать, что смерды пришли к Савве. В свою очередь, оборот «прийти (приехать) от кого-либо» многократно встречается в древнерусской письменности и означает 'быть наделенным полномочиями от определенного лица', ср.:

- (10) В се же время приключиса прити ѿ Стѣслава дань юмлющю . Юневи снѹ Вышатину (Лавр., 1071 г., л. 59);
- (11) по сем же Ютвѣзѣ прислаша . послы своя к Володимирови . тако рекоуче . г^{не} княже Володимере . приѣхали есма к тобѣ . ѿто всихъ Ютвѣзъ (Ипат., 1279 г., л. 292);
- (12) Того же лѣта приѣха Федоръ Ржевскыи в Новѣгород от князя Юрья с Москвы (НПЛ, 1314 г., л. 158).

Слово *людье* в конце фразы выглядит «лишним», однако в нем вполне логично видеть повтор подлежащего (*смерди*) — тем более вероятный, что фраза по смыслу распадается на две части: сначала сообщается о приходе смердов, а затем о том, что они сделали; подлежащее повторяется в обеих частях. Относительно синонимии слов *людие* и *смерди* ср. [Свердлов 1983: 138]⁶.

⁶ Примечательно, что в грамоте № 724 дружинники называются «мужами», а смерды «людьми» (фразу *оставили ма были людье*, согласно [НБГ X: 24], «[в]ряд ли... следует понимать как сообщение о бегстве от Саввы его помощников. Глагол *оставити* имеет много значений, в том числе: 'отказаться', 'отступить', 'отречься', 'отложиться' и т. п. Возможно, речь идет об отказе местных "людей" выплатить обусловленный остаток дани, который именно местным старейшинам надлежало собрать "до осени"»). Это вполне соответствует устоявшемуся представлению об использовании слов *мужь* и *люди* в древнерусском языке, ср., например: [Греков 1949: 339]. Недавно против этой точки зрения выступил П. В. Лукин [2008: 74—77] (там же литература вопроса). Однако нельзя не заметить, что *все* приводимые исследователем примеры, где слово *мужь* относится к «простым лю-

По структуре и *mutatis mutandis* по содержанию рассматриваемая фраза похожа, например, на следующий летописный фрагмент:

- (12) Того же лѣта заратишася устьюжане с новгородци, изымаша новгородцевъ, кто ходилъ на Юргу, и ограбиша ихъ (НПЛ, 1323 г., л. 163).

Особый интерес представляет словоформа *мѣжъ*, которая в нашей интерпретации рассматривается как форма В = Р мн. ч. В принципе возможны иные трактовки. А. А. Зализняк предположил (устно), что речь может идти о род. падеже с партитивным значением («многих мужей арестовали»). Трудность здесь в том, что партитив, как правило, указывает на неодушевленные объекты. В. Б. Крысько (также устно) высказал предположение, что если интерпретировать *мѣжъ* как форму множ. числа, то букву *ь* можно было бы рассматривать как субститут *ѣ* — впрочем, в этой грамоте уникальный: в таком случае перед нами вин. падеж множ. числа (*мужѣ*). Здесь проблема в отсутствии надежных примеровмены *ѣ* → *ь* в грамоте; ее можно предполагать лишь в одной словоформе (*ѣ[ѣ]ре*), хотя и здесь с учетом особенностей написания *ѣ* в основном тексте грамоты (см. ниже) скорее всего, представлен *ѣ*, к чему склоняется и А. А. Зализняк.

Отсюда наиболее предпочтительной мне кажется трактовка формы *мѣжъ* как В = Р мн. ч. Этому предположению противоречит принятая датировка грамоты (1161—1167 гг.): для данного времени в восточнославянской письменности имеется лишь один пример В = Р мн. ч. — в берестяной грамоте из Старой Руссы № 10 (1160—1180 гг.) [Крысько 1994: 104—106], ср. его обсуждение в [Зализняк 2004: 448]⁷. Однако данное противоречие вполне может оказаться мнимым. Действительно, для XII в. форма В = Р мн. ч. выглядит анахронизмом. Но уже начиная с рубежа XII—XIII веков распространение категории одушевленности на существительные муж. рода во множ. числе засвидетельствовано целым рядом надежных примеров. В частности, такая форма имеется в берестяной грамоте № 531

дям», распадаются на две группы: 1) сочетания с числительными (обозначающими, как правило, небольшое число), ср.: выступиша ѿ ни^х .г. мужи (Лавр., 1071 г., л. 59 об.), сюда же примыкает упоминание *мужа* в единственном числе типа *а отрокоу въдаите по коунѣ моужъ* (берестяная грамота № 509, 1160—1180 гг.); 2) противопоставление лиц мужского и женского пола, ср.: исѣкоша мужѣ, а жены и дѣти вдаша на щиты (Лавр., 1067 г., л. 56). Вне подобных контекстов, насколько можно судить, под *мужами* всегда имеются в виду дружинники, ср. в рассказе об Игоре и древлянах: [и] насилаше имъ. и мужи его (Лавр., 945 г., л. 14 об.). Что касается использования слова *людие* в значении «дружинники», здесь П. В. Лукин фактически ссылается лишь на грамоту № 724. А. А. Зализняк [2004: 273] не исключает, что дружинниками являются «люди» в грамоте № 119 (1120—1140 гг.), однако опорой для этого предположения служит опять-таки грамота № 724.

⁷ Особняком стоит самый ранний пример существительного в форме В = Р мн. ч., содержащийся, согласно [ИГ ДРЯ III: 60], в Изборнике 1076 г.

начала XIII в. [Зализняк 2004: 416]; ряд примеров содержит первый почерк НПЛ (список около 1234 г., согласно [Гимон, Гиппиус 1999]) и другие памятники этого времени [Крысько 1994: 107; ИГДРЯ I: 202—205].

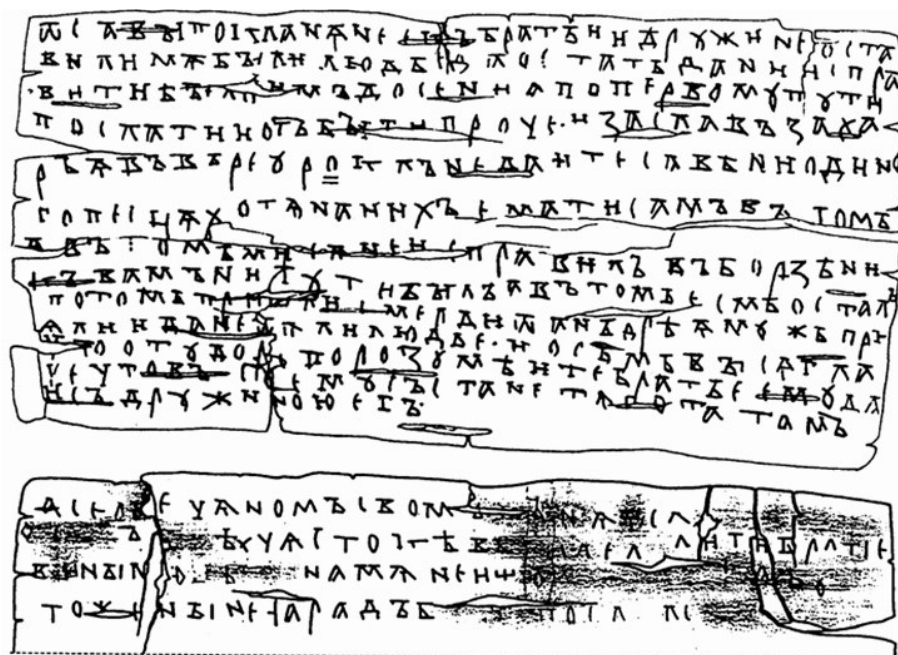
Таким образом, форма *мѣжь* встает в один ряд с другими характеристиками грамоты № 724, указывающими на конец XII — начало XIII века, — стратиграфической датировкой и языком основного текста (см. выше). С этой датировкой вполне согласуется и палеографическая оценка грамоты.

Вообще говоря, если принять предложенную здесь трактовку содержания грамоты, то остается лишь одно препятствие для того, чтобы датировать ее указанным временем, а именно состояние редуцированных в приписке, которое, по оценке А. А. Зализняка [2004: 352], «вполне соответствует нормам XII века». Однако эта ситуация может объясняться иначе: здесь может быть представлен так называемый эффект скандирования, хорошо известный по множеству берестяных грамот. По словам А. А. Зализняка [Там же: 35], он «состоит в том, что за любой согласной буквой на письме должна следовать гласная буква (в число таковых считаются входящими также *ъ* и *ь*)»; «[н]а практике, правда, скандирующий принцип обычно реализуется не совсем последовательно: некоторые сочетания согласных всегда или хотя бы иногда остаются в обычном виде (чаще других это касается сочетаний *ст*, *ск*, *сп* и сочетаний типа «согласная + *л* или *р*»)».

Если присмотреться, именно такую картину мы наблюдаем в приписке к грамоте № 724. То, что этот эффект отсутствует в основном тексте грамоты, не удивительно, так как «[с]кандирующий и силлабо-скандирующий принцип встречается преимущественно в рамках бытовой графической системы» [Там же], в то время как основному тексту свойственна книжная орфография. Возможно, таким образом, что состояние редуцированных в приписке не отражает живое произношение, и тем самым вся грамота может быть отнесена к концу XII — началу XIII века (скорее к началу XIII в.).

5. Предложенная трактовка требует от данника Саввы гораздо меньшей искусственности в книжном письме, чем версия В. Л. Янина и А. А. Зализняка: он не имитировал искусственным образом падение и прояснение редуцированных в подражание образцовым южнославянским текстам, а всего лишь писал так, как говорит. И все же остается вопрос: зачем Савве понадобилось переходить на бытовое письмо и диалектную морфологию «с непоследовательной коррекцией» [Зализняк 2004: 352], если он вполне твердо владел книжной орфографией и стандартной морфологией? А. А. Зализняк полагает, что «в момент составления приписки он, очевидно, чувствовал себя более вольно» [Там же: 352]. Но почему? Ведь не изменились ни адресат письма, ни тема — более того, именно в приписке Савва ссылается на князя (!) и интересуется участью, которая после всего случившегося может постигнуть его самого.

Проще всего было бы предположить, что тексты написаны разными людьми, точнее — основной текст был по просьбе Саввы написан профессиональным писцом (возможно, не новгородцем), а приписка была сделана Саввой собственноручно. Известно, что новгородцы при написании грамот часто прибегали к услугам третьих лиц, ср.: «число случаев, когда письма одного автора написаны единым почерком и разными почерками, примерно одинаково» [Зализняк 1999: 305]. Профессиональный писец мог быть в числе помощников Саввы. Тем не менее, согласно А. А. Зализняку [2004: 350], вся грамота написана одним почерком. Хотя исследователь не аргументирует это утверждение, мне представляется, что здесь убедительная аргументация совершенно необходима — именно в силу того, что в данных обстоятельствах при наличии хотя бы малейших сомнений в единстве почерка безусловно предпочтительна как наиболее естественная с точки зрения здравого смысла гипотеза об участии двух людей в написании грамоты. Между тем имеющиеся данные не внушают полной уверенности в тождественности почерков. Ниже приведена прорись грамоты:

Сразу можно отметить одно разительное отличие: в основном тексте почти все релевантные буквы имеют засечки или покрытие, в то время как в приписке они почти совсем отсутствуют. Разумеется, засечки можно считать элементом декора, которым Савва, переключившись на бытовое письмо, решил пренебречь. Трудно сказать, насколько засечки и покрытия

существенны для характеристики почерка; во всяком случае, А. А. Зализняк учитывает их при оценке сходства / различия почерков (ср., например: [Зализняк 1999: 312]), и в палеографических таблицах [Зализняк 2000] их роль довольно заметна. Имеются и другие различия, наиболее существенные из которых представлены ниже:

Буква	Основной текст	Приписка
о	как минимум у трети букв дуги внизу не сомкнуты ⁸	дуги сомкнуты у всех букв (4) ⁹
т	почти все буквы имеют короткую ножку, доходящую лишь примерно до середины строки	все четыре буквы имеют ножки, равные высоте строки (4)
ы	во всех случаях имеется перемычка (в одном случае ее «замещает» пересечка); у левой части выступ вправо отсутствует	перемычка отсутствует; левая часть имеет выступ вправо (2)
ѣ	мачта едва возвышается над коромыслом (или совсем не возвышается, как, возможно, в форме в[ѣ]ре), и буква целиком помещается в строке	мачта длиннее и поднимается выше строки (2)
а	буква имеет длинный язычок, выходящий за линию строки	все буквы помещаются в строке (4)

Предвижу возражение: текст приписки крайне плохо читается, некоторые буквы не представлены вообще, другие видны лишь частично или встречаются по одному разу, так что полноценное сравнение почерков затруднено. Кроме того, в силу плохой сохранности текста на внутренней стороне бересты очертания некоторых букв, вероятно, невозможно точно передать на прориси, и опытный глаз может различить больше. Но я исхожу из того, что если степень сохранности текста позволяет сделать вывод о тождестве почерков, то должно быть возможно такое воспроизведение текста на прориси, чтобы в этом тождестве можно было убедиться. В данном случае трудно понять, можно ли вообще, имея столь плохо сохранившийся текст, сделать надежные выводы о почерке.

В пользу тождества почерков могут говорить начертания букв ч и к. У-образная буква ч, представленная небольшим количеством грамот, из которых все, кроме разбираемой здесь, относятся к гораздо более позднему времени [Зализняк 2000: 315], в грамоте № 724 имеется как на лицевой стороне, так и на обороте. Впрочем начертания буквы ч в них не вполне совпадают (в основном тексте у ч более длинная ножка, выступающая за линию строки). Буква к с горизонтальной верхней чертой — вообще уникальное явление во всем корпусе берестяных грамот [Там же: 174]. Впро-

⁸ На фотографии таких букв больше, чем на прориси: например, такова первая буква о.

⁹ В скобках указано количество букв.

чем, на фотографии приписки эту букву совсем не удастся разглядеть. Но как бы то ни было, даже если допустить совпадение этих двух букв на внешней и внутренней сторонах бересты, представляется, что с учетом всех прочих соображений разумнее было бы говорить лишь о частичном сходстве, а не о тождестве почерков (о понятии сходства почерков см. [Зализняк 1999]).

Итак, наш анализ привел к пересмотру некоторых устоявшихся представлений о грамоте № 724. Прежде всего, речь идет не о конфликте между Новгородом и Суздалем, а скорее о банальной неразберихе среди ответственных за сбор дани администраторов. Отказ от отождествления упомянутых в грамоте лиц с известными историческими фигурами освобождает нас от необходимости (или, если угодно, искушения) увязывать данные грамоты с определенным историческим периодом (60-е годы XII века). В то же время предложенная концепция нисколько не умаляет ценность этого замечательного памятника древнерусской письменности.

Л и т е р а т у р а

Белозерцев 1964 — Г. И. Белозерцев. Соотношение глагольных образований с приставками *вы-* и *из-* выделительного значения в древнерусских памятниках XI—XIV вв. // Исследования по исторической лексикологии русского языка. М., 1964. С. 161—217.

БЛДР, т. 5 — Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5: XIII век / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб., 2005.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Гимон, Гиппиус 1999 — Т. В. Гимон, А. А. Гиппиус. Новые данные по истории текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 18—47.

Гиппиус 1997 — А. А. Гиппиус. «Вожжей оленьих 28...» (Об одной числовой модели в древнерусских текстах) // Живая старина. 1997. № 3. С. 21—23.

Греков 1949 — Б. Д. Греков. Киевская Русь. М., 1949.

Ершевский 2003 — Б. Д. Ершевский. Археологический комментарий к находкам берестяных грамот на Михайлоархангельском раскопе в 1990 г. // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Отв. ред. В. Л. Янин. М., 2003. С. 164—169.

Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк 1999 — А. А. Зализняк. Проблема тождества и сходства почерков в берестяных грамотах // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 293—328.

Зализняк 2000 — А. А. Зализняк. Палеография берестяных грамот и их вне-стратиграфическое датирование // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000. С. 133—429.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.

Золтан 2002 — А. Золтан. Пути проникновения западнорусской лексики в великорусский деловой язык в XV в. // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1:

Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 766—806 (впервые опубликовано в 1988 г.).

ИГДРЯ I — С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. Историческая грамматика древнерусского языка. Множественное число именного склонения. М., 2000.

ИГДРЯ III — А. М. Кузнецов, С. И. Иорданиди, В. Б. Крысько. Историческая грамматика древнерусского языка. Прилагательные. М., 2006.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 1998.

Крысько 1994 — В. Б. Крысько. Развитие категории одушевленности в русском языке. М., 1994.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М., 1997.

Лукин 2008 — П. В. Лукин. Вече: социальный состав // А. А. Горский, В. А. Кучкин, П. В. Лукин, П. С. Стефанович. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 33—147.

Макаров 1993 — Н. А. Макаров. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993.

НБГ X — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990—1996 гг.). М., 2000.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950 (2-е изд.: М., 2000).

Петрухин, Сичинава 2008 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // Рус. яз. в науч. освещении. 2007. № 15 (1). С. 224—258.

Свердлов 1983 — М. Б. Свердлов. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1—8. М., 1988—2008.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28. М., 1975—2009.

Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб., 1893—1903.

Флав. — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод / Изд. подг. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин. Т. I—II. М., 2004.

Янин 1990 — В. Л. Янин. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990.

Янин 1998 — В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... 3-е изд. М., 1998.

Янин 2003 — В. Л. Янин. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003.

О. Ф. ЖОЛОБОВ

ПРИСТАНИЩЕ НЕВЪЛОНИМОЕ¹
(К РЕФЛЕКСАЦИИ ГРУПП ТИПА ТЪРТ/ ТЪЛТ)

В двух номерах журнала «Русский язык в научном освещении» были опубликованы статьи М. Б. Попова [2006] и М. Н. Шевелевой [2007], посвященные особенностям диалектной рефлексации праславянских групп типа *tъrt* в древнерусской письменности. Обе публикации имели полемический характер. В настоящей статье приводятся новые данные по этой теме, анализируется материал Погодинского списка Паренесиса Ефрема Сирина — РНБ, Погод. 71а (ЕфрСир ок. 1289). Эта рукопись является самым ранним из сохранившихся полных списков Паренесиса (о датировке — ок. 1289 г. — см. [Жолобов 2005; 2006: 95]). Рукопись имеет древнерусское галицко-волынское происхождение. Погодинский список относится ко времени наиболее активной фазы в обособлении говоров Галицко-Волынского княжества. Эти говоры образуют юго-западную диалектную зону позднерусского периода (см. [Хабургаев 1980: 132, 152]). Престиж Киева как древнерусского центра падает на протяжении XIII в., и этот процесс усугубляется татаро-монгольским разгромом древнерусских земель. Галицко-Волынное княжество, по-видимому, менее всего пострадало от действий Орды, сохраняя свою независимость на протяжении XIII в. благодаря своему геополитическому положению.

Как мы полагаем, форма *невълонимое* из Погодинского списка, вынесенная в заголовок статьи и являющаяся уникальной, доказывает, что рефлекс типа *tъrt* > *trot* развиваются на основе второго полногласия: *tъrt* > *tъr^ъt* > *t^ъrot* > *trot*. Вернемся к этой форме позднее, рассмотрев подробно все связанные с данной темой явления, которые отразились в рукописи.

В Погодинском списке обычная для древнерусского языка огласовка слов в гнезде *скѣркѣ* регулярно отражается с гласным переднего ряда без палатализации **sk*, а топоним «скорбь, скорбный путь» занимает в композиции текста одно из ведущих мест и лексемы, связанные с упомянутым

¹ Работа выполнена в рамках научного проекта «Лингвотекстологические и корпусные исследования грамматической семантики древнерусского текста», 2.1.3/2987 (аналитическая ведомственная целевая программа «Развитие научного потенциала высшей школы» Федерального агентства по образованию РФ).

гнездом слов, используются очень интенсивно. См. только некоторые примеры, в которых отразилось разнообразие словообразовательных и грамматических вариаций соответствующего корня: *ске|рка* 7а17—18; *скера|ка* 10б14—5; *не wskеркити* 16б5; *скерка|наго* 22а3, 22а20; *поскерк|кти* 22в7; *скерк|кти* 32г10; *ѡскеркиа* 33а2, 33а6; *скерк|ю* 33а7; *ѡскеркихъ* 33а12; *скерка|цимъ* 46б8—9; *къ скерка|хъ* 56б5; *ѡскерки|каго* 64в7—8; *ске|ркалю* 69в4—5; *ѡскерка|лята* 74г18; *приске|ркенъ* 132г14—15; 144б16—17; *по|скерк|кте* 158а17—18; *скерким|на* 225в11; *не wskерка|кта* 259б9; *wскерка|ля* 322г26 и мн. др. Древнерусские традиционные написания с непередним гласным гораздо менее частотны: *скорка|щию* 41а12; *скорки* 48а3; *wскорка|лята* 63б17; *скорка* 75в6; *ѡскорка|ля* 78г4; *wскорки* 275а7; *скорка* 314в24; *ѡскорка|лята* 318б28; *скорка* 318в18. Среди форм Погодинского списка есть новые примеры глагольных образований по первому лезкиновскому классу: *ѡскеркенъ* 44а17; *скерк|ши* 69в3 (если не считать эти написания ошибками писцов). В. Б. Крысько [2003: 350], отталкиваясь от аблаутных параллелей типа **-verstil/*-vьrzq*, **-vertil/*-vьrpq*, восстанавливает для подобных словоформ исходный праславянский и восточнославянский инфинитив **skerbti > *щерети*, **скерети* в противовес предлагаемой А. А. Зализняком форме *скърти*. Форму *скерети* напоминает *ѡскерити* 69в14 в Погодинском списке, хотя здесь снова можно подозревать ошибку писца. Отсутствие палатализации в указанных им примерах В. Б. Крысько считает диалектизмом. Однако отсутствие перехода в этом случае может объясняться тесной морфонологической ассоциацией лексем с передним и непередним гласными. Именно на это указывает варьирование гласных в приведенных примерах. Балтийские параллели подтверждают исконный характер непереднего вокализма (см. [Фасм. III: 651]). В более ранних источниках в отношении варьирования обнаруживается сходная картина: так, в СбУ XII/XIII в 31 случае представлен передний гласный (*ска|рка*, *ска|рка*, *ска|рки*, *ска|ркин*, *ска|рка|ми*, *ска|рка|хъ*, *ска|рка|но*, *ска|рка|цимъ*, *ска|рка|кти* и т. д.), а в 16 — непередний (*скъ|рки*, *скъ|ркин*, *скъ|рка|ще* и т. д.). Написания *скъ|рки* (СбУ XII/XIII, 51а8—9, 153в20), *ска|рка|щию* (ЕфрСирок. 1289, 41а12) с непередним органическим гласным и передним вставочным указывают, кроме того, на вероятный источник замен первого гласного под влиянием неорганического переднего гласного, когда палатализация перестала быть живым изменением. Во всех галицко-волынских памятниках начиная с Добрилова евангелия 1164 г. у А. И. Соболевского отмечаются словоформы с передним гласным [Соболевский 2004: 4 и др.].

Привычные для древнерусской книжности орфограммы, появившиеся после утраты еров, в Погодинском списке, несомненно, преобладают: *горд|шин* 12б13; *порт|хъ* 17а12; *горд|шимъ* 17г20; *ѡторгн|ти* 36б19; *корм|ла* 40в19; *корм|ча* 75а7; *перк|ю* 1а9; *ѡкерз|ши* 1в1; *оутк|вердикъ* 1г17—18; *сккерн|хъ* 1г20; *черт|огъ* 2в19; *мерз|ка* 3а3; *скерш|енъ* 6а2; *черне|цъ* 6г16; *къз|держанъ* 10а19; *зерно* 11в21; *расъ|щепати* 14г19; *черк|а* 15в10; *молк|у* 2а9; *исполн|къся* 2а16; *колн|хъ* 4в12; *молч|ати* 5в15; *долж|ни* 11г22; *толк|ущему* 12а20; *сто|лпъ*

12г1; молниѣ 1562; ѿ ополчѣнѣа 35г17—18; долгогѣу 566б—7; колшакѣни 98г16 и мн. др. Встречаются архаичные орфограммы с редуцированными, в том числе двуеровые написания: кѣрнѣа 1в11; прѣтарѣпѣ 11г18; ѣдрѣстѣко 27в18; ѿ смѣрти 38в2; сѣмѣрти 38в19; оутѣрѣди 41б15—16; ѿдѣрѣжѣмѣа 54б4; дѣлѣжѣни 60г18—9; парѣстѣнѣа 154в12—13; ѿкѣдѣрѣжѣмѣа 159б12; кѣл парѣси 171а1—2; мѣрѣзѣка 182б4; парѣкозѣдѣнѣи 186г2; оутѣрѣжѣнѣа 191в6—7; тѣлѣжѣи 256б8; напѣлѣнѣа кѣси 261а9; мѣрѣзоѣкѣа 206в3; парѣстѣа 261б10; скѣкарѣнѣи 282г2—3; мѣртѣкѣа 297б19; жѣртѣкѣа 315а30; кѣл кѣртѣпѣкѣа 319в20—21. Промежуточный тип представляют словоформы с проявившимся органическим редуцированным и сохранившимся обозначением неорганической гласности: сѣколѣжѣсѣа 1165; сѣкѣрѣшѣи 16в3; перѣкѣкѣи 39бб; столѣпѣа 44б14; долѣжѣно 48а19; кѣ перѣстѣкѣлѣа 94б4—5; дѣрѣзѣнокѣнѣи 101г5; дѣрѣзѣнокѣнѣи 121в12; дѣрѣзѣнѣу 143г19; дѣрѣзѣнокѣнѣи 148г11; оутѣрѣжѣтѣи 161в4—5; покѣрѣжѣтѣа 173б19; ѿкѣрѣзѣкѣа 173в14; черѣнеѣца 191б4; колѣшѣкѣенѣи 133в13—14; испѣлѣнѣа 173а14; колѣжѣкѣа 305бб; колѣжѣкѣи 305б12; колѣсѣи 305б17; колѣшѣстѣкѣуѣа 308в20; дѣрѣзѣнокѣнѣи 218б20; дѣрѣзѣнокѣнѣи 223б14; дѣрѣзѣнокѣнѣи 250б9—10; дѣрѣзѣнокѣнѣи 286б2—3; ѿскѣрѣкѣлѣа 322г26. Буква редуцированного всегда сохраняется при переносе, указывая на твердость или мягкость согласного: долѣгѣтерѣлѣи 3610—11; стѣрѣлѣпѣкѣа 3619—20; оутѣрѣлѣдишѣи 6г23—24; ѿкѣрѣлѣзѣтѣа 7г8—9; скѣкѣрѣлѣи 106г9—10; перѣлѣжѣи 109б15—16; дѣрѣлѣзѣстѣа 124а12—13; черѣлѣнѣчѣстѣкоѣкѣа 132а7—8; оутѣрѣлѣжѣнѣи 135а2—3; дѣрѣлѣзѣнѣу 144а7—8; кѣрѣлѣхѣу 168а17—18; терѣлѣпѣкѣнѣа 219г10—11; мѣрѣлѣтѣи 237б16—17; мѣрѣлѣтѣжѣи 311б13—14; черѣлѣи 327б21—22 и др. Перед твердым переднеязычным согласным вставной ѣ заменяется на ѣ: перѣжѣстѣа 281б15; ѿкѣрѣжѣстѣу 282а10; мѣрѣжѣцѣи 294г2; ѿкѣрѣжѣстѣа 312б12—13; мѣрѣжѣко 313а1; мѣрѣлѣтѣжѣи 323б20—21.

Двусмысленна полногласная причастная форма *сколокѣсѣа*: *ѣкоже рѣѣно кѣстѣа . сколокѣсѣа* *начѣлѣа . и клѣстѣи* *на кѣрѣтѣкѣ оуѣзѣи* 46г7—9. Ср. в других списках: *ѣкоже рѣѣно кѣстѣа сколокѣсѣа* *начѣлѣа и клѣстѣи . илѣ на кѣрѣтѣкѣ оуѣзѣи* ЕфрСир сер. XIV, 33г11—13; *ѣкоже рѣѣено кѣстѣа сколокѣсѣа* *начѣлѣа и клѣстѣи* *на кѣрѣтѣкѣ оуѣзѣи* ЕфрСир 1377, 34в22—25. Генетически здесь следует предполагать исходный аблаутный вариант *-*vylk-*, закономерное продолжение которого есть в рукописи: *сколѣжѣсѣа* *кѣтѣжѣаго ѣлѣкѣа* ЕфрСир ок. 1289, 1165—6; *нѣлѣ хѣа* *ли сѣколокѣсѣа* *кѣстѣа* 236в5—7; *сколѣжѣа* *одежа* *слажѣи* 256б8—9. Ср. также пример раннего второго полногласия: *тѣлѣжѣи* ЕфрСир ок. 1289, 256б8. Поэтому форму *сколокѣсѣа* можно толковать как пример нового второго полногласия (-*vylk-* > -*vyľk-* > -*volok-*), хотя нельзя исключать обобщения инфинитивной основы с первым полногласием *сѣколови*. К этому нужно добавить, что А. И. Соболевский приводит единичные примеры нового второго полногласия в галицко-волынских источниках: *умерѣтѣи* в Поликарповом евангелии 1307 г., 114; *доложѣ* в грамоте 1400 г. [Соболевский 2004: 37, 61].

Наряду с этими изменениями групп типа *ťvrt* представлен совершенно иной тип с утратой органического гласного и развитием вставного гласно-

го — типа *tbrt* > *tbr^bt* > *trot*: *трѣпѣти* 19в5; *мѡ[-]кѹ кѣка сего* 29в5; *полчрѣтѣ коды* 33в3—4; *кромѡ* 37в20; *кѣзмѡхѣсткѹюща* 43б9; *кѣзмѡхѣсткокатѣ* 43б20; *оумрѣтѣ* 41г10; *трѣпѣнна* 47а17—18; *крѣмна* 55в9; *содрагнѹти* 63г17—18; *кѡшкѣнна* 113б19—20; *трѣпѣникѣ* 113г1; *растрѣгаѣши* 313а8—9; *скрѣѣ* 313г22.

Кроме того, в Погодинском списке находим *но да не прѣдложимѣ* *слокеѣ* 243б7—8 вместо ожидавшегося *прѣдолжимѣ*, ср. в других списках: *но да не прѣдолѣжимѣ* *слокеѣ* ЕфрСир сер. XIV, 149в26—27; *но да не прѣдолѣжимѣ* *слокеѣ* ЕфрСир 1377, 160а12—13; нѣ да не *продлѣжимѣ* слово (среднеболгарский Лесновский Паренесис [Bjorkovsky, Aitzetmüller 1988, 4: 35]). Так же и в иных случаях: и что прочѣе *рѣчѣ прѣдложѣ* ЕфрСир ок. 1289, 114в12—13; ср. в других списках: и что прочѣе *крѣмѣ прѣдложѣ* ЕфрСир сер. XIV, 71г29—30; и что прочѣе *крѣмѣ прѣдложѣ* ЕфрСир 1377, 79а8—10; и что прочѣе *врѣмѣ прѣдложѣ* (среднеболгарский Лесновский Паренесис [Bjorkovsky, Aitzetmüller 1986, 2: 203]); *да не по кѣдиноу глѣше прѣдложимѣ* *слокеѣ* ЕфрСир ок. 1289, 248а9—11; ср. в других списках: *да не по кѣдиному глѣше прѣдложимѣ* *слокеѣ* ЕфрСир сер. XIV, 154а1—4; *да не по кѣдину глѣше не прѣдложимѣ* *слокеѣ* (sic) ЕфрСир 1377, 163в10—12; *да не по единомуу глѣ* и *продлѣжимѣ* слово (среднеболгарский Лесновский Паренесис [Bjorkovsky, Aitzetmüller 1988, 4: 55]).

Похожая замена произошла в следующем случае: *ризнѣ ли шѣѣ дѣлаѣши помѣни чѣркаѣ* 252а8—9; в других списках иначе: *ризнѣ ли шѣѣ дѣлаѣши помѣни чѣркаѣ* ЕфрСир сер. XIV, 158а10—12; *ризнѣ и ли шѣѣ дѣлаѣши чѣркаѣ* ЕфрСир 1377, 166г1—3; *ризнѣ ли шѣѣ дѣлаѣши помѣни чѣркаѣ* (среднеболгарский Лесновский Паренесис [Bjorkovsky, Aitzetmüller 1988, 4: 77]). Слово *чѣркаѣ* — окказионализм, который более нигде не встречается. Нельзя в этом случае исключать паронимического сближения со словом *чѣркина* ‘сапоги, башмаки’. А. И. Соболевский [2004: 72] приводит одно подобное написание *умрътвеннѣи* в галицко-волынской грамоте, приравнивая его к форме *умртвеннѣи* с утратой редуцированного. Сходное развитие в группе *tbrt*, как известно, представлено в польском: *dlugi, stońce, tłumacz* (> укр. *тлумач*) и др.

Наиболее показательным в этом отношении написание, в котором непосредственно отразилось перераспределение гласности вокруг плавного: *ѡ чѣстото пристѣнище неклѣонимѣ* 71в20—21; ср. в других списках: *ѡ чѣстото пристѣнище неклѣемѣ* ЕфрСир сер. XIV, 47г22—23; *ѡ чѣстото пристѣнище неклѣмо* ЕфрСир 1377, 50г18—19; *Ѡ чѣстото, пристѣнище невлаемо* (среднеболгарский Лесновский Паренесис [Bjorkovsky, Aitzetmüller 1988, 2: 41]). Страдательное причастие *неклѣонимѣ* (< *неклѣнимѣ*, *неклѣнимѣ*) более нигде не встречается. Оно, по-видимому, было предназначено прояснить значение близкозвучного страдательного причастия *неклѣемѣ* (< *неклѣемѣ*) и должно быть соотнесено с глаголом *кѣлѣнитѣ* ‘волноваться, колебаться, быть беспокойным’. Этот глагол засвидетельствован историческими словарями в причастных образованиях: *Вълнащѣеѣ*

боурею море Ирм. ок. 1250 г. 134 [Срезн.: I, 380]; гла(с) юго ѡко море *волнащеюса* ГА XIII—XIV, 1206 [СДРЯ: II, 161]. В свою очередь страдательное причастие *некълакъмоу* других списков является формой глагола, известного старославянским памятникам, см.: *кълаати* ‘качать’: *корака же к’к по ср’кд’к мор’к кълааа сѧ кълаами* Мф. 14, 24 Зогр, Мар, Ас [ССС: 144]; срв.: *кълаати* = *кълаати* ‘волновать’: *Не вълаѡмо* пристанище Мин. Празд. XII в. 113 [Срезн.: I, 378]. Для *кълаа*, *кълаити(сѧ)* предполагается исходное **vьln-* (срв. лит. *vilnis*; лтш. *vilna*; др.-в.-нем. *wella* — [Фасм.: I, 339]).

Своего рода компромиссным вариантом, совмещающим разные типы рефлексов, нужно признать форму *исполна* 181620, даже если она появилась в результате ошибки писца. К рассмотренному явлению может иметь отношение следующее ошибочное чтение в Погодинском списке: *ω друже докол’к т’кснѧ|мѧ и стр’танѧмѧ ракота|кши . сѧротноснѧмѧ сѧ|цнѧмѧ* 276г4—7 vs. *докол’к Ѡ | друже телеснѧмѧ| ракота|кши стр’темѧ .| смр’тоносѧ|нѧмѧ сѧ|цнѧмѧ* ЕфрСир сер. XIV, 186611—16.

Безусловно, если бы дело ограничивалось написаниями типа *оумратки* 41г10, то речь шла бы об отражении южнославянских орфограмм протографа, как и полагал А. И. Соболевский [2004: 56]. Однако совокупность всех приведенных фактов говорит об особом типе рефлексии групп типа *ьрт*. В ряде случаев плавный вообще употребляется без гласного в окружении согласных, как если бы он становился слоговым: *кѧ скрѧ|хѧ* 204а16—17; *т’рп’кннѧ|мѧ* 234а13—14; *пр’к|т’рп’кѧшаго* 256а12-13; *грдѧнѧ* 314б30. Вслед за А. И. Соболевским [2004: 72] эти написания можно считать отражением падения редуцированных в сочетаниях типа *ьрт*, хотя их появление может быть объяснено и колебаниями в порядке следования гласного и плавного. Они указывают на то, что редуцированные в этих группах сохранялись дольше, чем в других случаях, но их изменение подчинялось общим закономерностям. Есть еще немало сходных примеров, которые, однако, могут объясняться простым пропуском титла: *мртѧмѧ* 261б7; на *смртѧ* 278в7; *смртѧмѧ* 315в7; *смртѧнѧ* 317в16 и др. Нельзя в приведенных написаниях полностью исключать обычных описок, как в следующих случаях: на *зѧмѧ* 182в12 (вместо на *земѧ*); *издрѧ* 197а5 (вместо *издрѧчи*); *скр’ѧ* 277в19 (вместо *скора*). Однако нужно заметить, что ошибки последнего типа очень редки.

Сходно изменялись сочетания с органическим редуцированным после плавного: *скрѧ|етѧ зѧкнѧ* 273в11 (< *скрѧ|етѧ*). В рукописи в словоформах такого рода последовательно сохраняются редуцированные: *крѧс’клнѧ* и| *крѧннѧ* 43а3—4 (вместо *кѧрннѧ*); *ко кѧнѧ к’кр’к* 75в23; *грѧтанѧ* 71в9 (< **grьtanь* — [Фасм.: I, 444]); *грѧтѧнѧ* 100а7; *крѧкопницѧ* 5в25; *т’ѧлѧ* и *крѧкѧ* 25б5; *крѧкѧ* 76г5; *ко крѧкѧ* 86а12; *погѧтитѧ* и 27в10; *нѧа* *кого погѧтитѧ* 30в10; *погѧтитѧ х’отѧ* 69б14—15; *пѧхѧ* 5г3; *по пѧхѧ* 7в12; 10в11; 12в15; 15г19; 21а10; 22г17; 61а13; 61а20; *ко пѧхѧ* 86а13; *пѧхѧ* 98г13; 99а20—21; 99б9; 100а13; *слѧзѧ* 2610; 4а7; *со слѧзѧмѧ* 14б19—20; *слѧзѧмѧ* 39в8; *слѧзѧ* 39в9; *слѧзѧ* 39г7; *слѧзѧ|мѧ* 74б23—74в1; *слѧзѧмѧ*

91г4; ко *сладзѡхъ* 92а14—15; *сладзѡ* 92а20; *сладзѡми* 92б5; 93г4; 93г21; 94в11; *сладзѡ* 96б13; *сладзѡми* 100а1; *скражетѡ зукѡмѡ* 39в16; *скраже зукѡмѡ* 45в1; *скражетѡ зукѡмѡ* 91а2—3; *скражетѡ зукѡмѡ* 99г6 и т. д. Устойчивость старых орфограмм здесь вряд ли была случайной и могла поддерживаться особой рефлексацией еров (ср., в частности, укр. *глистати*, *кривавий*, *слизливий* [СлУкр: 129, 328, 767]).

Примеры развития групп типа *tъrt* > *trot* были найдены ранее в новгородских источниках. А. А. Зализняк отмечает, что «рефлексы типа *TroT* обнаруживают явную связь с территорией древненовгородского государства, а также со смоленской зоной» [Зализняк 2004: 51]. Свидетельства галицко-волинского Погодинского списка доказывают, что такое развитие имело место также в юго-западной части восточнославянских земель. Оно захватывало, таким образом, всю западную окраину Древней Руси. Общим для письменности данных территорий в древности было также образование второго полногласия (древнего и нового вида) и спорадическое отражение написаний типа *trt*. Рассмотренный материал свидетельствует, что так называемая слоговость плавного, которая понимается как произношение, сопровождаемое подвижными вокальными элементами с обеих сторон плавного (ср. [Шевелева 2007: 271 и др.]), может быть описана в терминах второго полногласия (ср. [Попов 2006: 236 и др.]).

Источники и сокращения

- ЕфрСир ок. 1289 — Паренесис Ефрема Сирина, РНБ, Пог. 71а, 328 л.
 ЕфрСир сер. XIV — Паренесис Ефрема Сирина, РГБ, Тр. 7, 246 л.
 ЕфрСир 1377 — Паренесис Ефрема Сирина, БАН 31.7.2, 258 л.
 СБУ XII—XIII — Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.
 СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.), т. I—VIII. М., 1988—2008.
 СлУкр — Українсько-російський словник. Київ, 1985.
 Срезн. — И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1903.
 СССР — Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков). / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.
 Фасм. — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1986—1987.

Литература

- Жолобов 2005 — О. Ф. Жолобов. Летосчислительные обозначения и датировка рукописей // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2005. 3 (21). С. 31—32.
 Жолобов 2006 — О. Ф. Жолобов. Числительные. (Историческая грамматика древнерусского языка; Т. IV). М., 2006.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Крысько 2003 — В. Б. К р ы с ь к о. Русско-церковнославянские рукописи XI—XIV вв. как источник по истории старославянского и древнерусского языков: новые данные // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М., С. 339—355.

Попов 2006 — М. Б. П о п о в. К вопросу о написаниях типа ТРОТ < *ТЬРТ в рукописях XIV—XV вв.: слоговые плавные или второе полногласие? // Рус. яз. в науч. осв. 2006. № 2 (12). С. 230—241.

Соболевский 2004 — А. И. С о б о л е в с к и й. Очерки из истории русского языка. (Труды по истории русского языка. Том 1. Предисл. и коммент. В. Б. Крысько). М., 2004.

Хабургаев 1980 — Г. А. Х а б у р г а е в. Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М., 1980.

Шевелева 2007 — М. Н. Ш е в е л е в а. Еще раз о написаниях типа ТРОТ (на месте рефлексов праславянских сочетаний гласных с плавными) в рукописях XIII—XVI вв. // Рус. яз. в науч. осв. 2007. № 1 (13). С. 266—282.

Bojkovsky, Aitzetmüller 1984—1988 — G. B o j k o v s k y, R. A i t z e t m ü l l e r. Paraenesis. Die altbulgarische Übersetzung von Werken Ephraims des Syrers, Bd. I—IV. Freiburg i. Br., 1984—1988.

Й. РАЙНХАРТ

НУМИЗМАТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ: СЛАВЯНСКОЕ НАЗВАНИЕ ФАЛЬШИВОМОНЕТЧИКА

Чеканка монет в южнославянских землях, как и на восточнославянской территории, — относительно позднее явление. В Киевской Руси монеты чеканились только примерно между 980 г. и 1020 г. при князе Владимире Святославиче и его сыновьях Святополке и Ярославе Мудром (еще меньше продолжалась чеканка монет при Олеге Святославиче Тмутараканском около 1070 г.)¹. В первом болгарском царстве чеканки монет еще не существовало. Следовательно, монеты, находящиеся в обращении в Киевской Руси и в Болгарии, были большей частью или исключительно импортными. Поэтому не удивительно, что и нумизматическая терминология не была слишком развитой. Но несмотря на это, существовали соответствующие термины, прежде всего в переводных юридических текстах. В них предписываются и разные наказания за подделку монет².

В другом месте мы коснулись постановления древнесербской Кормчей о подделывании монет, где доказывали, что славянский текст возник в результате ошибочной интерпретации греческого оригинала³.

Греческая Эклога также содержит постановление о подделке монет, а именно в 18-й главе 17-го титула (этот титул трактует уголовные преступления⁴; в ркп. РГБ, собр. ТСЛ № 15: глава 43), где мы читаем: *Oí παλα-*

¹ [Янин 1956: 163 и сл.; Спасский 1962: 41—47; Spasski 1983: 41-46; Heller 1987: 73ff.; Berghaus 1989b; Berghaus 1993; Franklin 2002: 50 sq.]

² О наказаниях за подделку монет в Московском государстве ср. [Владимирский-Буданов 1888: 292]. В XVI веке появляются термины *обрѣзчикъ* и *обрѣзывать* (ср. СРЯ XI—XVII, 12: 150; оба слова встречаются в Никоновской летописи).

³ [Райнхарт 1985: 71—72, со сн. 21] — Иловицкая кормчая (HAZU IIIc9; 1262; ср. [Петровић 1991]), 322ba7—9 Проказоу творциемоу въ житѣ и помогаюцимъ ѹмоу роуки да оуѣккоути се (Прохирон / Закон градский; 39-й титул, 13-я глава) — ‘Ο πλαστήν μονίταν ποιόν μετά τὸν ὑπουργησάντων αὐτῷ χειροκοπήσθωσαν [Zeros 1931: 217, 39-й титул, 14-я глава]. В статье предполагается, что в основе слав. перевода лежит смешение греческих слов *μονίταν* ‘монета’ и *σίτον/σίτα* (винит. п. ед. и мн. ч.) ‘зерно’. Ср. об этом месте еще [Бенеманский 1917: 70] („неправильный перевод“).

⁴ На основе известных рукописей представляется затруднительным решить, какой номер в славянском переводе соответствовал греческому титулу № 17. За сла-

χαράκται μονήτας χειροκοπέισθωσαν „Falschmünzern soll die Hand abgeschlagen werden“ [Burgmann 1983: 230—231] (русский перевод: ‘Фальшивомонетчикам следует отрезать руку’). Это место в славянском переводе, который дошел до нас в древнерусском сборнике *Мерило праведное*, звучит так: **Отъкупѣющии ѣдинако. да оуѣкають им(ъ) рѣцѣ.** (194г24)⁵. Заглавие главы 17.18 содержит подобное слово в качестве эквивалента греч. *παράχαράκτης* ‘фальшивомонетчик’: **о окупницѣхъ.** (194г23) — *περί παραχαράκτων* [Burgmann 1983: 158]. И то и другое слово (*отъкупати* и *окупникъ*) регистрирует как гапаксы шестой выпуск «Древнерусского словаря XI—XIV вв.» [СДЯ XI—XIV, 6: 118, 244].

Славянский перевод Эклоги, который сохранился только в русских списках, из которых ни один не старше XIV века, вероятнее всего, был сделан в X веке в Болгарии⁶. Это явствует из ряда языковых особенностей памятника. Во-первых, следует обратить внимание на несколько примеров мены юсов, которые, однако, не вполне достоверны⁷:

185г7 **сѣд** (scil. тѣщѣтж.) [Син 524/228v21 **сига**
αὐτῆν (scil. τῇν ζημίαν) — ‘den Schaden’⁸

вянским титулом № 16 (РГБ, собр. ТСЛ № 15, л. 187v25; = греч. титул № 15) следует титул № 17 (РГБ, собр. ТСЛ № 15, л. 188r21; = греч. титул № 18), от которого, однако, сохранились только четыре строки. Листы 188v и 189г содержат короткие тексты, не имеющие ничего общего с Эклогой (188v1—25: **о оуставленнхъ татѣхъ;** 189г1—24: **о оверченнхъ**). В последней строке листа 189г следует заглавие титула 17, глава 46 (по слав. счету: глава 5). На листе 189v идут эта и дальнейшие главы (греч.) 17-го титула. В рукописи ГИМ, Синод. № 525, л. 214 наличествует еще 3-я глава 17-го титула (ср. [Милов 1976: 144]). Несмотря на это, из приведенных данных не следует, на наш взгляд, что в славянском переводе Эклоги греческие титулы 17 и 18 были объединены в славянском титуле № 17.

⁵ Кормчая РГБ, собр. ТСЛ № 205 (проверено по сайту: www.stsl.ru) на л. 547r22—23 имеет идентичный текст (только слово *ѣдинако* пропущено); Пермская кормчая имеет то же заглавие (435v4; в моей копии оно читается с трудом) и идентичный текст (разночтения: слово *ѣдинако* пропущено, вместо *оуѣкають* читается *оуѣкнистъ* 435v5).

⁶ См. ту же точку зрения в [Максимович 2004: 189]: „Дальнейший этап рецепции «Эклоги» у славян связан с ее полным переводом в Болгарии, возможно при царе Симеоне (893—927).“ — Аргументы Милова [1976] в пользу восточнославянского происхождения перевода Эклоги неприемлемы прежде всего из-за недостаточного знания автором лексикологии древних славянских языков. Так, он утверждает, что слова *zatočiti* и *zatočenije* означают только ‘заключать (в тюрьму)’, а не ‘высылать (из страны); ссылатъ’, однако в словаре Миклошича приводятся примеры из сербских памятников, демонстрирующие значение ‘ссылать’. Необоснованны также его попытки доказать, что являются исключительно древнерусскими следующие слова: *послухъ, урѣѣжение, урокъ, господа, господаровати, имовитъ*.

⁷ Единичные примеры мены юсов встречаются уже в древнерусских списках с древнеболгарских оригиналов XI века, например в Изборнике 1073 года [Баранкова, Пичхадзе 1990] и в Пандектах Антиоха [Копко 1915: 169—170; Дурново 1924: 92].

⁸ Немецкие эквиваленты цитируются по книге [Burgmann 1983].

- 190г8-9 свою прикѹтѹ. ѿже принесе к мѹжю своѹмѹ
τὰ ἴδια αὐτῆς πράγματα, ἅπερ εἰσήγαγε τῷ ἀνδρὶ αὐτῆς
 190v1 тою (? *тоѹжѣ) стр(а)сти (... претерпѣть)
τὴν ταυτοπάθειαν (... ὑπομενέτωσαν)

Второе явление, свидетельствующее о древнем болгарском оригинале перевода, — это написание звука [šč] через сочетание букв ш + т. Такое написание, насколько нам известно, наличествует только в древнерусских рукописях, имеющих древнеболгарский протограф [Тихомиров 1964: 391]⁹.

- 173г22 вѣтши (*вѣшти)
τὰ ... πράγματα
 173v10 вѣтши (*вѣшти)
τὰ ... πράγματα

Рядом с этими графическими и фонетическими архаизмами в нашем памятнике обнаруживаются также морфологические и лексические архаизмы.

Из морфологических архаизмов назовем следующие: (а) краткие склоняемые формы прилагательных; (б) архаичные падежные формы существительных:

- (а) 166v18 оучаѣмъ вѣщии — *τῶν ἐπισυνῆλόντων πραγμάτων*
 184г22-23 пред(ъ) извѣстѹ людѹмъ
 (б) 193г15 во д(ъ)нѣ — *ἐν ἡμέρᾳ*

Из лексических архаизмов упомянем два, а именно слово *инъ* в значении ‘один’ и существительное *сѣмь*:

- инъ* ‘один, тот же самый’
 а. 180г18 аще ли ни дѣда ни вавъ. ни єдиногѹ ѿцѣ ни єдинога мѣре
 братыа. не вѹдетъ оумерѣмѹ. тогда ѿ иногѹ рода братыа. на наслѣдыа
 да настѹпѣтъ
εἰ δὲ οὔτε πατήρ οὔτε μάμμη, οὐδὲ ὁμοπάτριοι καὶ ὁμομήτριοι ἀδελφοὶ ὑπείσι
τῷ τελευτήσαντι, τότε οἱ ἐξ ἐνὸς γονέως ἀδελφοὶ τῇ κληρονομίᾳ ὑπεισερχέσ-
θωσαν — ‘die Halbgeschwister’
 б. 187г4 і ѿ инѣхъ оверѣтающіи сѣ сѹдыа
παρὰ κοινῶς εὐρισκόμενοι δικασταῖς

сѣмь ‘сѣмь’:

- 193v6 Брадъи скѹбоднѹ сѣмь
‘Ο σῶμα ἐλεύθερον κλέπτων — ‘Wer einen Freien stiehlt’

⁹ Ср., например, [Копко 1915: 64—66]. Ср. [Карский 1928: 202 сл. („В русском полууставе только щ“ — С. 203); Зализняк 1999: 565]. Написание с диграфом в Похвале князю Святославу Ярославичу в Изборнике 1073 г. является лишь подражанием узусу древнеболгарских рукописей (например, в слове *отѣмьштєнїє*, ср. [Столярова 2000: 22]).

Слово *инъ* в значении ‘один’ в старославянском языке встречается уже только как первая часть сложных слов¹⁰. Слово *сѣмь* ‘лицо и. т. п.’ в славянских языках зафиксировано только один раз в приведенном месте Эклоги. Кроме того, оно встречается в деривате рус.-цсл., (др.-)рус. *сѣмья* ‘семья’ и в древнепольских личных именах *Siemomysł* и *Siemowit* [Zierhoffer 1975a; 1975b].

Эти архаизмы делают вероятным предположение, что перевод Эклоги был сделан в X в. или в крайнем случае в первой половине XI в.

Чеканка монет в Первом болгарском царстве не была известна. Первые болгарские монеты восходят к царствованию болгарского царя Ивана Асеня II (1218—1241)¹¹, поэтому терминология чеканки и подделки монет в это время еще не могла сложиться. Один раз в первом переводе Хроники Георгия Амартола встречается слав. эквивалент *prǣtvornikъ* для греч. понятия *παράχαρακτής*, однако это слово здесь употребляется в другом, переносном значении¹². В качестве возможных методов подделки монет в средневековье Петер Бергхаус (Berghaus) в «Лексиконе средних веков» (*Lexikon des Mittelalters*) называет следующие три: (1) перечекалка монет, чеканенных в другом месте (= *Nachprägung*)¹³, (2) чеканка монет с более низким весом и с менее драгоценным металлом и (3) уменьшение веса обрезкой края монет [Berghaus 1989a]. Этот последний, технически проще всего осуществляемый способ подделки скорее всего могли использовать или хотя бы знать в Первом болгарском царстве. С глаголами *о(тъ)купати* ‘с-, вы-купать’ и *о(тъ)купити* нельзя связывать ни один из упомянутых трех методов. Поэтому можно предположить порчу в двух приведенных выше примерах, и в поисках первоначального чтения перевода следует прибегнуть к исправлению (эмендации). Со значением обрезки (краев) лучше всего связывается глагол **rǫbati* ‘(от-)рубать, отсекать’¹⁴. Благодаря эмендации мы получаем первоначальное чтение **отърѣбajошти* (или *-štei*) и

¹⁰ Ср. [ESJS 4: 244f.], s.v. *инъ*. Возможное исключение представляет собой употребление слова в 13-й главе Жития Кирилла-Константина, где Моше Таубе предполагал значение ‘один’ [Taube 1987].

¹¹ См. [Metcalf 1966: 239ff.; Лишев 1982: 226; Авдев 2005: 25—26].

¹² [Истрин 1930: 141, s. v. *παράχαρακτής*]. Соответствующее предложение звучит: *ἡ νηξ(ъ)же вѣжати поклѣкваетъ и ѡвращати сѧ поклѣкваетъ по истинѣ како д(оу)шегѡуца и тѣлоуѣнники и скверныи соущи и ес(тъ)ствоу прѣтворники*. [Истрин 1920: 426.7], *οὗς φευκτέον προτροπάδην καὶ βδελυκτέον ἐνδίκως τοὺς ψυχολόγους καὶ σωματοφθόρους καὶ ἐναγείς ὄντας καὶ τῆς φύσεως παράχαρακτας* [Муральт 1859: 517.25 = PG 110.805C], Lib. IV, cap. CCXX; = [de Boor, Wirth 1978: 653.15], vlll.: *οὗς - οὗς γε; τοὺς - ὄς; ὄντας - ὄντως; παράχαρακτας - παράχαρακτας*. Первый славянский перевод Хроники Георгия Амартола возник, вероятнее всего, в XI в. в Киевской Руси, ср. [Пичхадзе 2002].

¹³ Ср. примеры из средневековой Греции, приводимые в [Metcalf 1966: 29, 87, 110].

¹⁴ Ср. в этой связи и термин *обрубок* (*слиток*).

otъrqbъnikъ. Порча в этих двух словах могла возникнуть только у восточных славян после перехода заднего носового (юса большого) ж в [и]. Кроме того, нужно предполагать еще два изменения (порчу): (1) *r* → *k* и (2) *b* → *p*. Эти изменения не вызывают большого удивления, поскольку в рукописях славянского перевода Эклоги можно обнаружить другие несомненные случаи порчи. Укажем следующие примеры¹⁵:

168v1—2 оупованиѣмъ (*оуповаѣмъ) Син 524 / 208v14 оупованиѣмъ
Син 525 / 193v17 оупованѣм(ъ) = Перм 420v24

ἐπιζομεν

170v3 со вѣз[в]ращениѣмъ (*вѣзрачениѣмъ) Син 524 / 211r11-12 съ вѣз-
вращениѣмъ Син 525 / 195v25 со вѣзвращениѣмъ = Перм 422r2

ἐν ἐπαυξήσει

173r22 вѣтши (*вѣшти) Син 524/214v11 вѣще Син 525 / 198v25 вѣт'ци
Перм 423v11 вѣш (!)

τὰ ... πράγματα

181v11 оубѣжавшѣма (*овоубавшѣма) Син 524/224v18 воубѣжавшѣма Син
525/207r7 оубѣжавшѣма Perm 428r13 воубѣжавшѣма

μαυνομένων — 'geistesgestört sind'

194r1 вѣщѣстнѣ (*вѣщѣтнѣ < **вѣстѣщѣтнѣ¹⁶) Син 524/239v21 вѣще-
стнѣ Син 525/219v8 вѣщѣстнѣ = Перм 435r17

τὸ ἄζήμιον

Краткое предложение славянского перевода Эклоги *Отъкъпающии ѣди-
нако*. да оу^ккають или(ъ) рѣцѣ (194r24; 18-я глава 17-го титула) обнаруживает,
однако, после исправления слова *Отъкъпающии* в **Отъrqbajqštii* еще од-
ну трудность. В соответствии с греч. *μονήτας* в славянском переводе стоит
слово *ѣдинако*. Греч. *μονήτα* (жен. р.) является заимствованием лат. *monēta*
'монета, деньги'¹⁷ (греческое слово впервые встречается в VI в. у Иоанна

¹⁵ Наряду с ркп. РГБ, Троицк. № 15 (по факсимильному изданию в [Тихомиров 1964; Эклога: 165v8—195r6] использовались еще три рукописи, а именно: ГИМ, Синод. 525 (XV в.; Эклога: 191r3-220v12; ср. [Турилов 1986: 200, № 1992]), ГИМ, Синод. 524 (1587; Ekloge: 205v1-241r13) и Пермь № 1 (XV в.; Эклога: 419v3—435v; [Охотина, Турилов 1993: 81, № 31; Демкова, Якунина 1990а; Демкова, Якунина 1990б: 413]). Обе рукописи Синодального собрания были сверены летом 1993 г. в Историческом музее в Москве, рукопись из Перми я использовал в виде фотокопий, любезно предоставленных мне Анатолием А. Туриловым (Москва) и Джорджо Дзиффером (Giorgio Ziffer; Удине).

¹⁶ Ср. хорв./серб. *štetaluteta*, болг. *щета* (обезщетавам). Ср. еще [Милов 1976: 146].

¹⁷ Слово происходит от названия первого монетного двора в Риме недалеко от храма богини Juno-Moneta (ср. [Дворецкий 1976: 646, s.v. I. monēta]).

Малалы, Козьмы Индикоплова и Грегентия Тафарского¹⁸) и, конечно, не имеет ничего общего с греч. *μολο-*. Но славянский переводчик Эклоги, по-видимому, понимал греческое слово именно так. Такой перевод можно толковать двояко: или перед нами ошибка переводчика, или переводчик попытался осуществить своего рода калькирование (в последнем случае в первоначальном переводе стояло, вероятно, множественное число *ѣдинакы*)¹⁹.

Если принять выдвинутую нами эмendaцию, получим как эквиваленты греч. *παράχαρακτής* 'фальшивомонетчик' слова *отърѣбникъ* и *отърѣбайе* (причастие настоящего времени) в первоначальном славянском переводе византийской Эклоги. Они обозначают обрезку края монеты и связанное с ней уменьшение веса монеты. Если славянский перевод Эклоги возник, как сегодня чаще всего предполагают, в Болгарии, тогда эти термины там и употреблялись. Русский переписчик изменил эти слова и сделал из них *окирьникъ* и *отъкирайе*, и в таком виде они сохранились в сборнике *Мерило праведное* и в Кормчих книгах, в которых Эклога дошла до наших дней.

Л и т е р а т у р а

Авдев 2005 — С. Авдев. Монетната система в Средновековна България през XIII—XIV век. София 2005.

Баранкова, Пичхадзе 1990 — Г. С. Баранкова, А. А. Пичхадзе. О некоторых языковых особенностях протографа Изборника 1073 г. // Известия АН СССР, Серия литературы и языка 49 / 5, 1990. С. 459—466.

Бенеманский 1917 — М. Бенеманский. Закон Градский. М., 1917.

Владимирский-Буданов 1888 — М. Ф. Владимирский-Буданов. Обзор истории русского права. СПб.; Киев 1888.

Дворецкий 1976 — И. Х. Дворецкий. Латинско-русский словарь. М. 1976.

Демкова, Якунина 1990а — Н. С. Демкова, С. А. Якунина. Кормчая XV в. из собрания Пермского педагогического института // Труды ОДРЛ № 43, 1990. С. 330—337.

Демкова, Якунина 1990б — Н. С. Демкова, С. А. Якунина. Древнерусские рукописи и старопечатные книги в собрании Пермского педагогического института им. А. А. Ушинского // Труды ОДРЛ № 43, 1990. С. 412—418.

Дурново 1924 — Н. Н. Дурново. Русские рукописи XI и XII вв. как памятники старославянского языка // Южнославянский филолог IV, 1924. С. 72—94.

Зализняк 1999 — А. А. Зализняк. О древнейших кириллических алфавитах // Поэтика — История литературы — Лингвистика. Сборник к 70-летию В. В. Иванова. / А. А. Вигасин и др., ред. М. 1999. С. 543—576.

Истрин 1920, 1922, 1930 — В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг.

¹⁸ Ср. [Lampe 1961: 880, s.v. **μόνητα* (**μόνιτα*)].

¹⁹ Калькирования такого рода, т. е. с ложной этимологией, не являются редкостью в древней славянской книжности.

[Л.] 1920, 1922, 1930 (I: Текст; II: а. Греческий текст „Продолжения Амартола”; б. Исследование; III: Греческо-славянский и славянско-греческий словарь).

Карский 1928 — Е. Ф. К а р с к и й. Славянская кирилловская палеография. Л. 1928.

Копко 1915 — П. М. К о п к о. Исследование о языке Пандектов Антиоха XI века // Известия ОРЯС ИАН XX / 3, 1915. С. 139—216; XX / 4, 1915. С. 1—92.

Лишев 1982 — Стр. Л и ш е в. Търговия и парично-стокови отношения (Дял III. Феодално раздробяване на българска държава, глава първа, 3.) // История на България. Том 3: Втора българска държава. София, 1982. С. 225—241.

Максимович 2004 — К. А. М а к с и м о в и ч. Византийская империя. Право и Церковь // Православная энциклопедия. Том VIII (Вероучение — Владимир-Волынская епархия) / Под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2004. С. 181—192.

Милов 1976 — Л. В. М и л о в. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века [Эклоги] // История СССР 1/1976. С. 142—163.

Муральт 1859 — Хронограф Георгия Амартола. Греческий оригинал, приготовленный к изданию Э. Г. Фон-Муральтом // Ученые записки второго отделения Имп. АН, Книга VI. СПб., 1859 (Памятники языка и словесности, их списки, чтения и объяснения).

Охотина, Турилов 1993 — Н. А. О х о т и н а, А. А. Т у р и л о в. Дополнения к «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986)». М., 1993.

Петровић 1991 — Законоправило или Номоканон Светога Саве. Иловички препис 1262 године / Приредило и прилоге написао М. М. Петровић. Београд, 1991.

Пичхадзе 2002 — А. А. П и ч х а д з е. О происхождении славянского перевода Хроники Георгия Амартола // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2001). М., 2002. С. 232—249.

Райнхарт 1985 — Ј. Р а ј н х а р т. Лексички слојеви у светосавској крмчији // Научни састанак у Вукове дане / Реферати и саопштења 14 / 1. 1985. С. 67—78.

СДЯ XI—XIV, 6 — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.), том VI (овадь — покласти). М., 2000.

СРЯ XI—XVII, 12 — Словарь русского языка XI—XVII вв., Том 12 (О — Опарный). М., 1987.

Спаский 1962 — И. Г. С п а с с к и й. Русская монетная система. Историко-нумизматический очерк. Третье доп. издание. Л., 1962.

Столярова 2000 — Л. В. С т о л я р о в а. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М., 2000.

Тихомиров 1964 — М. Н. Т и х о м и р о в. Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1964.

Турилов 1986 — А. А. Т у р и л о в. Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986.

Янин 1956 — В. Л. Я н и н. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

Berghaus 1989a — P. B e r g h a u s. Falschmünzerei // Lexikon des Mittelalters IV (Erzkanzler bis Hiddensee). München; Zürich, 1989. Sp. 245—246.

Berghaus 1989b — P. B e r g h a u s. Grivna // Lexikon des Mittelalters IV (Erzkanzler bis Hiddensee). München; Zürich, 1989. Sp. 1722.

Berghaus 1993 — P. B e r g h a u s. Münze, Münzwesen: B. Abendländischer Bereich, (9) Altrußland, baltische Länder und Deutscher Orden // Lexikon des Mittelalters VI (Lukasbilder bis Plantagenêt). München; Zürich, 1993. Sp. 929.

Burgmann 1983 — L. B u r g m a n n. Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III. und Konstantinos' V. Frankfurt, 1983.

de Boor, Wirth 1978 — Georgii Monachi Chronicon edidit Carolus de Boor, editionem anni MCMIV correctiorem curavit Peter Wirth, I—II. Stutgardiae, MCMLXXVIII.

ESJS 4 — Etymologický slovník jazyka staroslověnského, 4 (gostь — istonqti). Praha 1994.

Franklin 2002 — S. F r a n k l i n. Writing, Society and Culture in Early Rus. Cambridge, 2002. C. 950—1300.

Heller 1987 — K. H e l l e r. Russische Wirtschafts- und Sozialgeschichte, Band I: Die Kiever und die Moskauer Periode (9. — 17. Jahrhundert). Darmstadt, 1987.

Kaiser 1980 — D. H. K a i s e r. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton University Press, 1980.

Lampe 1961 — G. W. H. L a m p e. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.

Metcalf 1966 — D. M. M e t c a l f. Coinage in the Balcans 820—1355, Chicago, 1966.

Spasski 1983 — I. G. S p a s s k i. Das russische Münzsystem. Ein historisch-numismatischer Abriß. Berlin, 1983.

Taube 1987 — M. T a u b e. Solomon's Chalice, the Latin Scriptures and the Bogomils // Slovo 37, 1987. P. 161—169.

Zepos 1931 — I. Ζ ε π ο ς, Π. Ζ ε π ο ς. Jus Graecoromanum. Vol. II. Leges imperatorum Isaurorum et Macedonum. Ecloga legum — Leges rusticae, militares, navales — Prochiron — Epanagoge legis — Leonis Sapientis liber Praefecti. ΤΟΜΟΣ ΔΕΥΤΕΡΟΣ. Ἐκλογὴ τῶν νόμων — Νόμοι Γεωργικοί, Στρατιωτικοί, Ναυτικοί — Πρόχειρος νόμος — Ἐπαναγωγὴ τοῦ νόμου — Λέοντος τοῦ Σοφοῦ Ἐπαρχικὸν βιβλίον. Athenis — Ἀθήναι, 1931.

Zierhoffer 1975a — K. Z i e r h o f f e r. Siemomysł // Słownik starożytności słowiańskich, Tom 5 (S — Ś). Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1975, 168.

Zierhoffer 1975b — K. Z i e r h o f f e r. Siemowit // Słownik starożytności słowiańskich, Tom 5 (S — Ś). Warszawa; Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1975, 169.

А. А. ПЛЕТНЕВА

ЯЗЫК И ТЕКСТ ЛУБОЧНОЙ БИБЛИИ*

Для России языками национальной версии Библии являются русский и церковнославянский. Этот факт не подвергается сомнению. Однако в XVIII—XIX вв. библейские сюжеты бытовали в языковых вариантах, отличных как от стандартного церковнославянского, так и от стандартного русского. Мы имеем в виду так называемую лубочную Библию — цельногравированные листы, содержащие иллюстрированные отрывки из Библии или пересказы отдельных библейских сюжетов.

Прежде чем приступить к сравнению языка лубочных текстов с языком их предполагаемых оригиналов, следует оговорить некоторые общие моменты. Лубочные тексты, которые традиционно связаны с церковнославянской языковой стихией (молитвы, жития и др.), логично сравнивать со стандартными церковнославянскими текстами. Правомерность такого сравнения диктуется тем, что в XVIII—XIX вв. эти тексты существовали в двух версиях: в изданиях синодальных типографий и в цельногравированных листах и книжках. Тексты тех жанров лубочной письменности, которые не имеют церковнославянских параллелей¹, возможно сравнивать с текстами, написанными на русском литературном языке.

В большинстве случаев тексты, которые в книжной культуре существуют на церковнославянском языке, сохраняют этот язык и в лубочном варианте. Поэтому ожидается, что все лубочные пересказы библейских сюжетов окажутся соотносимыми со славянской языковой стихией, а не с русской (русский синодальный перевод Библии появился лишь в последней четверти XIX в.). Однако это ожидание не оправдывается. Лубочные картинки, посвященные событиям Священной истории, сопровождаются как церковнославянским текстом, так и русским.

1. Источники церковнославянского библейского лубка

Источником церковнославянского библейского лубка является непосредственно текст славянской Библии. Большинство опубликованных Д. А. Ро-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 07-04-00359а.

¹ К числу таких текстов относятся военный лубок, гравированные воспроизведения газетных заметок, фольклорных текстов и т. д.

винским библейских лубков, хотя и не все, воспроизводят фрагменты текста Московского издания Библии 1663 г. (далее *МБ*). Известно, что Ровинский собирал лубки, напечатанные до введения цензуры на лубочную продукцию, то есть до конца 30-х годов XIX в. На оригиналах изданных Ровинским лубочных листов цензурные разрешения отсутствуют, в то время как в более поздних изданиях они имеются. И эти подцензурные листы ориентируются уже на текст Елизаветинской библии (далее *ЕлБ*). Надо отметить, что авторы листов, воспроизводящих текст *МБ*, обращаются со своим оригиналом гораздо свободнее, чем граверы и знаменщики, воспроизводящие *ЕлБ*.

Среди рассмотренных нами славянских библейских лубков на Московскую библию ориентированы листы *Авес.* (объем текста 297 слов²), *Вал. 1* (143 слова), *Вал. 2* (324 слова), *Лот* (182 слова), *Сус. 1* (291 слово), а на Елизаветинскую — *Сус. 2* (объем текста 132 слова), *Товит* (107 слов), *Есф.* (68 слов), *Сотв. м. 3* (116 слов), *Вал. 3* (111 слов), *Иона* (214 слов)³.

Особняком стоят тексты, повествующие о сотворении мира (*Сотв. м. 1* — объем текста 733 слова, *Сотв. м. 2* — 879 слов) и об Иосифе Прекрасном (*Иос. 1* — объем текста 390 слов). Лубочная версия истории Иосифа основывается не на библейском тексте, а на житии, которое в свою очередь восходит к «Слову о Прекрасном Иосифе» Ефрема Сирина (об этом см. [Плетнева 2009]). А повествование о сотворении мира, первый вариант которого содержится в библии Василия Кореня, имеет большое число апокрифических фрагментов. Традиционно считается⁴, что они попали сюда из Краткой и Толковой палеи, однако текстологически это предположение не доказано.

2. Языковые особенности церковнославянского библейского лубка

На материале библейских лубков удобно изучать особенности лубочного варианта церковнославянского языка. Это удобство связано с тем, что мы имеем возможность сравнить лубочный текст с библейским оригиналом, вычленив языковые отличия. Ведь несмотря на то, что церковнославянские библейские лубки воспроизводят стандартный библейский текст, их язык заметно отличается от стандартного церковнославянского. Эти отличия касаются прежде всего орфографии и отчасти морфологии.

² Количество слов считается в соответствии со словоделением в современном русском языке, что далеко не всегда совпадает с делением на слова в лубочных текстах, где предлоги могут не вычленяться как самостоятельные слова.

³ Более подробное описание источников см. в конце статьи.

⁴ См. [Сакович 1983: 17].

2.1. Орфография и пунктуация

Орфография стандартных церковнославянских текстов синодального периода более или менее единообразна, некоторые различия касаются местных норм разных синодальных типографий⁵. В отличие от книг церковной печати, народная письменность единой орфографической нормы не имеет. Отличия одного текста от другого могут быть весьма существенными, однако выделить некоторые общие закономерности все же возможно. Конечно же, речь идет не о существовании орфографической системы, а о тенденции к возникновению оной. Назовем основные особенности, характеризующие орфографию церковнославянского библейского лубка в сравнении со стандартной церковнославянской орфографией.

2.1.1. Знаки препинания. Для лубочной письменности характерно отсутствие графического деления текста на предложения (отсутствие точки, прописных букв). Текст печатается без всяких знаков препинания или же с минимальным количеством этих знаков. В качестве примера рассмотрим соотношение фрагментов листа *Товит* с текстом *ЕлБ* и листа *Авес.* с текстом *МБ*: *Товит*: ѿнѣже рѣша ѣживъ ѣсть и здравствуетъ ирече товѣа ѿѣ мой ѣсть // *ЕлБ*. Тов 7.5: *Она же рѣста: и живъ ѣсть и здравствуетъ. И рече товѣа: Отецъ мой ѣсть. Авес.:* ирече ахитофелъ коавесалому, и беру с собою ѡмъ мужей, и востаѣше поиде^м вследъ дѣда ношю и найде^м на нѣ ите^м утруженны^м сушю^м устрашу^м и побѣжатъ вси людие иубию црѣ единого // *МБ* 2Цар 17. 1–2: *И рече ахитофелъ ко авесаломъ: да иберъ с собою дванадцать тысящъ мѣжъ. и востаѣше поженѣмъ вслѣдъ дѣда ношю. И найдемъ на нѣ, и тѣмъ оутрѣдѣмъ свѣмъ, и ослабленымъ рѣками. и оутрашѣмъ, и побѣжатъ вси людие иже снѣмъ. и оубѣю црѣ единого.*

В тексте *Сотв. м.* 3 прописные буквы употребляются в большом количестве, однако они не соотносятся с точками и именами собственными, что тоже является характерной чертой лубочной письменности: И изгна Его Господь Богъ Изъ рая Сладости, делати землю, Отъ Неяже взять. бысть. И изрине адама, и всели Его Пряма рая Сладости. и пристави Херувима, и пламенное Оружіе обращаемое Хранити Путь древа жизни.

2.1.2. Диакритика. В народной письменности употребление надстрочных знаков имеет факультативный характер. Обязательные в синодальной орфографии знаки придыхания, ударения и титла в лубочных текстах могут вообще отсутствовать. Но даже если надстрочные знаки имеются, в их употреблении всегда много ошибок. При этом одни диакритические знаки (например, выносные буквы) пользуются у авторов лубков большой популярностью, а другие встречаются крайне редко.

Знак титла присутствует почти во всех лубочных текстах. Однако употребляется он крайне нерегулярно. Так, например, в тексте *Иос. 1* он

⁵ См. [Кравецкий 2009].

встречается всего 2 раза в словах цѣвы, ѿца, при том, что без титла слова *царь* и *отец* встречаются в этом тексте десятки раз. В лубочных текстах сокращение слов ни в коей мере не связано с отнесением их к сакральной сфере и знак титла не является аналогом прописной буквы. Так, например, в *Лот* под знаком титла пишутся слова: быть, вѣтавь и др.

Знаки ударения и придыхания имеют явно факультативный характер. В некоторых текстах знаки ударения и/или придыхания вообще не ставятся. *Вал. 1*: нынѣ же прииде ипроклени израиля Рече гдѣ квалааму да неидеши ниже кленеси людеи судь бо блгословенни глѣть валаамъ снѣ веѡровъ и видѣние бжїе видѣ воснѣ ѡкровени вчи его возсияетъ бо звѣзда ѡ иакова ивостанетъ члвкъ ѡ иїля и погубить князи моавли ипленитъ вся сыны сифовы. Ср. с источником *МБ* Числ. 22. 6,12; Числ 24. 15–17: **Нынѣ** оубв прииди и проклени мнѣ люди сіа <...> И рече гдѣ к валаамъ: да не идеши сними, ниже кленеси людеи: сътъ бо блгвѣни. <...> И воспрїимъ прїтчи своа рече: глаголетъ валаамъ, снѣ веѡровъ <...> и видѣнїе бжїе видѣ во снѣ ѡкровени ѡчи егѡ <...> воснѣтъ бо звѣзда ѡ іакова, и востанетъ члкъ ѡиїла, и погубитъ князи моавли, и плѣнитъ вса сны сифовы.

Как правило, отсутствие диакритики или же ее минимизация наблюдается в текстах доцензурной эпохи (хотя, безусловно, цензоров интересовал прежде всего состав текста, а не его орфография). По всей видимости, общение с цензором заставляло лубочных издателей лишний раз сверять свой вариант текста с оригиналом. В текстах второй половины XIX в., которые воспроизводят *ЕлБ*, знаки ударения и придыхания ставятся более последовательно, но все равно воспринимаются как необязательные и могут пропускаться. и вѣроваша мѣжѣ, ізаповѣдаша постъ (*Иона*) — и вѣроваша мѣжѣ нїневїстїи вѣгови, и заповѣдаша постъ (*ЕлБ Иона 3.5*)

В некоторых текстах, где есть знаки ударения, они могут появляться не на месте. *Вал. 3*: падѣ, втретїе. При этом мы имеем дело вовсе не с изменением места ударения (например, под влиянием диалекта), а с тем, что в сознании гравера значок оксии, вари́и или каморы не соотносен с реальным местом ударения.

Иногда знак придыхания ставится не только над первой гласной буквой слова, но и над другими гласными, находящимися в позиции после гласной буквы. *Авес.*: іѠава, іїлєвы. Подобные явления имели место в церковнославянском языке до середины XVII в. В синодальных изданиях XVIII—XIX вв. такие написания, естественно, отсутствуют.

Выносные буквы. В тексте Елизаветинской библии выносные буквы отсутствуют. В Московской библии они встречаются, но крайне редко. При этом в лубочных библейских текстах они встречаются в большом количестве. Так, например, в тексте *Авес.* выносные буквы появляются прежде всего на конце слова (даже при слитном написании): наиде^м, сни^м, пре^двчима, да^хти. Но могут встретиться и в середине слова: и^зберу, не^гн^ати, авесало^млима. В этом тексте также часто встречается паерок между согласными: вси, в^дубраву, су^протѣвъ; пред^ѡтроки, в^чашщу; умроша.

Конечно, выносных букв значительно больше в лубках XVIII в., воспроизводящих текст *МБ*, однако встречаются они и в текстах, в основу которых положен текст *ЕлБ*: о^търукъ (*Сус. 2*); дне^х, и^зризь прискорбны^х, ср^дце (*Есф.*).

2.1.3. Слитное правописание односложных предлогов, союзов и частиц является характерной чертой лубочной письменности (не только церковнославянских, но и русских текстов). Это явление широко представлено как в раннем, так и в позднем библейском лубке: ѿмѣста, иглаголя кзятѣ^м (*Лот*); ѿбысть, потрехъ (*Есф.*), ѿзповѣдаша (*Иона*), инебѣше (*Сус. 1*), напѣтиже, женаже (*Иос. 1*). Возможно слитное написание предлога со словом, начинающимся с прописной буквы: въѡдѣрсіѣ (*Иона*).

2.1.4. Дублетные буквы. Многие буквы, входящие в дублетные пары, отсутствуют в лубочных текстах. Так, например, почти всегда отсутствует є (е-широкое) и ѡ (а-йотированное). Буквы Ѡ (о-широкое), ѡ (омега) и Ѣ (от) встречаются редко, и их употребление не соответствует правилам церковнославянской орфографии⁶. В тексте *Авес.* омега встречается всего один раз и при этом не на месте: пре^дѡчима, буква Ѣ — три раза, причем в двух случаях не на месте: Ѣтрока, Ѣрока, Ѣвца. Буква Ѡ в этом тексте тоже периодически появляется не в соответствии с правилами церковнославянской орфографии: Ѡсмерти, Ѡжесточи. (Орфографическая норма церковнославянского языка требует написания ѡ и Ѣ в начале слова в приставках, а Ѡ — в корнях.) В тексте *Вал. 1* буква Ѡ отсутствует, вместо нее появляется ѡ: ѡсель, ѡчи.

Распределение букв *u/i* в разных текстах может быть разным, однако в любом случае *i* в лубках встречается намного реже, чем в стандартных церковнославянских текстах. В тексте *Авес.*, *i* если и появляется, то только в начале слова. Чаще, чем в *Авес.*, и-десятеричное встречается в *Вал. 1*. Особо следует обратить внимание на употребление *u/i* в позиции перед гласными. Их распределение может подчиняться как правилам церковнославянской орфографии (*Вал. 1*: третѣ, прѣидохъ, непрѣятенъ), так и лубочной орфографической традиции (*Вал. 1*: бѣѣя, биѣши, видѣние). В тексте *Иос. 1* распределение букв *u/i* бессистемное. В основном представлено *u*, а *i* встречается всего 7 раз, из них 4 — в последнем слове строки.

2.1.5. Отсутствие буквы ѣ является характерной чертой как церковнославянских, так и русских лубков. По всей видимости, эта буква не воспринималась как самостоятельная, а рассматривалась как *u* с надстрочным знаком. Поскольку диакритика является явно факультативной в лубочных текстах, вместо ѣ появляется *u* (или в некоторых случаях *i*).

2.1.6. Употребление ѣ. Для лубочных текстов (как церковнославянских, так и русских) характерно отсутствие ѣ или нерегулярное его упот-

⁶ Об употреблении букв ѡ, Ѡ, ѡ, Ѣ см. [Соколов 1907: 11—14].

ребление. **ѣ** полностью отсутствует в текстах *Иос. 1*, *Авес.*, а например, в тексте *Вал. 1*: **ѣ** встречается, но непоследовательно, причем наряду с этимологически правильными написаниями появляются такие написания, как пленить, ездѣши, узре.

2.1.7. Фонетические написания. Безусловно, влияние живого произношения сильнее проявляется не в церковнославянских, а в русских лубочных текстах. Тем не менее примеры такого рода есть и в церковнославянских текстах: *Вал. 1*: судѣ бо бл҃гословенни (вм. сѣтъ бо бл҃гвѣни); *Авес.*: іопѣступиша его О҃троки (вм. ѡбѣстѣпиша); *Товит*: ісходѣ рагуиль (вм. ѡн ізсходѣ рагуиль); *Сотв. м. 1*: подтвердію (вм. подѣ твѣрдѣю), натвердію (вм. надѣ твѣрдѣю), бысь (вм. бысть).

2.2. Морфология

Хочется повторить, что те особенности грамматики, на которых мы здесь остановимся, не являются специфической чертой именно библейского лубка. Они являются общими для всей совокупности церковнославянских лубочных текстов. Просто ввиду наличия параллельного стандартного текста материал библейского лубка демонстрирует эти особенности весьма наглядно.

2.2.1. Причастия в предикативной функции. Нам уже приходилось писать о том, что в лубочных текстах причастные формы часто выступают в предикативной функции [Плетнева 2006: 478—480]. Библейские лубки не являются исключением. Так, например, в тексте *Иос. 1* есть два примера употребления причастия в предикативной функции: Иосифѣ же вѣдому сѣдѣ ѡцѣ старѣе утѣшая. Иосифѣ же волхвѣя предѣни бѣя вѣашу перѣстомѣ и рече. При этом следует отметить, что в *ЕлБ* такие конструкции последовательно отсутствуют, а в *МБ* они встречаются. Так, например, в тексте *Лот* есть два случая, где причастные формы являются предикатами, причем эти примеры точно воспроизводят оригинал. Гдѣ же надѣждѣ сѣдо^м и гоморѣ камѣ горящи огнѣ ѡ гдѣ сѣбсе. И зачѣнши обѣ дочери ѡ оца своего и роди старѣиша сѣна. В том же тексте *Лот* есть еще один пример с предикатом в форме причастия, который является инновацией лубочного текста. В *МБ* на этом месте находится аорист. *Лот*: изыде лѣтъ и глаголя (*МБ*: глагола) и зятѣ^м своимѣ.

2.2.2. Несогласованные причастия. Другой особенностью церковнославянских библейских текстов является наличие несогласованных причастий. Рассмотрим несколько примеров из текста *Сус. 1*, точно воспроизводящего *МБ*: И поѣ жену ейже имя Сусанна добра сѣло и боящѣся (*МБ* Дан 13.2: во^мѣнѣсѣ) бѣа. И небѣше никѣгоже тутъ развѣ двою старѣу сокровенну истрѣгуще еѣ (*МБ* Дан. 13. 16: истрѣгѣцѣ еѣ). Воздохнув (*МБ* Дан 13.22: во^здохнѣвши) сусанна рече...

2.2.3. Двойственное число. В ряде текстов отсутствуют формы дв. числа, которые есть и в МБ, и в ЕлБ. Например, *Товит*: И приїдоша (ЕлБ Тов 7. 1 *прїндѡста*) вдомъ рагѣилевъ Сарра же срѣте ихъ їрадостно привѣтствоваше ихъ А они ю (ЕлБ Тов 7. 1. *а ѡна ю*). ї рече имъ (ЕлБ Тов 7.4 *йма*) знаетели (ЕлБ Тов 7.4 *знаѣта ли*) Товита брата нашего ѡниже рѣша (ЕлБ Тов 7.4 *ѡна же рѣста*) знаемъ (ЕлБ Тов 7.4 *знаѣма*) ї рече имъ (ЕлБ Тов 7.4 *йма*) здравствуйтели.

В тексте *Сотв. м. 1* формы дв. ч. сохраняются во фрагментах, воспроизводящих библейский текст, и отсутствуют во фрагментах, не соотносящихся с библейским повествованием (имеющих в качестве источника апокриф). *Сотв. м. 1*: И плакаса (вм. ожидаемого *плакаста*) адамъ и ева о сыне своемъ и неразумѣша (вм. ожидаемого *неразумѣста*) гдѣ скрыти его и яви бгъ чудо уби птица птицу и нача копати впесоѣ адамже и ева сотвори (вм. ожидаемого *сотвориста*) такожде погребѣ сына своего со всакимъ плачемъ.

2.2.4. Аорист.

Аорист 3 л. ед. ч. является универсальной формой, которая может заменять другие глагольные формы. Форма аориста 3 л. ед. ч. употребляется вместо 3 л. мн. ч.: *Сус. 1*: Услыша (МБ Дан 13.26 *услышаша*) кричание и вопль домашни⁷ *Сотв. м. 1*: Исотвори бгъ киты великиа и всаку души животны гадовъ аже їзде (ЕлБ Быт 1.21 *їзведѡша*) воды.

Аорист 3 л. ед. ч. появляется вместо 3 л. дв. ч. *Сотв. м. 1*: Иотверзоша очи обою разума ѣ ако наги бе (ЕлБ: Быт 3.7 *бѣша*, *Сотв. м. 2*: *бѣста*)⁸ и шѣста лѣствія смоковны сотвори (ЕлБ: Быт 3.7 *сотворѣста*, *Сотв. м. 3*: *сотвориста*) себе препосанїе. *Сус. 1*: И воста оба старцы и рѣста (МБ: Дан 13. 19 *востаѣста ѡба старѣца, и рѣста*)⁹.

Форма аориста 3 л. ед. ч. может появляться вместо форм 1 лица. *Сотв. м. 1*: Адамъ позна свою жену їзаченши родїти каїна їрече стажа (ЕлБ: Быт 4. 1 *стажѣхъ*) члѣвека и бгомъ. *Авес.*: *ia*³ бы того несотвориль понеже слыша (МБ 2Цар 18. 12: *слышѣхумъ*) заповедь црку.

Смешиваются формы 3 л. ед. ч. аориста и 2 л. ед. ч. императива. Вместо аориста появляется императив: *Сотв. м. 1*: їпризри (ЕлБ Быт 4.4: *призрѣ*) бгъ наавела їнадары его. И, наоборот, вместо императива появляется аорист: *Вал. 1*: нынѣже прииде (МБ Числ.22.6 *прїидѣ*) ипроклени израїля.

⁷ Вероятно, этот пример можно объяснить и по-другому: в церковнославянском тексте в форме *услышаша* дублируется последний слог (неважно, что первый раз он относится к основе, а второй — к окончанию). Такие формы могли восприниматься составителями лубочных текстов просто как ошибочные.

⁸ В библейском тексте мн. ч. заменяет правильную форму дв. ч.

⁹ Возможно, здесь смешиваются формы аориста и причастия (воста-востав), а причастия, как известно, могли соединяться с аористой формой сочинительным союзом (востав и рече). Хотя можно привести и другое объяснение. Повторение в слове одинаковых слогов (востаѣста) воспринимается составителем лубка как ошибка оригинала.

Аорист 3 л. мн. ч. эпизодически появляется вместо формы 3 л. ед. ч. По всей вероятности, он смешивается с имперфектной формой на *-ше*. *Иос. 1*: Иѡковже ризу слезами омываше горка плакаша. Бысть же во египте пентеѡри... и купиша иосиѡа враба себе. Иосиѡѡже рассудиша сны.

Может быть и другое объяснение появления формы 3 л. мн. ч.: форма на *-ша* воспринимается как один из возможных универсальных вариантов для обозначения прошедшего времени, что хорошо видно на следующем примере: иопѣступиша его Ѡтроки носяще Ѡружие иѠавле иуѡбиша авесалома иѡако умроша (*Авес.*). Очевидно, что вместо формы *умроша* должно быть или *умре*, или как в *МБ* и *умертовиша его* (2Цар. 18. 15).

2.2.5. Перфект. В лубочных церковнославянских текстах довольно часто встречается перфект без связки: *Сус. 1*: право солгалѣ (*МБ* Дан 13.59: солгалѣ ѣси) на свою главу; *Иона*: ты ѡскорбѣлѣ ѣси ѡтыквѣ, ѡнейже не трудѣлѣ и невозрастѣлѣ и невозрастѣлѣ (*ЕлБ* Иона 4. 10: ты ѡскорбѣлѣ ѣси ѡ тыквѣ, ѡ нейже не трѣдѣлѣ ѣси, ни воскормѣлѣ ѣси ѣа); *Авес.*: почто его неубилѣ (*МБ* 2Цар 18. 11: почто неѣси егѡ ѡубилѣ).

Перфектные связки иногда не согласуются по лицу: формы глагола *быти* употребляются неверно¹⁰. Так, в тексте *Иос. 1* связка *еси* появляется на месте связки *есть*: Блаженъ сеи иѡкове имель еси иѡ сыновъ и меншаго любил еси иосиѡа прекраснаго. В тексте *Вал. 1* форма 3 л. употребляется вместо ожидаемой формы 1 л.: Иѡверзе бѣѡ уста ѡсляти ирече валааму чоти еѣ сотвориѣ (*МБ* Числ. 22.28: чѣѡ ти ѣсѡь сотвориѣлѣ).

2.2.6. Сослагательное наклонение. Регулярно воспроизводились, а значит, по всей вероятности, были понятными лишь формы сослагательного наклонения со вспомогательным *бы*, то есть те, которые представлены в живом языке. Другие формы сослагательного наклонения заменялись. *Авес.*: а³ бы да^хти (*МБ*: 2Цар. 18. 11 ѡзѡ далѣ ти быхѡ) и сиѣлѣ сребра и поѡсь единѣ. Для того чтобы придать русскому сослагательному наклонению церковнославянский вид, составитель не меняет форму вспомогательного глагола (*бы* на *быхѡ*), а на основе л-формы конструирует аорист (*далѣ* — *дахѡ*). То есть он понимает, что раз в русском языке сослагательное наклонение образовано из формы прошедшего времени и частицы *бы*, то так же должно быть и в церковнославянском: форма прошедшего времени (а для церковнославянского языка базовая форма прошедшего времени — это аорист) в сочетании с *бы* будет выражать значение сослагательного наклонения.

¹⁰ Глагол *быти* в наст. вр., употребляемый и как основной глагол, и как связка, в библейских лубочных текстах представлен только формами ед. ч. Формы глагола *быти* появляются достаточно произвольно, вне зависимости от того, на какое лицо они указывают: *Сотв. м. 2*: Еда стражѣ брату моему еѣ аѡ (*ЕлБ* Быт 4.9: ѣсѡь ѡзѡ). *Сотв. м. 1*: ирече бѣѡ кокаѣну где есѡь братѣ твои авель (*ЕлБ* Быт. 4.9: гдѣ ѣѣѡ ѡвель братѣ твоѣ).

При восприятии *бы* как единственно возможного показателя сослагательного наклонения замена л-формы на аорист происходит не всегда. *Вал. 2: нѣбы тѧ убо уби^л асію бы оживи^л (МБ Числ 22.33 нынѣ тѧ оуби^л оубилъ быхъ, а сѣю ѡживилъ быхъ).*

2.3. Некоторые выводы. Сравнивая лубочную версию библейских сюжетов с церковнославянским текстом Священного Писания, мы можем отметить следующие моменты:

- 1) лубочный текст является не пересказом, а подборкой сильно сокращенных библейских цитат;
- 2) при тождественности текста язык церковнославянского библейского лубка имеет отличия от стандартного церковнославянского и близок гибриднему церковнославянскому языку рукописной традиции XVII в.;
- 3) язык церковнославянского библейского лубка первого (доцензурного) периода имеет большие отличия от стандартного церковнославянского, чем язык позднего лубка;
- 4) языковые особенности, присущие церковнославянскому лубку раннего периода, присущи и позднему лубку, но здесь они проявляются не столь отчетливо.

3. Источники русского библейского лубка

Среди известных нам библейских лубков XVIII—XIX вв. имеется ряд листов и книжек, написанных на русском языке. В связи с этими текстами сразу же встает вопрос об источниках. Как известно, полный перевод Священного Писания появился лишь в 1876 г. и не мог повлиять на тексты, созданные раньше. В 1824—1825 гг. появились переводы Пятикнижия Российского библейского общества, а несколько позже переводы отдельных библейских книг, осуществленные прот. Герасимом Павским и архим. Макарием Глухаревым. Однако тираж Пятикнижия был уничтожен, а переводы Герасима Павского и архим. Макария имели минимальный шанс «спуститься» в народную культуру. Действительно, сравнение осуществленных в XIX в. переводов с русскими лубочными библейскими текстами не дало никакого материала, позволяющего установить факт влияния этих переводов на лубочную письменность.

В отличие от церковнославянских библейских лубков, русские лубки содержат не сокращенный вариант библейского текста, а его свободный пересказ. Русские библейские лубки соотносятся с библейским текстом так же, как осуществленные в конце XVIII в. прозаические переводы (или пересказы) Мильтона соотносятся с поэтическим оригиналом¹¹. Представить

¹¹ Упоминание Мильтона неслучайно. Дело в том, что источниками двух библейских лубков (*Иов* и *Иос. 2*) являются пересказы Библии, стилистика которых

себе, что русский пересказ был сделан составителем лубочного текста на основе его знаний церковнославянской Библии, достаточно сложно, поэтому встал вопрос о том, какие тексты могли быть в руках у лубочного издателя.

Источником лубочного листа «История о Иосифе Прекрасном» (*Иос. 2* — объем текста 3509 слов) оказалась впервые изданная в 1820 году «Краткая история Ветхого и Нового Завета в назидание детей»¹², переведенная с французского Андреем Пеше. Об Андрее Николаевиче Пеше известно, что он был чиновником, служебная деятельность которого каким-то образом была связана с театром [Белоброва 2005: 104]. Он был достаточно плодовитым переводчиком. Среди его переводов преобладают тексты светского характера. Это перевод немецкого романа Христиана Августа Вульпиуса «Бобелина — героиня Греции» [СК 1801—1825: № 1393], «Жизнь Марии Стюарт, королевы шотландской» [СК 1801—1825: № 2772], «Изображение одеяний и обычаев разных народов» [СК 1801—1825: № 3071], «Картина вселенной, или Краткое описание обитающих на земном шаре народов» [СК 1801—1825: № 3451], «Краткая греческая история» [СК 1801—1825: № 4041], «Краткая римская история» [СК 1801—1825: № 4048], «Мормион» и «Видение Дани Родерика» Вальтера Скотта [Рейтблат 2001: 112]. К числу его оригинальных произведений, по всей видимости, относятся «Подробное и верное описание монастырей, находящихся в Российской империи», «Училище для детей, или Собрание повестей», «Азбука французская для начинающих», «Азбука немецкая» [Рейтблат 2001: 112], а также «Краткое жизнеописание некоторых святых» [СК 1801—1825: № 4074]. Любопытно, что последний текст так же, как и «Краткая история Ветхого и Нового Завета», имеет посвящение А. А. Орловой-Чесменской, покровительнице юрьевского архимандрита Фотия (Спасского).

Источником текста *Иов* (объем текста 102 слова), опубликованного Д. А. Ровинским под номером 845, является «Священная история Ветхаго и Новаго Завета для употребления юношества» [Самуилов I—II]. Эта книга была переведена с латыни придворным священником Михаилом Самуиловым и напечатана в Санкт-Петербурге в типографии Академии наук. [СК XVIII: № 6382].

Таким образом, нам удалось установить источники двух русских библейских лубочных текстов *Иос. 2* и *Иов*. Для других русских лубков источники пока не установлены, однако вероятность того, что их удастся обнаружить среди переводных библейских пересказов, достаточно велика. В культуре конца XVIII — перв. четверти XIX вв. различные пересказы Библии

очень близка прозаическому тексту «Потерянного рая», переведенного с французского архиеп. Амвросием (Серебрянским). О пересказах Мильтона в народной культуре см. [Плетнева 2006: 224—225].

¹² Эта книга была переиздана в 1821 г. См. [СК 1801—1825: II. № 4052—4053].

сания занимали заметное место, причем воспринимались они в контексте светской европеизированной, а никак не церковной культуры. Переводчиками практически всех известных нам пересказов Священного Писания были литераторы, творчество которых принадлежит светской культуре. Так, например, И. И. Виноградов (1765—1801), опубликовавший в 1799—1800 гг. перевод «Священной истории Ветхаго и Новаго Завета...»¹³, был известен как переводчик античных авторов, Петrarки, Вольтера, Гете, Жанлис, а также как составитель «Библиотеки забавного и естественного волшебства» — пособия для фокусников. [РП XVIII. I: 153—155]. Среди переводчиков библейских пересказов несколько особняком стоит фигура Стефана Писарева (1708—1775), среди переводов которого преобладают церковные и святоотеческие тексты [РП XVIII. II: 436—437]. Однако и его перевод принадлежит, на наш взгляд, светской культуре. Любопытно, что автором переведенной Писаревым «Священной истории Новаго и Ветхаго Завета» [СК XVIII: № 6383] был А. Катифоро (Catiforo), известный как автор «Жития Петра Великого».

Все упомянутые выше библейские пересказы печатались в светских типографиях, что, вообще говоря, было нарушением закона, запрещавшего печатать книги, имеющие отношение к церковным вопросам, вне церковных типографий. В 1787 г., когда Екатерина II предписала московскому губернатору проследить, чтобы «ни в одной светской типографии или светской книжной лавке в Москве не были продаваемы (...) книги церковные или к Священному Писанию, вере, либо к толкованию закона и святости относящиеся, кроме тех, кои напечатаны в Синодской или иных духовных типографиях» [ПСЗРИ: т. 22, № 16556], в Москве было изъято 7 различных изданий библейских пересказов, в число которых входил и упомянутый выше перевод свящ. М. Самуилова [Лонгинов 1867: 283—285, 043]. Таким образом, издание переводных библейских пересказов воспринималось как вторжение светской культуры в церковную сферу. В XIX веке эти тексты «спустились» в народную письменность и обрели вторую жизнь в качестве народного чтения.

4. Язык русского библейского лубка

Языковые особенности русского библейского лубка мы рассмотрим на примере текста *Иос. 2*. Выбор именно этого текста объясняется тем, что его значительный объем дает большой материал для наблюдений, а найденный нами источник (лубок достаточно точно воспроизводит текст Пешеле) позволяет сравнить графико-орфографические системы русского литературного языка начала XIX в. и языка народной письменности.

¹³ [Виноградов I—III]. См. [СК 180—1825, № 6386].

4. 1. Графика

Среди графических отличий надо назвать следующие:

1) В лубочном тексте встречаются два вида буквы у: у (такая же, как в гражданской азбуке) и у' (у-лигатурная), причем у' встречается после согласных, а у после гласных и в начале слова¹⁴.

2) Вместо я употребляется юс-малый (ѿ).

3) Четыре раза встречается написание с ѿ: ѿменнѿю, ѿветствовалъ, ѿправилъсѧ, ѿголодной смерти. Буква ѿ встречается 2 раза: ѿсифъ, ѿбладалъ.

4.2. Орфография

Публикуя лубочный текст *Иос. 2*, Д. А. Ровинский оговаривается: «Текст этого издания наполнен множеством ошибок, произошедших от того, что доски резал совершенно безграмотный гравёр» [Ровинский 1881: III, 292]. При этом Ровинский устранил те написания, которые казались ему ошибочными. Например, правописание сочетаний *-ие*, *-ия* он в соответствии с правилами гражданской орфографии последовательно заменяет на *-ie*, *-ia*. Между тем орфографические отличия лубочного текста от его оригинала не случайны. Они тесным образом связаны с орфографическими тенденциями, господствующими в народной (низовой) литературе.

Среди орфографических особенностей *Иос. 2* выделим две группы. К первой относятся те черты орфографии, которые характерны для всей лубочной традиции (они помещены в разделе 4.2. 1). Причем их большая часть является общей и для церковнославянских, и для русских лубков конца XVIII — нач. XIX в. Ко второй группе мы относим те особенности орфографии, которые не являются общими для всей лубочной письменности, а характеризуют лишь данный текст (раздел 4.2.2.).

4.2.1. Типичные орфографические черты.

— Почти полное отсутствие знаков препинания в лубочном тексте.

Лубочный текст <i>Иос. 2</i>	Текст Андрея Пеше
Въ одинъ день былъ посланъ Юсифъ оцемъ своимъ для посѣщениа брать- евъ своихъ пасшихъ стада свои въ Сихемѣ едва примѣтили они его то иначали онемъ говорить такъ Вонъ идетъ нашъ сновидѣцъ убьемъ его и кинемъ въ ровъ адома скажемъ что лютый зверь растералъ его.	Въ одинъ день, былъ посланъ Юсифъ отцемъ своимъ для посѣщенія братьевъ своихъ, пасшихъ стада свои въ Сихемѣ, едва примѣтили они его, то и начали о немъ говорить такъ: «Вотъ идетъ нашъ сновидѣцъ; убьемъ его и кинемъ въ ровъ, а дома скажемъ, что лютый звѣрь разстерзалъ его».

¹⁴ В церковнославянском алфавите также есть две буквы у (ѹ и Ѹ). Орфографические правила диктуют правописание ѹ в начале слова, а Ѹ во всех остальных позициях.

- *Знак титла.* Само употребление знака титла в русском тексте отличает лубочный текст от оригинала. Однако постановка знака титла не соответствует и правилам церковнославянской орфографии. См., например, написание под титлом таких слов, как: дѣни, кѣкъ бы, бѣгати, тѣже.
- *Слитное написание:*
 - а) *предлогов:* наплѣ, къ нему, въ ровѣ, въ намѣреніи, присеи продаже, на себѣ. В том числе слитно могут писаться предлоги в сочетании с именами собственными, которые пишутся с прописной буквы: къ Іосифу, безъ Вениамина и т. п.
 - б) *союзов и, а, но:* и говорили, и что, и враждѣ, а дома, новдругѣ, но какимъ, и одѣтахъ; в том числе с именами собственными: и Манассію.
 - в) *постпозитивных частиц же, ли* и препозитивных частиц *не, да:* однакоже, не сынали, не было, да повинѣются, да сохранишь и др.
- *Отсутствие буквы ѣ.* Вместо нее пишется как *и*, так и *і:* дѣйствию гордости Іосифовоѣ, дрѣгои сонѣ, въ семействѣ, наѣденыѣ и т. п.
- *Нерегулярное употребление ѣ.* В *Иос. 2* довольно частотны случаи пропуска *ѣ:* звездѣ, зверѣ, намерение (в тексте есть и правильное написание въ намѣреніи), советѣ, ехавшахъ, приехали и т. п.
- *Распределение и / і.* Если в гражданской орфографии *і* писалась перед гласными, то в традиции народной литературы существовала тенденция перед гласными писать *и* (и-восьмеричное). Эта орфографическая традиция пересилила орфографию оригинала. Написаний с и-восьмеричным перед гласной около 140 случаев (дѣйствию, намѣрениѣ, несогласіе, намерение, по научению, многиѣ другиѣ, нещастіѣ, патриарха, Вениамина и т. п.). Исключением является позиция перед *и*. Здесь вначале регулярно появляется *і* (и-десятеричное), то есть сочетание записывается как *иі*. И-десятеричное также последовательно пишется в именах Іосифѣ, Іаковѣ (Іаковѣ), Іуда и образованных от них притяжательных прилагательных. Остальных случаев написания и-десятеричного перед гласными в *Иос. 2* насчитывается 28 (понятно, что в оригинале таких случаев 100 %).
- *Элементы фонетической записи:*
 - а) Фиксация оглушения / озвончения на письме: млатшаго брата, голоть, обеть (в оригинале: обѣдѣ), на сеи догatkѣ, источникъ слесь изъ гласѣ, кинѣлсѣ нагрѣть, опрозѣбѣ. Частным случаем является запись приставки на -з- (*раз-*, *воз-* и др.) перед глухими согласными с -с- на конце (*рас-*, *воз-*), причем если корень начинается с -с-, то согласная не удваивается: расказалѣ, восталѣ, происходившиѣ и др. При этом в ряде случаев под влиянием оригинала -з- сохраняется и при этом может отделяться от корня ером: возкликнѣлѣ, безъпрестанно, расказали.
 - б) *Отражение редукции гласных:* дастѣ, множества денѣгѣ, доволѣнѣ, привѣдины, обѣзанности. Сюда же можно отнести гиперкорректные формы: значеть, бользамѣровать.

- Отсутствие буквы э. Слово *ето* встречается в *Иос.* 2 4 раза, через *е* пишется также слово *евнух* (в оригинале *эвнух*)¹⁵.

4.2.2. Индивидуальные орфографические черты *Иос. 2*

- Если в тексте Пеше возвратный суффикс представлен как *-сь*, то в тексте *Иос. 2* сосуществуют два варианта *-сь* и *-сьь*: *Сьь* появляется в тексте *Иос. 2* 38 раз, а *-сь* — 9 раз. Однако говорить, что появление *-сьь* — это влияние оригинала, нельзя. Варианты *-сь* и *-сьь* фиксируются в разных позициях. *-Сьь* последовательно пишется в глагольных формах прошедшего и настоящего (будущего) времени: умножалась, поклонились, согласились, удалились, понравилось, отправились, переменялось, надѣюсь, останьсь и т. п. В то же время *-сь* появляется в формах деепричастий и императива: сдѣлавшись, разставаюсь, опасайтесь, поклонитесь. То есть мы имеем дело с осознанной выбором записи (является ли это нормой личной или корпоративной, мы не знаем).
- В *Иос. 2* наблюдается тенденция пропуска *ь* после *л* и *н* перед другой согласной: начальникъ, нетолко, столко, сколко, денги, съболшимъ, печальное.

4.3. Некоторые выводы

Проведя сравнение текста *Иос. 2* с его оригиналом, мы можем констатировать:

1. *Иос. 2* достаточно точно воспроизводит текст «Краткой священной истории» Андрея Пеше.
2. Языковые изменения в тексте *Иос. 2* касаются исключительно графики и орфографии. При этом графико-орфографические изменения указывают на существование особой орфографической традиции, характерной для народной литературы.
3. Ряд орфографических особенностей (отсутствие знаков препинания, слитное написание предлогов и союзов, отсутствие буквы *й*, нерегулярное употребление *ѣ*, правописание *ие*, *ия* вместо *іе*, *ія* и др.) являются общими для церковнославянских и русских лубков.

Цитируемые источники

Авес. — Смерть Авесалома ГИМ И 105902/45. Ровинский № 839.

Вал. 1 — Ангел останавливает Валаама; РНБ Олсуфьевское собрание IV 796 Ровинский № 846.

¹⁵ Понятно, что правописание *е* вместо *э* характерно только для русского лубка, в церковнославянском алфавите буквы *э* нет. Если все рассмотренные выше орфографические особенности являются общими как для русских, так и для церковнославянских лубков, то эта относится только к русским текстам.

Вал. 2 — Валаам пророк к Валаку путь начинает, ангел же Божий противяся ему путь пресекает; РНБ Олсуфьевское собрание IV 798.

Вал. 3 — Валааму прорекла ослица человеческим гласом; РНБ собрание Даля II 8; гравировал А. Петров, цензурное разрешение от 13 июля 1844, цензор Федор Голубинский.

ЕлБ — Библия. М., 1756.

Есф. — На книгу *Есфирь* (глава 5 стих 1), РНБ Олсуфьевское собрание IV 803, Ровинский № 850.

Иов — Злоключения Иововы, Ровинский № 845.

Иона — Спасенная Ниневия пророчеством Ионы и обращением людей к Богу; ГИМ И III хр-лит 8006 / 47219, литография А. В. Морозова 1873.

Иос. 1 — Житие Иосифа Прекрасного, Ровинский № 829¹⁶.

Иос. 2 — История о Иосифе Прекрасном, РНБ собрание Даля II 11—16, Ровинский № 833.

Лот — Лот с дочерьми; РНБ Олсуфьевское собрание IV 799, Ровинский № 828.

МБ — Библия. М., 1663.

Сотв. м. 1 — Сотворение мира; ГИМ И III хр-лит. 9634/45857, цензурное разрешение от 31 июля 1839 цензор иеромонах Иоасаф.

Сотв. м. 2 — Сотворение мира; Ровинский № 814.

Сотв. м. 3 — Сотворение мира; РНБ Элб 13705—13707, цензурное разрешение от 14 января 1870 г. литография Глушкова.

Сус. 1 — История Сусанны, РНБ Олсуфьевское собрание IV 796, Ровинский № 844.

Сус. 2 — Сусанна и старики; РНБ собрание Даля II 4, Ровинский № 842.

Товит — Товит у Рагуила; РНБ Олсуфьевское собрание IV 802, Ровинский № 849.

Л и т е р а т у р а

Белоброва 2005 — О. А. Б е л о б р о в а. Очерки русской художественной культуры XVI—XX в. М., 2005.

Виноградов I—III — Священная история Ветхаго и Новаго завета, содержащая двести шестьдесят восемь священных повествований... переведена Иваном Виноградовым. Иждивением м[осковского] куп[ца] Тимофея Полежаева. Ч. 1—3. Губ. тип., у А. Решетникова. М., 1799—1800. 8°.

Кравецкий 2009 — А. Г. К р а в е ц к и й. Лингвистические и текстологические стандарты синодальных типографий // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка (2007—2008). М., 2009 (в печати).

Лонгинов 1867 — М. Н. Л о н г и н о в. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.

Пеше 1820 — [А. П е ш е (пер.)]. Краткая священная история Ветхаго и Новаго Завета, в назидание детей. Представленная в 74 искусно гравированных картинах. Иждивением В. Логинова. Москва, в типографии Августа Семена, 1820.

¹⁶ Публикацию текста с параллельными местами из Библии и житийного текста см. [Плетнева 2009].

Плетнева 2006 — А. А. П л е т н е в а. О языке «масскультуры» пушкинской эпохи: лубочная сказка о Бове // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 470—486.

Плетнева 2009 — А. А. П л е т н е в а. «Особенности текста и языка лубочного повествования об Иосифе Прекрасном» // Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка (2007—2008). М., 2009 (в печати).

ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской Империи [Собрание 1-е]. Т. 1—45. СПб., 1830.

Рейтблат 2001 — А. И. Р е й т б л а т. Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001.

Ровинский 1881 — Д. А. Р о в и н с к и й. Русские народные картинки. Т. I—V. СПб., 1881.

РП XVIII. I—II — Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1—2. Ленинград/СПб., 1988—1999.

Сакович 1983 — А. Г. С а к о в и ч. Народная гравированная книга Василия Кореня 1692—1696. М., 1983.

Самуилов I—II — Священная история Ветхаго и Новаго Завета для употребления юношества, переведена с латинского языка п. с. М. С. Ч. 1—2. СПб., 1778.

СК 1801—1825 — Сводный каталог русской книги 1801—1825. Т. 1—2. М., 2000—2007.

СК XVIII — Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800. Т. 1—6 / Сост. Е. И. Кацпржак, И. М. Полонская и др. М., 1962—1975.

Соколов 1907 — Д. Д. С о к о л о в. Справочная книжка по церковнославянскому правописанию. СПб., 1907. [Учительская библиотека по вопросам школьного воспитания. Вып. 6].

В. В. ШАПОВАЛ

**В. И. ДАЛЬ И КРИТИКА СЛОВАРЕЙ:
ЗАГЛАВНОЕ СЛОВО СО ЗНАКОМ ВОПРОСА**

Jestem tylko łowcą słów

J. Tuwim

Целью данной статьи является анализ одного из аспектов критики словарных материалов, декларировавшего В. И. Далем, и оценка его применения в лексикологической практике при составлении «Толкового словаря живого великорусского языка».

Тема далевской критики словарей обширна, но начинать логично с проблемы верного чтения заглавных («красных») слов, поскольку и сам словарь придавал им особое значение, ср., напр.: «Утверждаю, что во всемъ словарь мой нѣтъ ни одного выдуманнаго мною слова, то есть, нѣтъ въ красной строкѣ, какъ слово объясняемое; въ толкованіяхъ могутъ попадаться, хотя весьма рѣдко, слова, не бывшія доселѣ въ обиходѣ <...>» [Даль₂-I: LXXXIV; ₆-I: LXXXVIII]. Оценка инструмента описания семантики, включающего «слова, не бывшие доселе в обиходе», — сейчас не наша тема, но заглавные слова все же, что особо подчеркнуто, рекрутировались из, надо понимать, бывших в обиходе, чем и определяется в общем высокий статус их достоверности.

Часть из них при проверке В. И. Далем свой статус подтвердила не вполне — и получила знак вопроса.

Обычно знак вопроса стоит, примыкая, сразу за словом: **АБНЯ?** [Даль₁-I: 1; ₂-I: 1] и мн. др., только 4 раза — через пробел в скобках: **ЛОЧА́КЪ (?)** [Даль₂-II: 237], **НА́СТОВАТЬ (?)**, **НА́СТРОВЫЕ ЧУЛКИ (?)** [Даль₁-II: 1063, 1064; ₂-II: 489, 490], **СТАВРЬІ (?)** *точить* [Даль₁-IV: 286; ₂-IV: 321]. Последний вариант оформления остался, видимо, по недосмотру. Знак вопроса в скобках тождествен примыкающему. Бодуэн его сохранил в 3-м и 4-м изданиях словаря: [Даль₃-II: 698, 1237, 1241; ₃-IV: 640]. Еще 8 раз знак вопроса поставлен после слов с внутренними скобками, напр.: **КАНДІ́(Ы)РИСТЫЙ?** Это экономная запись вместо: **КАНДІ́РИСТЫЙ?**, **КАНДЫ́РИСТЫЙ?** Кроме того, 13 раз знак вопроса поставлен внутри таких скобок: **ОБРѢЗ(Г?)НУТЬ**, т. е. **ОБРЕЗГНУТЬ**, **ОБРЕЗНУТЬ**. Бодуэн

в предисловии к 3-му и 4-му изданиям словаря В. И. Даля, объясняя «[б]уквы, написанные в скобках после других букв того же слова», дает примеры только на взаимозамену (**блокшип(ф)ъ** = **блокшипъ** и **блокшифъ**, но не потенциально читаемое *блокшипфъ) [Даль₃-I: XV]. В. И. Даль уделил раскрытию внутренних скобок еще меньше внимания, ограничившись апелляцией к интуиции читателей словаря: «Скобки, кромѣ своего обычнаго значенія, включаютъ цѣлыя слова и даже речи, либо слоги и буквы, добавочныя либо замѣнительныя (...) Такъ какъ словарь мой предназначенъ для русскихъ, то въ этомъ дѣлѣ кажется не можетъ выдти недоуменій» [Даль₁-I: XV; ₂-I: XVIII; ₆-I: XXVIII]. Различение «добавочныхъ» и «заменительныхъ» букв все-таки способно вызвать недоумения. Так, в электронной версии словаря Даля, представленной в ряде копий в Интернете в современной орфографии (напр.: slovari.yandex.ru/dict/dal; www.infoliolib.info/sprav/dal; survival.spb.ru/dahl и др.), случаются при раскрытии скобок прочтения «заменительной» буквы вместо «добавочной», например: **ОБРЕЗНУТЬ?** и **ОБРЕГНУТЬ?** (sic!). Второе — ложно, а наиболее правильное **ОБРЕЗГНУТЬ** не представлено вообще. Учитывая, что электронные словари занимают все большее место в практике, приходится иметь в виду, что подобные, что самое страшное, непреднамеренные искажения замысла лексикографа уже становятся фактом лексикографии.

За пределами нашего внимания остаются авторские версии прочтения, данные светлым курсивом со знаком вопроса, и иные сигналы сомнения, если знак вопроса находится вне записи заглавного слова, напр.: «**МЕЛЬ**, (*мель?*) *кстр. прм.* дрожди, дрозжи» [Даль₁-II: 914; ₂-II: 323; ₆-II: 317].

Таким образом, более 1190 «красных» слов с **полужирным** знаком вопроса образуют особый слой не вполне надежных, с точки зрения автора словаря, записей, над которыми он немало потрудился: «Все это покажется очень просто; но чего стоило добратся тутъ толку и доискаться самаго источника безсмыслицы?» [Даль₁-I: XX; ₂-I: XXVI; ₃-I: VI (прил.); ₆-I: XXXV]. Сомнения Даля базировались на результатах критики словарных материалов, которая в принципиальных чертах изложена им в статьях и выступлениях, публикуемых обыкновенно в первом томе «Толкового словаря живого великорусского языка». В речи «О русском словаре» дано с примерами и основополагающее различие двух групп ошибок по их природе: «Всѣ словари наши преисполнены самыхъ грубыхъ ошибокъ, нерѣдко основанныхъ на недомолвкахъ, опискахъ, опечаткахъ, и въ этомъ видѣ они плодятся и множатся. Если какой-нибудь почтенный нѣмецъ, ученый путникъ, напишетъ: *ардѣжъ* (артышъ), *топодъ*, *осокоръ*, *пыщалка*, *сорокопрытка*, *пригридъ* (прикрыть, трава), то все это пошло на всѣ четыре стороны, и наши ученые начинаютъ писать такъ же. Если даже кто, опечаткою, скажетъ: *диръ*, *попутникъ*, *омѣрникъ*, вмѣсто *айръ*, *лапушникъ* и *омѣжникъ*, то и это вносится русскими травовѣдами въ словари и преподается съ каѳедры!» [Даль₁-I: IXX (=XIX); ₂-I: XXV; ₆-I: XXXIV] (подчеркивания мои. — В. III.). В первом ряду при-

меров представлено типично немецкое восприятие глухих как звонких [т, ш, к] и мягких как твердых [л', р', п']. Как видим, Даль различает ошибки **фонетические**, представленные в первом ряду примеров, и **визуальные** ошибки, проиллюстрированные во втором ряду: неразличение написаний *a — л — n, т — ш*, а также *p* и *ж* (с высокой центральной мачтой).

Эти принципы нашли применение в подготовительной работе со словарями предшественников, в результате которой «множество словъ, искаженныхъ Областнымъ Словаремъ, указаны либо исправлены» [Даль₂-I: LXXVII; ₆-I: LXXXVI]. Так, при словах *туда*, Даль отмечает: «**ТУТА?** ж. кал. уныніе, тоска, грусть, скука (Ак<а>д(емический) Сл(о)в(арь,) не *туга* ли?)» [Даль₁-IV: 407; ₂-IV: 456; ₆-IV: 445].

Но здесь следует обратить внимание и на «**либо** исправлены», потому что часть своих исправлений Даль не отметил, с чем трудно согласиться.

«**ОТОЖКО**, нар. Вотъ то-то, да, да; конечно. Ряз.» [Оп 1852: 3]. Ср.: «АТО... *атожно*...» [Даль₁-I: 25; ₂-I: 29; ₆-I: 28]; *отожна* [Даль₁-II: 1316; ₂-II: 768; ₆-II: 742]. Видимо, *отожко* было исправлено без оговорок.

Разумно сохранять все ошибочные записи предшественников. Аналогией в стратегическом плане здесь могут послужить антивирусные компьютерные программы, которые, даже уничтожая вирус, заносят его к себе в память на случай следующей встречи. Ведь не каждому из будущих читателей словарей под силу восстановить критические рассуждения Даля при чтении того же «Опыта».

Однако таким неотмеченным исправлениям есть и несколько иное объяснение: инерция восприятия осведомленного переписчика, при котором исправление не помечается, потому что производится автоматически. Например, в новом словаре полонизмов *чапка* 'фуражка' (пол. *czapka*) иллюстрируется цитатой из романа Богомолова: «“чапки”, что по-польски означает фуражки (Богомолов, с. 227)» [Шетэля 2007: 273]. Здесь следует уточнить и страницу источника, где напечатано ошибочно «гапка»: «Мужчины, даже крестьяне, носят шевиотовые костюмы, сорочки с отложными воротничками и “гапки”, что по-польски означает фуражки» [Богомолов 1985: 364], так же в первой журнальной публикации: [Богомолов 1974: 45; Шаповал 2006: 70]. Однако при работе с собственноручной выпиской лексикограф, очевидно, автоматически восстановил правильное чтение на месте проблемного *г* — *ч*. Вероятно, и Даль в ряде случаев мог автоматически выбирать правильное чтение каких-то сомнительных записей.

Однако исправление — это лишь конечная цель анализа, далеко не всегда достижимая, поэтому предварительные результаты критики также закрепляются в словаре Даля: а) знаком вопроса отмечены все подозрительные записи; б) в редких случаях появляется указание типа «эти слова сомнительны» без раскрытия сути сомнений (напр.: при *гмара* [Даль₁-I: 342; ₂-I: 370; ₆-I: 360] и др.), что, видимо, означает более основательные подозрения, чем просто знак вопроса; в) иногда записи со знаком вопроса дополняются альтернативным чтением, напр.: «**АНЕВА?** *арх.* (огнёва?) яркая

полоса неба, промежь тучь; признакъ вѣтра оттуда» [Даль₁-I: 15; ₂-I: 17; ₆-I: 17], Бодуэн уточнил: [огнёва] [Даль₃-I: 43]. Таким образом, за записью *анева*, в которой предполагается ошибочное визуальное отождествление начального *ог* с *а*, усматривалось исходное написание *огнёва*. А. Е. Аникин не принял этого объяснения, отметив, что *огнева* «не подходит фонетически» [Аникин-1: 220].

С одной стороны, есть повод посетовать на лаконизм, который нередко нуждается в расшифровке, а порой ей и не поддается. Жаль, что Даль был скуп на раскрытие сырых гипотез, как это рекомендовал позднее Р. Брандт: «[П]о-моему, можно быть щедрѣе на гадательныя толкованія, каковыя, будучи обставлены надлежащими оговорками, не причинять вреда, а побуждать другихъ къ подбору доказательствъ, или возраженій» [Брандт 1887: 8]. С другой стороны, можно поблагодарить Даля и за знаки вопроса, потому что их появление не вполне обычно для словарей того времени.

Словарь как справочное пособие, вообще говоря, рассчитан на удовлетворение прямых адресных запросов. Как это ни парадоксально, он может без заметного ущерба для пользователя содержать мнимые слова¹. Коль скоро запрос включает реальное записанное или услышанное слово, наводящий справку почти никогда не попадет на несуществующее слово. (Ошибочным попаданием на фантомное слово при обычном наведении справки практически можно пренебречь.) Однако В. И. Даль стремился к возможно более полному охвату лексики народного языка, имея в виду особого рода просвещение читающей публики. По замыслу автора, словарь должны были читать многие, как прочли его потом, допустим, А. Белый, С. Есенин или А. Солженицын. В свете этого предназначения знаки вопроса В. И. Даля можно понять как предостережение таким продвинутым пользователям, которое и без развернутых объяснений выполняло свою роль, как и помета «*не рекомендуется*» в орфоэпических словарях. Но лингвистический интерес к словарю В. И. Даля не может ограничиваться про-

¹ Существует ряд более или менее тождественных терминов, отражающих феномен закрепления в словарях ошибочного прочтения: *ложные слова*, *слова-призраки* [Ахманова 1969: 222, 425], *мнимые слова*, *призрачные слова*, *словарные фантомы*. Хотя существует длительная филологическая традиция выявления и идентификации призрачных слов, критерии их ограничения от иных типов ошибочных записей в словарях и текстах остаются неопределенными. Ясно, что *карова* — это не фантом, а либо ошибка в русском словаре, либо стандартная запись в белорусском. Ясно, что «Г а г ц ѣ. Портѣ въ великороссійскихъ губерніяхъ» [Бурнашев-1: 135] — это не реальное слово, имеющее отношения к речному судоходству, а неверное прочтение, возникшее на месте *гáщи* ‘порты, исподняя одежда’ [Даль₁-I: 306; ₂-I: 355; ₆-I: 346, под *гача*], и что исправить запись во втором случае труднее, чем в первом. Но в какой момент и при каком уровне малоизвестности искаженного и исправляемого слова можно говорить о его фантомности, видимо, даже при рассмотрении репрезентативной выборки словарных ошибок такого рода не всегда ясно.

сто принятием к сведению этих сигналов сомнения. Хотелось бы разобратся и в самой процедуре критики, в частности, в характерных для В. И. Даля приемах обнаружения и исправления записей призрачных слов, возникших вследствие смешения сходных букв.

А. С. Мызников недавно справедливо предостерег от переоценки интуиции при критике словарных описаний: «В ряде случаев поиск фантомов основывается большей частью на собственной языковой интуиции, языковом опыте, что на уровне диалектных данных весьма опасно, поскольку мотивационная или заимствованная база диалектного слова может иметь достаточно широкое поле» [Мызников 2006: 258]. И тем самым подтвердил большую роль интуиции на этом подготовительном (но базовом) этапе в работе с материалом для лингвистических разысканий.

Нельзя сказать, чтобы традиционному интуитивному подходу виделась явная альтернатива. Отбор небольшой части материала для критики с пристрастием происходит на глаз. Обычно привлекает внимание слово с неясным корнем и морфемной структурой. Естественным продолжением изучения деривационных связей при критике словарного описания слова является исследование этимологических связей, о чем говорит А. С. Мызников: «Такого рода анализ обычно основан либо на этимологической базе (этимологическая критика): А. Е. Аникин, Л. Г. Гусева, И. Г. Добродомов, А. Ф. Журавлев (...), либо на сопоставлении с историческими источниками» [Мызников 2006: 258]. Даль это явно понимал и использовал критерий прозрачности морфемной структуры слова при оценке его реальности, коль скоро, «не занимаясь *корнями* словъ, старался однако же указывать вездѣ на взаимную связь, а гдѣ это, по искаженію и по другимъ причинамъ, казалось сомнительнымъ, тамъ и ставилъ вопросительный знакъ» [Даль₁-I: IXX (= XIX); ₂-I: XXV; ₃-I: V (прил.); ₆-I: XXXIV].

Если «странный» слово оказывается внешне похожим на (обычно менее странный) синоним, как выше *туда* 'тоска' = *туга́* 'тоска', то ставится вопрос о причинах сходства. Вариантов ответа три: а) обе записи корректны, т. е. это варианты слова, синонимы и т. п.; б) одна запись является некорректной копией другой, т. е., в частности, одно слово является фантомом; в) обе записи некорректны, а их сопоставление позволяет взаимно подкрепить и доказать их некорректность и даже призрачность.

При критическом анализе «странной» записи слова происходит, в сущности, перебор и проверка альтернативных прочтений. Этот процесс в известной мере можно уподобить реконструктивному чтению любой дефектной или сфальсифицированной записи, где часть букв заменена пробелами или неправильными буквами. В 1891 г. эксперт Е. Ф. Буринский анализировал надпись на фотографии, где 18 букв были восстановлены и прочитаны, но 12 позиций (40 % записи) не читалось при помощи технических средств. Из этих 12 «темных мест» (далее обозначены дефисами) некоторые должны были быть заменены буквами, а другие — пробелами: «их-с-одс--ен--ков-в-ет-х-д--ръ». Он восстановил чтение «их-сродственников-

внетях-дщерь», т. е. дочь их отсутствующих безвестно (в нетях) родственников. При этом правдоподобном решении были замещены буквами 9 пробелов из 12. Аргументация базировалась на результатах перебора вероятных чтений: «Можно ли приискать к буквам, бесспорно установленным, промежуточные буквы так, чтобы получилась другая догадка?» [Буринский 2002: 338—340]. В. И. Даль также говорит о том, что, «гдѣ нельзя было доискаться смысла, ни явныхъ уликъ въ ошибкѣ, тамъ ставился вопросительный знакъ» [Даль₁-I: XX; ₂-I: XXVI; ₆-I: XXXV]. То есть он действовал сходным образом: так же пытался найти признаки ошибки, а затем подобрать осмысленное чтение.

Ошибки прочтения, причиной которых является «нечеткое письмо собирателей» [Даль₁-III: IXX (= XIX); ₂-III: XXV; ₆-I: XXXIV], усматривались В. И. Далем в ряде заглавных слов со знаком вопроса, порой в кратком комментарии указано и предлагаемое исправление. Эту процедуру можно назвать графической реконструкцией в том смысле, что, видя букву *б* или *ш*, написанную явно или вероятно вместо *т*, критик с целью обоснования своего чтения восстанавливает путь возникновения ошибки. В первом случае предполагается визуальное смещение *т* (на одной ножке) и *б* (с узким овалом), а во втором — смещение трехэлементных *т* и *ш*. Обнаруживаемая в процессе графической реконструкции нейтрализация графем характеризуется смещением по внешнему виду при чтении лишь отдельных допустимых в данной позиции вариантов графемы. При этом сбой уверенного чтения записи слова от руки происходит на определенной букве или ее части, напр.: а(*ж*/м?)но [Даль₁-I: 25; ₂-I: 28; ₃-I: 74; ₆-I: 28]. Результат такого сбоя при копировании закрепляется в виде новой словарной записи, например: «АТНО, союзъ. Так что. Там б.» [Опд 1858: 3]. Так возникает призрачное слово. Но ошибка в нем никак не отмечена, так что, в отличие от дешифровщика дефектной записи, критик словаря должен еще и найти это «темное место».

Для группировки и анализа таких ошибок удобно представить формулу нейтрализации (трехэлементных в этом случае) графем таким образом: *ж* — *т*. Подвергшиеся смещению графемы в формуле лучше *располагать по алфавиту* (не *т* — *ж*), потому что допустившему ошибку как раз было неясно, какая буква является правильной (в противном случае не было бы и ошибки). Под эту формулу подходит как случай чтения *т* на месте *ж*, так и обратный. При необходимости всегда можно развести внутри одного типа ошибок примеры по направлению смещения, но рассматривать их лучше вместе.

Для описания характерных для В. И. Даля приемов обнаружения призрачных слов, возникших вследствие смещения сходных букв, и анализа их исправлений мы можем опираться на материал его «Толкового словаря». Рассмотрим, как в процессе критического анализа словарных материалов В. И. Даль отметил и кратко прокомментировал следующие 40 предполагавшихся им случаев нейтрализации графем:

а — е: «**ПАЛЁДЪ** влд. мѣсто въ овинѣ для входа въ него (*пелѣда?*)» [Даль-III: 7; 2-III: 7; 6-III: 11; Опд 1858: 172]. «**ПАСТИКЪ?** (*пѣстикъ?*) растен. Polygonum bistorta, см. *брилена*» [Даль-III: 18; 2-III: 20; 6-III: 23].

а — ъ: «**ВАЖА?** ж. арх. (*вѣжа?*) кочевье; зимнее поселение промышленников на Груман (Гренландіи)» [Даль-I: 141; 2-I: 162; 6-I: 160].

а — и: «**МИЗА(И?)НОЧНИКЪ?**, растение Dactilis glomerata, южа, ежа» [Даль-II: 921; 2-II: 331; 6-II: 325]. Не показано, какой вариант предпочтительнее, но *мизиночникъ* не вынесено в отсылочную статью.

а — о: «**АБОДЬЕ?** ср. арх. (*обыдень?* или *ободнять?*) красный день и удача на лову» [Даль-I: 2; 2-I: 2; 3-I: 4; 6-I: 2], только из Даля: [СРНГ-I: 190; Аникин-I: 71]. «**АТУЛЬГА?** ж. арх. (*отульга, отулять?*) гряда кустарника, лѣса, по краю тундры; опушка ея» [Даль-I: 25; 2-I: 29; 6-I: 29], Бодуэн возразил: «[!]» [3-I: 74]. «**ПОДАРА?** ж. пск. буря, сильное волнение на водѣ (*сиб. пѣдера?*)» [Даль-III: 145; 2-III: 162; 6-III: 160; Оп. 1852: 162] и *падора*.

а — ог: «**АНЕВА?** ж. арх. (*огнева?*) яркая полоса неба, промежъ тучъ; признакъ вѣтра оттуда» [Даль-I: 15]. См. выше.

аст — от: «**ПЛОТАТЬ?** рыбу, пск. чистить (*пластать?*)» [Даль-III: 116; 2-III: 130; 6-III: 128]; «**ПЛОТАТЬ**, гл. д. Говоря о рыбе: чистить. Псков. Твер. Остаи.» [Опд 1858: 183]. Написанное в середине слова -от- В. И. Даль «перечитывает» как -аст-, предполагая графическое переразложение при копировании: второй элемент буквы *а*, т. е. *и*, *с* и одномачтовое *т* (*т*) дали при сложении трехэлементное *т*. Однако В. И. Даль оставляет свое прочтение *пластать* (ср. у каспийских рыбаков: *пластать* 'то же' [Копылова 2002: 114]) под вопросом, поскольку отмечено также: «**ЛОТАТЬ** рыбу, твр. рѣзать, пластать, потрошить, чистить рыбу» [Даль-II: 217; 2-II: 237; 6-II: 268]; «**ЛОТАТЬ**, гл. д. Рѣзать, потрошить рыбу. Твер. Остаи.» [Опд 1858: 104]. Ударение во втором слове на первом слоге, видимо, смутило В. И. Даля, он его снял.

б — г: «**ОБНІВА?** ж. смб.-кор. (*огніво* <поперечина на столбах>, на барках? *обнимать?*) нахлестка, прогонъ на мостовыхъ сваяхъ» [Даль-II: 1187, 1224; 2-II: 625, 666; 6-II: 606, 645, под *огнь*]. Либо смешение *б — г*, либо все-таки *б* написано верно, хотя производность от *обнимать* не вполне ясна.

б — д: «**ЛИБІВЫЙ?** ол. хилый, плохой силами, здоровьемъ. См. *Лидина* <болезнь>» [Даль-II: 853; 2-II: 255; 6-II: 251; Оп 1852: 103]. *Лидина* — без вопроса.

г — п: «**ГАКЛУНЬ?** (вероятно то ошибка, *паклунь*) м. барбарисъ, растеніе Berberis vulgaris, кислица, кислянка, паклунъ *донс.*» [Даль-I: 301; 2-I: 350; 6-I: 341], ср. *гаклун* без сомнений [Толль 1863-I: 567].

г — т: см. выше *туда*.

г — ч: «**ГАРЎЗЪ?** арх. (не ошибка ли? *чарусъ?*) топъ, во(а)дья, окно, чарусъ» [Даль-I: 305; 2-I: 354; 6-I: 345]. «**РАГ(Ч?)АТЬ** лень, нвг.-брон. трепать и чесать» [Даль-IV: 3; 2-IV: 3; 6-IV: 7], отсылочного *рачать* у В. И. Даля нет, из чего можно понять, что вероятнее, по его мнению, было *рагать*.

е — о: «КУРЕЛЕПЬ? (*кур^олепъ?* или *кур^осле^пъ?*) растение Cerastium semidecandrum» [Даль₁-II: 826; ₂-II: 225; ₆-II: 221]. «ПОЛО(Е?)ВІЧНИКЪ? *кур.* земляника, *Fragaria vesca*» [Даль₁-III: 240; ₂-III: 271; ₆-III: 263].

е — с: «КЕРСКОТЬ? *м. ол.* большой неводъ; вероятно ошибка, *вм. кер^ерегодъ*» [Даль₁-II: 720; ₂-II: 106; ₆-II: 106; Оп 1852: 82]. Колебания *г — к* и *д — т*, возможно, фонетические. Выделяем из этого примера В. И. Даля только смешение *е — с*, явно визуального характера.

ё (йо) — ю: «ПАТЮМА? *мск.* подслѣповатый; вероятно *потѣма*» [Даль₁-III: 19; ₂-III: 21; ₆-III: 25; Оп 1852: 153]. Диграф *йо* здесь прочитан как *ю*, а не как *ё*.

жс — к: «ПЕРЕЧЕТЫРЖИВАТЬ? *мск-руз. ярс-пош.* передразнивать кого, или ломать, корчить и представлять въ лицахъ, перекартавливать. *Перечетыркивать* кого, *нижс. смб.* перебивать чью речь» [Даль₁-III: 88; ₂-III: 98; ₆-III: 98; Оп 1852: 156]. Возможно, *жс* прочитано на месте *к*.

жс — т: «АТНО? *тмб.* ажно, ально, анно, анда, инно, инда, такъ что, даже» [Даль₁-I: 25; ₂-I: 29; ₆-I: 28], Бодуэн добавил: «[Ср. *аже*]» [Даль₃-I: 74], из чего следует, что и он принимал здесь чтение *ажно* [Даль₁-I: 5; ₂-I: 6; ₃-I: 16]. Графическая реконструкция в данном случае весьма убедительна. Источник: «АТНО, союзъ. Так что. Тамб.» [Опд 1858: 3]. Вариант того же смешения *жс — т*, сопровождающийся далее выбором *а* или *я* и обремененный, возможно, смешением *л — ст (ст)*: «ЖАЖЕЛЬ? *м. (тяжестъ?) смл.* трудная обязанность, бремя, обуза» [Даль₁-III: 468; ₂-III: 540; ₃-III: 1308; ₆-I: 524; Оп 1852: 55]. Здесь лаконизм не дает понять, какое же чтение имелось в виду у Даля в качестве верного: *тяжелъ или все-таки *тяжестъ, ср. ниже *помлить*.

жс — х: «ПÁМЖА? *ж. зап. пск.* (не *пáмха* ли? см. это слово) невзгода, бѣда» [Даль₁-III: 9; ₂-III: 10; ₆-III: 14], псковское: [Оп 1852: 152] и «ПÁМХА, и, с. ж. 1) Бѣда, напасть... Новгор. Тихв., 2) Повальная болѣзнь. Твер. Новотор.» [Оп 1852: 152].

жс — и: «БѢУШИКЪ? *м. (бѣжикъ?) ряз-кас.* икона, образъ» [Даль₁-I: 107; ₂-I: 122; ₆-I: 120]. (Здесь видится чтение *божнікъ с *жс ≈ ѵ*, точно совпадающее по числу и последовательности элементов с *боушикъ*. Ср.: «БОЖНИКЪ, а, с. м. Полотенце, подстилаемое подъ образами. Кур. Обо-ян.» [Опд 1858: 316].)

з — т: «ЗУРКАТЬСЯ? (*туркаться?*) вят. стучаться» [Даль₁-I: 625; ₂-I: 720; ₆-I: 696].

к — л: «СКАДУНЬ? *м.* голубь, выбрасываемый изъ голубятни для заманки чужаго (*скалунъ* или *скакунъ*)» [Даль₁-IV: 174; ₂-IV: 196; ₃-IV: 1373; ₆-IV: 192]. «ШПЫКЪ? *м. влгд. шпыль?* *каз.* нечеса, косматый, всклоченный. Не *шпынь* ли? См. следщ.» [Даль₁-IV: 589; ₂-IV: 664; ₃-IV: 1476; ₆-IV: 644]. Ср. с иным толкованием: «ШПЫКЪ, а, с. м. Непричесанные волосы на головѣ. Волог.»; «ШПЫЛЬ, а, с. м. Тоже, что *шпы къ*. Каз.»; «ШПЫНЬ, а, с. м. Нищій, слѣпой пѣвунъ. Псков. Великолуц. Твер. Осташ.» [Оп 1852: 268]. Вероятно также смешение *к — л*, Далем, похоже, вы-

ражена гипотеза, что обе записи ошибочны и восходят к реальной записи с *-нь*, т. е.: $к \leftarrow н \rightarrow л$, и конечные *ъ* — *ь*. Поскольку это, так сказать, гипотеза второго порядка, мы ее здесь не рассматриваем. Тем более что принятие смещения *ъ* — *ь* в данном запутанном случае затруднительно, конечный *-ъ*, как и значение ‘волосы’, вероятно, подтверждается также материалом третьей губернии: «ШНЫШЬ, а, с. м. Волосы. Вят.» [Оп 1852: 267].

к — н: «ЧУВІЛЬН(К?)А ж. волж. птичка, пташка» [Даль₁-IV: 558; 2-IV: 629; 3-IV: 1367; 6-IV: 611].

к — х: «САХОВНІА? ж. смл. жареная говядина съ приправами (соков-ня?)» [Даль₁-IV: 126; 2-IV: 142; 3-IV: 38; 6-IV: 139; Оп 1852: 198], различие *о — а* не учитываем как заведомо фонетическое. «СУКОРАТКА? (не сухо-радка ли?) твр. лихорадка. Сукоратный? нвг. золотушный» [Даль₁-IV: 327; 2-IV: 367; 3-IV: 628; 6-IV: 358]; ср.: «СУКОРАТКИ, ток, с. ж. мн. Грязь на тѣлѣ. Псков. Опоч.» [Оп 1852: 220].

л — н: «ПОМДИТЬ? вят. бзлч. почудиться, привидѣться (помѣить?)» [Даль₁-III: 249; 2-III: 282; 6-III: 274]. Думается, возможно представить и чтение *помстить, если *л* была «вчитана» в начертание *сТ*, ср.: *мстить(ся) ‘казаться, мерещиться, чудиться’, восстанавливаемое А. Ф. Журавлевым на месте метить ‘мерещиться, казаться’ [СРНГ-18: 138; Журавлев-5: 388].

л — п: «ВАЦУЙ? м. кстр. (валуй?) родъ леснаго гриба» [Даль₁-I: 145; 2-I: 166; 6-I: 164; Оп 1852: 21].

м — н: «ТОМ(Н?)КОВИЦА, растн. Herniaria glabra, бахромочная, остудникъ, кильникъ, грыжникъ» [Даль₂-IV: 379; 2-IV: 425; 3-IV: 791; 6-IV: 414]. Видимо, в скобках чтение с *-н-* — от В. И. Даля, стремившегося опираться на деривационные связи слов для прояснения их смысла.

м — ш: «МЕНЬ или менъ? (мѣнь, от мѣнять?) сѣв. ол. пляска съ песнями: становятся дру́жками въ кругъ, дѣлая проходъ (шенъ, chaîne)» [Даль₁-II: 915; 2-II: 324; 6-II: 318]. Альтернативные версии от В. И. Даля с непроясненной иерархией: неверное написание не через «ять» производного от *мѣнять* или же ошибочное прочтение галлицизма *шен* ‘цепь’.

н — т: «МАШН(Т?)ОВАТЬ? арх. молиться Богу» [Даль₁-II: 908; 2-II: 316; 6-II: 310]; ср. только с *-т-*: [Оп 1852: 112], ср.: «ПОМАШТОВАТЬ? арх. помолиться» [Даль₁-III: 246; 2-III: 278; 6-III: 270], только из Даля: [СРНГ-29: 201].

п — р: «СЖУПИТЬСЯ? кур. съѣжиться, сморщиться; сжуриться? тул.» [Даль₁-IV: 163; 2-IV: 184; 6-IV: 180], также с *-п-*: [Оп 1852: 202].

р — с: «ШУРТАТЬ? ячмень, тмб. отолѣкивать, шастать (шустать?)» [Даль₁-IV: 593; 2-IV: 669; 3-IV: 1486; 6-IV: 649; Оп 1852: 269].

ск — ш: «ЩАЛИКИ? м. мн. кур. (скалки?) мелкіе вѣсы съ разновѣсомъ» [Даль₁-IV: 566; 2-IV: 638; 3-IV: 1392; 6-IV: 619; Оп 1852: 303].

т — ш: «ВЕРТИЛЬНИКЪ? вершійльникъ? м. кожевн. кадка, мѣрою до двухъ бочекъ, для золки кожъ, особ. козловыхъ» [Даль₁-I: 160; 2-I: 184; 6-I: 182]. Не указан предпочтительный вариант: видимо, В. И. Далию важно было показать неясность словопроизводства, от которого зависел и выбор

чтения. «**МИКОТ(Ш?)АНА?** *взгд. хлѣбъ ситный*» [Даль₁-II: 922; ₂-II: 331; ₆-II: 325], сомнительное с -ш-: [Оп 1852: 114], но там же: «**МИКОТКА**, и, с. жс. Ситная лѣпешка. Пер м.».

Вообще предположения В. И. Даля касательно исправления записей характеризуются большой осторожностью. Надо полагать, и в других случаях В. И. Даль мог бы привести более, по его мнению, правильные или вероятные чтения, но не дал их.

Похожий подход сформулирован у Е. Ф. Буринского: «Серьезный эксперт почерков не станет высказывать свои *положительные* мнения *sine nulla dubitatione* и только в *отрицательных* позволит себе утверждение» [Буринский 2002: 201]. Это значит, применительно к критике словарей, что *отрицательное* суждение (*помлить* — это запись с ошибкой) почти всегда можно обосновать с большей вероятностью, чем *положительное* (надо читать: *помнить, или *помстить, или *поманить, или еще как-то).

Мы ведем речь не о том, насколько эти предположения В. И. Далем были ясно поданы и удачно аргументированы, и не стараемся их при случае непременно улучшить, а пытаемся прийти к самой общей модели потенциальных нейтрализаций графем, как она сложилась у В. И. Даля и как проявилась при критике им словарей предшественников. Примеры отдельных видов нейтрализаций представлены в основном 1—2 раза. Материал для обобщений не слишком велик. Для получения более пригодных для сопоставления характеристик надо эти данные обобщить по иным основаниям.

Если обратиться к механизму возникновения ошибки прочтения, закрепляемой при копировании малознакомого слова, то существенным представляется именно то, что «темное место» не является для допускающего ошибку конкретной буквой. Это только графические элементы, которые в букву складываются с известным усилием и даже насилием над материалом. По этой причине интерпретация «темного места» в первую очередь зависит от его длины. Например, два элемента *и* могут быть скорее прочитаны как *а, и, к, н*, нежели как *жс, м, т, ш*. Отсюда следует группировка ошибок прочтения по длине: 1, 2, 3 и более элементов. Но надо учесть и случаи промежуточные: буква двухэлементная может все-таки иногда читаться как одноэлементная (*г* — *п*) и т. д.

Нечеткость записи требует адекватной структуры описания. Мы, условно и намеренно огрубляя анализ, ограничим разнообразие состава букв тремя типами групп элементов:

а) вертикальные элементы (один элемент — в *г, ч*, два — в *к, п, р*, три — в *жс, т* и т. д.);

б) петли — малые замкнутые кривые (размером в половину высоты строки) — наряду с вертикалями входят в состав: *ъ, ы, ъ, «ять», я* (но не нижние петли в *ц, и*); у Даля примером может служить только дополнительное к другим смещениям букв предполагаемое им неразличение концевых еров в *мень-мень, шпынь* — *шпыкъ*, ср. также у А. Ф. Журавлева: неразличение *гъ* — *й* иллюстрируется примерами типа: *пирой* < пирог [Жу-

равлев-6: 173] и др., но неразличение «овала» *o* и *ь* уже относится в пункту «в»: *горукуша* < горькуша, *польдра* < полодра [Журавлев-7: 121, 129];

в) овалы — большие замкнутые кривые, как в буквах: *a*, *д*, *o*, *ф*, *ю*, но не в рукописной *p* (с разомкнутым элементом *z*), сюда же по общему контуру и склонности смешиваться с *a* и *o* отнесена нами буква *e*.

Таким образом, в представленной ниже таблице три части. Принцип распределения нейтрализуемых графических групп между ними таков, что *ю* и *дь*, содержащие соответственно также вертикаль и петлю, относятся к третьей части, поскольку в них имеется овал. Кратко говоря, наличие овала в графической группе — повод для отнесения к третьей части. Из остатков выбираются все примеры с петлями во вторую часть, а все остальное включается в первую.

Таблица 1

**Сводная таблица примеров нейтрализаций графем,
извлеченных из указаний В. И. Даля**

Количество нейтрализующихся графических элементов					
1 элемент	1—2 элем.	2 элемента	2—3 элем.	3 элемента и более	
1. Вертикальные элементы					
4	2	8	4	7	0
<i>z</i> -(2)- <i>ч</i> <i>z</i> -(1)- <i>т</i> <i>z</i> -(1)- <i>т</i>	<i>z</i> -(1)- <i>п</i> <i>p</i> -(1)- <i>с</i>	<i>к</i> -(2)- <i>л</i> <i>к</i> -(1)- <i>н</i> <i>к</i> -(2)- <i>х</i> <i>л</i> -(1)- <i>н</i> <i>л</i> -(1)- <i>п</i> <i>п</i> -(1)- <i>р</i>	<i>жс</i> -(1)- <i>к</i> <i>жс</i> -(1)- <i>х</i> <i>м</i> -(1)- <i>н</i> <i>н</i> -(1)- <i>т</i>	<i>жс</i> -(2)- <i>т</i> <i>жс</i> -(1)- <i>ш</i> <i>м</i> -(1)- <i>ш</i> <i>ск</i> -(1)- <i>ш</i> <i>т</i> -(2)- <i>ш</i>	
2. Петли и вертикальные элементы — НЕ ОТМЕЧЕНО					
3. Овалы, петли и вертикальные элементы					
5	6	3	0	0	1
<i>б</i> -(1)- <i>z</i> <i>б</i> -(1)- <i>д</i> <i>е</i> -(2)- <i>о</i> <i>е</i> -(1)- <i>с</i>	<i>а</i> -(2)- <i>е</i> <i>а</i> -(3)- <i>о</i> <i>а</i> -(1)-⟨ять⟩	<i>а</i> -(1)- <i>и</i> <i>а</i> -(1)- <i>ог</i> <i>ѣ</i> = <i>іо</i> -(1)- <i>ю</i>			<i>асм</i> -(1)- <i>от</i>

Такая схема обобщения позволяет не слишком обширный материал с анализом ошибок прочтения, прокомментированных В. И. Далем, сопоставить с более обширным анализом, проведенным А. Ф. Журавлевым [Журавлев-1/7] (см. табл. 2).

Разумеется, формализация потребовала некоторого «спрямления» вероятностных формулировок А. Ф. Журавлева, порой довольно сложных, что неизбежно, но ответственность за упрощение интерпретаций лежит на авторе настоящей статьи. Выбиралась либо первая версия, либо получившая явно выраженное предпочтение.

Таблица 2

Примеры нейтрализаций букв, извлеченные из цикла статей А. Ф. Журавлева
(в количестве 278).

Совпадения с Далем даны подчеркнутым курсивом

Количество нейтрализующихся графических элементов					
1 элемент	1—2 элем.	2 элемента	2—3 элем.	3 элемента и более	
1. Вертикальные элементы					
17	7	53	9	64	
<u>з-(8)-ч</u>	<u>р-(1)-с</u>	и-(1)-к	ж-(2)-н	гиз-(1)-иц	лг-(1)-м
<u>з-(2)-т</u>	г-(2)-л	и-(5)-н	л-(3)-м	гн-(1)-ж	м-(1)-се
г-(1)-с	з-(1)-р	й-(1)-ст	л-(2)-ш	ж-(1)-зи	м-(1)-си
с-(3)-ч	и-(1)-ч	<u>к-(4)-л</u>	м-(1)-п	ж-(1)-ис	м-(1)-ск
т-(3)-ч	н-(1)-ч	<u>к-(7)-н</u>	н-(1)-т	ж-(1)-не	м-(2)-т
	п-(1)-ч	к-(6)-п		ж-(1)-м	<u>м-(12)-ш</u>
		<u>к-(3)-х</u>		<u>жс-(5)-т</u>	пк-(1)-т
		к-(3)-н		ж-(1)-ус	пух-(1)-тр
		к-(1)-п		ж-(1)-чк	ск-(1)-т
		<u>л-(3)-н</u>		<u>жс-(3)-ш</u>	<u>ск-(1)-ш</u>
		<u>л-(3)-п</u>		жт-(1)-щ	ст?-(1)-ш
		л-(1)-р		иг-(1)-м	сц-(1)-щ
		л-(1)-х		из-(1)-щ	т-(1)-нг
		л-(2)-ц		иц-(1)-щ	<u>т-(18)-ш</u>
		н-(5)-п			ш-(1)-ли
		н-(1)-ст			
		н-(2)-х			
		п-(1)-х			
		у-(1)-ц			
		х-(1)-ц			
2. Петли и вертикальные элементы					
1	4	4	0	6	
с-(1)-ъ	ы-(2)-ъ ы-(1)-〈ять〉 ъ- (1)-ъ	гъ-(1)-й и-(1)-съ й-(1)-съ л-(1)-я		гл-(1)-ль ж-(1)-ян т-(1)-нь	ш-(2)-нь ынь-(1)-ъми
3. Овалы и вертикальные элементы					
30	17	30	5	24	
б-(2)-о	<u>а-(3)-е</u>	<u>а-(12)-и</u>	вс-(1)-ш	аг-(1)-ом	ж-(2)-он
б-(3)-т	<u>а-(3)-о</u>	а-(1)-й	ед-(1)-ц	ал-(1)-ём	ис-(2)-пе
б-(1)-ъ	<u>а-(1)-〈ять〉</u>	<u>а-(1)-оо</u>	ек-(1)-ос	ар-(1)-ус	ли-(1)-ме
в-(1)-е	б-(1)-к	а-(1)-оо	ел-(1)-ы	аш-(1)-от	лю-(2)-мо
в-(2)-с	в-(1)-л	а-(1)-ос	ле-(1)-н	дл-(1)-ф	нпо-(1)-тю
д-(1)-о	в-(1)-р	а-(2)-ы		дъ-(1)-т	ой-(1)-ас
<u>е-(3)-о</u>	г-(1)-д	а-(1)-ье		ер-(2)-ф	ор-(1)-ф
<u>е-(11)-с</u>	д-(3)-з	а-(3)-я		ец-(1)-щ	пи-(1)-ше
о-(1)-с	з-(1)-о	гб-(1)-п		ж-(1)-ок	по-(1)-те

о-(5)-ь	и-(2)-о н-(2)-о то-(1)-⟨ять⟩	го-(1)-и го-(2)-ю д-(1)-р ег-(1)-я ес-(1)-к и-(1)-о и-(1)-се ог-(1)-ы оо-(1)-ю ос-(1)-х		ж-(2)-ол ж-(1)-оп
---------	------------------------------------	--	--	----------------------

Таблица 3

Количество выявленных примеров нейтрализации по типам

Вид элементов	Вертик. элем.					Петли и верт. эл.					Овалы и верт. эл.				
Номера ячеек табл.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Количество элементов	1	1-2	2	2-3	3+	1	1-2	2	2-3	3+	1	1-2	2	2-3	3+
1. В. И. Даль	4	2	8	4	7	0	0	0	0	0	5	6	3	0	1
2. А. Ф. Журавлев	17	7	53	9	64	1	4	4	0	6	30	20	33	5	25

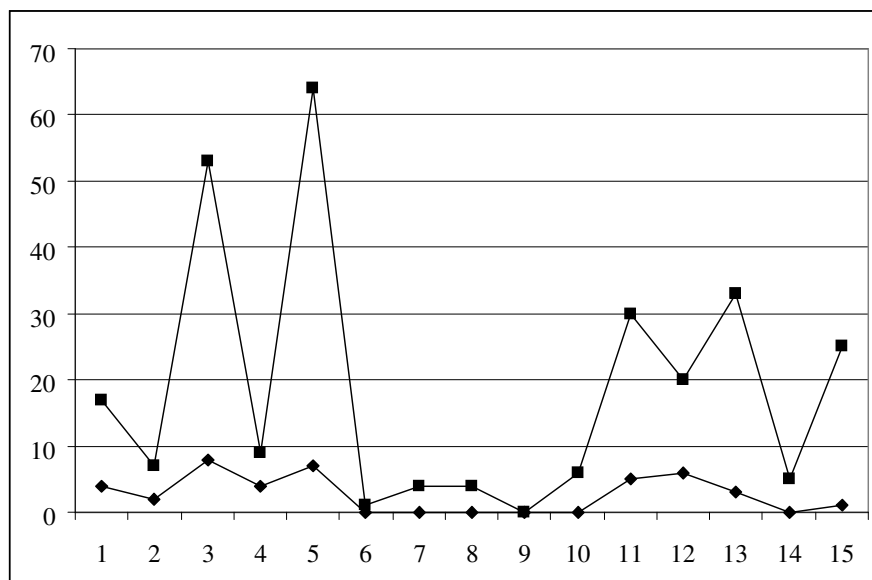
В целом можно констатировать, что основные типы нейтрализации графем, заподозренные в необычных записях слов двумя авторами, совпадают довольно заметно. Кроме того, сопоставление позволяет количественно конкретизировать ощущение, что, например, очень слабо противопоставленными в рукописи буквами являются: *a — u* (Даль — 2,5 %, Журавлев — 5 %), а также: *ж-(5 %, 2 %)-т*, *ж-(2,5 %, 0,8 %)-ш*, *ж-(0,8 %)-м*, *ж-(1,6 %)-т*, *м-(2,5 %, 3,75 %)-ш* — то есть суммарно для четырех трехэлементных букв *ж*, *м*, *т*, *ш* — 15 % и 8,95 %.

Наглядно представить распределение выявленных примеров нейтрализации по типам позволяет график на с. 171.

При общем совпадении контуров графиков с пиками в случае смещения групп из трех (точка 5) и двух (точка 3) вертикалей в точке 13 видно снижение показателей по Далю (в частности, это объясняется тем, что у него есть только 1 пример распространенного смещения *a — u*).

Вообще же абсолютизировать результат по примерам анализа у В. И. Даля не следует: выборка небольшая, порой по причине лаконизма и даже неоднозначности его дополнений в скобках, визуальные смешения типа *a — o*, *a — e* не могут быть надежно отделены от фонетических явлений с теми же результатами. Нечеткость такого рода — одно из неизбежных следствий «огрубления» материала в процессе формализации данных.

График. Распределение ошибок прочтения по типам

Условные знаки: Линия с квадратами — по А. Ф. Журавлеву.

Линия с ромбами — по В. И. Далю.

Тем не менее любопытно, что доминирующие пики выявляются уже по результатам анализа первой полусотни примеров Даля. Кроме того, проведенное сопоставление позволяет найти объективные доказательства тому, что анализ В. И. Даля, судя по результатам, базировался, в общем, на тех же принципах, что и современная критика словарей.

Одним из возможных выводов является также возможность еще большего огрубления сводной таблицы за счет игнорирования «петель» и присоединения данных ячеек таблицы 6—10 к ячейкам 1—5.

Ошибки прочтения, вызванные неправильным отождествлением и переразложением графических элементов между буквами в рукописной фиксации слова, показаны В. И. Далем не в полной мере. И все-таки кое-что из методов критики Даля мы можем реконструировать на основе знаков сомнения, оставленных в словаре. При анализе всего массива заглавных слов со знаком вопроса (а такого списка перед глазами у Даля, разумеется, не было²) возникает соблазн более последовательно применить принципы критики Даля к этому объекту.

² Зато было много других забот по спешной подготовке издания словаря, не оставлявших времени на чтение книг и журналов, и местами в словаре видны опечатки, допущенные вследствие усталости или слабого зрения: «БАНДА м. фрнц. нем. толпа, шайка, ватага, артель, скоп, соглась, общество, братство или союзъ въ

Прежде всего довольно надежно выявляются дополнительные примеры распространенных ошибок прочтения, отмеченные «?», но не объясненные В. И. Далем. Примеры такого типа не исчерпываются приводимыми ниже. Свою задачу здесь мы видели в том, чтобы показать, что вопросительные знаки В. И. Даля заслуживают пристального внимания и довольно часто могут быть поводом для дальнейших разысканий.

Смещение двухэлементных графических групп

к — н: «**ГУНА́КЪ**, *гуначікъ?* м. *вос.-сиб.* монгольс. теленокъ по третьему году, третьячокъ, третьегодокъ, позалоншакъ» [Даль₁-I: 362; ₂-I: 419; ₆-I: 408; Оп 1852: 43]. Бодуэн исправил на *гунанъ* [Даль₃-I: 501].

к — н: «**ОЖИ́КА?**, растеніе *Juncus*» [Даль₁-II: 1236; ₂-II: 679; ₆-II: 658], вспоминается русск. диал. и укр. *ожина* ‘ежевика’, ср.: *ао́нина* ‘ежевика’, читаемое А. Ф. Журавлевым, как **а́жина* [СРНГ-1: 24; -23: 81; Журавлев-4: 277—278].

Смещение трехэлементных графических групп

м — иш: «**ЕДО́ША?** (*ѣдоша, въѣздъ?*) ж. *твер.* общая крестьянская лѣсная дача <участокъ для хозяйственного использования или вырубки>» [Даль₂-I: 531; ₆-I: 516]. В скобках предложены этимологические наметки (скорее — намеки) В. И. Даля: *ѣдоша* с начальным «ять» — от *ѣхать* или от *ѣсть* ‘питаться’, *въѣздъ* — явно от *ѣхать*. Видимо, знак сомнения у В. И. Даля при *едоша* вызвало не качество графической фиксации, а неясность производности слова (он предложил две этимологические версии, что означает неудовлетворенность обеими). Во всяком случае, на связь с *едома* / *эдома* у него указаний нет. Вероятно, запись *едоша* трактовалась как возможное отглагольное существительное с внутренней формой ‘отдаленный участок, куда *едут*’ или ‘участок, с которого кормятся (*едят*)’. Бодуэн добавил: [Е́дома см. *едма*] [Даль₃-I: 1285], запись *едбша* следует читать как *едома*.

Семантические переключки между *едоша* и *едома*, возможно, не были для В. И. Даля очевидны, ср.:

а) слова с толкованием ‘безлесное мѣсто’ под вопросом: «**ЕДМА**, *ѣдома* ж. *ѣдмище* ср. стар(инное). болотистое мѣсто? *Кмч.* плоскость, поляна, возвышенная равнина?» [Даль₁-I: 460; ₂-I: 531; ₆-I: 516];

дурномъ значеніи», м. (мужского рода) — ошибочно под влиянием рязанского омонима с вопросом и толкованием ‘дрянной щеголишка, франтъ не попадѣ’ [Даль₆-I: 44], Бодуэн оставил здесь помету м. [Даль₃-I: 112]. Также знак вопроса от сибирского «**ТАРАЗАНЬ?**» ‘рыбоѣдъ, кто сытъ одной рыбой’ перенесен по ошибке и на соседнее общерусское слово *таракан* [Даль₆-IV: 390]. Не по алфавиту стоят *неженатый*, *писцина*, а *стебникъ* ‘омшаник’ помещено дважды (перед и за словом *стебло*, один раз с вопросом) [Даль₆-IV: 320]. И проч.

б) противоречащее ему слово без ударения со значением ‘лесная глушь’ и др.: с начальным «ять» «**ЪДОМА** ж. арх. (самоѣдс. *яда*, пѣшій) или *едома*, лѣсная глушь; || безоленье; *сидѣть на ѣдомѣ*, на мѣстѣ, не кочуя, коли нѣтъ оленей. *Отъ надежда оленей самоѣды на ѣдомѣ осѣлись*. *Ѣдомскіе самоѣды промышляютъ рыбой*. См. также *эдома*. || Скотскій выгонъ?» [Даль₁-IV: 604; ₂-IV: 681; ₃-IV: 1520; ₆-IV: 660; Опд 1858: 311, ср.: Аникин 2003: 189; Фёдоров 2000: 57];

в) также без ударения со значением ‘леса’: «**ЭДОМА** ж. арх-инк. дальніе, отводные крестьянскіе лѣса?» [Даль₁-IV: 606; ₂-IV: 683; ₃-IV: 1527; ₆-IV: 663; Оп 1852: 271].

Довольно красноречивы семантические переключки *едѡша* ‘лесной участок’ с *эдома* ‘леса’, но не с соседствующими с ним *ѣдма*, *ѣдома* ‘плоскость, поляна, возвышенная равнина?’. Видимо, это не позволило В. И. Далю конкретизировать знак вопроса в этом случае.

ис — *ш*: Буква *ш* также может возникать на месте *ис* и т. п. в результате переразложения графических элементов: «**ТУШЬ?** влд. кувшинъ, кринка. *Тушь молока*» [Даль₁-IV: 408; ₂-IV: 457; ₃-IV: 880; ₆-IV: 446; Оп 1852: 234], ср. там же: «**ТУЮСЬ?** м. ол. *туясь* арх. влд. туесь, берестяной буракъ. || *Глупый, безтолковый человекъ». С правильным ударением: *туюсь* [Оп 1852: 234] и др., а также: *туйсь* [Оп 1852: 233], *туесь* ‘то же’ [Даль₁-IV: 403; ₂-IV: 457; ₃-IV: 865, 863].

Запись *тушь* следует читать *туись. Подкрепляет это предположение и одно независимое свидетельство в жаргонных словарях. П. Ф. Якубович отмечал, что на каторге было в ходу сибирское название простака: *туись колыванскій*, *туись простокишный* [Мельшин 1899: 152, 201], актуальное поныне [Федоров 1998: 81]. Киевлянин пристав В. М. Попов, переписывая сибирское *туись*, допустил почти такую же визуальную ошибку, что и в «Опыте»: «**Тужь колыванскій**, — довѣрчивый, ар(е)с(тантское), сиб(ирское)» [Попов 1912: 87]. Дальнейшее осмысление в современных словарях привело к чтению *туз* [Бронников 1990: 44; ББИ 1992: 249, 110; Балдаев 1997: II, 88; I: 195; Шаповал 2006а: 52]. Наличие параллельного прочтения записи *туись* как *тужь* позволяет считать чтение *тушь* ошибкой, исправление которой для В. И. Даля было затруднено, видимо, ситуативным неточным толкованием ‘кувшин, кринка’ (глиняная посуда, а не берестяная).

м — *ш*: «**ОТСУМИВАТЬ?** ирк. отвращать любовь?» [Даль₁-II: 1332; ₂-II: 786; ₆-II: 759; Оп 1852: 148]. Ср.: «**ПРИСУШИВАТЬ** <...> || — кого, притомлять, заставить изнывать и сохнуть любовью, страстью <...>» [Даль₁-III: 409—410; ₂-III: 465; ₆-III: 449]. В «Словаре русских народных говоров», возможно, произведена неоговоренная правка, *отсумивать* там нет: «**Отсушивать**, <...> По суеверным представлениям — колдовством заставлять разлюбить кого-либо. Южн. Сиб., 1847<...>» [СРНГ-24: 330].

Вероятно, в следующем случае сомнение породило толкование глагола, но знаком вопроса снабжено не оно, а сам глагол:

л — с: «**СХИЗАТЬ?** *кстр. арх.* толковать, твердить, говорить» [Даль₁-IV: 337; 2-IV: 378; 3-IV: 660; 6-IV: 369]. Исходное толкование восстанавливается как *то^сковать, судя по тому, что однокоренные глаголы имеют значения 'чахнуть' или 'горевать', ср. там же: «**Схизнуть**, исчахнуть, исхилеть», а также: «**ВСХИЗАТЬ**, *всхизнуть* на что, на кого; персид. *астрх.* обижаться, плакать, пенять; || *влд. ниж.* скучать, горевать, досадовать, сердиться» [Даль₁-I: 240; 2-IV: 280; 6-I: 271] и др.

Переразложение двухэлементных графических групп

Кроме того, удастся обнаружить и дополнительные виды ошибок прочтения, связанные с переразложением элементов между буквами. Переразложение — это, конечно, также разновидность визуального смешения букв, но четким отличием его является то, что при этом происходит установление иных границ между графическими элементами, нередко меняется и количество выделяемых букв.

а — ег: «**АРЁГВА?** *ж. арх-мез.* артель промышленников» [Даль₁-I: 19; 2-I: 22; 6-I: 21]; Бодуэн без вопроса: [Даль₃-I: 55], неясно: [Аникин-I: 271]. Ср., напр.: булацкая *арава* [Даль₁-I: 18; 2-I: 20], а также: «**АРАВУШКА**, и, с. м. Так вообще называютъ въ Вологдѣ Зырянъ, которые весною туда приходятъ для сплава судовъ въ Архангельскъ. В о л о г.» [Опд 1858: 2]. Станный, но документированный случай лексикализованного аканья в северном наречии.

Переразложение трехэлементных графических групп

Они встречаются заметно больше, чем предыдущий тип ошибок. Выделяются количественно примеры вероятно ошибочного чтения с участием буквы *м*³.

ли — ме: «**СУЛІТЬ?** *нвг.* сувой, сугробъ, снѣжный заносъ» [Даль₁-IV: 328; 2-IV: 368; 3-IV: 630; 6-IV: 359], здесь ошибочно прочитано слово: *сумѣть / *сумѣть. Ср.: «**СУЛІТЬ**, а, с. м. Большая куча рыхлаго снѣга, сугробъ. Н о в г о р. *Белозер.*» [Опд 1858: 259]; но ранее: «**СУМѢТЬ**, а, с. м. Сугробъ снѣга {...} К о с т р. {...} Н о в г о р.» [Оп 1852: 220].

ли — ме: «**ОБЛІТНИКЪ?** *м. прм.* большой стогъ сѣна» [Даль₁-II: 1178; 2-II: 615; 6-II: 597], видимо, *обмѣтникъ / *обмѣтникъ, ср.: «**Обмѣтище**, остожье, мѣсто, гдѣ стоялъ ометъ и остатки изъ-подъ него» [Даль₁-II: 1183; 2-II: 619; 6-II: 601, под *обметывать*]. Ср., однако, без вопроса, что может указывать как на тиражирование или независимое возникновение ошибки, так и на реальность слова: «**Облітникъ**,... Перм., 1848, Волог., Урал.» [СРНГ-22: 102].

Видимо, лишь предварительно можно обосновать возможные исправления единичных случаев предположительно графического переразложения.

³ Буква *м* подверглась сходному переразложению и в выражении *мобимая лю-золь*, на чем построена словесная игра у Н. С. Лескова [Добродомов 1993].

гн — *ш*: «**НАГНАВІТЬ?** ол. налгать, для шутки» [Даль₁-II: 985; 2-II: 401; 6-II: 393]; «**Нагнавіть**,... Олон., + Даль» [СРНГ-19: 200]. Визуально и семантически близким оказывается также олонецкое: «**НАШАВИТЬ** что на кого, ол.-крг. наговорить криво, налгать, наклеветать» [Даль₁-II: 1084; 2-II: 512; 6-II: 497], ср.: «**Шавитъ** арх. олон. пустобаять, шутить или врать, болтать вздоръ» [Даль₁-IV: 565; 2-IV: 637; 6-IV: 618, под *шавать*]. Что касается ударения *нашавіть, то, учитывая сужение «ять» между мягкими согласными на северо-востоке, нельзя исключить, что это *нашавѣть, ср. «**шавѣтъ** (...) б(е)зличн. грезить, бредить во снѣ» [там же].

зд — *ф*: «**ПРОЗДУКАТЬ?** что, кур. проиграть въ карты» [Даль₁-III: 443; 2-III: 502; 6-III: 484], ср.: [Оп 1852: 180], а также: «**Проздукать**,... Ты успѣлъ проздукать! Да, не повезло. Курск., 1849» [СРНГ-32: 140], ср.: «**Профукать**,... Просквозить... Хабар., 1983» [СРНГ-33: 22].

Вопросом выражено сомнение в точности передачи записи слова, но нет отсылки к *фукать* 'дуть' [Даль₁-IV: 492; 2-IV: 555; 6-IV: 539, под *фу*] (приставочный глагол *профукать* '≈ продуть', т. е. 'проиграть' у В. И. Даля отсутствует). Возможно, здесь ошибочное прочтение *ф* как *зд*.

ит — *т*: «**ОБЪЯИТЬ?** что, ряз. обозрѣть» [Даль₁-II: 1216; 2-II: 657; 6-II: 636], ср.: [Оп 1852: 136], возм., *объяѣть, прочитанное с переразложением трехэлементного *т* на *и* и однозначное «т».

Сходная по механизму ошибка переразложения, возможно, привела и к чтению трехэлементной группы *тк* как *т*: «**ОТЛѢЧИТЬСЯ?** арх. отстать, отклеиться. *Шпалеры отлечились*» [Даль₁-II: 1309; 2-II: 760; 6-II: 734; Опд 1858: 327]. Если допустить, что здесь отражен северновеликорусский вокализм: ударное [á] между мягкими = [e], то глагол *отклячиться* 'оттопыриться, отогнуться, выпятиться', который у Даля отсутствует, должен иметь вид *отклѣчиться. Ср.: *отклячивать* («2. Отогнуть. Ворот растегнет, ошивку отклячил. Ряз.») и уникальное *отлечиться* [СРНГ-24: 205, 225].

Переразложение с неравным количеством элементов

Случаи переразложения с неравным количеством элементов в предполагаемой исходной записи слова и его спорном или гадательном прочтении довольно сложно обосновать, но все-таки некоторые гипотезы высказать можно.

м — *ли*: «**ЛИШАРЬ?** м. болотная трясина» [Даль₁-II: 861; 2-II: 264; 6-II: 260]. Возможно, исходной была нестандартная запись *мѣшарь, отразившая, например, диалектную мягкость [м'], допустим, вызванную мягкостью [ш']. Однако вероятно и написание особой буквы *м* с дополнительно декоративной петлей в конце, которая ошибочно была принята за *и*. В. И. Даль не зря сомневался в записи *лишарь*, это, видимо, *м(ь)шарь.

м — *ли* и *м* — *ж*: необычный случай возможного двойного ложного прочтения: «**ПÁЛИХА?** ж. смол. ненастье, мокрогоды, дождь со снѣгомъ» [Даль₁-III: 8; 2-III: 9; 6-III: 13; Опд 1858: 152], «**ПÁМЖА?** ж. зап.

пск. (не *памха* ли? см. это слово) невзгода, бѣда» [Даль₁-III: 10; 2-III: 10; 6-III: 14], *памха* 'помѣха, зло, вредъ, повѣтріе, моръ' [там же].

Возможный случай двойной ошибки прочтения

д — т, м — т: «ЗАТРЕ́ТИТЬ? пскв. задремать, вздремнуть» [Даль₁-I: 584; 2-I: 673; 3-I: 1627; 6-I: 652], «ЗАТРЕ́ТИТЬ, гл. ср. сов. Вздремать. Я не много затре́тилъ. Псков. Великолуцк.» [Оп 1852: 68]; «Затре́титъ, тишь, сов. неперех. Задремать. Я немного затре́тил. Великолуцк. Псков. 1852» [СРНГ-11: 106]. Похоже, что три словаря упорно повторяют одну и ту же и притом единственную сомнительную рабочую запись. «Личные формы глаголов *сыпать*, *дремать* и под., образованные с таким соотношением основ, как: *сы́/пл'ly сы́/нлеи* или *сы́/н'ly, сы́/нлеи*», характерны для юго-восточной диалектной зоны [Захарова, Орлова 2004: 107, 103]. Это очень далеко от Пскова. Тем не менее *затре́титъ — вероятное ошибочное чтение на месте *задрѣ́митъ* вследствие отождествления «д» с одномачтовым «т» и далее «м» с трехэлементным «т». Если это так, то перед нами пример того, как одна ошибка повлекла за собой другую: предполагается, что начало слова было прочитано как *затре-* (а не *задре-*), что направило и дальнейшие поиски читавшего в ложное русло.

Случаи более масштабного сомнительного прочтения

Заведомо труднее обосновать, что и симбирское «ЛЕНЬВКА? ж. смб. возвышенность при болотѣ» [Даль₁-II: 849; 2-II: 251; 6-II: 247], ср.: [Оп 1852: 102] — это, возможно, *мшѣ́вка / *мшѣ́вка. Ясно, что написание *леньвка* не через «ять» в первом слогѣ указывает на то, что здесь нет связи с *ленью*, а с чем есть, непонятно. В. И. Даль, видимо, тоже не видел, на что можно опереться в дальнейших поисках. Вообще же подсыхающий летом возвышенный край болота нередко покрыт мхом, поэтому не невозможно чтение *мшѣ́вка / *мшѣ́вка?, однако в этом случае нет даже косвенных документальных доводов в пользу этого чтения. Вывод о предполагаемом графическом переразложении *мше=лени* сделан по аналогии на основе гипотезы о «цепной» неправильной идентификации равного количества графических элементов между буквами при выборе правдоподобного чтения. Обосновать эту догадку внешними аргументами не удастся⁴.

Не всегда можно решить, что скрывается за знаком вопроса у В. И. Даля: ошибки фонетические или визуальные. Напр.: «БИЛЕ́Й... заяць...» [Даль₁-I: 76; 2-I: 88; 6-I: 86; Опд 1858: 9]. Чисто фонетическое явление *беляй* (с «ять» в корне), произнесенное как *билѣй*, или же *белягъ* с графиче-

⁴ Впрочем, при наличии фиксаций промежуточных этапов искажения слова в словарях и такие выводы удастся обосновать: например, *лаиша* 'враг', прочитанное на месте жаргонного *ленила* 'враг' (*аиш = ени*) [Шаповал 2001: 33—35; Добродомов, Шаповал 2006: 152—153].

ским переразложением конечного *гъ*, прочитанного как *й*? Равно как и в случае: «**ШАЙГА?** вологодск. сладкій пирогъ» [Даль₁-IV: 565; 2-IV: 637; 3-IV: 1389; 6-IV: 618]: фонетическое явление ([н'] = [й]) в *шаньгá*, или неверное прочтение *шайга* на месте записи *шенъга*, вызванное сложным переразложением: *а* ← *е* + *и*, *й* ← *и* + *ь*.

Одним из важных принципов при работе с сомнительной словарной записью является обязательное сохранение исходного написания неизменным до выяснения всех деталей возникновения именно такой записи слова. Опасность исправления орфографии сомнительного слова на основании не вполне обоснованных предположений, но в соответствии с формальными принципами можно продемонстрировать таким примером.

Графическое переразложение *ем* — *ич* можно усмотреть в следующем случае: «**ЗАНИЧОГНУТЬ?** *кал.* захворать, заболѣть, занемочь» [Даль₁-I: 544; 2-I: 628; 3-I: 1520; 2-I: 609]. Инфинитив типа *занемогнуть (в словаре Даля не представленный) вероятен на месте записи, прочитанной наугад как *заничогнуть*. Ранее: «**ЗАНИЧОГНУТЬ**, *гл. ср.* Заболѣть. *Калуж.*» [Оп 1852: 65]. В СРНГ запись была приведена в соответствие с современными правилами орфографии, что указывает, очевидно, на восприятие его как производного от *ничего* (даже не в виде калужского *ничаво́*, а в виде укр. *нічого́*): «**Заничѣгнуть**, *ну, нешь, сов. неперех.* Заболеть. *Заничѣгла.* *Калуж.* 1848» [СРНГ-10: 281], ср. инфинитивы: **занемогать, занемогти, занемогчи...** [СРНГ-10: 222], а также: «**Подмогнуть**, *гл. д.* Помочь. *Псков.*» [Оп 1852: 164]. Исправление *заничогнуть* на *заничѣгнуть* удаляет нас от восстановления исходного вида записи. Вывод очевиден: не следует вносить в критикуемую запись слова неоговоренных исправлений.

Разумеется, за знаком вопроса перед заглавным словом у В. И. Даля могут скрываться не только подозрения в наличии какой-то ошибки прочтения. Это могут быть также неточности фонетические или семантические (о которых следует говорить отдельно и в другом месте), или же не вполне убедительное указание на место бытования слова. Однако еще один тип ошибок прочтения следует в заключение затронуть: это раскрытие сокращенных записей заглавного слова.

Отсутствие однокоренных слов у изолированного гапакса *ри* 'моховое болото' было, видимо, одной из причин появления при нем знака вопроса: «**РИ?** *мшарь, мшарникъ, мшина, моховина, моховое болото*» [Даль₁-IV: 86; 2-IV: 97; 3-III: 1684; 6-IV: 95]. Ср. в словаре Бурнашева: «*Мшарь* и *р.и.* Так называются небольшія болота, заросшія бѣлымъ и краснорыжимъ мохомъ. (Отъ Н. И. Курнатовъ.)» [Бурнашев-I: 410]; «*Р и . См. Мшарь*» [Бурнашев-II: 172]. Как видим, Бурнашев поместил *ри* в качестве заглавного слова отсылочной статьи. В других случаях сокращенная запись формы множественного числа или производного слова следует через запятую после основного варианта заглавного слова, например: «*Друнданъ, нчикъ.* Охотничій терминъ, по-простонародному *фируль, ди.* Птица <..>» [Бурнашев-I: 191]. Запись «*Мшарь и ри*» следует читать как *мшарь* и

миари. Союз *и* вместо запятой здесь, по предположению И. Г. Добродомова, может указывать на семантическую эквивалентность форм числа. *Болото* формально является считаемым существительным, но в реальности пространственные границы заросшего мхом болота (или болот) на глаз определить трудно. Отсюда невозможность однозначной дифференциации одной *миа́ри* и группы *миа́рёй*. Вероятно, Бурнашев, механически расписывая отсылочные статьи, проглядел собственное нераскрытое сокращение. В. И. Даль, оставив знак сомнения, добросовестно учел в словаре вариант *ри*.

Как указание на не вполне достоверное определение места бытования слова воспринимается знак вопроса при следующих словах: «**ЧЕРІНЬ?** м. *нврс.* печной подъ (*чрень?*)» [Даль₁-IV: 542; ₂-IV: 611; ₆-IV: 593], ср. укр. *черінь* 'под печной'; «**РѢМСТВО?** ср. *кур.* ненависть, злоба, досада или злопамятство» [Даль₁-IV: 83; ₂-IV: 93; ₆-IV: 92], укр. 'то же'. Видимо, эти два украинских слова представлены со знаком вопроса по разным причинам. Если в первом случае мы еще можем предполагать, что вопрос относится к непоказанной мягкости конечного согласного или роду (как муж., так и жен. в украинском), то во втором в качестве повода для сомнения остается только само наличие слова в «великорусских» курских говорах.

Таким образом, В. И. Даль помечал знаком вопроса при заглавном слове различные неясности описания. Одной из правдоподобно интерпретируемых групп слов, отмеченных знаками вопроса, являются слова, вызывавшие сомнения в правильности чтения исходной записи. Многие ошибки прочтения были обнаружены, исправлены и обоснованы В. И. Далем весьма убедительно. Можно констатировать, что его система критики записей слов была довольно эффективной, а его графические реконструкции доказательны. Вместе с тем В. И. Даль избегал давать свои исправленные чтения, вероятно, в случае колебаний или при ошибке прочтения двух и более букв (в двух местах в слове), ограничиваясь лишь знаком вопроса при слове. По этой причине принципы его словарной критики в этом аспекте не реконструируются в полном объеме.

В то же время записи с вопросительными знаками заслуживают пристального внимания, что мы пытались продемонстрировать разбором ряда из них.

Выявленные В. И. Далем ошибки прочтения заглавных слов в целом свидетельствуют о весьма большом разбросе в качестве рабочих рукописных фиксаций диалектных и др. малоизвестных слов. Это, видимо, вызвано тем, что В. И. Даль принципиально важным при избранной концепции словаря считал бережный учет даже не вполне четких единичных, безальтернативных фиксаций. Своеобразие такого подхода хорошо им осознавалось: «Просмотр въ запасы свои, собиратель убѣдился, что въ громадѣ соору накопилось много хлѣбныхъ крупиць, которыя, по рускому повѣрью, бросать грѣшно» [Даль₁-I: IV; ₂-I: IV; ₆-I: XVI]. Чтобы избежать греха расточительности, Даль оставил и не вполне четко описанный материал.

В. И. Даль изложил и применил принципы критики словарных материалов, которые были оригинальны и достаточно заметно отличались от академической практики той поры. В то же время нельзя не заметить полемического заострения в ряде его высказываний о качестве двух областных словарей, которыми он широко пользовался. Это дает некоторые основания признать, что его оценка в этом случае была «не совсем справедливой» [История 2001: 284].

Тем не менее опыт словарной критики В. И. Даля полезно учитывать и сегодня, чтобы, привлекая материал «из вторых рук», не допускать при его копировании и интерпретации таких ошибок, которые после работ В. И. Даля могут быть уже с полным основанием названы стандартными и предсказуемыми.

С л о в а р и

Аникин 2003 — А. Е. А н и к и н. Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Новосибирск, 2003.

Аникин-1 — А. Е. А н и к и н. Русский этимологический словарь. Вып. 1. М., 2007.

Ахманова 1969 — О. С. А х м а н о в а. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

Балдаев 1997 — Д. С. Б а л д а е в. Словарь блатного воровского жаргона: В 2 т. М., 1997.

ББИ 1992 — Д. С. Б а л д а е в, В. К. Б е л к о, И. М. И с у п о в. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы. Одинцово, 1992.

Бурнашев — В. Н. Б у р н а ш е в. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Т. 1—2. СПб., 1843—1844.

Даль₁-IV — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863—1865.

Даль₂-IV — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881—1882.

Даль₃-IV — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1904—1907.

Даль₆-IV — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1978—1980.

Копылова 2002 — Э. В. К о п ы л о в а. Словарь рыбаков Волго-Каспия. Томск; М., 2002.

Оп 1852 — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Опд 1858 — Дополнение к Опытному областному великорусскому словарю. СПб., 1858.

Попов 1912 — В. М. П о п о в. Словарь воровского и арестантского языка. Киев, 1912.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—4. М.; Л./СПб., 1965—2007.

Толль 1863 — Ф. Т о л ь. Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний. Т. I. СПб., 1863.

Шетэля 2007 — В. М. Ш е т э л я. Историко-этимологический словарь полонизмов русских текстов XIX—XX вв. М., 2007.

Л и т е р а т у р а

Богомолов 1974 — В. О. Б о г о м о л о в. Момент истины // Новый мир. 1974. № 11. С. 5—95.

Богомолов 1985 — В. О. Б о г о м о л о в. Момент истины. М., 1985.

Брандт 1887 — Р. Ф. Б р а н д т. Об этимологическом словаре Миклошича // Русский филологический вестник. 1887. № 3. С. 1—40.

Бронников 1990 — [А. Г. Б р о н н и к о в] 10 000 слов: Словарь уголовного жаргона. [Пермь, 1990].

Буринский 2002 — Е. Ф. Б у р и н с к и й. Судебная экспертиза документов, производство ее и пользование ею. М., 2002.

Добродомов 1993 — И. Г. Д о б р о д о м о в. Наступить на любимую мозоль // Рус. яз. в шк. 1993. № 1. С. 63—64.

Добродомов, Шаповал 2005 — И. Г. Д о б р о д о м о в, В. В. Ш а п о в а л. О призрачных словах у лексикографов // Ogród nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi. Opole, 2005. S. 147—154.

Журавлев-1/7 — А. Ф. Ж у р а в л е в. Лексикографические фантомы. 1: СРНГ, А—З // Dialectologia slavica: Сб. к 85-летию С. Б. Бернштейна: Исследования по славянской диалектологии. 4. М., 1995. С. 183—193; Лексикографические фантомы. 2: СРНГ, И—К // Слово и культура: Памяти Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1998. С. 93—104; Лексикографические фантомы. 3. СРНГ, Л—М // Слово во времени и пространстве (К 60-летию проф. В. М. Мокиенко). СПб., 2000. С. 265—282; Лексикографические фантомы. 4: СРНГ, Н—О // Исследования по славянской диалектологии. 7. Славянская диалектная лексика и лингвогеография. М., 2001. С. 265—281; Лексикографические фантомы. 5. СРНГ, О—П // Аванесовский сборник. Антология. М.: Наука, 2003. С. 382—289; Лексикографические фантомы. 6. СРНГ, П // Известия Уральского гос. ун-та. 2001. № 20. С. 172—178; Лексикографические фантомы. 7. СРНГ, П // Исследования по славянской диалектологии. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2001. С. 120—131.

Захарова, Орлова 2004 — К. Ф. З а х а р о в а, В. Г. О р л о в а. Диалектное членение русского языка. М., 2004.

История 2001 — История русской лексикографии. СПб., 2001.

Мельшин 1899 — Л. М е л ь ш и н [П. Ф. Я к у б о в и ч]. В мире отверженных. Т. I. СПб., 1899.

Мызников 2006 — С. А. М ы з н и к о в. Проблема научной достоверности в диалектной лексикографии // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике: К 70-летию Ж. Ж. Варбот. М., 2006. С. 256—264.

Федоров 1998 — А. И. Ф е д о р о в. Изучение русской сибирской диалектной фразеологии // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1998. № 4. С. 78—81.

Федоров 2000 — А. И. Ф е д о р о в. Заимствованная лексика в русских говорах Сибири в лингвоэтнографическом аспекте ее изучения // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 2000. № 4. С. 56—60.

Шаповал 2001 — В. В. Шаповал. Текст источника как объект анализа для историка и филолога. М., 2001.

Шаповал 2006 — В. В. Шаповал. О некоторых проблемах источниковедения и текстологии современных художественных текстов: анализ экзотизмов и окказионализмов // Наследие Д. С. Лихачева в культуре и образовании России. Сб. мат. науч.-практич. конф. (МГПИ, 22 ноября 2006 г.). М., 2006. Т. 2. С. 69—73.

Шаповал 2006а — В. В. Шаповал. Миф о жаргоне // Родина. 2006. № 8. С. 48—52.

Е. И. СЕЛИВЕРСТОВА

ОПЫТ ВЫЯВЛЕНИЯ ПОСЛОВИЧНОГО БИНОМА И ПРОБЛЕМА ВАРИАНТНОСТИ

Изречения пословичного типа, особенности их внешней и внутренней структуры в последние десятилетия привлекают значительное внимание исследователей. Стремление понять, что же представляет собой пословица, и прояснить закономерности ее образования и функционирования, отразившиеся в работах А. Дандиса, М. Кууси, Г. Л. Пермякова, А. А. Крикмана, Ю. И. Левина, Т. М. Николаевой, Т. Г. Бочиной, М. А. Черкасского и др., в сборниках *Proverbium* привело к выработке подхода, при котором пословицу рассматривают не только как «кладезь народной мудрости», неписанный «кодекс поведения», украшение речи, но и как носитель блоков информации, определенным способом организованных, как сложное логическое, семиотическое целое, имеющее свои лексико-семантические и структурные закономерности, которые, в свою очередь, способны прояснить многие наблюдаемые в паремиях явления. Не ограничиваясь чисто функциональными определениями паремиологических единиц (ПЕ), исследователи делают попытки выявления объективных характеристик паремии и ее элементов. Ощущение того, что паремию можно расщепить на некоторые составляющие, заставляет искать разные подходы к решению этой проблемы. Один из них — это анализ принципов увязывания в пословице слов-компонентов, что является важной ее характеристикой, проявлением специфики пословичной структуры.

Порождаемые обычными человеческими ассоциациями и наблюдениями за окружающим миром¹, комбинации компонентов ПЕ весьма разнообразны: это пары антонимов², синонимов, слов одного тематического ряда или семантического поля (ср. *Худой мир лучше доброй драки* (Д.4: 568); *Под картузом не заработал, под шапкой не заработаешь* (Рыб.: 36); *Шапку выиграл, а кафтан проиграл* (Соб.: 131)).

¹ А. Крикманн, в частности, указывает на тривиальность лексического состава пословичных тропов и называет ряд семантических полей, лексикой которых пословица охотно оперирует в своих образах [Крикманн 1978: 91].

² На проблеме отношений семантического контраста между частями паремийного биннома мы останавливались более подробно в [Селиверстова 2004а].

В составе пословичной структуры привлекают внимание и устойчивые, повторяющиеся от паремии к паремии пары компонентов (*конь — копыто, плоть — дубина, голова — волосы, ум — сердце* и др.), не всегда связанных привычными парадигматическими связями, а отмеченных особым характером сцепления частей. Особенность состоит в способности пары компонентов быть переосмысленной в каждой новой ПЕ или же оставаться при одном семантическом осмыслении в составе пословиц, но сохранять неизменной «сцепку» компонентов. Сочетания компонентов, составляющие семантическое ядро ПЕ, достаточно устойчивые и частотные в паремиологическом пространстве, можно рассматривать как один из способов кодирования и хранения концептуальной информации. Эти сочетания мы называем паремийными биномами: в ПЕ *Голову сняли, да шапку вынес* (Д.4: 621); *Не для шапки только голова на плечах* (Д.4: 621; Раз.: 78); *В голове нет, и в шапку не наклеишь* (Рыб.: 71); *Хватился шапки, как головы не стало!* (Д.4: 545) и т. д. таким биномом является пара *шапка — голова*.

Повторение слов и групп слов — одна из фундаментальных черт фольклора, связанная прежде всего с устным характером творчества, неотделимого от импровизации и от акта исполнения [Мелетинский 1994: 98]. Это в полной мере относится и к ПЕ, в которых немало повторяющихся элементов — мотивов, моделей, фрагментов³. Культурное узнавание пословиц связано с их специфической формой, с элементами ритма и повторами, с имеющимися в них контрастами и «парадоксальными заострениями».

С другой стороны, прочность ассоциаций, связывающих составляющие бином компоненты, подтверждается и данными ассоциативных словарей. В ходе ассоциативных экспериментов ближайшей реакцией на словостимул нередко становятся слова, которые составляют в ПЕ особые пары компонентов — биномы. Так, согласно результатам эксперимента, первое место в ряду ассоциаций на стимул *смерть* — являясь соответственно самой частотной — занимает реакция *жизнь* (РАС.1: 599). Среди пословиц немало единиц с биномом *жизнь / живот — смерть*: *Жизнь надокучила, а к смерти не привыкнешь* (Д.3: 405); *Родится на смерть, а умрет на живот* (Сим.: 138); *Смерть живота не любит* (Д.1: 540); *Животом и смертью бог владеет* (Сим.: 99); *От жизни до смерти один шагжок* (Д.4: 624).

Как нам представляется, существование особых связей между частями бинома способно накладывать ограничения на проявление лексического варьирования компонентов пословицы. Изучая закономерности варьирования ПЕ, свою задачу на данном этапе мы видим в наблюдении за поведением членов бинома, участвующих в образно-метафорической реализации абстрактной идеи ПЕ, за возможностью и характером их замены. Свой выбор мы ограничили несколькими единицами и их вариантами, использующими один и тот же бином, преимущественно образными, содержащими названия животных и бытовых предметов.

³ О мозаичности пословиц, выделении в них типичного, повторяющегося см. подробнее в [Селиверстова 2005].

Идея противостояния хищника и его жертвы широко представлена в паремиологии и реализуется многими типичными для ПЕ парами компонентов. Не будучи языковыми антонимами, слова кошка/кот — мышь/мышка [1] и образованные от существительного *мышь* прилагательные *мышинный, мыший, мышкин* в составе ПЕ часто противопоставлены⁴ и образуют типичный пословичный бином⁵, составляющий основу 26 отмеченных различными источниками паремий. *Мышь* относительно *кошки* может восприниматься в ПЕ как беспомощная против сильного, как маленькая против большого, обиженная против обидевшего и т. д. Здесь проявляется специфика паремии: в ПЕ с названиями животных отражаются не только или не столько те представления, которые с ними связаны в других жанрах фольклора⁶. В паремиях отразились следующие наблюдения и представления:

- [а] «кошка всегда ловит мышей» (*Кот Евстафий покаялся, постригся, посихмился, а все мышей во сне видит* (Д.3: 238; Мих.1: 207); *Кошка мышей ловить не устанет, а вор воровать не перестанет* (Сн.: 181); *Что кошка ни родит, то мыши ловит* (Сим.: 156))⁷;
- [б] «кошка играет с мышью», для которой «игра» чревата не только слезами, но и более серьезными последствиями (*Отольются кошке мышинные/мышкины слезки* (Д.2: 367)⁸; *Кошке игрушки, а мышке слезки* (Сим.: 112); *Не играй мышка с кошкой* (ППЗ: 58));
- [в] «мышь бессильна перед кошкой» (*Мышке с кошкой не надратся* (ППЗ: 56); *По мышке и кошка зверь* (Рyb.: 123));
- [г] «привольна жизнь мышей, если кошкам не до них: они “выясняют отношения”» (*Кошки грызутся/дерутся, мышам раздолье/приволье* (Д.2: 303; Мих.1: 148));

⁴ Противопоставленность концептов *кошка — мышь* характерна для многих языков — в частности, для 9 пословиц английского языка [Иванова 2002: 138].

⁵ Рассматривая стержневые компоненты фразеологизмов и паремий с названиями животных, Т. В. Козлова указывает в лексическом окружении *кошки* на названия двух животных — *собаки* и *мышки* [Козлова 2001: 144].

⁶ Ср. фольклорные особенности образа, например, мыши, приведенные в [Гура 1997: 403—415]: приметы, связанные с урожаем, с молочностью коровы, с ценами на хлеб; связанный с мышами мотив кражи и проч., но в связи с мышью нет ни слова о кошке.

⁷ В работе используются материалы Сводной картотеки пословиц Межкафедрального словарного кабинета им. Б. А. Ларина факультета филологии и искусств СПбГУ.

⁸ В данной работе мы не проводим строгого отграничения ПЕ от пословично-поговорочных выражений, близких к так называемым речевым формулам — идиомам-высказываниям, отмеченным дискурсивной зависимостью, не обладающим рекомендательной силой и используемым как комментарий к каким-либо действиям, например: *На ловца и зверь бежит; Кто рано встает, тому Бог дает* [Баранов, Добровольский 2001: 82].

- [д] «мыши радуются смерти кота (ирон.; обыгрывается театральность процедуры погребения; соответствующая моменту печаль притворна)» (*Мыши кота на погост волокут / погребают* (Сим.: 123; ППЗ: 56); *Мыши причитают — кота погребают* (Д.3: 460));
- [е] «мышь отыгрывается на коте за свои беды (обыгрывается парадокс — сильное желание видеть врага мертвым при отсутствии возможности победить его)» (*Утопили мыши кота в <помойной> яме, да мертвого / неживого* (Соб.: 127; Д.2: 179); *Собирались мыши ко-ту голову отгрызть* (Д.2: 720));
- [ж] «опасливая мышь грозит кошке из укрытия» (*И мышь кошке грозит, да из подполья / издалека* (Спир.: 100); *Грозит мышь кошке, да издалека / из подполья / из норы / издалече* (ППЗ: 51; Сн.: 78; ДП.1: 175));
- [з] «привольна жизнь мышей в отсутствие кота» (*Без кота мышам масленица / раздолье* (Д.2: 303; Мих.: 148); *Кошка из дому — мышки на стол; Коли нет кота в дому, играют мыши по столу* (ППЗ: 54); *Где нет кошки, там мыши резвятся* (Соб.: 89) и др.)⁹.

Расхождения наблюдаются в трактовке отдельных идей и образов. Например, идея свободы и безнаказанности мышей в отсутствие кошки связана с образом мыши, бегающей по столу, и реализуется вариантами *мышки на стол, играют мыши по столу, мыши резвятся*; идея безопасности мыши, позволяющей ей даже грозить кошке, обеспечивает взаимозаменяемость компонентов *издалека, издалече, из норы, из подполья*; синонимами являются компоненты *грызутся — дерутся, раздолье — приволье, мертвого — неживого*, не нарушающие ритмической структуры ПЕ; лицемерно-печальные похороны кота мышами показаны в одном случае с помощью стилистически возвышенного *погребают*, в другом — стилистически сниженным сочетанием компонентов *на погост волокут*. Однако не чуждые в целом варьирования лексического состава, грамматической структуры, стилистической окрашенности и протяженности, приведенные ПЕ оказываются весьма стабильными в отношении базового бинома. Пара компонентов *кошка — мышь* не участвует в лексическом варьировании ПЕ. Допустимые, казалось бы, в качестве субститутов в рамках одной ПЕ компоненты *кот / кошка* нами не отмечены. Их принципиально раздельное функционирование объясняется особенностями ритмической структуры

⁹ Такое распределение ролей — беспомощная мышь и всемогущий кот — является для фольклора традиционным. Нарушение этого правила есть особый прием (вспомним ироничный мультфильм *Tom and Jerry*, где мышонок безжалостен по отношению к коту). Комичны основанные на смене позиций слабого и сильного мультфильм о Зайце и Волке «Ну, погоди!», африканские сказки о зайце Мфундле, хитростью побеждающем хищников, и т. д. Ср. шутовую аранжировку образов «жертв» — поросенка и курицы — как опасных в ПЕ: *Поросенок-наступник вола избил, курица-иноходица волка задавила* (ДП.1: 141).

ПЕ — словообразовательное и ритмическое сходство слов *кошка* и *мышка* сводит их в составе многих фразеологизмов и паремий (ср. *игра в кошки-мышки*) — и фольклорной традицией¹⁰.

Идею противостояния «хищник — жертва» продолжают пословицы, основанные на иных биномах. Широко представлен в паремиях бином *медведь — корова* [2]: *Неправ (виноват) медведь, что корову съел; неправа и корова, что в лес зашла (пошла, ушла; к лесу ходила; за поля ходила)* (ППЗ: 31; Д.2: 311); *Медведь корове не брат* (ДП.2: 226); *Медведь по корове съедает, да голоден бывает; а кура по зерну клюет, да сыта живет* (Д.2: 311); *Отольются медведю коровьи слезы (слезки)* (ППЗ: 36; ДП.1: 180) — иная версия приведенной выше ПЕ с заменой пары *кошка — мышка*; в случае замены обеих частей бинома мы отмечаем не вариант ПЕ, а синонимическую единицу.

Пословичный волк конкурирует с медведем, составляя в нескольких ПЕ бином [3] *волк — корова* (*Та и молочная корова, что / которую волк съел* (ДП.1: 120); *Съел волк корову, идет, берет и веревку* (Рyb.: 122); *Отольются волку коровьи слезы / слезки* (СП: 127)). Однако центральное и в количественном отношении лидирующее место занимает в группе ПЕ с компонентом *волк* оппозиция [4] *волк — овца* (24 единицы). Так, в Толковом словаре В. И. Даля приведены: *Отольются волку овечьи слезы*; *Волк, и больной, овце не корысть* (Д.2: 640); *Овце с волками худо жить* (Д.1: 232); *Не ставь приятеля овцою, ставь его волком* Д.2:641; *Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел*; *И то бывает, что овца волка съедает*; *Ловит волк роковую овцу*; *Крадет волк и считанную овцу*; *Волк и меченую овечку берет*; ирон. *Кабы лиса не подоспела, то бы овца волка съела* (Д.2: 254) и др.

Вариантами бинома являются пара с притяжательным прилагательным *волк — овечий* (*Знать волка и в овечьей шкуре* (Д.1: 232); *Волк в овечьей шкуре не укроется* (ДП.1: 34)) (ср. *медведь — коровий*, *кошка — мышиный / мышкин*) и пара *волк — овчарня* в поговорке *Добрался <как> волк до овчарни* (Д.2: 640). В последнем обороте можно говорить о связи метонимического характера, проявляющейся в замене названия одного предмета другим, в подстановке вместо точно соответствующего предмету слова (*овцы*) — иного (*овчарня*). О метонимических отношениях между двумя лингвистическими формами (назовем их условно А и В) говорится обычно, если форма В «ассоциируется с А на основе пространственной или вре-

¹⁰ Персонажем сказок, например, где фигурируют представители кошачьего племени, является исключительно кот («Кот на воеводстве», «Кот, лиса и петух»), в то время как кошка чаще встречается в песенных жанрах, но уже в качестве метафоры, параллели, ассоциируясь, в частности, с девицей на выданье. Именно кот противостоит мышам в ПЕ *Мыши причитают — кота погребают*; *Вокруг мертвого кота мыши водят хоровод*, связанных своей внутренней формой с народными действиями, играми с распределением ролей.

менной смежности референтов, соотносимых с данными формами, и используется для обозначения референта А»¹¹. О пословичной метонимии можно говорить лишь условно, поскольку в ПЕ не происходит переноса наименования и образования нового значения слова за счет переноса наименования (в языке *овчарня* ≠ *овцы*), каковой мы наблюдаем, например, в слове *аудитория* (В) в значении 'слушатели, люди' (А) или в названии места — *город, страна, дом* (В), — используемого для обозначения живущих или работающих (А) там. В предложении «В Тайване богатейший зоопарк (В)» слово *богатейший* характеризует, конечно же, не финансовое состояние этого учреждения, а — по принципу классической метонимии — разнообразие представленных там животных (А). Такой тип переноса признается собственно метонимическим. Однако и в пословице нельзя не увидеть «смежности», в данном случае — пространственных (локальных) связей между предметами и явлениями объективной действительности¹². Появление *овчарни* в ПЕ не случайно: это «вместилище» привлекает волка именно большим количеством «содержимого» — овец; подобные оппозиции вполне типичны для ПЕ: *Нанималась лиса на птичий двор, беречь от коришуна, от ястреба* (Д.2: 254); *Как волка в хлев пустить, так он и овец всех переест* (ППЗ: 85); *За то волка бьют, что не ходи в курятник* (Сн.: 137)¹³. Вариантом оппозиции *волк — овца* можно считать на основе семантической близости оппозиции *волк — баран* в ПЕ: *Лаком волк до баранины (баранины), да обух жжется* (ДП.1: 48; Д.1: 48) (ср. поговорку *Его как волка грамоте учить: ты говори аз да буки, а он — козы да бараны* (ППЗ: 79)) и *волк — ягненок* (*Сжалился волк над ягненком, покинул кости да кожу* (Д.4: 179)).

Нами отмечен лишь один бесспорный случай замены компонента, входящего в состав бинорма: *Один волк гоняет овец (овечий) полк* (Сим.: 130; Сн.: 307). В качестве вариантов одной версии могут быть рассмотрены и выражения *Сжалился волк над ягненком, покинул кости да кожу* (Д.4: 179); *Смился волк над овцой, наперед голову отъел* (Д.4: 234).

В 15 паремиях представлена оппозиция [5] *волк — конь* (*Волк коню не товарищ* (ДП.2: 226); *Коли конь, да не мой, так волк его ешь* (Д.1: 232); *Резвого коня (жеребца) и волк (зверь) не бьет (боится, не берет)* (Спир.: 83; Д.2: 704) (ср. *Бережливого / осторожного коня и зверь (в поле) не бьет / не вредит / не берет* (Сим.: 83; ППЗ: 47) и т. д.), в которую включены в ка-

¹¹ Kuryłowicz J. Metaphor and Metonymy in Linguistics // Sign, Language, Culture. The Hague; Paris, 1970. P. 135. Цит. по: [Бирих 1995].

¹² Это один из шести типов метонимического переосмысления, выделяемых, в частности, А. К. Бирихом [Бирих 1995: 31].

¹³ Мотив «пустили (пускать) страждущего в то место, где много того, к чему он стремится» реализуется и в иных выражениях: *Пусти козла в огород*; ср. окказионализм: *Допустили голодушиников до сладкого* (В. Барковский, А. Измайлов. Русский транзит).

честве вариантных версии бинорма *волк — кобыла*, *волк — жеребец*: *Съел волк кобылу; подавился он хомутом!* (Д.4: 560); *Пожалел (полюбил) волк кобылу: оставил (покинул) хвост да гриву* (Д.1: 395; Сн.: 327; Рыб.: 78, 158); *Съел волк кобылу, да дровнями подавился* (ДП.2: 150; Мих.2: 287) и др. Представителем коня/кобылы становится в ПЕ и часть тела этого животного и его мясо; бином соответственно выглядит как *ВОЛК — КОБЫЛИЙ* (*Шлется волк на кобылий хвост* (Д.4: 218)), *волк — жеребцово* (*Подкрался волк — под жеребцово копыто!* (Д.3: 179)), *волк — конина* (*Отведал волк конинки с хвоста* (Д.2: 717)).

Последняя из ПЕ наиболее богата различными вариантами, в образовании которых участвуют как биномы с компонентом *волк* (*На волка поклев (помолвка), а зайцы (цыган/татарин) кобылу съели (украл/съел)* (ДП.1: 147; ДП.1: 127); *На волка помолвка, а пастух/солдат теленка украл (а пастухи овец съели)* (ДП.1: 147; Д.3: 274; Раз.: 1957); *На волка помолвка, а овец ест/тяпает Егорка* (Рыб.: 108)), так и разнообразные персонажи, «обвиняемые» в пропаже животного: цыган, татарин, Миколка, Савва и т. д. Интересно, что наименование пропавшего животного может быть опущено: *На волка помолвка, а пастухи шалют* (Д.1: 232); *На волка помолвка — медведь тихонько лапою дерет — Калуж.* (СРНГ: 29, 221).

Отдельные ПЕ демонстрируют изменение ролей в отношениях «хищник — жертва», имеющее под собой жизненно-реальную основу: конь способен дать волку достойный отпор: *Шутил волк с конем (жеребцом), да зубы в лапах (в горсти) унес (понес)* (Д.4: 649; Соб.: 131); *Сжалился конь над волком: велел ему с хвоста подойти конинки отвеждать* (Д.4: 179)).

Особняком стоит паремия, в которой компонент *волк* участвует в формировании сразу двух биномов: *Режь, волк, чужую кобылу, да мой овец не тронь!* (ДП.2: 100).

Бином *волк — коза/козел* [6] встречается существенно реже: *Виноват волк, что козу ободрал, не права и коза, что в лес зашла* (Сн.: 34); *Видит (видя) волк козу — забыл (забывает) и грозу* (Сим.: 87; ДП.1: 134; Соб.: 89); *Звал волк коз на пир, да за гостинцами нейдут* (Сим.: 108; Сн.: 140); *Звал волк козу в гости (на пир), да коза не идет* (ДП.2: 240; Спир.: 75); *Приняв волк козла употчевал без зла* (Сим.: 133; Сн.: 340).

В паремиях групп [2]—[5] отмечены изменения словообразовательного и морфологического плана (*зашла/пошла/ушла; слезы/слезки; в лес/к лесу*), лексические варианты (*неправ/виноват; в лес/за поля; ушла/ходила; пастух/солдат*), замены на уровне союзных слов (*что/который*) и проч. Относительная стабильность входящих в бином компонентов особенно отчетливо видна на фоне активного лексического варьирования прочих компонентов ПЕ: в группе [4] — *ловит/берет/крадет, роковую/считанную/меченую*; в группе [5] *бережливого/осторожного, не бьет/боится/не берет* и т. д.

Исключение в отношении неизменности бинорма составляют паремии, обнаруживающие (1) субституцию гиперо-гипонимического (синонимиче-

ского) плана *волк/зверь*, (2) замену в равной степени противопоставленных *кобыле* двух хищников — *волка* и *медведя*: *Кобыла с волком (медведем) тягалась, только хвост да грива осталась* (Д.1: 395); *Отольются волку (медведю) коровьи слезы (слезки)* (ППЗ: 36; ДП.1: 180; СП: 127), (3) замену в равной степени противопоставленных *волку теленка* — *овцы* — *кобылы* (*На волка помолвка, а ... овцу, овец, кобылу, теленка...*); (4) замену *овец* — *овечий* (полк) и (5) противопоставленную *волку* пару субститутов-синонимов *коня/жеребца*. Эти замены осуществляются в пределах бинормов, участвующих в создании ряда ПЕ и санкционированных паремиологическим пространством, и не нарушают дистанции между левой и правой частями бинорма — сути семантического противостояния.

Значение пословичного *зверь*, понимаемое В. И. Далем как «четвероногое млекопитающее; дикое, лютое, плотоядное, хищное; волк или медведь, где что водится» (Д.1: 674), вполне сопоставимо со значением компонента *волк*. Подобную замену можно рассматривать и как синонимическую, поскольку *зверь* (а также *серый, кузьма, бирюк, лыкус*) вместо лексемы *волк* использовалось ранее из суеверных соображений, чтобы «не накликать беду», о чем свидетельствуют и тексты заговоров, например, заговор «от злого зверя», уберегавший от встречи с волком. См. подробнее: [Ермолов 1905; Клиnger 1909—1911].

Волк и медведь часто взаимозаменяемы в составе ПЕ, и не только в тех, где актуализируется их принадлежность к разряду крупных хищников (*От волка ушел, да на медведя попал* (Д.2: 311); *Работа (дело) не волк (не медведь) — в лес не уйдет*; *Волк и медведь не умываючись здоровы живут* (ДП.2: 78) и т. д.). Они представляют собой паремийные когипонимы или фольклорные синонимы¹⁴.

Еще одну позицию в отношениях «хищник — жертва» занимает бинорм *лиса — курица* [7]: *Лиса и во сне кур считает* (ДП.1: 183); *Лиса одним глазом спит, а другим кур считает* (Спир.: 150); *Лиса (сова) спит, а кур видит* (Сим.: 140; ДП.2: 96); *Ходила лиса кур (куррей, курят) красть, да попала в пасть* (Сим.: 149; Соб.: 146) (ср. ПЕ с субститутом *волк*: *Волк не придет — курица не закудахчет* (Сн.: 37)); *Лиса покалялась — стереги кур* (Д.3: 238) и др. Нельзя не заметить активности и разнообразия вариантов при образной реализации мотива «лиса ни на минуту не забывает о курах».

Лиса — угроза для курицы, как и для прочей домашней птицы (*Заговелась (говееет) лиса — загоняй гусей* (ДП.2: 136)); курица, в свою очередь, опасается других хищников, представленных, однако, лишь в единичных паремиях: *Курица (добрая наседка) одним глазом спит, а другим корицуна видит* (Раз.: 37). Намек еще на одну опасность содержит ПЕ: *Нанималась лиса на птичий двор, беречь от корицуна, от ястреба* (Д.2: 254).

¹⁴ Типичным проявлением фольклорной синонимии является сведение в фольклорном тексте слов, не входящих в сферу языковой синонимии. См. подробнее [Никитина 1993: 77—79].

Варьирование в составе ПЕ указанной группы почти не касается базового бинорма: замены в разряде «жертв» отсутствуют, а в разряде «хищников» — весьма редки: *лиса / сова*, *лиса / волк*. Лиса и сова олицетворяют опасность и для мышей (*Видя сова мышки, слетела с вышки* (Сим.: 87; Сн.: 33); *По ночам и лиса мышкует* (ДП.2: 146)), а сближение волка с лисой происходит и в шутовой ПЕ *Кабы лиса не подросла, то бы овца волка съела!* (Д.2: 254), и в паремии *Лисичка всегда сытей волка бывает (живет)* (Д.2: 254).

Мы остановились лишь на основных группах паремий с семантическим противопоставлением «хищник — жертва», реализуемым в русском языке парами распространенных анималистических компонентов. Имеются, без сомнения, и иные пары анимализмов, не составляющие, впрочем, частотных оппозиций: ср. *Заяц от лисицы*, а лягушка от зайца (Д.1: 670; ППЗ: 53); *Грач соколу* (добыча), а лягушка вороне (Д.1: 391; Сн.: 77); *Лев мышей не давит* (Соб.: 63); *Не гоняется слон за мышью* (Д.4: 223) и проч.¹⁵ Но и приведенные примеры заставляют нас увидеть прочность и своеобразие сложившихся связей между некоторыми компонентами, их повторяемость. Здесь напрашиваются некоторые выводы.

Во-первых, закрепленность в экстралингвистической действительности за каждым из хищных диких или домашних животных (и птиц) определенных представлений отразилась в ПЕ в виде достаточно четких оппозиций. Каждому компоненту со значением 'сильный, опасный хищник' соответствует в паремиологическом пространстве определенный компонент или несколько компонентов, наделяемых в пословицах семантикой 'слабый, жертва, добыча'¹⁶.

Во-вторых, сходство и регулярность паремийных оппозиций, части которых связаны одинаковыми отношениями, подтверждается пословицами, организованными параллельными конструкциями: *Когда кошки дерутся, тогда и мышам приволье, а когда пастухи дерутся, тогда и волки обдирают овец* (Сн.: 172).

В-третьих, традиционное лексическое варьирование сравнительно редко касается базового бинорма. Если элемент бинорма располагает субститутом, создающим лексический вариант ПЕ (*Отольются волку / медведю коровьи слезы*; *Один волк гоняет овец / овечий полк*), то субститут, как правило, не случаен — он является членом иного паремийного бинорма (*лиса / сова*, *волк / медведь*, *конь / жеребец*), санкционированного паремиологическим пространством.

¹⁵ ПЕ с компонентами — названиями птиц сближаются и переплетаются с некоторыми из приведенных ПЕ с наименованиями животных, что в принципе говорит о возможности их совместного рассмотрения.

¹⁶ Рассматриваемые ПЕ обладают, как видно из нашего анализа, потенциальной семантической членимостью, признаваемой некоторыми исследователями за определенными категориями фразеологизмов и пословиц. Подробнее в [Мелерович 1979; Райхштейн 1976].

В-четвертых, в составе анализируемого блока ПЕ *волку* противопоставлены *корова* (*теленки, теля, телячий, телята, коровий*), *кобыла* (*кобылий, жеребец, конинка, жеребцово <копыто>*), *овца* (*баран, баранина, овечий, овечка, ягненок*), *коза* (*козел*), *поросенок, курица*. Разнообразие в паремиях вербальных воплощений противопоставленного «хищнику» концепта «жертва» заставляет задуматься о том, как следует квалифицировать подобные явления. Это не варианты, поскольку соответствующие пары *волк — корова*, *волк — теленок* и т. д. встречаются в составе разных ПЕ и их правые элементы не взаимозаменяемы. Мы склонны называть подобные пары версиями базового бинома, считая таковым основную по частотности пару компонентов. Так, базовым биномом, например, является для нас пара *волк — овца*, а версиями — *волк — овечий*, *волк — баран*, *волк — баранина*, *волк — ягненок*. Указание на волка как на хищника и на его потенциальные жертвы — не важно, какой биологической принадлежности — имплицитно содержится и в ПЕ: *Где волк, тут стада не паси* (ППЗ: 74); *Волк — не пастух, свинья — не огородник* (Спир.: 71); *Дешево волк в пастухи нанимается, да мир подумывает* (ДП.2: 75); *Повадился волк на скотный двор, подымай городьбу выше* (ДП.2: 146), хотя здесь мы выделяем соответствующие биномы.

В-пятых, в результате замены обеих частей бинома возникают однотипные, синонимические (не варианты) ПЕ, построенные по одной структурно-семантической модели. При разных вербальных оболочках элементы биномов разделены одинаковой семантической дистанцией. Так, значение «хищник не дремлет, легко стать его добычей, потенциальной жертве нужно быть настороже» сближает ПЕ: *Кошка спит, а мышку видит* и *Лиса спит, а кур видит*. Близки между собой ПЕ: *Отольются волку овечьи / коровьи слезы*, *Отольются медведю коровьи слезы* и *Отольются кошке мышьи слезы*; *Волк коню не товарищ* и *Медведь корове не брат*; *Винюват волк, что козу ободрал, не права и коза, что в лес зашла* (Сн.: 34); *Неправ (виноват) медведь, что корову съел; неправа и корова, что в лес зашла (пошла)* (ППЗ: 31). Мотив лицемерной жалости реализуется в одномодельных ПЕ с разными биномами: *Сжалился волк над ягненком, покинул кости да кожу* (Д.4: 179); *Смилился волк над овцой, наперед голову отъел* (Д.4: 234); *Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву* (Сн.: 327). Такие ПЕ являются яркой демонстрацией моделирования пословиц по одному «принципу» и, отличаясь элементами, реализующими образное воплощение идеи, занимают срединное положение между вариантами и синонимами¹⁷.

Продолжая выявление бинома и его отношения к варьированию пословиц, рассмотрим единицы с компонентом *корова*, входящим в несколько разных биномов (*корова — молоко*, *корова — баба*, *корова — медведь* и др.).

¹⁷ Г. Ф. Благова, например, объединяет такие ПЕ как воспроизведенные по одной типовой модели [Благова 2000: 43—44]. О невозможности «демаркационной линии» между некоторыми вариантами и синонимами во фразеологии пишет, в частности, Е. И. Диброва [Диброва 1987: 67].

В данном случае, основываясь на классификации, выведенной Г. Л. Пермяковым в отношении логической структуры ПЕ, мы рассматриваем частные варианты выявленных им тематических пар компонентов, лежащих в основе ПЕ и связанных определенным типом семантических отношений. Выраженная в общем виде семантическая связь компонентов корова (домашнее животное, содержание которого в доме имеет целью получение от него молока)¹⁸ — подойник входит в типологии Г. Л. Пермякова в третью группу — «основное — сопутствующее» [Пермяков 1988: 114]. Эти слова относятся друг к другу как «вещь / субъект и предмет (инструмент), имеющий непосредственное отношение к ее / его использованию» или, если говорить о животном, — к его содержанию и уходу за ним.

Первая идея, реализуемая с помощью этой тематической пары компонентов, может быть сформулирована буквально как «(Если) есть корова, значит, есть (должен быть, будет) и подойник»: *Была бы корова, а подойник найдем* (Д.2: 167); *Будет корова, будет и подойник* (Д.3: 159; Жиг.: 56). Ср. аналогичную связь компонентов ПЕ *конь* — *уздечка*: *Был бы конь, а уздечку найдем*, а также близкие по модели: *Была бы брага, а во что слить найдем*; *Был бы горшок, а крышка найдется* (ММ.: 54) и т. д.

Варианты ПЕ демонстрируют различия в порядке следования частей паремии, в синтаксической структуре, замены глагольных форм, не нарушающие семантики паремии. В ПЕ, содержащих бытийные, или экзистенциальные, глаголы, к каковым относятся единицы *быть*, *жить*, *иметься*, *прилететь*, *найти(сь)* и т. д., такие замены часты и типичны. Ср. образованные по одной модели ПЕ: *Была бы шея, (а) хомут найдется (будет)* (Ж.: 53; Ан.: 31); *Была бы падаля, а воронье налетит (будет)* (ДП.2: 164; ММ.: 55); *Была бы шея, а веревку сыщем (а петля найдется)* (ММ.: 55); *Были бы крошки (был бы хлеб), а мыши будут (набегут)* (Сн.: 25; Рыб.: 118).

Вторая идея, реализуемая через связь этих компонентов, на уровне обобщения формулируется так: «Нет главного, существенного (исчезло / взяли главное) — не нужно и второстепенное, несущественное, обуславливаемое». Пояснением этой идеи служит ее конкретизированная образная реализация, получающая двойственное толкование. С одной стороны, «взять и второстепенное, получив главное» кажется вполне логичным, хотя и воспринимаемым с иронией: *Взял корову, возьми и подойник* (ДП.1: 111); *Взяв коровку, возьми и привяжь (и подойник / и веревку)* (Д.2: 164) (ср. *Увели коня, так возьмите и оброть* (ДП.2: 163)). С другой стороны, попытка получить еще и второстепенное, взяв главное, кажется жадностью: *Взял корову, просит и подойник* (Спир.: 141) (ср. рус. *Дал топор, дай же и топорщице* (ММ.: 170) и китайскую ПЕ, характеризующую жадного человека — букв. «Получил лошадь, хочет взять и ее мать»). Ироничность и

¹⁸ В славянской народной культуре забота о молочности коровы — одного из наиболее почитаемых животных — отразилась в верованиях и приметах, в оберегах и обрядах, способствующих увеличению у коровы молока. См. в [Гура 1997].

оценочная коннотация, как нам кажется, усиливается в ПЕ: *Съел волк корову, идет, берет и веревку*, где «прилагающееся к корове» получает волк. Семантический контраст между частями бинома при замене компонента *подойник* столь отличающимися субститутами (*веревка / привязь*) сохраняется благодаря обобщенному значению 'приложение, второстепенный атрибут'.

В паремиях материально представленное — «Если можно купить (есть деньги на) корову, то можно купить и (найдутся и на) подойник» — передает идеальное «Если есть деньги на большое, то найдутся и на малое», служащее, в свою очередь, лишь звеном на пути к обобщению «Если можно осуществить / осилить большое, трудное, то уж малое осилить легко». Основным бином в составе ПЕ реализует отношения противопоставления 'большого (дорогого, трудного, глобального)' 'малому (дешевому, легкому, незначительному)': *Корову бы купить, а с дойником сможем* (Сн.: 180); *С (на) корову стало, <так и> с подойник станет (хватит и на подойник)* (Д.2: 167; ДП.2: 164); *Кто смог купить корову, тот купит и дойник* (Сн.: 194). Варьирование глагольных компонентов осуществляется в рамках семантики 'достаточно (денег), хватит (на то, чтобы купить)': *купить бы — сможем, смог купить — купит, стало — станет / хватит* (ср. взаимозаменяемость компонентов *станет — хватит* и в ПЕ: *На наш век дураков станет, да и на ваш хватит* (ММ.: 107)). Компонент *корова* не изменяется, а варьирование второй части бинома — *дойник-подойник* — осуществляется в рамках синонимии.

Как насмешливо-ироничные воспринимаются ПЕ, в которых в качестве прототипа выступают действия неразумные, достойные осуждения. Парадоксальной представляется идея «купить малое (дешевое, ненужное), не имеющее смысла без покупки большого (основного, дорогого)»: *Не купив (не купил) коровы, да завел подойник* (Соб.: 109; Д.2: 167).

Значительным количеством вариантов представлена идея вымещения злости на малом, побочном, имеющем лишь косвенное отношение к тому, в чем виновато большое, основное: *Осерчав (осердясь) на корову, да подойник (подойником) обземь (о зель)* (ППЗ: 32; ДП.1: 142); *Не смогая корову (не правясь с коровой) — да подойник обземь (об зель)* (ППЗ: 31; Д.3: 160; Сн.: 287). При образном совпадении вполне конкретной второй части ПЕ — ударить в сердцах подойником оземь — первая часть отличается образной размытостью и имеет два основных варианта: «не справившись с коровой» и «рассердившись на корову»; при использовании последнего в ПЕ дублируется семантика 'злость'.

В свою очередь, в каждом из них имеются синонимические замены глагольного компонента: *осерчав / осердясь* и *не смогая / не смога* (устар.) / *не справясь*. Базовая пара компонентов, как видим, остается без изменения. Существующие синонимы этих ПЕ, решенные в образном отношении по-иному (*Не смогая с кобылой, да по оглоблям* (ППЗ: 31); *Коли не по коню, так по оглобле* (ДП.1: 55)), подтверждают, что каждому из компонентов-

анимализмов отведен в пословицах свой «набор» сопряженных и ассоциируемых с ним предметов — упряжи, сбруи, привязей, инструментов и т. д. Элемент такого набора в сочетании с названием животного образует достаточно стабильную пару, варьирование в которой — явление нечастое. Заметим, что иные атрибуты — инструменты, связанные с содержанием коровы, в ПЕ весьма немногочисленны (*привязь, веревка*). Та же пара компонентов, но уже с другими акцентами, может участвовать в создании иных ПЕ: *Корова с молоком, а баба с дойником* (Сн.: 180).

Пословицы с биномом *корова — подоийник* (*Была бы корова, а подоийник найдем* и др.) позволяют увидеть, что его специфика состоит в относительной произвольности осмысления. Обладая определенным ассоциативным потенциалом, базовая пара компонентов, не являющихся антонимами, может реализовать такие отношения, как «большое — малое», «значительное — незначительное», «главное — второстепенное», «дорогое — дешевое», «нужное — ненужное», а гипотетически — на основе пословичного опыта в целом — «живое — неживое» и др. Следовательно, противопоставленные составляющие бинома могут быть рассмотрены как отнесенные к разным, а не к одному только тематическому разряду в логико-семиотической классификации Г. Л. Пермякова.

Стабильность бинома проявляется и в том, что неким диапазоном для интерпретации его элементы, воспринимаемые метафорически, располагают именно в паре: пословичный *подоийник*, не имеющий особой фольклорной нагрузки, осмысляется в каждом случае в связи с *коровой* на фоне ассоциативно-образного ее понимания. Изменения в одной части бинома также всегда осуществляются в рамках, допускаемых второй его частью, равно как и семантической дистанцией между обеими частями.

Остановимся еще на одной группе ПЕ, близких по семантической структуре к парадоксу: *И велик, и широк корове язык Бог дал, да говорить заказал* (Сн.: 148); *Долог у коровы язык, да не велят говорить* (Сн.: 100; Д.2: 167); *Велик язык у коровы, не дает говорить* (ДП.2: 48); *Долог у коровы язык, да говорить не умеет* (Сим.: 95). Приведенные изречения рассматриваются нами как варианты одной ПЕ, содержащей антитезу «наличие органа — отсутствие действия», или, в развернутом виде — «Объект (*корова*), обладающий свойством А (*имеющая большой язык*), должен, следовательно, обладать и свойством Б (= способностью говорить), однако лишен этого свойства (*да не велят говорить*). ПЕ строится, по Пермякову, на паре компонентов, входящих в тематическую группу II «Слово — молчание», состоящих в отношениях «Неисполнимость — исполнимость» или «Природно-качественные соответствия — несоответствия» [Пермяков 1988: 122—124].

Варианты в выражении «свойства А» показывают, что не так важно, откуда у коровы язык, — важно, что он у нее есть: *И велик, и широк корове язык Бог дал* (*Долог у коровы язык... Велик у коровы язык...*). Во всех ПЕ содержится указание на невозможность говорить, а причины молчания (отсутствия «свойства Б») варьируются:

Бог (корове) заказал
 (корове) не велят (= НЕ) ГОВОРИТЬ
 (сам) язык (корове) не дает
 (корова) не умеет

Контраст ожидаемого, потенциально возможного слова и немоты коровы усиливается указанием на величину языка (*велик, широк, долог*). Итак, семантический «скелет», или «идея»¹⁹, во всех вариантах данной ПЕ выглядит следующим образом:

«Есть <большой> орган — нет функции»
велик (широк, долог) язык — не (дает, велят...) говорить.

Изменения не затрагивают компонентов *корова, язык, говорить*. Функцию отрицательной частицы *не* выполняют разнообразные лексические средства (*не дает, не велят, не умеет, заказал*); величина (resp. наличие) языка подчеркивается краткими прилагательными, объединенными семантикой ‘большого размера’. Таким образом, ПЕ строится на четырех компонентах, образующих две части: *корова — не говорить* и *язык — большой*, присутствующие — с незначительными отклонениями — во всех вариантах паремии. Ничто не мешает нам, однако, соединить эти компоненты в иной комбинации. Например, бином *корова — язык* задает, как нам кажется, тематическую тональность ПЕ, а пара *большой — не говорить* акцентирует парадоксальность выражаемого смысла, бесполезность имеющегося достоинства (ср. несоответствие величины и ценности в иных ПЕ: *Велика Федора, да дура; Велико, да болото; мала, да нивка; Не величка птичка, да ноготок остер* (Д.1: 176)).

Однако если попытаться выделить главный компонент — носитель семантической нагрузки, которая «радиально распространяется от центра ко всем компонентам» [Klimenko 1998: 396], то им, скорее всего, является компонент *язык*, образующий «звенья»: *язык — корова, язык — (не) говорить, язык — большой*.

Последнюю группу, к которой мы обратимся, образуют разные по протяженности паремии с компонентом *корова*, выражающие общую идею «Имеющееся (оценивается) плохо, а то же самое, но утраченное, кажется хорошим». Приведем последовательно разные версии ПЕ. Два варианта — *Была корова — так черт бы ее драл, а издохла, так и к молоку добра была* (Д.2: 21); *Корова была жива, так черт бы ее драл, а когда корова умерла, так и к молоку была добра* (Сн.: 180) — строятся с использованием двух антонимических пар компонентов ((*была*) *жива — умерла / издохла* и *черт*

¹⁹ Идея как основной носитель информации в ПЕ служит посредником между множеством частных случаев реальной жизни и их художественной символизацией в пословице. См. подробнее [Jason 1978].

бы ее драл — так и к молоку добра была; последняя пара соответствует понятиям ‘плоха’ — ‘хороша’) и одной тематической: *корова — молоко*, которая, как мы считаем, является базой для образной реализации идеи в данной группе паремий.

Из двух семантических блоков («*корова*» жива — плоха» и «*корова*» мертва — *молоко*) хорошее *было*)» с соответствующим значением ‘живой / имеющийся’ — ‘плохой’ и ‘мертвый / утраченный’ — ‘хороший’) в иных версиях ПЕ присутствует только второй, что говорит о его большей семантической весомости. Паремия *Которая корова умерла, та (и) к молоку добра была* (ППЗ: 29; ДП.2: 148) располагает рифмованными и нерифмованными вариантами: *Которая корова сдохла, та и к молоку-то всегда добра живет* (Бир.: 15); *Которая корова пала, та по три удоя давала* (Д.2: 167); *Та корова (и) падет, что молоко(а) дает* (Д.2: 333). С утратой двух из четырех частей ПЕ утрачивается и часть метафорической реализации идеи, но сохраняется главное — «*корова*» мертва / пала — *молоко*» хорошее *давала / было*)», представляющее в конденсированном виде как «*мертвый / утраченный*» → *хороший / лучший*»²⁰, и образно-тематический бином *корова — молоко*.

Насмешка над сетованиями по поводу умершей коровы, якобы самой молочной, присутствует и в ПЕ с иным мотивом утраты: *Та и молочная корова, что (которую) волк съел* (Д.2: 333). Вариант ПЕ *Когда корова сдохнет, всегда ее хвалят* (Рыб.: 81) является, вероятно, более поздним переосмыслением той же идеи. С утратой компонента *молоко* нарушается орнаментально-образный бином, а частью ПЕ становится, по сути, ее толкование: «утраченное хвалят». Имплицитно же *молоко* присутствует и здесь, поскольку «статус» коровы-кормилицы в крестьянском хозяйстве определялся именно ее молочностью.

Сопоставление всех вариантов показывает, что образно-тематическая основа ПЕ *корова — молоко* является весьма устойчивой (ср. в других ПЕ: *Корова черна, да молоко у нее бело* (Сим.: 112); *Корову по удою считать, молока не видать* (ДП.2: 37); *В корове молоко не прокиснет* (Сн.: 52)) и присутствует в большинстве версий; исключение составляет паремия с компонентом *хвалят*; фрагмент *по три удоя* также ассоциируется с компонентом *молоко*. Формула отрицательной оценки живой коровы (*так черт бы ее драл*) оригинальна и неизменна, а положительная оценка молочности коровы варьируется. Наиболее разнообразны синонимические замены глагольного компонента с семантикой утраты: *сдохла / пала / умерла / падет / издохла / сдохнет / (волк) съел*.

²⁰ В других ПЕ то же свойство человеческой памяти оценивать утраченное слишком высоко передается соотношением иных компонентов (*У пропавшего / потерянного ковши ручка золотая; Какую чашку ни разбей, та любимая была*). Ср. квинтэссенцию этой идеи в безобразной пословице *Что имеем, не храним, потерявши — плачем*.

Завершая рассмотрение отдельных разрядов пословиц с точки зрения проявления в них особенностей бинома, составляющего основу семантической структуры ПЕ, и возможностей варьирования его членов, отметим, что пословичные биномы обозримы, хотя и многочисленны, имеют свои особенности и отнюдь не сводятся к антонимическим парам (*до — после, жизнь — смерть, лучшие — хуже* и проч.), нередко приводимым в качестве распространенного способа построения пословиц. Бином в составе ПЕ может не совпадать, а только пересекаться с имеющимися парами компонентов-антонимов. Биномы неравнозначны в отношении участия в образно-метафорическом оформлении выражаемой идеи.

В пословицах с более чем одним биномом иногда непросто выявить характер сцепления составляющих частей; прояснению механизма формирования смысловой структуры паремии способствует сопоставление различных ее вариантов, привлечение иных пословиц, близких в отношении выражаемой идеи, и выявление таких вариантов ПЕ, в которых обнаруживается явление семантического «сгущения» паремийной идеи (ср. *Когда корова сдохнет, всегда ее хвалят*)²¹.

Приведенные биномы задают тему (*кошка — мышка, корова — молоко, корова — язык*), на основе которой разворачивается пословичный образ; смена этой пары компонентов (чаще — именно в паре) ведет к появлению синонимической пословицы (*Был бы конь, а уздечку найдем; Была бы корова, а подойник найдем*). Члены бинома весьма устойчивы, особенно на фоне активного, порой лексического варьирования прочих компонентов ПЕ, а если замещаются, то, как правило, «освященными» традицией особыми фольклорными синонимами. Слова, замещающие один элемент бинома, образуют со вторым его элементом другой бином, также представленный в ряде ПЕ (*волк / медведь — корова*). Характер отношений, связывающих части бинома, при этом сохраняется.

Другие пары компонентов ПЕ (*спит — видит; отольются — слезки*) могут без изменений переходить из одной ПЕ в другую, образуя одноmodelные выражения (*Кошка спит, а мышку видит; X спит, а Y видит*); их функция состоит в передаче отношений, связывающих члены тематического бинома.

Пословичный бином эксплуатируется весьма активно и обнаруживается обычно в нескольких пословицах. «Коллективный автор» паремиологического корпуса стремится не только исчерпать, используя многочисленные синонимы, всевозможные мельчайшие оттенки одного значения, «проигрывая» его на самом разнообразном материале [Левин 1984: 111], но и максимально использовать возможности применения каждого из биномов,

²¹ Представление о таком сгущении дает сравнение паремии и ее кратко переданного смысла; ср., например, ПЕ *В тихом омуте черти водятся; В тихой воде омуты глубоки* и ее семантический сгусток «тихий опасен», называемый нами смысловым «конденсатом» [Селиверстова 2004б].

удачно подмеченного сопоставления, не меняя самих комбинаций, но сопрягая их каждый раз с различным углом зрения.

Определенный ассоциативный потенциал каждого из членов бинома и пары целиком допускает некоторое разнообразие в переосмыслении, сокращая тем самым необходимость в привлечении все новых и новых пар компонентов, с одной стороны, и все более закрепляя семантический ореол каждой из уже существующих пар — с другой. Прочность и традиционность сложившихся биномов поддерживается тем, что в пословичном мире каждому из пословично-значимых объектов отведен определенный круг сопряженных, ассоциируемых с ним предметов (ср. *Лес — дрова, щепки, деревья*). При этом элементы традиционного пословичного бинома способны разрывать связь и вступать в бинарные отношения в иных комбинациях и с другими компонентами.

Список сокращений

- Ан. — Русские пословицы и поговорки / Под ред. В. П. Аникина. М., 1988.
 Бир. — В. П. Б и р ю к о в. Крылатые слова на Урале. Свердловск, 1960.
 Д. — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1—4. М., 1978—1980.
 ДП. — В. И. Д а л ь. Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. М., 1984.
 Ж. — В. П. Ж у к о в. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М., 2000.
 Жиг. — А. Ж и г у л е в. Где труд, там и счастье. Пословицы и поговорки. М., 1962.
 Мих. — М. И. М и х е л ь с о н. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. М., 1997.
 ММ — Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост., авт. предисл. и коммент. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М., 1986.
 ППЗ — Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков. М.; Л., 1961.
 Раз. — А. А. Р а з у м о в. Мудрое слово: Русские пословицы и поговорки. М., 1957.
 РАС — Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. М., 2002.
 Рыб. — М. А. Р ы б н и к о в а. Русские пословицы и поговорки. М., 1961.
 Сим. — П. К. С и м о н и. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Вып. 1. Сб. 1—2. СПб., 1899.
 Сн. — И. С н е г и р е в. Русские народные пословицы и притчи. М., 1995.
 Соб. — А. И. С о б о л е в. Народные пословицы и поговорки. М., 1956.
 СП — Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб., 2001.
 Спир. — А. С. С п и р и н. Русские пословицы. Ростов н/Д, 1985.
 СРНГ — Словарь русских народных говоров: В 39 вып. М.; Л., 1965—2005.

Л и т е р а т у р а

- Баранов, Добровольский 2001 — А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Речевые формулы в Тезаурусе русской идиоматики // *Frazeografia słowiańska* / Red. naukowa M. Balowski, W. Chlebda. Opole, 2001. С. 79—92.
- Бирх 1995 — А. Бирх. Метонимия в современном русском языке (Семантический и грамматический аспекты). München, 1995.
- Благова 2000 — Г. Ф. Благова. Пословица и жизнь. М., 2000.
- Гура 1997 — А. В. Гура. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Диброва 1987 — Е. И. Диброва. Парадоксы фразеологической кодификации (на материале русской идиоматики) // *Фразеологизм и его лексикографическая разработка*. М., 1987. С. 64—67.
- Ермолов 1905 — А. Ермолов. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Т. 3, 4. СПб., 1905.
- Иванова 2002 — Е. В. Иванова. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб., 2002.
- Клинггер 1909—1911 — В. Клинггер. Животное в античном и современном суеверии. Киев, 1909—1911.
- Козлова 2001 — Т. В. Козлова. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных. М., 2001.
- Крикманн 1978 — А. А. Крикманн. Некоторые аспекты семантической неопределенности пословиц // *Паремиологический сборник. Пословица. Загадка* (Структура, смысл, текст). М., 1978. С. 82—104.
- Левин 1984 — Ю. И. Левин. Провербальное пространство // *Паремиологические исследования: Сб. статей*. М., 1984. С. 109—126.
- Мелерович 1979 — А. М. Мелерович. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Ярославль, 1979.
- Мелетинский 1994 — Е. М. Мелетинский. Поэтическое слово в архаике // *Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти С. А. Токарева*. М., 1994. С. 86—109.
- Никитина 1993 — С. Е. Никитина. Устная народная культура и языковое сознание. М., 1993.
- Пермяков 1988 — Г. Л. Пермяков. Основы структурной паремиологии. М., 1988.
- Райхштейн 1976 — А. Д. Райхштейн. О семантической структуре пословиц // *Теоретические вопросы романо-германской филологии: Респ. сб. Горький, 1976*. С. 204—214.
- Селиверстова 2004а — Е. И. Селиверстова. Отношения семантического контраста между частями бинорма // *Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии* (Третьи Жуковские чтения). Матер. междунар. науч. симпоз. 21—22 мая 2004 г. / Отв. ред. В. И. Макаров. Великий Новгород, 2004. С. 289—294.
- Селиверстова 2004б — Е. И. Селиверстова. К вопросу о причинах варьирования пословиц: образ и идея // *Rossica Olomoucensia XL (za rok 2003)*. 2 část. Ročenka katedry slavistiky na FF UP. Olomouc, 2004. С. 617—623.
- Селиверстова 2005 — Е. И. Селиверстова. Как «собрать» пословицу: некоторые средства и способы // *Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко*. М., 2005. С. 135—142.

Jason 1978 — Об одной модели пословичного сообщения. Реферат статьи: Heda Jason. Proverbs in Society: The Problem of Meaning and Function (*Proverbium*. № 17. 1971) // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (Структура. Смысл. Текст) / Сост., ред. и предисл. Г. Л. Пермякова. М., 1978. С. 239—240.

Klimenko 1998 — А. Р. К л и м е н к о. Phraseological Binoms in Associative Experiments // Studien zur Phraseologie und Parömiologie. Eurofras 95 / Wolfgang Eismann. Bochum, 1998. С. 393—403.

А. Н. ГЛАДКОВА
(Linguistic School of Behavioural, Cognitive and Social Sciences,
The University of New England, Armsdale N. S. W.)

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ГЛАГОЛА *СЧИТАТЬ*¹

1. Введение

Данная статья посвящена обсуждению семантического статуса глагола *считать*². Как высокочастотный глагол, выражающий ментальное состояние, он занимает важное место в семантических исследованиях. В русскоязычной лингвистической традиции семантика глагола *считать* обсуждается в работах представителей двух подходов.

Первая группа лингвистов применяет логический подход к описанию языка, известный как «Логический анализ языка», см. [Арутюнова 2003]. В рамках данного подхода термины *знание* и *мнение* используются при анализе ментальных предикатов. Дмитриевская [1988] предлагает различать мнение-предположение и мнение-оценку как два основных вида предикатов мнения, которые отражают специфику русской языковой системы и объясняют семантические различия между *думать, что* и *считать, что*. Это дихотомия принимается и в последующих работах представителей данного подхода при анализе глаголов ментальных состояний (например, [Зализняк 1991; 2005; Шатуновский 1993]). При этом оба выражения (*считать, что* и *думать, что*) рассматриваются как семантически сложные.

Вторая группа ученых, в чьих работах обсуждается значение глагола *считать*, — это представители Московской семантической школы, см. [Апресян 2005]. В рамках подхода этой школы глагол *считать* признается семантическим примитивом или «системообразующим смыслом», который

¹ Расширенная версия этого исследования готовится к публикации в [Гладкова (в печати)]. Автор выражает благодарность Анне Вежбицкой и рецензенту статьи за ценные критические замечания.

² В данной работе я обсуждаю значение глагола *считать* только в рамках его употребления в пропозициональной модели управления *считать, что*, полагая, что в других моделях управления значение этого глагола может быть другим. Обсуждение других употреблений *считать* см. [Апресян 1995; 2000; 2001; 2004б].

входит в состав других семантически более сложных слов [Апресян 2001; 2004б; 2006]. Апресян [2001: 6—7] пишет, что глагол *считать* не может быть истолкован и что его семантические свойства могут быть описаны только путем перечисления его основных семантических свойств. Глагол *думать* также употребляется в качестве семантического примитива при построении семантических толкований в работах Московской семантической школы (см., напр., [Апресян ред. 2004]). При этом семантические различия между *считать* и *думать* даются в форме свободного описания путем перечисления их семантических свойств, а не при помощи перифраза или толкований на языке семантических примитивов, см. [Апресян 2004б]³.

Существующая ситуация в лингвистике находится под влиянием принципов логики. Согласно этим принципам, концепты *знание* и *мнение* используются в качестве основных составляющих мышления и представляют собой примарную оппозицию ментальных состояний. Так, вместе с некоторыми принципами античной философии лингвистика унаследовала и приняла эту дихотомию в качестве основной и универсальной.

Во многом схожую ситуацию можно наблюдать и в англоязычной научной литературе, где английский глагол *to believe* — один из переводных эквивалентов глагола *считать* — употребляется в лингвистике, а также и в других когнитивных науках в качестве элементарного глагола при анализе когнитивных процессов. Эта популярность глагола *to believe* в научных исследованиях позволила Роберту Соломону назвать его «всеобъемлющим термином когнитивной науки» [Solomon 2003: 7]. Такое безоговорочное принятие *to believe* в качестве элементарного можно связать с особым влиянием в лингвистике работ по семантике пропозициональных установок, выполненных в рамках теории условия истинности, которые игнорировали вопросы лингвистической и культурной специфики глагола *to believe* (см., напр., [Frege 1952/1892; 1956; Russell 1912; Carnap 1931]).

Такому взгляду на глаголы *считать* и *to believe* как универсальные противостоит подход семантической школы, известный как Естественный Семантический Метаязык (ЕСМ, или Natural Semantic Metalanguage, NSM). Этот подход к описанию значения разрабатывается на протяжении последних тридцати лет Анной Вежбицкой и ее коллегами. В категории ментальных предикатов ЕСМ предлагает следующие семантические примитивы: THINK, KNOW, WANT, FEEL, SEE, HEAR. В работе [Gladkova 2007] обосновывается, что в русском языке этим примитивам соответствуют значения *ДУМАТЬ*, *ЗНАТЬ*, *ХОТЕТЬ*, *ЧУВСТВОВАТЬ*, *ВИДЕТЬ*, *СЛЫШАТЬ*.

В данной статье я доказываю, что глагол *считать* представляет собой лингво- и культурно-специфичный глагол, и поэтому он не может считать-

³ Апресян [2006: 53] отмечает, что семантические различия между *считать* и *думать* включают в себя «семантические кварки», то есть смыслы, которые не вербализуются в языке свободными лексемами и которые семантически более просты, чем примитивы.

ся семантическим примитивом. Я предлагаю толкование глагола *считать* с помощью семантических примитивов ЕСМ, в том числе с помощью глагола *ДУМАТЬ*, который является экспонентом примитива THINK. Я также предлагаю избегать использования как глагола *to believe* в английском языке, так и глагола *считать* в русском языке в качестве универсальных строительных блоков при изучении мышления из-за их языковой и культурной специфики. Я показываю, что и слово *мнение* не является адекватным инструментом описания значения глагола *считать* из-за его семантической сложности. Данное исследование позволяет ответить на вопрос, которое из слов должно использоваться в качестве семантического примитива при построении толкований в русском языке и демонстрирует межъязыковые различия в категоризации ментальных предикатов⁴.

2. *Считать* и *думать* на фоне канонических свойств примитива THINK

В данной работе принимается подход Естественного Семантического Метаязыка. Согласно этой теории, которая опирается на идеи Лейбница, в любом языке возможно выделить ядро значений, которые не могут быть истолкованы дальше и которые могут быть использованы для толкования других более сложных языковых значений. Эти значения предполагаются универсальными, т. е. общими для всех языков. Эмпирические исследования, проведенные на материале большого количества языков, показали, что возможно выделить 63 таких значения⁵. Каждое из этих значений, которые называются семантическими примитивами, обладает определенными синтаксическими свойствами и взаимодействует с другими примитивами. Таким образом, естественный семантический метаязык представляет собой мини-язык, который лежит в основе каждого языка мира⁶.

В ЕСМ значение признается семантическим примитивом, если оно отвечает двум требованиям: 1) оно обладает свойством неделимости или семантической элементарности и 2) его синтаксические свойства соответствуют семантическим свойствам данного примитива, отраженным в так называемых канонических контекстах. Согласно сложившейся традиции, список семантических примитивов и их синтаксические свойства сначала представляются на английском языке, а затем их экспоненты определяются в других языках.

⁴ В работе в качестве источника русскоязычных примеров используется *Национальный корпус русского языка*. Английские примеры были взяты из корпуса *Cobuild Bank of English*.

⁵ Полный список семантических примитивов ЕСМ см. в Приложении.

⁶ Теоретические основания ЕСМ подробно излагаются в [Goddard, Wierzbicka (eds.) 1994; 2002; Wierzbicka 1996; Goddard (ed.) 2008]. Библиография исследований в рамках подхода ЕСМ доступна на вебсайте *NSM Homepage*.

В данной работе я хочу показать, что только русское значение *ДУМАТЬ* является экспонентом примитива THINK. Я покажу, что значение *считать* не отвечает некоторым из синтаксических свойств примитива THINK и является семантически сложным.

Согласно теории ЕСМ, примитив THINK обладает следующими универсальными синтаксическими свойствами:

- [1] X thinks about someone / something
- [2] X thinks something [good / bad] about someone / something
- [3] X thinks like this:
- [4] X thinks in the same way
- [5] X thinks that.

Русский глагол *думать* удовлетворяет данным каноническим контекстам и может быть употреблен следующим образом:

- [1'] X думает о ком-то / чем-то
- [2'] X думает что-то [хорошее / плохое] о ком-то / чем-то
- [3'] X думает так:
- [4'] X думает так же
- [5'] X думает, что.

Сочетаемость *думать* с придаточным-пропозицией, вводимым *что* (контекст [5]), удовлетворяет универсальным характеристикам сочетания THINK THAT, которые были описаны Годдардом и Карлссон [Goddard, Karlsson 2004; 2008]. Как показывает их исследование, THINK в сочетании с придаточным, вводимым *that*, является семантически элементарным, если оно употребляется в конкретной временной рамке — например, в контекстах типа *я сейчас думаю, что* (ср. [Goddard 2003: 229]). Этот вывод основан на данных шведского и других скандинавских языков, в которых есть несколько основополагающих глаголов, выражающих мышление. Ожидается, что в семантических толкованиях THINK может употребляться так: *when I think about it, I think that...* Употребление *думать* в таком сочетании возможно: *когда я об этом думаю, я думаю, что...* *Думать* также сочетается с временными показателями, передающими мгновенную мысль, такими как *иногда, в этот момент, тогда, сейчас*, например⁷:

- (1) *Иногда я думаю, что мне стоило стать медиком...* (А. Филимонова. Феликс Дзержинский // Известия, 2002);
- (2) *Иногда я думаю, что кулинары похожи на алхимиков* (А. Кушак. Труагро // Известия, 2001);
- (3) *О себе Астра в этот момент думала в превосходной степени* (Г. Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом, 2000);

⁷ Такая возможность употребления в определенной временной рамке характерна не для всех глаголов ментального состояния. Так, например, она не характерна для KNOW/ЗНАТЬ — **Сегодня я знаю, что его зовут Миша.*

- (4) *Я сейчас думаю, что он не хотел, чтобы его там спрашивали о нас* (К. Василий. Лиля Брик. Жизнь, 1999);
- (5) *Тогда я думал, что на этом всё и кончится* (В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961).

Таким образом, в русском языке глагол *думать* удовлетворяет всем возможным каноническим контекстам для THINK.

Считать не удовлетворяет нескольким из этих контекстов:

- [1''] *X считает о ком-то / чем-то
- [2''] *X считает что-то [хорошее / плохое] о ком-то / чем-то
- [3''] X считает так:
- [4''] X считает так же
- [5''] X считает, что.

Употребление *считать* невозможно в контекстах [1] и [2]. При этом контексты [3] и [5] не удовлетворяют полностью требованиям «универсальности». *Считать* невозможно употребить в предлагаемом Годдардом и Карлс-сон контексте для THINK, так как *считать* не всегда может быть связан с произвольным моментом времени:

- (6) *Когда я об этом думаю (*считаю), я *считаю, что...* (канонический контекст);

или:

- (7) *Когда в дверь постучали, я *считал, что это ты.*

Эта особенность *считать* будет более подробно обсуждаться в следующем разделе статьи.

Считать имеет также некоторые ограничения при употреблении в квази-цитатной рамке [3] — *X считает так*. Данные корпуса показывают, что такое употребление возможно для *считать*:

- (8) *Честно говоря, считаю так: день прошел, ничего неприятного не произошло — вот и хорошо* (В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО, 1999);
- (9) *Я считаю так: я остался самим собой, что для меня всегда было важно* (О. Шигарева, В. Войнович. Кумиротворение — это болезнь // Аргументы и факты, 2001);
- (10) *Я считаю так: когда ты принимаешь любое решение на государственном уровне, сначала подумай, что это принесет конкретному человеку* [А. Яковлев. У нас был фашизм почище гитлеровского, 2001).

Однако употребление *считать* в контексте, вводящем «поток» мысли и подразумевающим «думать все время, некоторое время», будет грамматически неправильным:

- (11) *Он слушал печальную музыку и думал (*считал) так: несет его, как щепку в море, а вот Пушкин и Чайковский и весь этот самый*

Большой Театр — они всегда на берегу (Г. Щербакова. Ах, Маня..., 2002).

Этот пример показывает, что в то время как *думать* может использоваться для ‘записи’ ментального процесса, который продолжается некоторый период времени, *считать* не может иметь такого употребления, так как он может использоваться только для введения результата процесса мышления, см. [Апресян 2004б].

Считать полностью удовлетворяет только контексту [4] (выражение схожего мнения) для примитива THINK: *X считает так же*. Следующие примеры из корпуса иллюстрируют такие употребления *считать*:

- (12) *И большинство моих сослуживцев считают так же* (А. Григорьев, Д. Сафонов. *Офицеры в гостях у «Известий»* // Известия, 2002);
- (13) *Кто считает так же, как Анна?* (Беседа с социологом // ФОМ, 2001);
- (14) *И московский городской суд считает так же* (В. Гулин. *Крепче за машину держись, шофер* // Столица, 1997).

Итак, *считать* не удовлетворяет нескольким каноническим контекстам для примитива THINK, что ставит под сомнение его роль как экспонента семантического примитива THINK. В следующем разделе я проанализирую семантику глагола *считать*.

3. Семантика глагола *считать*

В данном разделе я ставлю задачу доказать, что *считать* семантически более сложный глагол, чем *думать*, и что он может быть истолкован с помощью *думать*. Моя гипотеза находится в соответствии с теорией ЕСМ, согласно которой *думать* не может быть истолкован через *считать*.

Первое семантическое различие между *считать* и *думать* состоит в том, что *считать*, в отличие от *думать*, используется для характеристики мнения, на выработку которого затрачено время. Будет неестественно употребить *считать* в контекстах, вводящих невольные и произвольные мысли, на выработку которых не требуется особого времени и усилия и в которых уместно употребление *думать*. Например, неестественность следующего примера демонстрирует это свойство *считать*:

- (15) *Когда я увидел тебя в слезах, я подумал (*считал / *начал считать), что случилось что-то плохое.*

Аномальность такого употребления *считать* говорит о том, что *считать* не передает моментально возникающих мыслей, но только мнения, на выработку которых уходит какое-то время.

Это свойство *считать* также проявляется в особенности его сочетания с маркерами времени. Для *считать* не характерно сочетание с временными маркерами мгновенной мысли, такими как *иногда*, *в этот момент*. Так, следующее предложение звучит неестественно:

- (16) [?]*Иногда я считаю, что он честный человек.*

150-миллионный Национальный корпус русского языка не показывает ни одного употребления *я считаю, что с иногда и в этот момент*. Тем не менее сочетания *иногда я считаю, что* или *в этот момент я считал, что* допустимы в некоторых ситуациях и можно найти подобные употребления в интернете:

- (17) *Иногда я считаю, что он чертовски привлекателен, но иногда мне кажется, что он просто ужасен* (интернет);
(18) *Иногда я ненавижу нашу группу, а иногда я считаю, что мы лучшие* (интернет);
(19) *Иногда я считаю, что мне надо лечиться...* (интернет);
(20) *Иногда я считаю, что если не повяжу хоть немного, то мой день не удался... вязание меня очень сильно успокаивает, тренирует пальцы и зрение* (интернет).

В таких примерах употребление *я считаю, что* находится на грани допустимого и замещает *мне кажется, что*, что свидетельствует об экспансии глагола *считать* в разговорной речи. Тем не менее эти примеры не противоречат тому, что *считать, что* не имеет той же свободы употребления с временными маркерами, что и *думать, что*.

Второе семантическое различие между *считать* и *думать* — сложность мыслительного процесса — неотделимо от фактора времени: *считать* вводит «продуманное» или «обоснованное» мнение, которое основано на общих представлениях человека о мире (то есть на многих вещах, о которых этот человек думал раньше), см. [Апресян 2004б]. Эта особенность *считать* наглядно проиллюстрирована Апресяном [2004б: 1129]. Я приведу его пример в немного измененном виде. Этот пример взят из ситуации, когда кого-то попросили определить температуру воды в ванной. На такой вопрос можно ответить, используя глагол *думать*:

- (21) *Я думаю, что градусов тридцать пять.*
(22) *Я[?]считаю, что градусов тридцать пять.*

Будет неестественным употребить глагол *считать* в таком контексте. Употребление *считать* уместно, если человек провел некоторое время думая над определенным вопросом и «соотнося» его с собственной системой представлений и ценностей. В ситуации, когда требуется определить температуру воды в ванной, человеку не приходится проводить сложную мыслительную операцию, чтобы выразить свое мнение. Поэтому *думать* является более уместным в таком контексте.

Другое важное различие между *считать* и *думать* состоит в том, что *считать* вводит мнение, которое выработано с участием воли. Мельчук и Жолковский [1984], Апресян [2004б] и Зализняк [2005] также выделяют это свойство *считать*. Использование *считать* означает, что человек решил так думать. Невольные идеи не вводятся *считать*, а только *думать*. Лингвистические данные, подтверждающие это свойство *считать*, могут быть найдены в сочетаемости глагола *думать* с возвратной формой глагола *хотеть* — *хотеться* — в дательных конструкциях и нехарактерности такого сочетания для *считать*:

- (23) *Мне всегда хотелось думать (*считать), что дело, которым я занимаюсь, называется журналистикой и требует от профессионала умения видеть и писать об увиденном* (Е. Рубин. Пан или пропал, 1999);
- (24) *Но все эти разъезды ни в какое сравнение не идут с твоими путешествиями и, хочется думать (*считать), серьезными профессиональными успехами* (Письмо женщины из зарубежья сестре в Москву, 2002);
- (25) *Но этот гипнотический прием на собравшихся не подействовал (хочется думать (*считать) не из-за приближения очередных выборов)* (М. Игнатушко. Городской турнир // Биржа плюс свой дом, 2002).

В 150-миллионном корпусе есть всего два примера подобного употребления *считать* с *хотется*:

- (26) *Для меня особенно интересны были чукотские примеры, ибо этот язык очень близок типологически к шумерскому — языку с настолько странной грамматикой, что хочется считать, что это «придумано нарочно» — как в прошлом и считали* (И. Дьяконов. Книга воспоминаний, 1995);
- (27) *Например, депутату Олегу Румянцеву хочется считать, что Николай II «даровал нам» в октябре 1905 года свободу и конституцию?* (И. Долуцкий. Дурная болезнь // «Век XX и мир», 1992).

Однако такие примеры малочисленны, и в них ощущается некоторая ирония, потому что *считать* предполагает наличие волевого усилия и решимости думать определенным образом, а сочетание с *хотется* уменьшает значимость такого рода усилия.

Согласно Вежбицкой [Wierzbicka 1992: 426—428], значительная разработанность и частое использование дательных конструкций в русском языке соответствует культурно-значимой идее представления желания как чего-то невольного и необъяснимого, отрицает ответственность и подчеркивает спонтанность. *Думать* употребляется в таких конструкциях, так же как и другие глаголы, такие как *спать*, *есть*, *петь* и т. д. Поэтому мысль, представленная *думать*, может быть невольной и спонтанной. Нехарактерность сочетания *считать* с *хотется* в подобных конструкциях подчер-

кивает значимость решительности, определенности, сознательности и воли в семантике *считать*.

Другой пример, иллюстрирующий способность *считать* вводить мнение, которое зависит от воли и желания человека думать определенным образом на основании каких-то фактов, можно найти в одном из контекстуальных употреблений *считать*. В следующем отрывке из романа Льва Толстого *Анна Каренина* Анна просит Долли высказать ее мнение о ее (Анны) сложной семейной ситуации:

- (28) — *Что же ты считаешь о моем положении, что ты думаешь, что?* — спросила она...
— *Я ничего не считаю, — сказала она, — а всегда любила тебя, а если любишь, то любишь всего человека, какой он есть, а не каким я хочу, чтоб он был* (Л. Н. Толстой. *Анна Каренина*, 1878).

В данном примере *считать* противопоставляется «любить и принимать человека как он есть», то есть *считать* содержит элемент рационального суждения, некоторой оценки, на чем-то основанной. Поскольку это суждение в данном случае может быть только отрицательным, Долли отказывается от установки «считать». Эта попытка избежать употребления глагола *считать* Долли — *Я ничего не считаю* — указывает на то, что чтобы *считать* о чем-то, нужно хотеть думать таким образом.

Следующее различие между *считать* и *думать* состоит в том, что *считать* выражает очень уверенную и обоснованную позицию человека, поскольку выражаемое мнение является результатом внимательного размышления над ситуацией. Поэтому *считать* не сочетается с такими фразами, как *я не уверен* или *я могу ошибаться*:

- (29) **Я считаю, что он подлец, но я не уверен.*
(30) **Я считаю, что она красива, но я могу ошибаться.*

Думать, однако, сочетается с обеими этими фразами, как показывают следующие примеры из корпуса:

- (31) *Скажем, не уверен, но думаю, что многие наши радиослушатели знают, что темпы инфляции в Казахстане последние несколько лет находились в пределах 3—6 %, в то время как в России от 15 % в прошлом году до 18—30 % в предыдущие годы* (А. Илларионов, А. Венедиктов. Беседа А. Венедиктова с А. Илларионовым в эфире радиостанции «Эхо Москвы», 2003);
(32) *Не уверен, но думаю, что возможно, Маленков тоже поддержал меня* (Н. Хрущев. Воспоминания, 1971);
(33) *Я могу ошибаться, но думаю, что сия их работа есть пробная* (Г. Чулков. Императоры: Психологические портреты, 1928).

Данное различие между *считать* и *думать* подробно обсуждается в работах Дмитриевской [1988] и Зализняк [1991; 2005].

Считать выражает очень устойчивую и уверенную точку зрения, которой человек решил придерживаться в определенный момент и не хочет менять. Анна Зализняк [1991: 191] пишет, что *считать* выражает очень устойчивое мнение, потому что оно характеризует личность. Будет неестественно употребить *считать* в ситуации, когда человек не уверен или может изменить свое мнение. В доказательство этого аргумента можно опять привести тот факт, что для *считать* не характерно сочетание с ментальными временными показателями, способными фиксировать мгновенную мысль.

Другая иллюстрация того же самого аргумента может быть найдена в том факте, что *думать* может выражать предположение, как показывают следующие контексты:

- (34) *Я думаю, что меня сегодня убьют, — сказал он спокойно, — вы тогда поспешите посмотреть, как я буду умирать* (Е. Скобцова. Равнина Русская, 1924);
- (35) *Я думаю, что она дома и спокойно спит, в то время как вы будите моих служащих* (А. Грин. Джесси и Моргиана, 1928).

Употребление *считать* для выражения предположения в подобных контекстах невозможно.

Как я уже продемонстрировала, *считать* используется для выражения мнения, если человек захотел и потратил некоторое время и усилие на размышление над чем-то и в результате этого пришел к определенной точке зрения. Мнение, которое вводится *считать*, воспринимается говорящим как правильное и хорошее, на основании которого можно строить собственные действия. Следующие примеры показывают, что *считать* может использоваться в прошедшем времени для введения точки зрения, которой позднее говорящий перестал придерживаться, но на основании которой этот человек что-то сделал, считая, что это было правильно:

- (36) *Это был тайный брак. Я считал, что мое тогдашнее отношение к подруге — это и есть истинная любовь, а поскольку темперамента у меня было хоть отбавляй, то решил, что нам надо непременно жениться* (Ю. Безелянский. В садах любви, 1993);
- (37) *Я считал, что месяца мне вполне хватит, но теперь вижу, что планы придется менять вместе с представлениями о расстояниях* (В. Писигин. Письма с Чукотки // «Октябрь», 2001);
- (38) *За концерт предложили 40 рублей, и мы чуть не поссорились — я считал, что за настоящее искусство деньги брать стыдно* (А. Макаревич. Все очень просто, 1990).

Употребление *думать* в подобных контекстах возможно, однако *считать* вводит более акцентированное, «выношенное» мнение.

Другое употребление, характерное для *считать*, — это конструкции *будем считать, что* и *давайте считать, что*, которые связывают идею,

которая является основанием для какого-то действия (и поэтому, очевидно, хорошей идеей). Данный тип конструкции указывает на согласие об определенном условии, которое люди принимают, чтобы на нем основать свои действия. Приведу следующие примеры:

- (39) *Если говорить об этом не очень хочется, будем считать, что вопроса не было* [Л. Шинкарев. Санжа Баяр, Интервью, 2003];
- (40) *Господа, прекращаем спор, будем считать, что мы нашли, потеряли и вновь нашли истину!* (Ю. Бондарев. Берег, 1975);
- (41) *Если вы быстренько уберете конверт в карман, будем считать, что этого эпизода не было. В противном случае мы с вами сильно поспоримся* (М. Милованов. Рынок тщеславия, 2000);
- (42) *Давайте считать, что нашего разговора не было* (А. Тарасов. Миллионер, 2004);
- (43) *Давайте будем считать, что у нас с вами ничья, и поговорим все-таки о деле* (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша, 2004);
- (44) *Давайте будем считать, что Виктор погиб уже коммунистом* (В. Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961).

В этих примерах участники разговора решают договориться, что что-то произошло или не произошло (вопрос не был задан, взятка не была предложена, игра была окончена, погибший был коммунистом), хотя в реальности обратное имело или имеет место (вопрос был задан, взятка была предложена, игра не была окончена, погибший не был коммунистом). Они принимают определенную пропозицию как истинную или хорошую/правильную, зная, что на самом деле это не так. Такая особенность употребления *считать* свидетельствует о том, что в семантике этого глагола присутствует компонент «я думаю, что хорошо так думать».

Подводя итоги сравнения семантических характеристик *считать* и *думать*, мне хочется процитировать наблюдение Апресяна по поводу особенностей мышления, связанных со *считать*:

...для выработки мнения, т. е. того, что мы *считаем*, требуются (...) серьезные условия. Мнение обычно является результатом достаточно длительного и тщательного продумывания всех доступных наблюдению фактов (ср. первоначальную идею счета в значении *считать*), взвешивания разных возможностей их интеграции и выбора волевым актом той интерпретации, которая в наибольшей мере соответствует личному опыту субъекта и которую он готов защищать как истинную. (...) Вообще, чем сложнее какое-либо положение вещей, чем больше различных интерпретаций оно допускает, тем труднее найти истину, тем больше оснований для употребления *считать* [Апресян 2004б: 1129—1130].

Некоторые семантические особенности *считать* проявляются особенно наглядно в свете его семантической деривации, см. [Зализняк 2005]. Глагол ментального состояния *считать* связан с другим значением *считать*, как в выражении *считать деньги*. Когда мы считаем какие-то вещи, то мы их

ясно видим, мы владеем ситуацией и в результате мы готовы дать недвусмысленный ответ. Эта связь позволяет нам лучше понять как минимум два семантических свойства *считать*. С одной стороны, она объясняет, что *считать* — это слово, вводящее взвешенное и обдуманное мнение, которое стало результатом достаточно длительного и внимательного процесса оценки существующих фактов. С другой стороны, показывает, что *считать* вводит мнение, которое лишено сомнения. Недвусмысленность счета заключена в семантике ментального глагола *считать*. *Считать* представляет единственный способ интерпретации вопроса и не спрашивает и не содержит ссылки на другие варианты или мнения.

Таким образом, *считать* вводит результат мыслительного процесса, который был добровольным и который включал в себя рассмотрение фактов и их оценку на основании представлений человека о мире и его системы ценностей. В свете данных соображений я предлагаю следующее толкование глагола *считать* на языке семантических примитивов:

[A] Я считаю, что [ты поступил правильно]

- (a) когда я об этом думаю, я думаю, что [ты поступил правильно]
- (b) я думал об этом некоторое время
- (c) я думал о таких вещах раньше
- (d) я думаю, что хорошо так думать
- (e) я хочу так думать
- (f) я знаю, почему я хочу так думать
- (g) я не хочу думать об этом никаким другим образом.

В данном толковании компонент (a) вводит общую рамку толкования. Он отражает тот факт, что *считать* является глаголом ментального состояния. Примитив КОГДА в данном компоненте требуется, чтобы отразить универсальные синтаксические свойства ДУМАТЬ, в соответствии с результатами Годдарда и Карлссон [Goddard and Karlsson 2004; 2008]. Компонент (b) показывает, что ментальный процесс, связанный с глаголом *считать*, требует определенного времени на размышление. Компонент (c) отражает идею, что точка зрения, выражаемая глаголом *считать*, основывается на мировоззрении человека. Компонент (d) содержит в себе идею о том, что с точки зрения говорящего, *считать* отражает правильный или хороший способ мышления. Компонент (e) показывает вовлечение воли в мышление определенным образом. Компонент (f) передает идею, что у человека есть причины думать именно таким образом. Компонент (g) говорит о том, что это окончательная точка зрения, которую человек не хочет менять⁸.

⁸ В английской версии ЕСМ это толкование может быть представлено следующим образом:

[A'] Я считаю, что [ты поступил правильно]

- (a) when I think about it I think that [---]
- (b) I have thought about it for some time

4. *Считать* в более широком языковом и культурном контексте

Наряду с факторами семантической структуры и синтаксических свойств, интересно рассмотреть вопросы морфологической продуктивности, места в языковой системе, частотности употребления и культурной специфики глаголов *считать* и *думать*.

Считать и *думать* являются наиболее частотными глаголами ментального состояния в современном русском языке. Целый спектр глаголов ментального состояния в русском языке значительно менее многообразный, чем в английском (ср. [Wierzbicka 2006]). *Считать* и *думать* значительно превосходят в частотности другие русские эпистемические глаголы (*предполагать*, *полагать* и *находить*), что свидетельствует об их значимости как глаголов выражения мнения в русском языке (таблица 1).

Таблица 1

**Частотность употребления пропозициональных глаголов
думать, считать, предполагать, полагать и *находить*
на основании данных Национального корпуса русского языка
(на 1 млн. словоупотреблений)**

<i>думать, что</i>	197
<i>считать, что</i>	136
<i>предполагать, что</i>	46
<i>полагать, что</i>	49
<i>находить, что</i>	18

Однако относительно высокая частотность употребления *считать* в качестве глагола ментального состояния является феноменом современного русского языка и отражает современные культурные представления и жизненные установки. *Считать* как глагол пропозиционального отношения

- (c) I have thought about things like this before
- (d) I think that it is good to think like this
- (e) I want to think like this
- (f) I know why I want to think like this
- (g) I don't want to think about it in any other way.

Можно сказать, что эти два толкования идентичны, но в каждом из них проявляются особенности языковой системы и соответственно двух вариантов метаязыков ЕСМ. Так, в английской версии в компонентах (b) и (c) употребляется настоящее предшествующее время, для которого нет полного грамматического эквивалента в русском языке. В русском варианте толкования в (d) и (e) используется портманто *ТАК* — то есть сочетание примитивов LIKE THIS, выраженное одним словом. Компонент (g), согласно правилам русской грамматики, содержит две отрицательные формы, в то время как в английском варианте только одна лексема содержит отрицание. Однако эти различия не оказывают особого влияния на передачу значения толкования в двух языках.

стал частотным в русском языке только во второй половине XIX века, когда он стал замещать употребление других глаголов ментального состояния (*почитать*, *мыслить*, *мнить*) [Апресян 2004б]⁹. Например, в работах Пушкина нет ни одного употребления *считать* в конструкции с придаточным *что*; он употреблял *считать* только в конструкциях с винительным и творительным падежом [Зализняк 2005]. Глагол *думать*, однако, оставался «базовым» глаголом для выражения мышления в русском языке на протяжении десяти веков его истории, как показано в диахроническом исследовании Макеевой [2003]. Длительное присутствие глагола *думать* в языковой системе может свидетельствовать о том, что это основной глагол в области ментальных состояний.

Другой фактор, на основании которого можно рассматривать глагол *думать* как базовый глагол ментального состояния, это его морфологическая продуктивность. *Думать* — очень многогранный глагол и значительно превосходит *считать* в морфологической продуктивности. От *думать* происходят несколько глаголов, отражающих различные виды и этапы мышления — *подумать*, *придумать*, *задумать*, *обдумать*, *вздумать*, *задуматься*, *призадуматься*. *Считать* не является морфологически продуктивным глаголом, что свидетельствует о том, что его значение не достаточно семантически простое, чтобы стать частью других значений.

Культурная специфика глагола *считать* наглядно проявляется при его сравнении с глаголами, выражающими ментальные состояния, в других языках. В данном разделе я сравню значение глагола *считать* со значением английского глагола *to believe*. В то время как нельзя назвать *считать* и *to believe* ближайшими переводными эквивалентами, оба эти глагола высокочастотны и, следовательно, культурно значимы (см. таблицы 1 и 2)¹⁰. Поэтому сравнение *считать* и *to believe* как наиболее культурно-значимых переводных эквивалентов является правомерным.

⁹ Интересно, что Зализняк (в докладе «Предикаты ошибочного мнения в аспекте семантической типологии: глагол *мнить*», прочитанном на конференции «Между ложью и фантазией» Института языкознания РАН, Москва, июнь 26—28, 2006) отмечает сдвиг в значении глагола *мнить* в середине XIX века, который привел к тому, что компонент ложности повысил свой статус — из имплицатуры в полноценный семантический компонент. Возможно предположить, что середина XIX века представляет собой время изменений в семантике нескольких глаголов ментального состояния в русском языке. Этот вопрос требует более детального семантического диахронического исследования, но можно предположить, что такое исследование укажет на значительные идеологические и культурные изменения, которые затронули русский лексикон и грамматику в это время.

¹⁰ Как показывают данные Таблицы 2, *to think* значительно более частотный глагол, чем *to believe*. Однако *to believe* семантически ближе к *считать*, чем *to think*, поэтому в этом разделе я сравниваю *считать* с *to believe*.

Таблица 2

Частотность употребления переводных эквивалентов глагола *считать* в английском языке — *to think, to believe, to consider, to regard* — на основании данных корпуса Cobuild (на 1 млн. словоупотреблений)

<i>to think</i>	1380
<i>to believe</i>	255
<i>to consider</i>	78
<i>to regard</i>	34

Я сравню значение *считать* со значением *to believe* на основании толкования, предложенного Вежбицкой [Wierzbicka 2006: 218]¹¹.

[B] *I believe that (I believe that there is a real need...)*

- (a) когда я об этом думаю, я думаю, что ---
- (b) я знаю, что кто-то другой может думать не так
- (c) я могу сказать, почему я так думаю
- (d) я думаю, что хорошо, если кто-то так думает.

Если сравнить толкование *считать* (толкование А) с толкованием *to believe* (толкование В), то первое наиболее очевидное различие заключается в том, что *считать* очень эгоцентричный глагол. В его семантике нет осознания и признания того, что другие люди могут придерживаться другой точки зрения¹² (что составляет компонент (b) в семантике *to believe that*). Процесс мышления, связанный со *считать*, оканчивается формированием позиции, которая воспринимается как правильная с точки зрения самого человека и не связывается с позициями других людей (компонент (d) в *считать* vs. компонент (d) в *to believe that*). *To believe that* является как бы более «открытым», потому что в нем есть компонент «я могу сказать, почему я так думаю», как будто человек ожидает, что его попросят объяснить свою точку зрения. *Считать* подразумевает значительно большую обоснованность собственной точки зрения — «я знаю, почему я хочу так думать» (компонент f), но не содержит ничего намекающего на то, что эта позиция должна быть открыта другим людям. *Считать* также подразумевает хорошо обдуманную позицию (компоненты (b) и (c) отсутствуют в *to believe that*). Это также «усиливается» компонентом «воли» (e), который отсутствует в *to believe that*. *Считать* выражает конечную позицию человека, которую он не хочет менять (компонент g).

¹¹ Согласно Вежбицкой [Wierzbicka 2006: 213], значение *I believe* (без союза *that*) отличается от значения фразы *I believe that*. В данной работе я привожу только толкование *I believe that* и сравнение его значения со значением *я считаю, что*, так как эти два выражения имеют схожие модели управления и, следовательно, можно ожидать, что их значения будут ближе.

¹² В этом, по-видимому, проявляется общее свойство русской языковой картины мира.

Дополнительные доказательства в пользу того, что *считать* выражает более «уверенную» и «жесткую» точку зрения, чем *to believe that*, существуют в различиях комбинаторных свойств этих двух глаголов. Один из таких случаев — возможность использования *считать* в сочетаниях типа *давайте считать, что* и *будем считать, что*, которые призывают собеседника согласиться с определенными условиями, которые не являются истинными, но которые говорящие решают принять в качестве истинных и на их основании строить свои последующие действия. В данном отношении *считать* отличается от *to believe that*, который вводит мнение очень мягким образом и признает возможность других точек зрения. Это различие подтверждается компонентом (d) в *считать* — «я думаю, что так думать хорошо». Этот семантический компонент показывает, что мнение, вводимое *считать*, может быть рассмотрено как хорошее, чтобы на его основании строить свои последующие действия. Невозможность сочетания *to believe that* с *let's* может быть объяснена наличием компонентов (b) и (d) в семантической структуре *to believe that*: «я знаю, что кто-то другой может так не думать» и «я думаю, что хорошо, если кто-то так думает». Компонент «положительности» в *to believe that* не имеет никакой претензии на универсальность мнения.

Другое семантическое свойство, которое отличает *считать* от *to believe that*, — это не характерность его сочетания с усилителями. В то время как в английском языке (как показывают примеры из корпуса Cobuild и интернета) можно сказать ‘I strongly/firmly/deeply believe that’¹³, *считать* не может сочетаться со словами, которые могут указывать на степень в русском языке — *глубоко* или *сильно*:

- (45) *I do strongly believe that Mr. and Mrs. Joe Average should be made aware of how lesbians and gay men have enriched their lives* (Cobuild);
- (46) «*We strongly believe that it is just a short-term effect, and in an area that has sensitive wildlife, there will need to be poisoning of foxes and cats and dingoes*», he said (Cobuild);
- (47) *I firmly believe that Queenslanders are special people. There is something inside all of us which keeps driving us towards the finish line* (Cobuild);
- (48) *I firmly believe that the only way forward in the peace process now is through talks and negotiations and we encourage all parties to participate actively and constructively in the process* (Cobuild);
- (49) *I deeply believe that there is no right guy out there for me...* (интернет);
- (50) *I really, deeply believe that dreams do come true. Often, they might not come when you want them. They come in their own time* (интернет);

¹³ Сочетание *deeply believe that* находится на грани допустимого, и 56-миллионный корпус Cobuild не показывает ни одного подобного употребления. Цитируемые примеры приводятся из интернета.

- (51) *Some preachers deeply believe that homosexuality is a sin* (интернет);
(52) * *Я глубоко считаю, что...*;
(53) * *Я сильно считаю, что...*

Этот факт может быть объяснен следующим образом. Глагол *считать* выражает крайнюю степень мнения или представления, которая не может быть усилена. Присутствие компонента (d) — «я не хочу думать об этом никаким другим образом» — отражает невозможность сочетания *считать* с усилителями. Этот компонент делает *считать* более «уверенным» глаголом, чем *to believe that*. Это опять исключает любое рассмотрение позиций других людей, какое заключено в *to believe that*. *Считать* может сочетаться с *твердо*, как показывают данные корпуса:

- (54) *Потом родители заставили меня извиниться перед старухой, что я неискренне, скороговоркой и проделала, в глубине души твердо считая, что ни она, ни другие домашние так и не поняли ее же пользы* (М. Палей. Поминовение, 1987);
(55) *Была одна пухлая, пунцоволицая пожилая матрона, которая почему-то твердо считала, что я могу оставить Риту ради неё, но только вот она колебалась* (Ю. Трифонов. Предварительные итоги, 1973).

Однако этот факт не опровергает, а наоборот подтверждает присутствие компонента «уверенности в собственном мнении» (компонент g) в семантике *считать*.

Таким образом, *считать* содержит в своем значении «прямой» и «уверенный» способ выражения мнения. Этот способ выражения может быть связан с общей тенденцией выражать свое мнение прямо и открыто, которой характеризуется русская языковая культура. Эта черта часто признается как отличительно русская как иностранцами, так и самими русскими. Так, например, Йел Ричмонд, бывший госслужащий США, который провел более 20 лет в России, характеризует манеру разговора, которую он считает специфично русской, следующим образом:

Прямой разговор очень ценится, даже когда он приводит к разногласиям. Когда возникает разногласие, русские больше ценят честность, чем попытки смягчить различия. Значительно лучше говорить с ними на этом уровне и быть уверенным, что они полностью понимают вашу позицию. Они уважают оппонентов, которые прямолинейны и честны в выражении своих мнений, которые отличаются от мнений других [Richmond 2003: 143].

Похожее наблюдение было сделано Светланой Бойм, которая сказала, что «Россия — это страна, в которой никто не соблюдает условий светских разговоров» (1994: 215).

В данном отношении не менее показателен отрывок из романа австралийского писателя Роберта Дёссе *Twilight of Love. Travels with Turgenev* («Сумерки любви. Путешествия с Тургеневым»):

There, around the *arbre russe*... the town's Russians would gather to parade, exchange gossip, court, borrow money and lecture each other, as only Russians can, about what was right and what was outrageously wrong with the world [Desaix 2004: 9].

‘Там, вокруг *arbre russe*... русские этого города собирались чтобы погулять, посплетничать, поухаживать за дамами, взять займы, и чтобы разьяснять друг другу, как это могут делать одни только русские, что в мире правильно и что совершенно неправильно.’

Русские ученые Прохоров и Стернин [2002]¹⁴, авторы книги *Русское коммуникативное поведение*, также отмечают бескомпромиссность и тенденцию выражения оценочных мнений как специфично русские черты:

Русский человек в споре либо просто в условиях некоторого различия во мнениях обычно ведет себя достаточно бескомпромиссно. Бескомпромиссность — существенная черта характера и поведения русского человека, ярко проявляющаяся в его коммуникативном поведении (с. 200);

Свою точку зрения русские по сравнению с представителями западной коммуникативной культуры могут выражать достаточно безапелляционно и решительно, без какого-либо смягчения. Компромиссы русское сознание считает недостойным делом, проявлением беспринципности (с. 201);

В русском коммуникативном поведении не только категорично формулируются мнения и точки зрения, но и довольно категорично выражается несогласие, что часто используется в русском коммуникативном поведении в общении между самыми разными типами собеседников: «Нет!», «Ни за что!», «Ни в коем случае!», «Никогда!» (с. 204);

В общении русские постоянно «раздают оценки» — ситуациям, событиям, третьим лицам и даже своим непосредственным собеседникам. Эти оценки очень частотны и в равной мере позитивны и негативны. Оценки высказываются открыто, без смягчения, в том числе и отрицательные (с. 213).

Тенденция выражать свое мнение прямым и категоричным способом отражена в семантике глагола *считать* и составляет его культурную специфику. Эта тенденция может быть объяснена значимостью концептов и ценностей *правда* и *истина* в русском языке и культуре. Оба эти слова переводятся на английский, как *truth*, хотя оно не отражает разницу значений этих двух слов. Как показывает Вежицкая [2002; Wierzbicka 2002], *правда* и *истина* являются культурно-значимыми словами в русском языке и связаны с существованием разговорной практики положительно оценивать говорение правды¹⁵. Она формулирует это культурное правило следующим образом:

[С] люди могут говорить два рода вещей другим людям
вещи одного рода — правда

¹⁴ См. также [Ларина 2003].

¹⁵ О культурной значимости концептов *правда* и *истина* см. также [Арутюнова 1999; Булыгина, Шмелев 1997; Степанов 2001].

хорошо, если кто-то хочет говорить вещи такого рода другим людям
вещи другого рода — неправда
нехорошо, если кто-то хочет говорить вещи такого рода другим людям
плохо, если кто-то хочет, чтобы другие люди думали, что эти ве-
щи — правда [Wierzbicka 2002: 408].

В некоторых ситуациях, когда говорящие на английском предпочитают быть осторожными в выражении своего мнения и эмоций, чтобы не задеть чувства других людей, русскоговорящие могут предпочесть открыто сказать, что они думают. Ценность говорения правды объясняет тот факт, что речь русских может восприниматься как «прямая» с точки зрения нормы английского языка. Русскоговорящие имеют тенденцию говорить прямо и категорично, потому что они чувствуют необходимость убедить слушателя в своей «правдивости». Глагол *считать*, как основной глагол для выражения мнения в русском языке, содержит в себе элемент «убеждения». Анна Зализняк пишет, что культурная специфика глагола *считать* состоит в том, что он «является миропорождающим оператором: он создает мир, в котором утверждаемая пропозиция истинна» [Зализняк 2005: 286].

5. О неадекватности слов *считать* и *мнение* в качестве инструментов семантического анализа

Предложенный здесь анализ показал, что *считать* включает в себя несколько семантических компонентов (комбинаций примитивов ДУМАТЬ, ХОТЕТЬ, ЗНАТЬ, ПОЧЕМУ, ХОРОШО, НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ, ДО и других), которых нет в значении *думать*. Невозможно истолковать *думать* через *считать*, так как невозможно истолковать более простое слово посредством более сложного. Представленные здесь доказательства показывают, что *считать* семантически более сложное слово, чем *думать*, и поэтому оно не может быть признано семантическим примитивом.

Принимая во внимание сложный семантический характер *считать*, рассмотрим толкование, предложенное Московской семантической школой, в которой *считать* используется в качестве семантического примитива. В толковании глагола *стыдиться* употребляется два глагола ментального состояния — *считать* и *думать* [Апресян 2004а: 1122]¹⁶:

стыдиться =

испытывать чувство, какое бывает, когда субъект считает, что имеет отношение к чему-то плохому или отклоняющемуся от нормы, из-за чего другие люди будут хуже о нем думать.

¹⁶ Другие примеры употребления *думать* и *считать* в семантических толкованиях глаголов ментальных состояний, выполненных в рамках подхода Московской семантической школы, см. [Богуславская 2006].

Я хочу показать, что не обязательно использовать оба глагола — *считать* и *думать* — в данном толковании. *Стыдиться* действительно представляет собой чувство, которое вызывается определенным образом мышления, но необходимо ли передавать этот образ мышления с помощью глагола *считать*? Как было показано в семантическом анализе, проведенном в данной работе, *считать* — это глагол, связанный с открыто выраженным и добровольно развитым мнением, на формирование которого ушло некоторое время и которое, как правило, связано со сложными вопросами и выражается довольно насильственно. Использование *считать* в толковании *стыдиться* может быть прагматически не обосновано. Как было показано в данной работе, *считать* содержит в своем значении компонент «хотеть так думать». Состояние *стыдиться* не обязательно подразумевает, что человек хочет думать, что его поведение плохое или отличается от нормы (как это предполагает *считать*). Напротив, когда кто-то стыдится, он бы предпочел не признавать, что он связан с чем-то плохим или отличным от нормы. Более того, он бы не предпочел придерживаться этого мнения, как это подразумевает *считать*. Не обсуждая остальную часть толкования, стоит сказать, что можно было бы избежать использования в нем *считать* и заменить его на *думать*, не изменяя в целом репрезентации значения *стыдиться* в данном толковании¹⁷.

Также слово *мнение*, которое используется в многочисленных публикациях для сравнения значений *думать* и *считать* (например, [Дмитровская 1988; Шатуновский 1993; Зализняк 2005]), не является адекватным инструментом анализа из-за своей семантической сложности. Я продемонстрирую, что значение слова *мнение* более сложное, чем значение слова *думать*, и что оно отличается от значения *считать*.

Мнение по сравнению со *считать* предполагает более мягкий и менее прямолинейный способ выражения того, что человек думает. Оно также менее оценочно и насильственно, чем *считать*. Как показывают данные корпуса, сочетание *по моему/его мнению* может вводить точку зрения, которая не является оценочной, но относится к фактам или их интерпретации. Например:

- (56) *По ее мнению, существует четыре точки зрения на объединение*
(Е. Ларикова. Мнение народа — это референдум // «Северный край», 1997).

Выражения *общественное мнение* и *мнение толпы* указывают на то, что какое-то мнение может разделяться многими людьми. Они также указывают на то, что *мнение* — это что-то, что может быть аппроксимировано. Здесь *мнение* и *считать* различаются, потому что *считать* вводит край-

¹⁷ В рамках подхода ЕСМ термины эмоций толкуются используя примитив THINK/ДУМАТЬ. Примеры таких русскоязычных толкований с ДУМАТЬ см. [Вежицкая 1999; Гладкова 2005].

ную позицию, к которой человек страстно относится и которая уникальна и обычно бескомпромиссна. Поэтому выражения [?]*толпа считает, что* или [?]*общество считает, что* являются довольно неестественными¹⁸. *Считать* может быть использовано при описании способа мышления группы людей (например, *многие считают, что*), но, в отличие от *мнения*, *считать* не сочетается со словами, которые называют большое количество людей. Это указывает на то, что *мнение* отражает менее «твердый» и «страстный» способ мышления, чем *считать*.

Мнение включает в своей семантике идею, что данный способ мышления может быть одним из многих и что есть другие позиции по данному вопросу. Мнение обычного человека может быть противопоставлено мнению эксперта, как показывает следующий пример из корпуса:

- (57) *Это мое мнение, как гражданина России, а не как специалиста* (А. Зорин. Лекция А. Зорина, 2003).

Считать не может быть использовано в такой аппозиции, потому что *считать* не подразумевает, что есть другие способы думать о данной проблеме:

- (58) [?]*Я так считаю как гражданин России, а не как специалист.*

Считать в большей степени, чем *думать*, отражает мировоззрение человека. Использование *считать* предполагает большую степень зрелости. Слово *мнение* может легко использоваться по отношению к ребенку, как показывают следующие примеры:

- (59) *С возраста десяти лет суд обязан учитывать мнение ребенка* (Именная стипендия // «Известия», 2002);
(60) *Выслушав мнение детей, отец делится с ними воспоминаниями о своем тяжелом детстве* (Е. Душечкина. Легенда о человеке, подарившем елку советским детям // «Отечественные записки», 2003).

Считать с меньшей вероятностью будет использоваться по отношению к тому, что думает ребенок. Так, содержание не каждой пропозиции, вводимой *считать*, можно употребить по отношению к ребёнку. Например, следующее предложение звучит неестественно:

- (61) [?]*Мой шестилетний сын считает, что он должен пойти в школу с углубленным изучением иностранных языков.*

В то время как абсолютно естественно использовать такое предложение по отношению к позиции родителей ребенка (что их ребенок должен пойти в школу с углубленным изучением иностранных языков), этого нельзя сде-

¹⁸ В национальном корпусе русского языка есть всего один подобный пример: «Но если общество сочтет, что здесь нужны ОЭЗ, необходимо будет принять отдельные законы» (Е. Короп. Владимир МАУ: Не надо провоцировать кризис в Китае // «Известия», 2003).

лать по отношению к позиции ребенка. Это не значит, что дети не способны думать о таких вопросах или что они не могут выражать свое *мнение* по этому поводу. Однако это указывает на то, что *считать* относится к сознательному образу мышления, которое включает в себя рассмотрение ситуации в целом и осознание последствий принятого решения.

В некоторых случаях употребление *считать* по отношению к ребенку возможно, если содержание пропозиции соответствует уровню мышления ребенка (примеры из интернета):

- (62) *Мой ребенок считает, что постирать носки — это отнести их в кучу грязного белья!* (Интернет);
- (63) *Смысл выборов заключается в том, чтобы народ почувствовал свою причастность к управлению страной. Ну это примерно как мой ребенок считает, что принимает участие в выборе мебели* (Интернет);
- (64) *... мой ребенок считает, что только «плохие тети» курят и что они скоро заболеют и умрут* (Интернет);
- (65) *Мой ребенок считает, что у нее самая красивая и молодая мама* (Интернет).

Использование *считать* указывает на позицию, к которой человек равнодушен. Компонент (g) в толковании *считать* [А] говорит о том, что это образ мышления, который человек не хочет менять. *Мнение* отличается здесь от *считать* тем, что человек может иметь *мнение* о чем-то, о чем он раньше не думал, но о чем его спросили. Например, выражение *опрос общественного мнения* подразумевает, что у любого гражданина могут спросить его *мнение* по какому-то противоречивому вопросу. Если человек дает ответ в таком опросе, то это не значит, что он думал о таких вещах раньше; тем не менее можно сказать, что у человека есть какое-то *мнение*. *Мнение* может изменяться и другие люди могут на него влиять, как показывают следующие сочетания *выработать единое мнение* и *манипулировать мнением*:

- (66) *Однако прежде понадобится выработать единое мнение политической и экспертной элиты о принципах формирования и работы кабинетов министров* (Интерфакс. Хакамада выступает за усиление президентской власти в России // «Московские новости», 2003);
- (67) *В былые времена коммунистические лидеры умело манипулировали мнением масс и имели с этого жирные дивиденды* (В. Костиков. Роман с президентом, 1996).

Мнение может подробно излагаться. Так, сочетания *выражать мнение*, *высказывать мнение*, *защищать мнение* подразумевают, что на это может уйти некоторое время. В комбинаторных характеристиках *считать* это свойство не проявляется столь отчетливо.

Сравнивать значение слов *мнение* и *считать* не очень просто, потому что они принадлежат к разным частям речи и используются в разных моделях управления. Тем не менее самыми близкими рамками, в которых их

можно сравнить, являются следующие: *я считаю, что...* и *мое мнение таково...* Я предлагаю следующее толкование для слова *мнение*:

- [D] Мое мнение таково: ...
- (а) когда я об этом думаю, я думаю так: ...
 - (б) я могу сказать, почему я так думаю об этом
 - (с) я знаю, что другие люди могут так не думать.

6. Выводы

В области когнитивных наук существует широко распространенное мнение, что мышление можно обсуждать безотносительно к языку и что язык описания не имеет значения. Напротив, представители ЕСМ утверждают, что язык описания привносит с собой определенные предвзятости. Так, основывая свой анализ на английском слове *believe*, ученые игнорируют тот факт, что *believe* представляет собой культурно-специфичную категорию, которая является продуктом английского языка. Также использование русских слов *считать* и *мнение* привносит лингвистически- и культурно-предвзятую перспективу в анализ. В этом исследовании я продемонстрировала, что *считать* как культурно- и лингво-специфичное слово соотносится с более общей тенденцией русской культуры открыто выражать свое мнение. Эта тенденция, в свою очередь, связана с ценностью говорения правды.

В то же время ученые ЕСМ не принимают в равной степени распространенную идею, что ни один язык описания не может быть нейтральным и что предвзятость неизбежна. Так как существуют эмпирически установленные универсальные концепты (такие как ЗНАТЬ и ДУМАТЬ), использование этих концептов в качестве инструментов анализа может помочь преодолеть культурную и лингвистическую предвзятость. В данной работе было продемонстрировано, что русское слово ДУМАТЬ является экспонентом семантического примитива THINK и, следовательно, имеет точные эквиваленты в естественных языках и может считаться надежным инструментом в описании всех языков.

Как показывают лингвистические исследования, существует определенное сходство в категоризации ментальных состояний во многих языках. Однако, как отмечает Фортеस्कью [Fortescue 2001: 38], «точное деление территории словами определенного языка различается и в большой степени является условным». Необходимы дальнейшие исследования в области межъязыковой и межкультурной семантики, чтобы получить полную картину в степени этих различий. Основным результатом моего исследования состоит в том, что выражения *считать, что*, и *to believe that* культурно и лингвистически специфичны. Таким образом, предпочтительно не использовать слова *считать* и *believe* в исследованиях, нацеленных на выявление межъязыковых и межкультурных различий, а также в исследованиях, которые стремятся раскрыть универсалии мышления.

Приложение

Таблица 3

Семантические примитивы — русская и английская версии
 Английская версия представлена по [Goddard 2002] с учетом изменений,
 предложенных в [Goddard 2008]. Предлагаемая русская версия
 была разработана в [Gladkova 2007].

русская версия	английская версия	
<i>Я, ТЫ, КТО-ТО, ЧТО-ТО / ВЕЩЬ, ЛЮДИ, ТЕЛО</i>	I, YOU, SOMEONE, SOMETHING / THING, PEOPLE, BODY	substantives
<i>ЭТОТ, ТОТ ЖЕ, ДРУГОЙ</i>	THIS, THE SAME, OTHER/ELSE	determiners
<i>ОДИН, ДВА, МНОГО, НЕКОТОРЫЕ, ВСЕ</i>	ONE, TWO, MUCH/MANY, SOME, ALL	quantifiers
<i>ХОРОШИЙ / ХОРОШО, ПЛОХОЙ / ПЛОХО</i>	GOOD, BAD	evaluators
<i>БОЛЬШОЙ, МАЛЕНЬКИЙ</i>	BIG, SMALL	descriptors
<i>ДУМАТЬ, ЗНАТЬ, ХОТЕТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ, ВИДЕТЬ, СЛЫШАТЬ</i>	THINK, KNOW, WANT, FEEL, SEE, HEAR	mental predicates
<i>ГОВОРИТЬ, СКАЗАТЬ, СЛОВО, ПРАВДА</i>	SAY, WORDS, TRUE	speech
<i>ДЕЛАТЬ, ПРОИСХОДИТЬ/СЛУЧИТЬСЯ, ДВИГАТЬСЯ, КАСАТЬСЯ</i>	DO, HAPPEN, MOVE, TOUCH	actions, events, movement, contact
<i>БЫТЬ [ГДЕ-ТО], БЫТЬ / ЕСТЬ [У КОГО-ТО, БЫТЬ / ЕСТЬ [ЧТО-ТО], БЫТЬ [КЕМ-ТО / ЧЕМ-ТО]</i>	BE [SOMEWHERE], THERE IS, HAVE, BE [SOMEONE/SOMETHING]	location, existence, possession, specification
<i>ЖИТЬ, УМЕРЕТЬ</i>	LIVE, DIE	life and death
<i>КОГДА / ВРЕМЯ, СЕЙЧАС, ДО, ПОСЛЕ, ДОЛГО, КОРОТКОЕ ВРЕМЯ, МОМЕНТ</i>	WHEN/TIME, NOW, BEFORE, AFTER, A LONG TIME, A SHORT TIME, FOR SOME TIME, MOMENT	time
<i>ГДЕ / МЕСТО, ЗДЕСЬ, НАД, ПОД, ДАЛЕКО, БЛИЗКО, СТОРОНА, ВНУТРИ</i>	WHERE/PLACE, HERE, ABOVE, BELOW, FAR, NEAR, SIDE, INSIDE	space
<i>НЕ, МОЖЕТ БЫТЬ, МОЧЬ, ПОТОМУ ЧТО, ЕСЛИ</i>	NOT, MAYBE, CAN, BECAUSE, IF	logical concepts
<i>ОЧЕНЬ, ЕЩЕ / БОЛЬШЕ</i>	VERY, MORE	augmentor intensifier
<i>РОД / ВИД, ЧАСТЬ</i>	KIND, PART	relational substantives
<i>КАК / ТАК, КАК</i>	LIKE	similarity

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Интегральное описание языка и системная лексикография. Т. II. М., 1995.

Апресян 2001 — Ю. Д. А п р е с я н. Системообразующие смыслы 'знать' и 'считать' в русском языке // Рус. яз. в науч. освещении. № 1. 2001. С. 5—26.

Апресян 2004a — Ю. Д. А п р е с я н. Стыдиться, стесняться, смущаться, конфузиться // Ю. Д. А п р е с я н. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена. 2004. С. 1122—1128.

Апресян 2004b — Ю. Д. А п р е с я н. Считать, думать, полагать, находить, рассматривать, смотреть, усматривать, видеть // Ю. Д. А п р е с я н. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена. 2004. С. 1128—1137.

Апресян 2005 — Ю. Д. А п р е с я н. О Московской семантической школе // ВЯ. № 1. 2005. С. 3—30.

Апресян 2006 — Ю. Д. А п р е с я н. Основания системной лексикографии // Ю. Д. А п р е с я н (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 33—160.

Апресян ред. 2004 — Ю. Д. А п р е с я н. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.; Вена. 2004.

Арутюнова 1999 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Язык и мир человека. М., 1999.

Арутюнова 2003 — О работе группы «Логический анализ языка» Института языкознания РАН // Н. Арутюнова, Н. Спиридонова (ред.). Логический анализ языка. Избранное 1988—1995. М., 2003. С. 7—23.

Богуславская 2006 — О. Б о г у с л а в с к а я. Интеллектуальные способности и деятельность человека в зеркале прилагательных // Ю. Д. А п р е с я н (ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006. С. 469—512.

Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Б у л ы г и н а, А. Д. Ш м е л е в. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Вежбицкая 1999 — А. В е ж б и ц к а я. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А. Д. Шмелев, под ред. Т. В. Булыгиной. М., 1999.

Вежбицкая 2002 — А. В е ж б и ц к а я. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Рус. яз. в науч. освещении. № 4. 2002. С. 6—34.

Гладкова 2005 — А. Н. Г л а д к о в а. Чем русское 'сопереживание' отличается от английского 'empathy'? Опыт применения метода Естественного Семантического Метаязыка в контрастивной семантике // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог 2005» (Звенигород, 1—6 июня 2005 г.) / Под ред. И. М. Кобозевой, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М., 2005. С. 102—108.

Гладкова (в печати) — А. Н. Г л а д к о в а. Исследования в области русской культурной семантики. М., (в печати).

Дмитровская 1988 — М. Д м и т р о в с к а я. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Знание и мнение. М., 1988. С. 6—18.

Зализняк 1991 — Анна А. З а л и з н я к. Считать и думать: Два вида мнения. // Логический анализ языка. Культурные концепты / Под ред. Н. Д. Арутюновой, В. Петрова, Н. Рябцевой, В. Смирнова. М., 1991. С. 187—194.

Зализняк 2005 — Анна А. З а л и з н я к. Глагол *считать*: к типологии семантической деривации // Н. Д. Арутюнова (ред.). Логический анализ языка. Квантитативный аспект. М., 2005. С. 280—294.

Ларина 2003 — Т. Л а р и н а. Категории вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003.

Макеева 2003 — И. И. М а к е е в а. Исторические изменения в семантике некоторых русских ментальных глаголов // Н. Д. Арутюнова, Н. Спиридонова (ред.). Логический анализ языка. Избранное. М., 2003. С. 461–467.

Мельчук, Жолковский 1984 — И. М е л ь ч у к, А. Ж о л к о в с к и й. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Wiener Slawistischer Almanach. Vienna, 1984.

Прохоров, Стернин 2002 — У. П р о х о р о в, И. С т е р н и н. Русское коммуникативное поведение. М., 2002.

Степанов 2001 — Ю. С. С т е п а н о в. Константы: Словарь русской культуры. Академический проект. М., 2001.

Шатуновский 1993 — И. Ш а т у н о в с к и й. 'Думать' и 'считать': еще раз о видах мнения // Н. Д. Арутюнова, Н. Рябцева (ред.). Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 127–134.

Apresjan 2000 — J. A p r e s j a n. Systematic Lexicography / Transl. by K. Windle. Oxford, 2000.

Carnap 1931 — R. C a r n a p. Psychology in a physical language // Erkenntnis II. 1931. P. 432–465.

Dessaix 2004 — R. D e s s a i x. Twilight of Love. Travels with Turgenev. Brisbane, 2004.

Fortescue 2001 — M. F o r t e s c u e. Thoughts about thought // Cognitive Linguistics. № 12 (1). 2001. P. 15–45.

Frege 1952/1892 — G. F r e g e. On sense and reference // P. Geach, M. Black (eds.). Translations from the philosophical writings of Gottlob Frege. Oxford, 1952/1892. P. 56–78.

Frege 1956 — G. F r e g e. The thought: a logical inquiry // Mind, New Series. 1956. 65 (259). P. 289–311.

Gladkova 2007 — A. G l a d k o v a. Russian emotions, attitudes and values: Selected topics in cultural semantics. PhD thesis. Canberra, 2007.

Goddard 2002 — C. G o d d a r d. The search for the shared semantic core of all languages // C. Goddard, A. Wierzbicka (eds.). Meaning and Universal Grammar: Theory and empirical findings. Vol. I. 2002. P. 5–40.

Goddard 2003 — C. G o d d a r d. Thinking across languages and cultures: Six dimensions of variation // Cognitive Linguistics. 14 (2.3). 2003. P. 109–140.

Goddard 2008 — C. G o d d a r d. Natural Semantic Metalanguage: The state of the art // C. Goddard (ed.). Cross-linguistic Semantics. Amsterdam, 2008. P. 1–34.

Goddard, Karlsson 2004 — C. G o d d a r d, S. K a r l s s o n. Re-thinking THINK: Contrastive semantics of Swedish and English // Proceedings of the 2003 Conference of the Australian Linguistic Society / C. Moskovsky, ed. <http://www.als.asn.au> 2004.

Goddard, Karlsson 2008 — C. G o d d a r d, S. K a r l s s o n. Re-thinking THINK in contrastive perspective: Swedish vs. English / C. Goddard, (ed.). 2008. P. 225–240.

Goddard, Wierzbicka (eds.) 1994 — C. G o d d a r d, A. W i e r z b i c k a (eds.). Semantic and lexical universals: Theory and empirical findings. Amsterdam, 1994.

Goddard, Wierzbicka (eds.) 2002 — C. G o d d a r d, A. W i e r z b i c k a (eds.). Meaning and Universal Grammar: Theory and empirical findings. Vols. I, II. Amsterdam, 2002.

Richmond 2003 — Y. R i c h m o n d. From nyet to da: Understanding the Russians. 3rd ed. Yarmouth (ME), 2003.

Russell 1912 — B. R u s s e l l. The problems of philosophy. London, 1912.

Solomon 2003 — R. S o l o m o n. Emotions, thoughts and feelings: What is a 'Cognitive Theory' of the emotions and does it neglect affectivity? // A. Hatzimoysis (ed.). Philosophy and emotions. Cambridge, 2003. P. 1—18.

The Natural Semantic Metalanguage Homepage <http://www.une.edu.au/arts/LCL/disciplines/linguistics/nsmpage.htm>

Wierzbicka 1992 — A. W i e r z b i c k a. Semantics, culture, and cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. Oxford: 1992.

Wierzbicka 1996 — A. W i e r z b i c k a. Semantics: Primes and universals. Oxford, 1996.

Wierzbicka 2002 — A. W i e r z b i c k a. Russian cultural scripts: The theory of cultural scripts and its applications // Ethos. 2002. № 30 (4). P. 401—432.

Wierzbicka 2006 — A. W i e r z b i c k a. English: Meaning and Culture. Oxford, 2006.

Источники

Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru>

COBUILD. The Collins COBUILD Bank of English. <http://www.collins.co.uk/books.aspx?group=140>.

Д. В. ГРОМОВ

**СЛЕНГ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР:
ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ**

Социальные диалекты, к числу которых относится и *молодежный сленг (жаргон)*, представляют собой «принятый в данном сообществе субвариант речи, который благодаря действию определенных общественных сил является характерным для определенных этнических, религиозных и экономических групп или групп индивидуумов с определенным уровнем и типом образования» [Макдэвид 1975: 365]. В работах о социальных диалектах общим местом является мысль о том, что их лексический состав отражает реалии сообщества, в котором они используются (см. напр. [Жирмунский 1936: 105—119; Кёстер-Тома 1994]). Иначе говоря, сленг формируется как отображение предметного мира сообщества или социального слоя, его деятельности, структуры, системы статусов, ценностей и т. д. Сравнение конкретных сходных сообществ (например, студенческих коллективов) показывает, что семантическая структура сленгов может быть неизменной даже при несовпадении их лексического состава [Thorne 2005]. Многократно предлагались способы классификации сленговой лексики, однако различные авторы группировали сленговую лексику в семантические группы по различным критериям [Eble 1996; Eckert 1989; Halliday 1978; Jespersen 1964; Labov 1982], нередко выбор критерия был обусловлен решением частных исследовательских задач. Наиболее часто встречающимся критерием для классификации являются категории социальной коммуникации.

В данной статье на советском (1970—1980-е гг.) и российском материале мы рассмотрим, какова лексическая структура и, соответственно, каковы особенности формирования сленгов молодежных субкультур.

Рассматривая молодежный сленг, необходимо отметить, что он включает в себя две составляющие: 1) общемолодежный сленг; 2) сленги субкультур. Граница между этими слоями размыта; так, например, существуют сленговые слова, употребляемые не одной субкультурой, а несколькими. Кроме того, считается, что «сленг состоит из слов и фразеологизмов, которые возникли и первоначально употреблялись в отдельных социальных группах» [ЛЭС 1990: 461], из которых потом и составляются «общеупотребительные» формы сленга и просторечная лексика.

Наличие собственного сленга, по Коэну [Cohen 1997], является одним из четырех параметров, позволяющих говорить о сообществе как о субкультуре. Некоторые субкультуры разрабатывают собственные сленговые системы, некоторые — используют уже существующие, дополняя их небольшим набором слов, отображающих собственную специфику. К последним относятся, например, отечественные панки, которые большинство своей лексики позаимствовали у хиппи.

* * *

Сходство и различие общемолодежного и субкультурных сленгов обусловлено их прагматикой — явлениями, которые они отражают, и сферами, в которых используются.

Для анализа общемолодежного сленга возьмем «Словарь современного молодежного жаргона», составленный М. А. Грачевым [Грачев 2007]. Этот словарь, содержащий более 6000 жаргонизмов, на настоящий момент является самым объемным изданием по теме и достаточно адекватно отражает основной лексический корпус молодежного языка. Выделив из текста словаря общемолодежные жаргонные слова и отредактировав этот массив (были удалены слова однокоренные, отнесенные к общемолодежному жаргону неправомерно и т. д.), мы получили выборку из 1300 слов.

Необходимо сразу сказать, что **структура общемолодежной сленговой лексики** отражает аспекты деятельности, значимые для данного возраста.

1. К межличностной коммуникации относятся 40 % слов из рассматриваемой выборки. Крупнейшие подгруппы слов, входящих в эту группу, обозначают процесс общения, поисковой сексуальной активности, конфликтности.

1.1. Слова, связанные с **процессом общения**, обозначают категории, отражающие непосредственно процесс общения (*базарить, клубиться, трещать*), место общения (*дискотряска, прыгалки, собираушка, сборник, тусовка*) и др., и составляют около 11 % выборки; но их реальное количество больше, поскольку в словарь не входят имена собственные, связанные с темой (например, названия конкретных мест коммуникации).

1.2. Слова, связанные с **поисковой сексуальной активностью**, составляют около 13 % слов общемолодежного сленга. Это могут быть обозначения лиц другого пола, чаще всего девушек (*анфиска, качество* и др.). Нам кажется, соотнесению с поисковой сексуальной активностью не противоречит то, что слова, которые обозначают лиц противоположного пола, как правило, насмешливы. Слова *бикса, чувырла, плюшка, коряга, крокодил* и прочие обозначения девушек, подчеркивающие их полноту, некрасивость или же просто пренебрежительно-насмешливое отношение к ним, — это слова, которые употребляют юноши в беседах между собой при обсуждении конкретных девушек и процесса знакомства с ними. Можно предположить, что употреблением такой лексики юноши компенсируют свою

сексуальную неопытность и повышают маскулинный статус. Примечательно, что эти прозвища-дразнилки иногда употребляются в уменьшительно-ласкательной форме: *бабасик, плюшечка, крокодилчик* и др. К рассматриваемой категории относятся и слова, описывающие процесс знакомства, ухаживания, сексуальной близости: *асисякать, втюриться, втрескаться, клеить, пикапить, подбивать клинья, трахаться* и т. д. Видимо, перечень слов, касающихся поисковой сексуальной активности, мог бы быть значительно больше — надо учесть, что в словарь не вошли «молодежные слова, в составе которых имеются корни русской нецензурной брани» [Грачев 2007: 22].

1.3. К составляющим коммуникативных процессов мы относим действия, связанные с **конфликтностью, агрессивностью** (12 %). Они отражаются в словах, связанных с проявлением агрессии (*борзеть, возникать, вонять, крошить батон, наезжать*), дракой (*махач, месилово*), нанесением побоев (*буцать, вломить, гасить, мочить*), потенциально опасными людьми (*амбал, бандерлог, бивень, бык*) или группами (*кодла, шобла, штабель*), милицией (*власть, кокарды, менты, серые*), процессом задержания (*винтить, принимать*), сигналами опасности (*Атанда! Атас! Шухер!*).

2. Молодость — пора «открытия мира», повышенной остроты восприятия действительности; юношескому возрасту свойственна особенная эмоциональность, склонность к экстатическим состояниям. Мы считаем, что именно этим обусловлено наличие в общемолодежном сленге большого (около 20 %) количества слов, выражающих **высокую степень эмоциональности оценки**. К этой категории относятся слова-восклицания (*Вау! Атас! Кайф! Класс!* и др.); слова, обозначающие эмоциональные, экстатические состояния (*валяться, зажигать, колбаситься, переться, тащить, угорать* и др.); слова с явной оценочной характеристикой (*абзац, беспонтовый, борода, кирдык, кульный, мировой, отстой, рулёз* и др.).

«Лексика и фразеология молодежного жаргона отличается повышенной (сравнительно с общелитературным стандартом) экспрессивностью» [Никитина 2005]. Как отмечал Л. П. Крысин, «лингвистическая сущность всех (...) разновидностей [молодежного сленга] одна и та же: игра со словом и в слово, метафоризация словесных значений с целью создания экспрессивных, эмоционально окрашенных средств языкового выражения» [Крысин 1989: 76].

3. Большую группу сленговых слов составляют обозначения **предметов и реалий молодежной повседневности**. Это могут быть названия предметов обихода, частей тела, статусов, отмечающих родственные отношения и др. Часть из этих слов обозначает реалии, актуальные для всех людей, независимо от возраста, а другая часть — реалии сугубо молодежной повседневности (*дноуха, мафон, предки, стёб*). Некоторые из слов второй группы примыкают к перечисленным категориям коммуникации, сексуального поиска, агрессии, эмоциональной оценки (например, слова *бубен, табло, торец*, обозначающие лицо, обычно употребляются для обозначения удара

по лицу — *дать в бубен* и др.); часть слов в аспекте нашего анализа нейтральны.

Надо отметить, что в общемолодежном жаргоне минимально представлены слова, относящиеся к работе и учебе. Это обусловлено тем, что данный языковой слой обслуживает именно сферу *досуга* как важнейшего поля деятельности современной молодежи. Досугу в условиях современной цивилизации молодежь уделяет особенно много времени. Впрочем, лексика, связанная с недосуговой деятельностью, входит в такие группы слов, как школьный и студенческий жаргон, профессиональные жаргоны.

Приведем обзор субкультурной лексики с разбивкой по тем же категориям, по которым мы выше рассматривали общемолодежный сленг.

Структура сленгов субкультур в целом повторяет структуру общемолодежного сленга. В субкультурных сленгах можно найти обозначения категорий, связанных и с общением, и с поисковой сексуальной активностью, и с эмоциональной оценкой, и с агрессивностью, и со специфическими реалиями повседневности.

1. Как правило, субкультурные сленги содержат множество слов, обозначающих **коммуникацию**. Показательно, что Т. Б. Щепанская, рассматривая сленг хип-культуры, практически сводит его к терминам, отображающим именно эту категорию.

Большая часть сленговых слов относится собственно к процессам коммуникации, обозначая:

(1) Коммуникативные стратегии:

а) объединение (*стусоваться, притусоваться, вписаться, слиться в экстазе, зависнуть на флэту* и т. д.);

б) разъединение (*растусоваться, скипнуть или схипнуть, отписаться, выписаться, слинять* и пр.).

(2) Разговор, беседу — т. е. процесс коммуникации: *базарить, тележить, гнать телеги*; и его оценку: *в тему, по кайфу* — или наоборот, *лажа, догоны, напряжные телеги* или *стремаки*.

(3) Понимание/непонимание, т. е. наличие или отсутствие коммуникации: *врубаться, въезжать, просекать, усекать, втыкаться, прикалываться, втюхивать* и т. д.

(4) Оценочные суждения, т. е. коммуникативную оценку по отношению к той или иной информации:

а) положительную оценку, одобрение (*клево, круто, волосато, зависяющее, улет, кайфово, цепляет*);

б) отрицательную (*лажа, фуфло, облом(но), некайфово, внапряг*). (<...>)

(5) Значительная часть слов относится к области антропонимии, обозначая статусные позиции и роли в хип-культурном сообществе (это маркеры социальной структуры):

а) статусы и роли: принадлежность к хип-культуре или конкретному «своему» сообществу (*братки, братишки, пипл, люди, тусовщики, волосатые, хайрастые*) и статус в нем (*пионер, олдовый*), в том числе женский (*мать, сестренка, лялька, герла, жаба*);

б) статус «чужого» (*гонимик, бык, цивил*) и принадлежность к чужой группировке (*толкнутые, рерихнутые, пункера* и пр.).

(6) Еще одна группа сленговых слов маркирует значимые в мире хип-культуры модели поведения, а также вещи, локусы, части тела и прочие образования материального мира [Щепанская 2003: 83].

Мы видим, что Щепанская дает несколько иную разбивку слов на группы, но при этом основные категории, указанные нами выше для общемолодежного сленга, она также выделяет. Некоторые несовпадения определены характером рассмотренных Щепанской субкультур — основным объектом ее исследования являются хиппи — субкультура с низким нормативным уровнем агрессивности, поэтому в классификации нет слов, связанных с агрессивностью и конфликтностью.

В сравнении с общемолодежным сленгом, в субкультурной среде еще большее внимание уделяется обозначению конкретных мест коммуникации. Так, в среде московских хиппи конца 1980-х местами тусовок были *Гоголя* (площадка у памятника Гоголю на одноименном бульваре), *Пентагон*, *Пент* (кафе на ул. Знаменка, близ Министерства обороны), *Бисквит* (кафе на Арбате), *Джанг* (кафе на Чистопрудном бульваре), *Горбушка* (Дом культуры им. Горбунова, где часто проводились рок-концерты) и т. д. В Ленинграде были широко известны *Сайгон*, *Гастрит*, *Казань*, в Киеве — *Стекло*, *Рулетка* и т. д.

Употребляя общемолодежный сленг для обозначения категорий, связанных с *поисковой сексуальной активностью*, члены субкультур часто вырабатывают и собственную лексику. Например, словарь байкера приводит выражения, обозначающие процесс знакомства с девушками: *мутить тортилл*, *опылять клумбу*, *дёргать морковку*; о подругах байкеров там же говорится как о *тётках*, *тёлках*, *кошёлках*, *чёлках* [Байкер]. На сленге хиппи девушка называется *герлой*, панков — *жабой*, на хип-хоп-тусовках — *чиксой* и т. д.

2. В различных субкультурных сленгах можно выявить *экспрессивную лексику*; многие из этих слов заимствуются из общемолодежного жаргона, некоторые — конструируются самостоятельно. Так, в сленге спортсменов-экстремалов были выделены следующие слова, выражающие соответственно положительную и отрицательную оценку: *кайф / кайфово*, *рулис*, *а(о)фигительно*, *нормалды*, *ништяк* и *зачёт* (удачно сделанный трюк, похвала), *зажигательно*; *облом*, *убивалово*, *мясо*, *дрызг*, *лажа*, *стремак*, *луз*, *абзац*, *отстой* [Халикова 2007: 251].

3. Основным отличием субкультурных сленгов от общемолодежного является то, что субкультурные сленги являются **отражением субкультурных реалий**, в них находят отражение специфическая групповая деятельность, одежда, система ценностей и т. д.

Последние десятилетия наблюдается тенденция: участники субкультур для обозначения повседневных понятий используют слова общемолодежного сленга, а собственный сленг вырабатывают только для категорий специфических, отображающих субкультурные реалии.

Итак, на основе проведенного сопоставления можно утверждать, что лексическая структура общемолодежного сленга и сленгов субкультур в целом совпадают. Можно сказать, что *в субкультурных сленгах отражается структура сленга общемолодежного* (подобно тому, как в осколках голограммы сохраняется ее целое изображение). Сходство субкультурных сленгов и общемолодежного сленга (взаимно влияющих друг на друга) обусловлено тем, что все они являются отражением реалий, типичных для молодежи вообще, обусловленных возрастным развитием.

* * *

Рассмотрев в первой части статьи лексическую структуру субкультурных сленгов, обусловленную особенностями молодежного возраста, во второй части мы хотим показать, что **каждый конкретный сленг обусловлен характером субкультуры.**

Формирование жаргона как отображения сферы деятельности происходит во всех социальных диалектах: «Чем больше человеку приходится сталкиваться с определенным участком или областью действительности, тем интенсивнее членится она в языке» [Серебренников 1970: 480]. Например, Р. Шос отмечал, что в профессиональном жаргоне птицеловов существуют обозначения двенадцати «колен» соловьиного пения: *пульканье, клыканье, дробь, раскат, пленканье, гусачок, юлиная стрекотня* и т. д.; коннозаводчик различает десятки оттенков лошадиного бега: *грунца, рысца, нарысь, хлынца, притруска, грунь, развал, перевал, плавь* и др. [Шос 1926: 102].

Согласно этой закономерности, для молодых людей, занимающихся спортом — спортсменов-экстремалов, байкеров — основной группой сленга является обозначение спортивной техники (скейтбордов, велосипедов, мотоциклов) или ее деталей, частей специальной одежды, стилей и приемов своего вида спорта.

Так, в сленге спортсменов-экстремалов присутствуют термины, обозначающие стратегии и техники катания (*рейлить, триалить, нырять, зажигать, пулять, мутить, дропать*), трюки (*фишки, финты, феньки*) и т. д. [Халикова 2007: 251]. В словаре мотобайкеров — термины, относящиеся к типам и характеристикам мотоциклов (*бритва, водохлюп, вымя, диггер, дристамёт, ижжого, кастом, классик, колясочник, круизер, крыса, совкоцикл, чоппер* и др.), их частям (*блин, кик, котёл, лохматка, табло, итурвал*), стилям езды (*ботанить, греть резину, отжигать, пулять* и др.), трюкам (*бычина, вили, козление, свеча, сосиска, стоппи*) и прочим понятиям, связанным с ездой на мотоциклах.

В субкультуре исторических реконструкторов, осуществляющих воссоздание культурно-исторических реалий прошлых эпох (в частности одежды, оружия, предметов обихода), существуют термины, обозначающие целых восемь степеней сохранности (*сохрана*) того или иного предмета. По убыванию качества предмет может называться: *муха (муха не еб...сь, му-*

хач, мухачевый, музейный), нулёвый (нульсен), чердачник, юзанный (сильно юзанный), блиндажник, убитый, гнилой, труха (в труху). Кроме того, в сленг входят обозначения исторических армий и воинских подразделений, видов вооружения, снаряжения, наград, слова, связанные с технологией раскопок, с проведением реконструкторских мероприятий [Рекон].

В среде политизированной молодежи сленговые слова относятся к уличным акциям. Это могут быть типы акций — помимо «официальных» терминов (собрание, пикет, митинг, шествие, демонстрация) встречаются еще и «неофициальные»: *акция прямого действия* (акция, предполагающая нарушение закона), *прорыв* (несанкционированный прорыв милицейского оцепления), *захват* (несанкционированное проникновение в помещение — как правило, принадлежащее какой-либо государственной или коммерческой организации — с последующим удерживанием его), *продуктовый терроризм* (метание предметов питания в того или иного государственно-го или общественного деятеля). Сленговые слова могут обозначать и понятия, связанные с акцией: *упаковка, буханка* (автобусы или фургоны для задержанных), *брызгалка* (машина-водомер), *космонавт* (боец ОМОНа в полном снаряжении) и др.

Не менее ярко тенденция «специализации» жаргона проявляется в молодежных сообществах, близких к сообществам профессиональным. Так, из 16 сленговых слов, зафиксированных в военном вузе, готовящем кадры для ВВС (г. Ульяновск), 10 слов являются обозначениями разных типов самолетов (*Большая Тушка, Окурор, Примус* и др.), еще три относятся к реалиям летной службы и только оставшиеся три обозначают «неслужебные» действия, связанные с едой и сном [Матлин 2003: 185].

В субкультурный сленг, как правило, входят обозначения одежды или аксессуаров, характерных для данного сообщества. Например, у хиппи это *ксивник, хайратник*; у байкеров и металлистов — *косуха*; у скинхедов — *бомбер, скутер, гриндера*; у футбольных фанатов — *розетка* и т. д.

Молодежные субкультуры многообразны, но в их строении есть много типичного. Типичные составляющие, социально-психологические константы, задействованные при формировании субкультур, можно выявить с помощью анализа сленга. Далее мы проведем **сравнительный анализ** субкультурных сленгов по ряду позиций.

По составу сленга можно сделать **выводы о ценностях субкультуры**, например, о нормативном уровне **агрессивности** ее участников.

Так, в «Словаре сленга хиппи» Ф. И. Рожанского из 250 слов можно выделить только 8, связанных с агрессивностью. При этом только три (*беспредел, гасить, мочить*) можно отнести собственно к обозначениям агрессии. Остальные обозначают либо группы, выступающие как агрессоры по отношению к хиппи (*береза* (оперотряд «Березка», занимавшийся борьбой с неформалами), *любера, полис, урла*), либо их действия (*винтить*) [Рожанский 1992]. По сленговым словам видно, что хиппи не агрессоры, а скорее жертвы агрессии. Напротив, в словаре футбольных фанатов из 206

слов с агрессивностью в той или иной степени связаны 99. Имеется в виду не только «прямая» агрессивность, выраженная в драках, но и ритуализированная — проявляющаяся через скандирование *кричалок*, демонстративное пренебрежение к противнику и т. д.

Межгрупповая конфликтность, типичная для многих молодежных сообществ (особенно мужских), находит отображение в наличии большого количества *слов, обозначающих группы-противоборцы*, причем эти слова, как правило, являются обидными прозвищами.

В среде футбольных фанатов, для которых соревновательность является одним из основных элементов субкультурной деятельности, прозвища имеют практически все спортивные клубы. Так, фанатов разных клубов именуют: *кони, лошади* (ЦСКА), *мясо, свиньи* («Спартак»), *бомжи, мешки* («Зенит»), *вагоны, лохомоды, паровозы* («Локомотив»), *шинари, резиновые* («Шинник»), *торпедоны, ржавые, кастрюли* («Торпедо»), *мусора* («Динамо»), *сало, салоеды, роги, дырки, хохлы* («Динамо», Киев), *йогурты* («Сатурн»), *крысы* («Крылья Советов»), *кроты* («Шахтер»), *харьки, факи* («Металлист»), *жиды* («Черноморец») и т. д. [Фанат].

В сленге скинхедов присутствует целый перечень их врагов — представителей других национальностей: *узкоглазые, хачи, цунарефы, черные* и др.

Как отображение межгрупповой конфликтности появился термин *гонники* — так называли агрессивную уличную молодежь представители молодежи с более высоким уровнем образования и более низкой агрессивностью. До недавнего времени сами *гонники* себя так не называли; для самоидентификации в этой среде широко распространено слово *пацан* (часто употребляется с прилагательными *серьезный, четкий, конкретный, реальный* и др.).

Противоборство с другими группами актуально для политизированных молодежных объединений. Соответственно можно выявить жаргонные слова-прозвища, обозначающие противоборствующие группы и их представителей. Отметим некоторые принципы их формирования.

А. По названию движения. *Пни* — по созвучию от ДПНИ; участники Движения против нелегальной иммиграции. *Едросики* — представители «Молодой гвардии» молодежного крыла «Единой России». *Нашисты* — участники движения «Наши»; иногда термин «нашист» используется внутри движения для обозначения иронии или порицания по отношению к соратникам.

Б. По имени лидера. *Линдермоны* — члены НБП; прозвище образовано совмещением имен руководителей — Э. В. Лимонова и В. И. Линдермана (Абея). *Путиноиды, путинюгенд* — участники проправительственных движений; по имени президента (с 2008 года — премьер-министра) В. Путина.

В. По особенностям внешнего вида. *Бородатые* — члены «Евразийского союза молодежи».

По сленговой лексике можно определить *гендерный состав* субкультуры: в «мужских» сообществах больше терминов, связанных с агрессивностью.

стью (см. сленг спортивных фанатов, скинхедов, гопнической молодежи), в «женских» — с внешним видом. Так, в небольшом перечне жаргонных слов, присутствующем в публикации об эмо (субкультуре преимущественно «девичьей»), из девяти позиций пять отражают реалии внешнего вида — одежды (*флипы, слипы*) и украшений (*снэпы, плаги, тоннели*).

В сленге часто можно найти отображение *трехчастной структуры* молодежных субкультур. Т. Б. Щепанская [Щепанская 1993], описавшая трехчастную модель на российском материале, назвала три категории участников неформальных движений:

- 1) лидеры, хранители традиций — как правило, люди старшего поколения;
- 2) основная группа — рядовые участники;
- 3) новички — молодежь, недавно вступившая в движение (более широко — участники движения, находящиеся на его границе, полупрофаны, только отчасти являющиеся «своими»).

Трехчастная модель работает для объединений с достаточно длительной историей (настолько длительной, чтобы хватило времени для «наращивания» «старшей» группы). В противном случае субкультура может иметь двухчастную структуру, включая «настоящих» участников движения и полупрофанов.

Все три группы имеют собственные сленговые обозначения. Щепанская, рассматривая трехчастную структуру на примере хиппи, дает этим группам названия (1) *олдовые*, (2) *пилл* (*пиллы*) и (3) *пионеры*.

Отметим, что представители «средней» категории часто не имеют собственного названия, вернее, их название совпадает с общим названием членов субкультуры. В рассмотренном выше примере *пилл* — это не только обозначение «средних» участников движения, но и самоназвание отечественных хиппи вообще. В среде уличной молодежи таким самообозначением является слово *пацан*, которое в русском языке обозначает подростка или ребенка мужского пола вообще. Сленгом маркируются только статусы, отличающиеся от «среднего»; «нормальное» же состояние не рефлексируется.

Словарь сленга футбольных фанатов отмечает несколько категорий, по тем или иным причинам относящихся к «вышним» и «низшим» группам (причем «средняя» группа самоназвания не имеет — это просто *фанаты*):

- 1) *основа* (боевой *моб*, или основные группировки какого-либо фанатского движения), *правые* (заслужившие большой авторитет), *старики* (правые фанаты с большим стажем), *хулсы* (хулиганы, активные, готовые к дракам фанаты) и др.;

- 2) *фанаты*;

- 3) *карлики*, *карланы*, *пионеры*, *фантомасы*, *фантики* (юные, неопытные фанаты), *кузьмичи* (обычные болельщики, не фанаты, «не участвуют в акциях и обычно приходят на матч с семечками, пивом и дудкой»), *левые* (фанаты, не имеющие отношения к официальным фанатским объединениям) и др. [Фанат].

Трехчастная структура для спортсменов-экстремалов имеет следующий вид:

1) *про, профи, отец, позер*;

2) собственно спортсмены, *экстремальщики*; сленг различает их по принадлежности к спортивной дисциплине — *доскеры, байкеры, блэйдеры, трейсеры, МТВшники, райдеры*;

3) *понтмер, мажор, буржуй, ушлёпок, алкобайкер* [Халикова 2007: 251].

В среде эмо (субкультура с недолгой историей развития, пока что имеющая двухчастную структуру), в отличие от «настоящих» эмо — *тру*, присутствуют те, кто вступают в эту субкультуру ради моды — их сами эмо называют *позерами* (англ. *poseur* — позер, подражатель). Аналогично в среде готов выделяются *тру-готы* и *херки-готы*.

В клубах самодеятельной песни (КСП) по данным конца 1980-х — начала 1990-х годов существовала категория *хвостов* — так назывались либо участники слетов, не принадлежащие ни к одному из клубов, либо попутчики, не знающие места проведения слета и пытающиеся добраться до него, *упав на хвост* тем, кто знает (избавляться от таких попутчиков называлось *рубить хвосты*).

Человек, находящийся «на границе» субкультуры (в «нижней» группе трехчастной структуры), может восприниматься как чужой, если он *следует только внешним проявлениям субкультуры*, пренебрегая ее идеологией, субкультурной деятельностью, духовным наполнением субкультурных практик.

Так, в субкультуре скинхедов в периоды ее подъема существовала категория *модников* — участников движения, которые уделяли внимание только одежде и некоторым «не экстремальным» практикам, не заботясь об идеологии, о борьбе против инородцев и т. д.; они «носят скин-атрибутику, слушают “белый рок”, иногда посещают скин-концерты, но в массе своей тихи и неагрессивны» [Беликов 2005: 27].

В среде графферов существует категория *той* (от англ. *toy* — ‘игра, игрушка’) — «1) неопытный человек в граффити, желторотик; 2) человек, который в граффити не из-за любви к искусству, а по другим причинам... Такие люди не устаиваются ничего, кроме презрения и ненависти со стороны художников» [Хип-хоп].

Приведем характеристику людей такого типа в сленге байкеров: «*Крендель* — что-то типа скамейкера, часто приходит на место байкерской тусовки, может расщедриться на пиво и вспоминает, что когда-то у него был свой Урал (Днепр, Ява, Иж и т. д. и т. п.). (...) *Скамейкер* — человек в байкерском прикиде, не имеющий мотоцикла, но любящий затирать всем, особенно девицам, про мотоциклы» [Байкер].

При проведении акций в стиле флеш-моб презрительных наименований устаиваются те, кто не следуют стилистике флеш-моба — вследствие собственного злого разгильдяйства нарушают правила акции, чем ее портят (*парускеры, элвисы, смайлсы*), или же приходят на акцию

посмотреть, а не поучаствовать в ней (*пингвины, зрибберы, обсерверы*) [Панов 2008: 364].

Особыми терминами маркируются и те, кто *слишком серьезно следует субкультурным нормам и образцам*.

Так, в толкиенистской среде можно выделить группу *дивных* — участников движения, склонных переносить игровые практики в повседневную жизнь; «дивный» (более презрительная форма — *дивнюк*) в обыденной жизни ходит в «ролевой» одежде, ведет себя согласно своей игровой роли и т. д. Частный случай «дивного» — *эльф по жизни* — ролевик, с излишней серьезностью следующий образу эльфа [Писаревская 2008].

У скинхедов *«гриндернутый»* — человек, с гипертрофированной серьезностью воспринимающий имидж и субкультуру бритоголовых» [Беликов 2008: 247].

В среде реконструкторов *«Хелрейзер/Hellriser* (в пер. с англ. ‘восставший из ада’) — [тот, кого] уже трудно назвать реконструктором. Люди этого плана надевают на себя только “родные” вещи, презирают любые “новоделы”, часто считают себя хранителями неких великих традиций» [Рекон].

В религиозной общине виссарионовцев (близ Минусинска, Красноярский край) можно выделить группу общинников, следующих во внешнем виде основателю движения Виссариону, в частности это выражалось в ношении экзотического хитона, за что основная группа общинников иронически называла их *хитонистами* (следует добавить, что все «хитонисты», наблюдавшиеся нами летом 1995 года, были молодыми людьми).

* * *

Подводя итоги статьи, отметим следующее.

1. Молодежный сленг (жаргон) формируется как отображение предметного мира молодежи как социального слоя или молодежных сообществ, их деятельности, структуры, системы статусов, ценностей и т. д. Большое значение при этом имеют социально-психологические характеристики юношеского возраста — многофакторный процесс социализации, выражающийся, помимо прочего, в активной коммуникации (особенно со сверстниками), в склонности к экстремальным и игровым формам деятельности, в поисковой сексуальной активности, в интересе к экстатическим состояниям и т. д.

2. В общих чертах структура общемолодежного сленга и частных субкультурных сленгов повторяется, с той разницей, что в субкультурных сленгах большое место уделяется словам, отражающим реалии данных социальных образований. Сходство данных структур позволяет подтвердить наше предположение об обусловленности лексической структуры сленга социальными и возрастными факторами.

3. Сравнительный анализ субкультурных сленгов позволяет выявить некоторые закономерности его формирования в зависимости от нормиро-

ванного уровня агрессивности в группе, ее системы ценностей, гендерного состава, длительности существования и т. д.

Рассмотрение лексической структуры сленга позволяет приблизиться к задаче классификации слов жаргонной лексики. Эта задача неоднократно ставилась различными исследователями, но до сих пор в полной мере не решена.

Л и т е р а т у р а

- Байкер — Словарь байкера / Сост. Иваныч, Хэлыг // www.motohram.ru.
- Беликов 2005 — С. В. Б е л и к о в. Скинхеды в России. М., 2005.
- Беликов 2008 — С. В. Б е л и к о в. Бритоголовые // Молодежные субкультуры Москвы. М., 2009. С. 224—252.
- Грачев 2007 — М. А. Г р а ч е в. Словарь современного молодежного жаргона. М., 2007.
- Жирмунский 1936 — В. Ж и р м у н с к и й. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
- Кёстер-Том 1994 — З. К ё с т е р - Т о м а. Сферы бытования русского социодialecta (социологический аспект) // Русистика. 1994. № 1—2. С. 18—28. [Берлин].
- Крысин 1989 — Л. П. К р ы с и н. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
- ЛЭС 1990 — М. В. А р а п о в. Сленг // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 461.
- Макдэвид 1975 — Р. И. М а к д э в и д. Диалектные и социальные различия в городском обществе // Новое в лингвистике. Вып. VII: Социоллингвистика. М., 1975. С. 363—381.
- Матлин 2003 — М. Г. М а т л и н. Фольклор военных училищ // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 180—185.
- Никитина 2005 — Ю. Н. Н и к и т и н а. Социальные и лингвистические свойства современного русского молодежного жаргона. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Панов 2008 — А. П а н о в. Флэшмоб: история и принципы проведения // Молодежные субкультуры Москвы. М., 2009. С. 344—384.
- Писаревская 2008 — Д. Б. П и с а р е в с к а я. Ролевые игры: пример «социализации» субкультуры // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 8—18.
- Рекон — Краткий словарь российского реконструктора // Форум военно-исторических реконструкторов. <http://www.livinghistory.ru>.
- Рожанский 1992 — Ф. И. Р о ж а н с к и й. Сленг хиппи. СПб.; Париж, 1992.
- Серебренников 1970 — Б. А. С е р е б р е н н и к о в. Социальная дифференциация языка // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970. С. 478—497.
- Фанат — Сленг футбольных хулиганов // <http://ru.wikipedia.org>.
- Халикова 2007 — В. Р. Х а л и к о в а. Экстремалы города // Мужской сборник. Вып. 3. М., 2007. С. 244—259.
- Хип-хоп — Хип-хоп культура и ее влияние на молодежный сленг [Студенческая работа]. Цит. по: <http://science.referatoff.ru>.
- Шос 1926 — Р. Ш о с. Язык и общество. М., 1926.

Щепанская 1993 — Т. Б. Щепанская. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы 1986—1989 гг. СПб., 1993.

Щепанская 2003 — Т. Б. Щепанская. Молодежные сообщества // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 34—85.

Cohen 1997 — Ph. Cohen. Subcultural conflict and working-class community // The Subcultures Reader / Ed. by K. Gelder, S. Thornton. L.; N. Y., 1997.

Eble 1996 — C. Eble. Slang and Sociability. L.; Chapel Hill, 1996.

Eckert 1989 — P. Eckert. Jocks and Burnouts: Social Categories and Identity in High School. N. Y., 1989.

Halliday 1978 — M. A. K. Halliday. Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. L., 1978.

Jespersen 1964 — O. Jespersen. Mankind, nation and individual from a linguistic point of view. Bloomington, 1964.

Labov 1982 — T. Labov. Social structure and peer terminology in a black adolescent gang // Language and Society. 1982. № 2. P. 391—411.

Thorne 2005 — T. Thorne. Classifying Campus Slang // The King's English. 2005. V. 5. <http://www.kcl.ac.uk>.

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Международная научно-практическая конференция «Современное состояние русской речи: эволюция, тенденции, прогнозы» (Саратов, 24—26 сентября 2008 г.)

Конференция была организована кафедрой русского языка и речевой коммуникации Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского при финансовой поддержке Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ).

Интерес к живым активным процессам, происходящим в современной речи, является отличительной чертой Саратовской лингвистической школы, что в полной мере подтверждается результатами прошедшей конференции. Язык современных СМИ и интернет-коммуникация, активные процессы в городской и диалектной речи, речь молодежи и представителей различных профессий, религиозный дискурс и речевые жанры современного общения — вот лишь краткий перечень тех проблем, которые удалось обсудить участникам конференции. Следует отметить, что на конференции дискутировались не только сугубо теоретические вопросы, способные вызвать интерес лишь ученых-специалистов, но и проблемы, волнующие общество в целом. Среди участников были не только саратовские лингвисты, но и представители других городов — Астрахани, Барнаула, Волгограда, Гданьска, Москвы, Мурманска, Пензы, Тамбова и др. Не все докладчики смогли участвовать в работе конференции очно, однако присланные ими доклады также были опубликованы в сборнике материалов конференции. В

то же время часть докладов не вошла в сборник; эти работы будут опубликованы в 9-м выпуске сборника «Проблемы речевой коммуникации» в рубрике «Материалы конференции». В течение трех дней выступили 76 докладчиков. С приветственным словом к участникам обратился директор Института филологии и журналистики профессор В. В. Прозоров. Он познакомил слушателей с историей Саратовского университета, одного из старейших, еще императорских, университетов России, который в 2009 году будет праздновать свой 100-летний юбилей, а также отметил известность Саратовской лингвистической школы в России и за ее пределами.

Конференция была посвящена памяти Г. Г. Полищук — замечательного лингвиста, специалиста в области культуры русской речи, профессора названной кафедры. С кратким сообщением о ее научной и общественной деятельности, написанным старейшими профессорами университета Э. П. и Ю. Г. Кадыкаловыми, выступила председатель пленарного заседания М. А. Кормилицына. Было отмечено, что разработанная Г. Г. Полищук классификация способов синтеза текстовых компонентов в единую систему не имеет аналогов ни в научной традиции, ни в текстологии сегодняшнего дня, а ее труд «Пойми меня правильно» до сих пор служит настольной книгой для всех, кто заботится о культуре русской речи.

В пленарном докладе *Н. И. Кузнецовой* (Саратов) «Изучение русской интонации в традициях Саратовской лингвистической школы» говорилось еще об одной области научных интересов Г. Г. Полищук — экспериментальном исследовании русской интонации в руководимой ею лаборатории экспериментальной фонетики. В докладе были названы основные методы экспериментальных исследований, позволившие определить особенности интонации русской разговорной речи и ее стилизации в художественной речи.

На утреннее пленарное заседание 24 сентября было вынесено еще 4 доклада, поднимающих важные проблемы, связанные с современным состоянием русской речи. В докладе *О. Б. Сиротининой* (Саратов) «Положительные и негативные следствия двадцатилетней “свободы” русской речи» отмечалось, что те изменения, которые происходили в русской речи в последние десятилетия, не могли не сказаться ни на общем состоянии русской речи, ни даже на самой системе языка. К положительным следствиям О. Б. Сиротинина отнесла быстрое заполнение терминологических лакун, что существенно обогатило лексическую систему русского языка. Это обогащение произошло и на бытовом уровне. Среди негативных следствий было отмечено исчезновение высокого стиля речи, ее огрубление и жаргонизация, проникновение элементов неофициального общения в речь с телеэкрана. В докладе говорилось о важных факторах, вызывающих негативные следствия, таких как снижение качества школьного образования в результате падения престижа учительской профессии, негативное влияние компьютера и Интернета.

В докладе *М. А. Кормилицыной* (Саратов) «Некоторые итоги изучения изменений, происходящих в языке современной прессы» основное внимание

было уделено процессам, изменившим стилистический облик газетного текста: субъективизации и «полифоничности», интертекстуальности, синтаксической контаминации, тенденции к демократизации и интеллектуализации текстов. Было отмечено, что активность этих процессов обусловлена в основном экстралингвистическими, социальными факторами, а также спецификой основной функции самих средств массовой информации — информативно-воздействующей.

Доклад *В. Д. Черняк* (Санкт-Петербург) «Культурная грамотность и речевая культура» был посвящен соотношению понятий «культурная грамотность» и «речевая культура». В нем отмечалось, что основным потребителем культуры сейчас становится человек с низким культурным уровнем. Одной из причин «дискредитации статуса слова» является уровень школьного преподавания литературы. Многие «хрестоматийные цитаты», используемые в СМИ, не всегда понимаются современными людьми. Исследование тезауруса студентов и учащихся старших классов свидетельствует о том, что большинство цитат, соотносимых с базовыми прецедентными текстами, являются для современной молодежи «безымянными» или вообще не распознаются в качестве цитат. В докладе приводились некоторые результаты эксперимента, направленного на выявление уровня культурной грамотности студентов, которые свидетельствуют о том, что он весьма низок. В. Д. Черняк подчеркнула особое значение формирования потребности обращения к словарям и энциклопедиям, умения извлекать из них необходимую информацию.

В докладе *А. Л. Шарандина* (Тамбов) «Состояние современной культуры речи в студенческом восприятии» говорилось о восприятии современными студентами состояния современной культуры

речи. Докладчик познакомил слушателей с результатами анкетирования, проведенного в Тамбовском госуниверситете, и предложил вниманию участников конференции вопросы анкеты. Например, значимость отношения студентов к речевой культуре нашла отражение в ответе на вопрос о необходимости изучения культуры речи на неязыковых факультетах вузов. Положительно ответили на этот вопрос 73,6 %, отрицательно — 11,6 %. На вопрос о том, как студенты оценивают перспективы речевой культуры в обществе в ближайшие 5 лет, 19 % студентов ответили, что уровень речевой культуры будет повышаться; 36 % — понижаться, а по мнению 27 % — останется на прежнем уровне. Задача лингвистов — сделать все возможное, чтобы сбылись прогнозы о повышении уровня речевой культуры.

На конференции в течение двух дней (24 и 25 сентября) работало 5 секций.

На секции «Современная речь в СМИ и Интернете» было прочитано 13 докладов, в которых были представлены результаты анализа состояния русской речи в интернет-коммуникации, современной прессе, ТВ. В докладе *А. А. Чувакина* (Барнаул) «Интернет-коммуникация: миниатюра в пространстве вторичных текстов» подчеркивалось, что этот вид коммуникации использует гибкие возможности Интернета, связанные с «обустроенностью» текстового пространства, обеспечивающей динамичность, открытость, незавершенность этого пространства при высокой степени его смысловой эллиптизованности и на основе диалогического принципа организации. Эти тексты открывают дорогу к решению проблемы когнитивно-коммуникативных способностей Homo Loquens. В докладах *Э. М. Ножкиной*, *Е. В. Удлинской*, *А. С. Драпалюк*, *Е. В. Акуловой* (Саратов) рассматривались особенности речи на телевидении (например, речь ведущего передачи «Модный

приговор»), в «Литературной газете», анализировались некоторые речевые жанры в русской прессе и Интернете (например, жанр объявления о знакомстве), речевая специфика PR-коммуникации. *Т. В. Харламова* (Саратов) в своем выступлении «Ключевые слова текущего момента *сильное государство, сильная власть* на рубеже веков» представила результаты анализа этих ключевых слов в выступлениях ведущих политических лидеров, используя оригинальную методику фоносемантической оценки слов с помощью компьютерной программы ВААЛ. Анализируемые слова можно отнести к ключевым словам эпохи, так как они реализуют такие признаки, как частотность появления в текстовом пространстве, активность синтагматических и парадигматических связей, употребление в дефинициях, рефлексия. В докладе *О. И. Дмитриевой* (Саратов) «Активные процессы в глагольном словообразовании» на материале текстов современных СМИ и словарей новых слов анализировались активные процессы в глагольном словообразовании. Были не только обозначены продуктивные модели образования глагольных неологизмов, но и выявлены активные участки неологизации глагольной лексики в современном русском языке.

Самой большой секцией на конференции была секция «Устное общение» (18 докладов), что связано с основным направлением научно-исследовательской работы кафедры русского языка и речевой коммуникации Института филологии и журналистики Саратовского государственного университета. В докладах *А. Н. Байкуловой* (Саратов) «Семейный этикет», *Т. А. Милехиной* (Саратов) «Речь одного и того же человека в разные периоды жизни России», *С. А. Рисинзон* (Саратов) «Этикетная составляющая общения в городском пространстве», *А. П. Сдобновой* (Саратов) «Особенно-

сти лексикона городских и сельских школьников», *Н. А. Бобарыкиной* (Саратов) «Ежели вы вежливы, вы не современны», *И. В. Кокошкиной* (Саратов) «Лишние слова в речи школьников» отмечался общий процесс снижения культуры общения, огрубления и обеднения речи, который наблюдается в неофициальной речи наших современников. Так, при сравнении речи школьников 70-х годов и сегодняшних подчеркивалось значительное увеличение количества «пустых» слов, невладение навыками связной речи. Наблюдения за речью носителей просторечной культуры показало, что в ней ярче всего проявляется общая тенденция к огрублению, варваризации русского речевого общения. Эти процессы проявляются и в речи студентов: отмечается бедность их словарного запаса, употребление слов в несвойственных значениях, неумение строить монолог и гармонизировать диалогическое взаимодействие, общая конфликтность общения. В то же время в докладах *Е. В. Наумовой* (Саратов) «Речь врача в официальной обстановке» и *М. И. Барсуковой* (Саратов) «Речевой этикет современного врача» приводились примеры хорошей речи врачей, понимания многими из них, что речевой этикет и вежливость способствуют успешному осуществлению профессиональных целей. Большой интерес вызвали доклады *В. Е. Гольдина* (Саратов) «Диалектный текст: структура и реализация» и *О. Ю. Крючковой* (Саратов) «Книжно-письменные элементы в диалектной речи». Было отмечено, что диалектный текст отличается особой экспрессией, которую создает единство образного и референтного, совмещение времени события и ситуации речевого общения, конкретно-чувственное изображение события. Основными нормами речевого поведения в традиционном сельском общении являются правдивость, точность, достоверность речи, некон-

фликтность, толерантность, открытость (диалогичность) речевого поведения. Именно эти качества хорошей речи и одобряемого речевого поведения оказываются в зоне повышенного (специального) внимания говорящих — носителей традиционной народной культуры. Известно, что эти качества считаются основными признаками хорошей речи, которые часто нарушаются в современном речевом общении.

Доклад *М. В. Китайгородской* и *Н. Н. Розановой* (Москва) «Ситуация очереди в современном городском пространстве — “ушедшая натура”?» был посвящен исследованию такого социального феномена советского общества дефицита, как ситуация очереди. Ситуация очереди показательна как отражение стереотипов массового бытового сознания. Сейчас выросло поколение, для которого многие слова и выражения (как и обозначаемые ими реалии) непонятны и нуждаются в толковании. Но и теперь время от времени возникают ситуации, провоцирующие появление очереди, в таких случаях коммуникативные и речевые стереотипы очереди вновь появляются, обнаруживая свою устойчивость и способность к воспроизводимости.

В докладе *Е. П. Захаровой* (Саратов) «Категория тональности в аспекте коммуникативной нормы» анализировалась коммуникативная категория тональности как одна из важнейших характеристик коммуникативной нормы, подчеркивалась ее особая роль в современном речевом общении. Основное внимание докладчик уделил различным случаям тональной рассогласованности, приводящей к коммуникативным неудачам. Наблюдения над фактами современной речи свидетельствуют о тенденции к распространению неконтролируемой тональности, особенно в молодежной среде. По мнению Е. П. Захаровой, существует острая необходимость в обу-

чении школьников и студентов коммуникативно-этическим нормам и прежде всего коммуникативной тональности; необходимо целенаправленно формировать навыки самоконтроля — каждый человек обязан стать коммуникативно грамотным.

Доклады секции «Художественная речь» были посвящены различным аспектам изучения художественной речи. В докладах З. С. Санджи-Гаряевой, С. Б. Козинца, К. М. Зайнетдиновой, О. В. Мякшевой и др. были представлены результаты анализа функционирования этикетных средств, конструкций чужой речи, солярной семантики, метафорических моделей, разговорных элементов в классической и современной прозе и поэзии. В докладе З. С. Санджи-Гаряевой (Саратов) «Память как структурно-смысловой компонент идиостиля Ю. Трифонова» на примере повести «Дом на набережной» исследовалась доминанта идиостиля Ю. Трифонова — категория времени — и такой инструмент реконструирования художественного времени, как память. Память как смысловая категория в этом произведении строится на противопоставлении двух смысловых центров: 'помнить' и 'забыть'. Это противопоставление выявляет разное отношение к жизни, способность или неспособность к нравственной рефлексии, к анализу социальных отношений и их оценке. Доклад О. В. Мякшевой (Саратов) «Роль пространственной семантики в организации художественного текста» был посвящен особенностям манифестации пространства в художественной речи. Было отмечено, что художественное пространство — это пространство ассоциативного фона события, оно не представляется в художественной речи, а формируется; здесь мы ощущаем «прорыв» из реального обыденного мира в мир особый, созданный писателем. В докладе С. Б. Козинца (Москва) «Активизация метафорических процессов в современном русском языке» на материале художественной литературы рассматривались процессы расширения метафорических моделей и метафоричности имен.

На конференции работала секция «Речь в особых сферах общения», на которой были представлены доклады, посвященные исследованиям современного состояния речи в деловом, юридическом, религиозном, политическом и рекламном дискурсах. В докладе З. Л. Новоженовой (Гданьск, Польша) «Русский язык в новых дискурсивных пространствах: реклама ... божественного» говорилось, что сейчас языком осваиваются новые формы коммуникации. Происходит активная легализация дискурса иррационального сознания. Социальная дестабилизация заставляет массового человека, не приобщенного к высоким духовным, философским и религиозным ценностям, искать удовлетворения своих духовных потребностей в сферах псевдоверы, псевдокультуры и псевдонауки. В докладе в этом аспекте анализировались тексты рекламы услуг в сфере иррациональности. Анализ показал, что здесь присутствует целый спектр манипулятивных тактик и средств их воплощения. Отмечались особенности языковой организации рассматриваемой рекламы. Ее модальный ключ: правдивость, серьезность, понимание, ответственность момента — почти полностью «гасит» типичную рекламную образность и эмоциональность. В докладе О. А. Прохвятиловой (Волгоград) «О стилистических нормах современного языка церкви» были представлены результаты анализа стилистических маркеров языка церкви на фонетическом, суперсегментном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Своеобразие норм в этой сфере общения состоит в особом соотношении и взаимодействии современных

и архаичных языковых элементов, синтез которых и составляет неповторимый характер текстов религиозного стиля. В сообщении *Г. С. Куликовой* (Саратов) «Русское и иноязычное в коммерческих номинациях Саратова» основное внимание было уделено одному из аспектов речевого быта г. Саратова — городским номинациям коммерческих объектов и оценке их удачности/неудачности. Основные претензии жителей города к городским коммерческим номинациям заключаются в использовании непонятных для саратовцев иноязычных слов и недостаточной информативности номинаций. Особенности юридического дискурса были посвящены доклады *В. В. Девяткиной* (Саратов) «Защитительная речь адвоката: объект оценки как стилеобразующий фактор», *Т. В. Дубровской* (Пенза) «Вежливость/невежливость в русском и английском судебном дискурсе» и *О. В. Никитиной* (Саратов) «Текст закона глазами рядового носителя языка и лингвиста».

В секции «Из практики изучения разных видов и разных компонентов коммуникации» обсуждались вопросы, связанные с анализом отдельных аспектов некоторых видов коммуникации. В докладе *Н. А. Илюхиной* (Самара) «Лексические ошибки как следствие переноса по метонимической логике» рассматривались результаты метонимических переносов, находящихся в русле действия мощного когнитивного механизма, в разговорном, публицистическом, художественном и научном дискурсах. Ставилась проблема адекватной оценки этих речевых фактов (как ошибок, допустимых вольностей, эстетически значимых окказионализмов) с учетом типа говорящего и типа дискурса с присущими ему нормами. Доклад *Л. Г. Хижняк* (Саратов) «Отражение фактора времени в топонимах и микротопонимах региона» был посвящен анализу ономастических единиц региона. Этот

анализ позволил рассмотреть их зависимость от социально-экономических факторов и те языковые закономерности, которые реализуют психологические установки жителей села в тот или иной временной период. В наше время такими являются установка на успех, выражение решимости, воли в борьбе за успех. В докладе *Н. А. Лудильщиковой* (Саратов) «Номинации семейного родства в речи студентов техникума» были представлены результаты анкетирования студентов; важно было выяснить, насколько студенты понимают значения слов, предложенных им в качестве стимулов, какие слова следует объяснять данной категории носителей языка. Материал позволил выявить специфическое словотворчество студентов техникума. В докладе *О. Н. Дубровской* (Саратов) «Общаться? Тусоваться? Клубиться! К вопросу об отражении в языке и речи новых форм коммуникативного взаимодействия» исследовался процесс появления в русском языке и речевой коммуникации новых слов со значением «общаться» и их производных: *тусоваться, тусняк, тусовка, клубиться* и др., которые отражают новую систему ценностных установок, складывающихся в социуме.

На заключительное пленарное заседание в третий день проведения конференции (26 сентября) были представлены 5 докладов ведущих профессоров Саратовского университета. В своем докладе «Еще раз о принципах выделения структурных единиц дискурса» *С. В. Андреева* (Саратов) отметила, что, несмотря на большое количество работ по устной речи, система ее синтаксических единиц еще не построена. Разработанная автором на основе представленных в докладе принципов типология единиц речевой коммуникации позволила систематизировать и описать основные и вспомогательные минимальные единицы устной речи. В докладе

Л. В. Балашиовой (Саратов) «Метафорическая система современного сленга как отражение языковой картины мира носителей сленга» был дан анализ роли антропонимов — прецедентных имен реальных исторических личностей в формировании метафорической языковой картины мира носителей современного сленга.

С дискуссионными докладами выступили В. В. Дементьев, К. Ф. Седов и А. П. Романенко. В этих докладах авторы высказали свою точку зрения на различные актуальные проблемы теории речевых жанров, дискурсивно-жанровую модель коммуникативного пространства. А. П. Романенко (Саратов) в своем докладе «Современный языковой стандарт и норма» сделал попытку объяснить культурную специфику современной языковой ситуации. Автор считает, что сейчас современное общество в качестве литературного языка в сфере массовой коммуникации пользуется «языковым стандартом». Он представлен двумя вариантами: традиционным, продолжающим традиции классического русского литературного языка и представляющим элитарную культуру, и новым, распространенным в публичной сфере массовой коммуникации, представляющим массовую культуру.

Язык СМИ не «подтянуть» к нормам традиционного литературного языка, его структурная и функциональная сущность противятся этому: он должен быть прост и доступен массовой аудитории. Эти варианты отличаются и своими носителями. Варианты языкового стандарта не вытесняют друг друга, но существуют автономно. Удастся ли соединить эти варианты? А. П. Романенко считает, что это, видимо, невозможно, т. к. общество дифференцировано в культурном отношении.

Итак, проведенная конференция выявила различия в состоянии современной русской речи в разных сферах общения и у представителей разных профессий и социальных групп. Она обозначила тенденции изменений, определила факторы, обусловившие недостаточный уровень культуры русской речи, и наметила последствия для системы языка. Участники конференции познакомились с различными приемами улучшения речевой культуры. Очень полезным оказалось как знакомство с методикой работы по повышению речевой культуры, так и выявление особенностей речевой культуры на тех участках общения, которые раньше не изучались.

М. А. Кормилицина

Отчет о диалектологических экспедициях Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2008 года

В 2008 г. отделом диалектологии и лингвистической географии ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН было организовано 12 экспедиций в различные регионы России и за ее пределы*. Экспедиции работали в Архангельской, Белгородской, Владимирской, Воронежской,

Московской, Новгородской, Орловской, Рязанской областях, а также в русских старообрядческих поселениях Эстонии и Бразилии. Были сделаны аудиозаписи диалектной речи продолжительностью более 300 часов.

Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина и профессор Рурского университета в г. Бохуме (Германия) К. Заппок 9—14 июня были в деревнях, объединенных старым

* Экспедиции поддержаны грантом РГНФ № 08-04-18013е.

неофициальным названием Ялмоть: Лека, Филисово, Зименки, Филимакино, Горелово, Дорофеево, Якушевичи Пышлицкой администрации **Шатурского района Московской области**. Эта экспедиция была продолжением экспедиции 2007 г. и имела ту же главную цель — магнитофонные записи речи старшего поколения, которых сделано в этот раз на 21 час звучания. По этим записям можно установить пути утраты некоторых диалектных черт, например /ѣ/ и /о/, которые у одних информантов обычно реализуются дифтонгами, у других часто монофтонгами, у третьих проявляются только в сильных фразовых позициях. Интересно проследить различия в дифтонгоидах [ʲo], [ʲe] и монофтонгах [o], [e], у которых тоже наблюдается неоднородность гласных на их протяжении, а также выявить характер гласных на месте /e/ и /o/, среди которых, кроме [e^н] и [o^н], часто встречается не отмеченный ранее открытый звук [ɔ]. Предварительные расшифровки собранного материала подтверждают данные С. С. Высотского о том, что «в Ялмоти представлено еканье с четко произносимым звуком *е*» при «спорадическом употреблении здесь форм сильного яканья». Однако существует проблема разграничения предупредных гласных звуков, воспринимаемых носителем литературного языка как [ä] и [e], представляющих яканье. В дальнейших исследованиях предстоит установить различия между этими звуками, выраженные в конкретных величинах, характеризующих тембр гласных, выявить условия их появления.

А. А. Шахматов, побывавший в Леке в начале XX в., наблюдал здесь обычное для женской речи твердое цоканье, С. С. Высотский в 1945 г. обнаружил его лишь в самом архаическом слое говора, преимущественно в речи старых женщин. В настоящее время случаи

твердого цоканья самые старые местные женщины приводят лишь как примеры речи своих матерей. На месте /г/, как отмечали и А. А. Шахматов, и С. С. Высотский, произносится взрывной звонкий [г], чередующийся с [к]. Однако в интервокальной позиции зафиксировано несколько примеров с [γ], возникающим, по-видимому, в результате ослабления напряженности речевого сегмента. По-прежнему встречается замена [х] на [ф] внутри слова перед [к]: *л'ифкав'йя*. Отмечена замена [х] на [к] в словах: *кэран'йтцы*, *н'экр'ис'т'и*; замена [ф] на [х] и [фх] перед губными и заднеязычными: *фх пр'и'ут*, *гад'ох н'йат'*, *бэразд'ох н'йат'*, *х Кóрбэв'и*, *вер'о'хку*; прогрессивная ассимиляция согласных: *ис халс'с'и'ны* (< *с'т'*), *на крэс'с'и'е*, *Ч'ис'с'ак'оф*, *вм'ис'с'и*, *јез'з'ил*, *ишук* (*штук*), *иш'о л'а* (*што ли*), *М'от'т'а* (< *т'к'*), *М'ит'т'и*, *с р'эт'т'ай*, *р'эт'т'у* (наряду с *р'эт'к'у*); гласных: *пам'йтцы*, *пэмал'йтцы*, *пэр'эжыцы*, *нэкал'ч'ивыт*, *атрэк'утцу*, *зав'ол'уцу*, *д'ва былы хр'амэ*.

У существительных на *-а* в Р. п. ед. ч. встречается безударное окончание *-и*: у *Л'ид'и-т'и*, у *Л'изав'эт'и*; в П. п. мн. ч. прочно держится окончание *-ав*: *ф пэгр'иб'аф*, *в д'ер'ивн'аф*, *ф Ч'ирус'т'аф*, *на ц'арск'иу д'в'ер'аф*, *в рук'аф*, *нэ свад'б'аф*, *нэ зад'аф*, *ф н'и-р'ид'аф*, *нэ рук'ав д'эр'жыт*, *на п'алк'аф*, *ф кан'авэф*. У глаголов произошло выравнивание основы в формах 1-го лица ед. ч. по другим формам: замена конечного согласного основы и/или замена подвижного ударения неподвижным: *х'од'у*, *с'ып'йу*, *паст'ав'у*, *топ'л'у*, *д'эр'жу*, *ск'ажу*, *раск'ажу*; на месте безударного *-а'ју-* встречается результат выпадения звука на месте /j/ и стяжения гласных за счет выпадения первого из них: 1-е лицо ед. ч.: *д'элу*, *п'аду*, *хв'асту*, *расх'одэву*, *п'аз'афтарку*; 3-е лицо мн. ч.: *д'эдут*, *рабо'дут*, *акал'ч'ивут*, *выт'о-сывут*, *апч'итывут* (*ч* < *сч*).

Отмечены формы плюсквамперфекта: *ja с уч'ит'ил'им былá пэзнакóм'илас' || и сэглас'йлэс'е зэ н'ивó зáмуш пад'йт'*; *ань у нас из'в'ел'ис' был'и*.

С 4 по 14 июля прошла экспедиция в село Солдатское Старооскольского района Белгородской области. В ней участвовали И. И. Исаев, О. Г. Ровнова, Д. М. Савинов, а также аспиранты первого года обучения Е. В. Калугина и С. В. Дьяченко. За время работы было записано 35 часов звучащей речи.

Место обследования было выбрано не случайно. В начале 1950-х годов сотрудники ИРЯ работали в этом населенном пункте по программе ДАРЯ, и собранные материалы были проанализированы К. Ф. Захаровой в статье «Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей».

Во время экспедиции 2008 года было отмечено, что многие архаические черты системы вокализма говора устойчиво сохраняются. Так, под ударением различаются семь гласных фонем: особые фонемы /ω/ и /ʱ/ реализуются в говоре дифтонгами [yō] и [iē] или монофтонгами [o], [e], фонемы /o/ и /e/ — звуками [ou] и [ei] или монофтонгами [o], [e] (к[ʏō]т, лес[ó]в, л[иē]с, вс[é]; з[ou]сти, больн[ó]й, холод[ei]ц, от[é]ц). В первом предударном слоге после твердых согласных наблюдается архаическое диссимилятивное аканье: звук [a] произносится перед ударными /y/, /и/, /ω/, /ʱ/; [э] — перед ударными /e/, /o/, /a/: з[а]д[ý], в[а]з[и]ли, в[а]д[ы], р[а]б[ý]та, в тр[а]в[иē]; хол[э]д[ei]ц, б[э]льн[ó]й, в[э]д[á]. После мягких согласных [a] произносится перед ударными /y/, /и/, /ω/, /ʱ/; [и] — перед ударными /e/, /o/, /a/: в[ʼa]д[ý], н[ʼa]с[и], б[ʼa]ж[ы]ть, с[ʼa]л[ó], т[ʼa]л[иē]га; т[и]д[é], м[и]ш[ó]к, ув[и]л[á].

Из других фонетических особенностей отмечены отсутствие перехода *e* в *o* в личных глагольных формах: *мы к*

табе не пойдём, траву соберём, сад не растёт, живёт человек; ударный [á] в корнях ряда слов: *всё в[ó]лится* ‘валится’, *вас же пос[ó]дуют* ‘посадят’, *нес[ó]женный (о)горóд, мама в[ó]ря* ‘варит’; редукция гласных в корнях слов и приставках: *во[рт]á* ‘ворота’, *во[рт]и́шки* (уменьш. от *вортá*), *по[рс]’я́та* ‘поросята’, *по[рс]’ятíшки* (уменьш. от *порся́та*), *по[тш]ёл* ‘подошёл’, *пе[рз]’и́мовáли* ‘перезимовали’, *пе[рк]уси́ть* ‘перекусить’; произношение [х], [хв] на месте /ф/: *[х]ура́ж привязу́ть*, *[х]ура́жка, матрос черноморского [х]ло́та, на то́р[х], на тор[х]у́, о[хв]ормля́йте, два теле[хв]о́на, [хв]асо́ль растёт*.

Из морфологических особенностей обращают на себя внимание следующие. Имена существительные ср. р. как с безударным, так и с ударным окончанием в И. п. согласуются с определением и глаголом-сказуемым ж. р.: *наша сяло́ Терновáя, большáя звяно́, вот такáя дéла, вот табе вся и дéла, мáсла этá постная такáя дорогáя стала*. Отмечены редкие случаи морфологического изменения таких существительных по образцу 1 склонения на -а, но только в форме В. п. и только с безударным окончанием: *вот сотворили чу́ду, храни эту плáтью*; при ударном окончании грамматическая форма существительного не меняется: *принёс чуть ня полную вядро́*.

Глаголы II спряжения в форме 3 л. мн. ч. имеют в безударном окончании гласный I спряжения *y*: *бро́суют, пере́хóдуют, посóбуют, служу́ть, слы́шут, су́ют* (от *сули́ть* ‘обещать’) и др.

Распределение личных окончаний 3 л. глагола с /т'/ и без /т'/ выглядит следующим образом. Форму 3 л. ед. ч. без /т'/ последовательно имеют глаголы I и II спряжения при ударении на основе: *врач ска́жа, человек прогорю́я, протоску́я, служба́ и́дя, хлеб хожалка но́ся*. При ударении на окончании у глаголов II спряжения отмечена только форма с

/t'/: *голова шуміть*, а у глаголов I спряжения возможны обе формы, причем у одних и тех же глаголов: *віишник растёт*, но *хвасоль растёт*, а также *он не пьёт*, *кум отобьёт* косу и *кто толкёт*, *кто прядёт*, *мать солому принесёт*. Формы с /t'/ характерны для 3 л. мн. ч. глаголов обоих спряжений независимо от места ударения (*будут*, *прибьрут*, *летят*, *служут*).

Распространен глагольный постфикс *-си/-сы*: *утопілси*, *удушілси*, *остілси*, *подавілси*, *появілси*, *жанілси*; употребляются дистрибутивные глаголы с приставками *по-*, *попо-*: *раньше было много детей, а теперь все поповыросли*, *все поразъехались*, но называть их частотными нельзя.

В июле-августе состоялась экспедиция И. А. Букринской, О. Е. Кармаковой, И. И. Исаева в **Любытинский район Новгородской области**. Поселок городского типа Любытино (в прошлом село Белое) находится на северо-восток от Новгорода, прежде входил в Ленинградскую область. Он расположен на высоком берегу реки Мсты и является одним из старейших центров новгородской земли: его история насчитывает более тысячи лет. Вокруг Любытина сконцентрировано достаточно много памятников археологии, среди которых выделяются новгородские сопки — погребальные сооружения славян. Эти сопки археологи считают свидетельствами культуры ильменских словен. Основная задача экспедиции заключалась в исследовании современного говора, бытующего на территории исторического поселения ильменских словен. Было обследовано несколько деревень, находящихся в 10-километровой зоне вокруг Любытина: Шегрино, Чашково, Большие Светицы, Хирово. Говор в обследованных деревнях одинаковый. В настоящее время местных жителей в них осталось очень мало: для молодежи нет работы, и она уезжает в города, ста-

рики тоже уезжают в города к детям, возвращаясь в свои дома только на лето. Дома в округе скупаются дачниками из Санкт-Петербурга, Новгорода и Москвы.

За время экспедиции было записано 30 часов звучащей речи; велась работа по морфологической, фонетической и этнографической программам. Говору свойственны следующие перечисленные ниже диалектные фонетические черты.

Гласные ударного слога в говорах Любытинского района сегодня представляют систему из пяти единиц, как в русском литературном языке. В некоторых случаях отмечен закрытый недифтонгический гласный [ɛ], соответствующий фонеме **ѣ** древнерусского языка: *з_б'ѣлыми*, *д'ѣлэл'и*, *вр'ѣдный*, *в'ѣрѣ*, *мáло л'ѣт*. Также отмечены [и], дифтонг [иѣ]: *јіс'*, *с'ид'ілѣ*, *б'иелѣцѣ*. Гласный [ɛ], вероятно, может представлять **ѣ**: *труб'ѣц*. Закрытый [ɔ] отмечен в единичных случаях, но в пользу несамостоятельности этого гласного всегда говорит губной фонетический контекст: *вóроново*.

Основная система гласных предударного слога после твердых согласных — полное оканье, однако эта система подвержена разрушению даже в старшей речевой норме говора. Этот принцип вокализма заменяется на неполное оканье прежде всего в предударных слогах. Заударные слоги, прежде всего конечные, сохраняют различие фонем *о* и *а*.

Особый интерес представляет первый предударный слог после мягких согласных. Наиболее архаичная система — различие трех гласных [а], [о], [ѣ] — выдержана в говоре непоследовательно, на смену ей приходит другая, имеющая только два гласных: [и]-[ѣ]. Позиционное распределение этих гласных еще не сформировано полностью, но тенденция отчетливо видна уже сейчас: этимологический принцип уступает фонетическому. Гласный [и] употребляется

преимущественно перед гласными верхнего подъема, чаще всего перед [й], а гласный [е] замещает все остальные позиции. Фонетическое распределение сказывается и на активно вытесняемом гласном [о]: его этимолого-фонологическое употребление также связано с дополнительным фонетическим критерием — наличием губного в слоге под ударением, в прочих случаях, как правило, его замещает гласный [е].

Отмечены примеры перехода начального *о* в *у* ([у]нять, [у]гурцы́, [у]горóд) и второго полногласия (столóб, доложнá, кóром).

В области консонантизма наблюдаются следующие явления: отвердение губных на конце слова (се[м], зя[п], дро[п], кро[ф]); упрощение сочетания согласных *ст*, *с'т'* на конце слова (по[с] (пост), преле[с'], шер[с'], пря[с']); твердая аффриката [ч] (ле[ч]óм); твердый долгий шипящий (хри[шш]óная, зү[шш]а, плáкаль[шш]ица); сочетание [шч] на месте [ш'ш'] в словах [ишчó], му[шчý]на.

Морфологической системе любытинского говора свойственны: окончание *-ы/-и* у существительных ж. р. в Д. и П. падежах ед. числа: *по Мсты́, по старины́, по доскí, на полосы́, на целины́, на свадьбы́, на земли́*; изменение существительных *дедушко, батюшко* по 2 склонению: *к дедушкy, с батюшкoм, с дедушкoм*; собирательные формы существительных: *гвоздьё, каменьё, прутьё*; двусложные окончания указательных местоимений *тое, тая* и прилагательного *одная*: *в тое время, тая дура, одно и тое же*; форма В. п. личного местоимения ж. рода *ею́*: *сократили ею́, ею́ в банки клали*; единично окончание *-и* в П. п. существительных м. и ср. рода: *на дворí, на гумни́*; форма мн. ч. *глазы́*; постпозитивные частицы: *печку-ту стопили*; наряду с *-ся* возвратный постфикс *-си/-сы*: *показалси, сорвалоси, учитцы, началсы*; действи-

тельные и страдательные причастия в роли сказуемых: *вся обваривши, у неё тоже хлёбнуто, всякого работано, пожито на своем веку*.

Примеры диалектной лексики: *бабка* 'укладка снопов', *голосить* 'причитать по покойнику', *горазд* 'очень', *дянки* 'вязанные рукавицы с одним пальцем', *зыбка* 'детская люлька', *калика* 'брюк-ва', *палица* 'валек для выколачивания белья с особой, длинной ручкой', *пахать* 'мести под в печи', *приуз* 'цепь', *свекровка* 'свекровь', *таскать лен* 'выдергивать лен', *упряжка* 'отрезок времени'. Записаны образные выражения: *сдуру как с дубу; росла как тёмная бутылка*.

Экспедиция Е. В. Колесниковой в **Онежский район Архангельской области** прошла с 4 по 27 июля. Работа осуществлялась совместно с научным сотрудником кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова О. Н. Николаевой и студентами 2-го курса филологического факультета университета М. С. Крайновой, Е. Д. Кузнецовой, И. Р. Мулюковой, А. П. Петрович. Был обследован говор деревни Лямца Онежского района, расположенной на берегу Онежского залива Белого моря, в устье реки Лямца. Эта деревня представляет собой одно из довольно древних поморских поселений, первые упоминания о которых содержатся в уставах новгородских князей 1137 г.

Участниками экспедиции установлено, что говор находится в хорошей сохранности, яркие диалектные особенности свойственны речи как пожилых людей, так и молодежи. Всего записано 54 часа звучащей речи от информантов старшего возраста — от 66 до 85 лет.

В области фонетики отмечены следующие явления: полное оканье; гласный [е] (из древнерусского *е) в первом предударном слоге после мягкого согласного перед твердым: [с'е]лó; заударное ёканье после всех мягких, а

также после всех твердых шипящих: *мо́[р'о]*, *же́ла́нны[о]*, *то́шии[ой]*; чередование ударных гласных *alle* между мягкими согласными: *удив[л'э́]у[с]*, *де[т'э́м']и*, *го[н'э́л']и*; звук [и] на месте древнерусского *ѣ под ударением между мягкими согласными [л'ис'н']ицу, *одо[л'й́л']и*; твердый [р] в ударном слоге после мягкого согласного перед твердым: [д'э́рг]ать, [м'э́рз]нуть; последовательное мягкое цоканье: *не́[ц']его*, [ц']аю, *вы́кля[ц'о]н*; последовательное произношение мягкого шепелявого согласного [с'']: *вы́ро[с'']ти-ла*, *но́[с'']ле*, [с'']ебе́; сочетание [шч] в соответствии с долгим глухим шипящим литературного языка: *выра́[шчы]вали*, *про́[шчэ]*, *е[шчó]*.

В морфологии отмечаются: высокая продуктивность собирательных существительных на *-jo* от имен всех трех родов: *каме́ньё*, *ды́рьё*, *око́ньё*; окончание *-o* в И. п. ед. числа у существительных с суффиксами *-ишк-*, *-онк-*, *-к-*: *морко́вишко*, *огурце́шко*, *ручо́нко*, *бабчо́нко*, *телеви́зорко*, *руле́тко*, а также с окончанием *-а* *мышы́шка*, *котёйка*; форма Т. п. мн. числа на *-ма* у числительных и местоимений: *двумá*, *трёмá*, *всемá*; окончание *-ой* в И. п. ед. ч. прилагательных м. р. после твердого и мягкого согласного: *худо́й*, *хрони́ческой*, *боль[н'ó]й*; формы Р. п. ед. ч. прилагательных и неличных местоимений с *з* в окончании *не́це[г]о*, *ко[г]ó*, *своё[г]ó*, *плóтно[г]о*; высокая продуктивность стяженных форм прилагательных, глаголов на *-а́е-*, *-е́е-*, форм сравнительной степени; частотность приставочных глаголов несовершенного вида, образованных, в отличие от литературного языка, с суффиксом *-ива-/-ыва-*: *выга́ниват*, *подни́мыват*, *отни́мыват*; высокая продуктивность страдательных причастий прошедшего времени от непереходных глаголов несовершенного вида: *у́йдено*, *бро́жено*, а также от возвратных глаголов: *приспосóбленось* (от *приспособить-*

ся), *разве́рнутось* (от *развернуться*), *наряже́лось* (от *нарядиться*); употребление субстантивированных прилагательных в форме среднего рода: *хле́бное* 'хлебо-булочные изделия', *сме́ртное* 'одежда, приготовленная для похорон'.

Из синтаксических особенностей следует отметить употребление формы И. п. существительных I склонения на *-а* в позиции прямого объекта при инфинитиве и личных глагольных формах (*Трава́ нать косить. Теперь яи́цка приво́зят*), а также частотное употребление безлично-страдательных оборотов с субъектом, выраженным формой Р. п. с предлогом *у*: *Я думаю́, что ты говори́шь, что я красива́я, а у меня́ сегодня́ наряже́лось. Я пришла́, а у тебя́ заложено́сь, поколотила́, не открыва́ешь, пошла́*.

Сбор лексического материала проводился по специальной программе с целью уточнения значений отдельных слов и дополнения словарика «Архангельского областного словаря».

Со 2 по 8 августа состоялась экспедиция Е. В. Щигель в окрестности посёлка Елатьма Касимовского района Рязанской области. Посёлок городского типа Елатьма (3,5 тысячи жителей) расположен на востоке Касимовского района, который относится к территории Мещерского края. По этой довольно лесистой части Рязанской области протекают реки Ока и Унжа. Промышленных предприятий в районе практически нет (в Елатьме успешно функционирует молочный комбинат, а также завод «Медприбор»), но сельское хозяйство утратило свою прежнюю структуру: кое-кто продолжает работать в сельском хозяйстве, некоторые ездят на работу в Елатьму и Касимов благодаря вполне приличному автобусному сообщению.

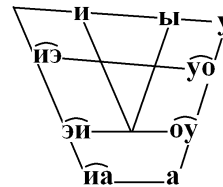
В процессе работы было обследовано два населённых пункта: деревни Савастьяново и Ардабьево. Основной ма-

териал был собран в Ардабьево, довольно крупной для средней полосы России деревне (порядка 600 жителей). За пять рабочих дней было сделано 24 часа записей от 20 человек.

Говоры вокруг Елатымы сохраняют черты, присущие восточной части среднерусских говоров (аканье, умеренное яканье и иканье). Ударный вокализм местного говора представлен пятью фонемами. В заударной позиции вместо редуцированных употребляются гласные полного образования: *на окоп[ы]х была, брос[ы]вая, хорош[а]й*. В форме 3 л. ед. ч. глаголов часто отмечается стяжение окончаний: *приглашат, выполняют*. Широко распространена лексема *шаблы*, обозначающая любые изделия из материи, чаще всего одежду; прилагательное *приёмчивый* употребляется в значении 'приветливый'.

В 2005—2007 гг. под руководством И. И. Исаева были проведены экспедиции в села Гусь-Хрустального района Владимирской области и Спас-Клепиковского района Рязанской области. Это восточные среднерусские акающие и окающие говоры, которые характеризуются всем комплексом диалектных черт, отмеченных в книге К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой «Диалектное членение русского языка». С 1 по 15 октября 2008 г. группа под руководством И. И. Исаева, в которую входили аспиранты С. В. Дьяченко и Е. В. Калугина, продолжила обследование населенных пунктов **Гусь-Хрустального района Владимирской области** и сделала аудиозаписи диалектной речи продолжительностью 24 часа.

В результате обследования 38 населенных пунктов из данного региона установлено, что наиболее архаичным является акающий говор бывшей Палищенской волости Касимовского уезда Рязанской губернии. Старшая норма говора обнаруживает следующую систему гласных.

Верхний подъем. Гласный [и] верхнего подъема передне-среднего ряда, акустически производит впечатление «украинского» [и], гласный [ы] верхнего подъема средне-заднего ряда, низкий тембр гласного и более заднее образование приближают его к [у], кроме того, замечены случаи, когда [ы] имеет лабиализацию ([ты°квэ]). Вероятно, что лабиализация возникает не вследствие контакта с губными гласными, а в результате создания «трубы» с двумя фокусами. Гласный [ы] воспринимается носителем как задний гласный и, как всякий задний русский гласный, получает лабиализацию. Гласный [у] заднего подъема не имеет контраста с [ы], зоны «безопасности» этих гласных сближены. Способом увеличить контраст гласных [ы] — [у] является заметное понижение подъема [у].

Верхне-средний подъем распределен между понижающимися дифтонгами (при образовании таких гласных понижается подъем). Передний ряд занят дифтонгом [иэ], реализующим /ѣ/, задний ряд занят дифтонгом [уо], представляющим /ѡ/.

Средне-нижний подъем сформирован повышающимися дифтонгами [эи] — [оу]. Важно, что [эи] является ущербным, по каким-то причинам он исчезает быстрее, чем все остальные дифтонги говора.

В акающей деревне Рязаново было записано интересное метаязыковое рассуждение одного информанта, иллюстрирующее отличие в произношении с соседними окающими говорами: «У них там как-то на [ѓ] говорят, [кѓшкэ], а у нас помягче [куошкэ]». Для яркого

сравнения гласный первого слова был произнесен информантом открыто: [ɔ̃].

В нижнем подъеме два гласных: передний [ia] и непередний [a]. Гласный [ia] после губных согласных может быть реализован сочетанием [ja] ([pját]).

Парные согласные палищенского говора сегодня четко противопоставлены по признаку «глухость-звонкость», однако в современном состоянии угадывается предшествующее распределение по напряженности / ненапряженности. Глухие согласные говора значительно напряженнее глухих согласных литературного типа, что хорошо видно на спектрограммах.

Противопоставление согласных по признаку «твердость / мягкость» и сегодня не вполне очевидно. Значительную роль в распределении твердых и мягких слогов играют гласные. Прежде всего это отмечается у губных ([páčːirˈiɕə] — [pˈiat] или [pját]). Слабость противопоставления твердых-мягких слогов основывается на иной артикуляционной базе говора. У переднеязычных и губных это противопоставление наименее выражено. Переднеязычные согласные (особенно щелевые) дают возможность проследить, что гласный после «мягких» согласных непередний, а мягкость согласного появляется только в самом конце звучания.

Названные черты являются общими для окающих и акающих говоров на этой территории. Совпадение же изоглоссы оканья-аканья и некоторых других с губернской границей Рязань — Владимир ставит под сомнение их древность в регионе, обнаруживая, возможно, общую основу говоров, разделенных в настоящем диалектной границей.

26—29 сентября состоялась экспедиция Н. Л. Голубевой в село Никольское Свердловского района Орловской области, в ходе которой было сделано 6 часов аудиозаписей от трех коренных жителей старшего поколения.

Село Никольское существует около трехсот лет (старожилы помнят предание о том, что село посетил Петр I). Село было и остается крупным населенным пунктом, в котором есть начальная и средняя школы, больница на 15 коек, ветлечебница, сбербанк, три магазина. До недавнего времени в селе существовали детский дом и сельхозучилище для будущих механизаторов — юношей из разных регионов и республик СССР. Село находится юго-восточнее областного города Орла, в 40 км от него; население имеет с городом тесные связи и ежедневное автобусное сообщение (молодежь обучается в вузах и техникумах, среднее поколение работает). Это село не попало в число населенных пунктов, обследованных для ДАРЯ.

В августе 1942 года через село проходила линия фронта и шли жестокие бои, о которых старожилы до сих пор хранят живые воспоминания, а также напоминает и братская могила в центре села — обелиск с именами трех сотен погибших. До Великой Отечественной войны в селе сохранялось здание Никольской церкви (закрытой в 1930-е годы), однако в ходе боев она была почти полностью разрушена, и ныне на ее месте построены жилые дома.

Носителями архаического слоя говора села Никольское являются 70—80-летние жители, и у них говор достаточно хорошо сохранился. Что же касается речи следующих поколений (60 лет и моложе), то у них наблюдается резкая утрата диалектных черт.

В 1947—1953 гг. деревни, расположенные вокруг Никольского, были обследованы по программе ДАРЯ (наст. пп. 253—255, 256—259). Как показывают предварительные наблюдения, в современном говоре села Никольского не отмечаются черты какого-либо из известных типов диалектного предударного вокализма, зафиксированного в середине XX в. в близлежащих дерев-

нях, а диалектная специфика состоит в несколько меньшей количественной и качественной редукции безударных гласных по сравнению с устно-литературной речью. При этом отмечены некоторые другие диалектные особенности вокализма, консонантизма, а также ряд акцентологических и грамматических диалектных различий.

Речь двух старших поколений села — 70—80-летних и 50—60-летних (архаического и современного слоя говора) существенно различается: у 50—60-летних, как было сказано выше, заметно утрачены диалектные черты. В речи же 70—80-летних отмечаются: утрата затвора мягкой аффрикаты *ч* (*чу́ю* ‘чую’, *зави́чера* ‘позавчера’, для *циво́*, *включи́*, *цири́пки*, *ща́сть*, *о́цинь*, *заму́щи́ла*, у *Кла́вьи́чки*); явления консонантизма, связанные с неполной развитостью в говоре корреляций *в* — *ф* и *в'* — *ф'*: на месте *в* — [w] (билабиальный) или сонорный, неоглушающийся [v], на месте *ф* — звуки [x], [п] (*хунда́минт* ‘фундамент’, *Филасо́пъвъ*, *наш филасо́пъвский* = о д. Филосо́фово, *трапи́чская* = трофическая язва); изредка отмечаются протетические и вставные гласные (*иржано́й*, *пъшани́ца*). Распространены глагольные формы прошедшего времени с диалектным ударением на основе (*спáла*, (*са*)*бра́ла*, *ни прада́ла*, *умёрла*, *сажра́ла*); отмечаются формы типа *ни-ка́пъныи* (‘некопанные’, о картошке) — возникновение *а* под ударением в корнях глаголов с подвижным ударением по аналогии с [а] в безударных слогах. Отмечаются также следующие особенности: форма Р. п. мн. ч. с нулевой флексией *нету́ зуп*, *замо́к* ‘зубов, замков’; звательные словоформы *бабуи́!* *ма!*; диалектные формы сравнительной степени прилагательных (*падо́лжы*, *мла́жы*); мягкость согласных в исходе основы кратких прилагательных во мн. ч. (*не ну́жны* ‘не нужны’, *мы ра́ди* ‘рады’). Наблюдаются диалектные разнообразно-

сти постпозитивной частицы *-то* (*бу́ря-та́*, *анте́нну-ту́*, *де́лать-та́*, *Димо́к-та́*); частицы *вот* и *ну* в положении между фразами, употребленные в метатекстовой функции; отмечены формы краткого страдательного причастия типа *набра́дены се́тки* (от *набра́ть*).

В 2008 г. продолжалось исследование языка старообрядцев.

В июле-августе вместе с сотрудниками Тартуского университета О. Г. Ровнова работала в старообрядческих поселениях Эстонии и сделала аудиозаписи диалектной речи продолжительностью 48 часов. Как и в прошлом году, основное внимание было сосредоточено на сборе лексического материала. Уточнялись лексическое значение многих слов, территория их распространения, системные связи, контексты употребления и др. Собранный материал вошел в книгу О. Н. Паликовой и О. Г. Ровновой «Словарь говоров староверов Эстонии: Книга для учащихся», которая вышла из печати в Тарту осенью 2008 г. Она включает свыше тысячи словарных статей и представляет собой первый диалектный словарь говора староверов Эстонии. Диалектологи ИРЯ РАН и Тартуского университета планируют продолжить совместную работу и подготовить в будущем «Словарь русских говоров Эстонии».

В октябре О. Г. Ровнова и Д. М. Савинов совершили трехдневную поездку в село Кошлякóво Шебекинского района Белгородской области. Она имела пробный характер и преследовала двойную цель. Во-первых, предстояло встретиться со старообрядцами, которые в августе 2008 г. переехали сюда из Уругвая по президентской Программе переселения соотечественников в Россию и были знакомы О. Г. Ровновой по экспедиции в Южную Америку 2006 г. Во-вторых, предстояло сделать пробные записи местного говора и установить состояние старообрядческой

культуры в селе Кошлаково, которое в прошлом представляло собой довольно крупный старообрядческий беспоповский центр.

Село Кошлаково находится в 40 километрах от Белгорода, имеет хорошее автобусное сообщение с ним, насчитывает около 300 дворов, в нем работает 9-летняя средняя школа. Старообрядческая культура находится в упадке, хотя вновь открыта и оборудована моленная. В нее ходят 5 прихожан пожилого возраста.

Записана почти 4-часовая беседа с одной из прихожанок (1936 г. р.): об истории села и моленной, местных обрядах и обычаях, об отношении к приехавшим старообрядцам. Как показали предварительные наблюдения, для говора Кошлакова характерен пятифонемный вокализм, то есть фонемы /o/ и /ω/, а также /e/ и /ě/ не различаются. После мягких согласных в говоре обнаружены следы архаического диссимилятивного яканья обоянской разновидности: [a] или [e] произносятся перед ударными /и/, /у/, /о/ (только из ω) и /е/ (только из ě), [и] — перед /о/ (из o под нисходящим ударением и *ь, е), /е/ (из е) и /а/: в[ʼа]дѹ, н[ʼа]сѹ, т[ʼа]плѹ, т[ʼа]мнѹе, сл[ʼи]пѹй, н[ʼи]сѹм, л[ʼи]сѹ. То есть в говоре отмечается обоянское яканье нефонетического вида, которое имеет тенденцию к переходу к иканью.

В Кошлакове обосновались пять старообрядческих семей из Уругвая. Беседы в двух семьях были записаны на диктофон (6 часов звучания): об обстоятельствах переезда, отношениях с местными жителями, планах на будущее. О. Г. Ровнова и Д. М. Савинов встретились с учительницей местной школы, которой поручено вести уроки русского языка и русской литературы для 12—15-летних детей старообрядцев. Выяснилось, что подростки с большим трудом читают по-русски и не умеют писать. Наблюдения над языко-

вой адаптацией как взрослых старообрядцев, так и их детей к условиям жизни в России, в новом языковом окружении станут частью будущего описания их говора.

В течение ноября О. Г. Ровнова работала в **старообрядческих колониях Бразилии**. Это ее третья поездка к старообрядцам Южной Америки (2006 г. — старообрядческие поселения Аргентины, Уругвая и Чили, 2007 г. — Боливии). Экспедиция была весьма результативной: обследованы старообрядческие колонии в трех бразильских штатах: Парана, Гойас, Мату Гроссу, сделаны аудиозаписи бесед со староверами продолжительностью 50 часов и видеозаписи встреч с ними.

Языковая ситуация в старообрядческих колониях Бразилии отличается от той, которая наблюдается в других латиноамериканских странах. Это отличие связано прежде всего с тем, что старообрядцы среднего, а тем более младшего поколения являются здесь активными русско-португальскими билингвами. Дети ходят в бразильские школы, между собой общаются преимущественно по-португальски, в связи с чем утрата младшим поколением русского языка и переход на «бразильский» становится реальностью.

Сделаны аудиозаписи речи «синьцзянцев» и «харбинцев» от представителей разных поколений (самому старшему информанту — 82 года, самому младшему — 10). Надо отметить непривычную открытость, контактность староверов Бразилии, которая резко отличает их от староверов других латиноамериканских стран. В собранном материале отражены такие темы, как история старообрядческих родов, обстоятельства бегства из России, жизнь в Китае, переезд из Китая в Южную Америку, семейные традиции, особенности хозяйственного уклада в Бразилии; записаны свадебный обряд, исполнение

духовных стихов. Много внимания уделялось выяснению языковых, бытовых и обрядовых различий между «синьцзянцами» и «харбинцами». Собранный материал существенно дополняет и расширяет сведения, полученные в экспедициях 2006—2007 гг., и позволяет сделать комплексное описание языка староверов Южной Америки.

Аспиранты Института С. В. Дьяченко и Е. В. Калугина совершили самостоятельные экспедиции, связанные с работой над их кандидатскими диссертациями.

С. В. Дьяченко, аспирантка отдела диалектологии и лингвистической географии, в июле работала в селе **Колодежное Подгоренского района Воронежской области**. Жители села — украинцы, длительное время живущие в России. Влияние русского языка отражается на современном состоянии говора. Цель экспедиции заключалась в сборе диалектного материала по краткой морфологической программе, ее задачи: 1) беседа с коренными жителями села по вопросам краткой морфологической программы; 2) первоначальная обработка материала.

В результате беседы с тремя коренными жителями села был собран материал по разделам «Имя существительное», «Имя прилагательное», «Местоимение». Первоначальный анализ собранного материала позволил сделать некоторые выводы об отдельных особенностях говора, о сохранении или утрате исконных украинских черт. Что касается именного склонения, то падежные окончания существительных в основном сохранились, то есть совпадают с украинскими. Исключение составляет флексия *-ови (-еви)* дательного падежа существительных 2 типа склонения, которая в говоре отсутствует, а также нерегулярное употребление звательной формы. Кроме того, в парадигме некоторых существительных наблю-

даются «пустые ячейки». Например, отсутствует форма И. п. ед. ч. существительного *нож*. Ни украинский вариант *ніж*, ни русский *нож* ни одним из информантов не употребляется. Это слово заменено существительным *ножик*, т. е. наблюдается супплетивизм основ. Интересные особенности были обнаружены в некоторых формах указательных местоимений женского рода. Как синонимичные употребляются исконные украинские формы, русские, возникшие под влиянием русского языка, а также интерферентные, например Р. п. местоимения *та*: *тийи*, *тийейи*, *тей*, *той* и т. п. Таким образом, в настоящее время говор изменяется, приобретает новые черты из-за влияния на него русского языка.

С 26 по 30 июля состоялась экспедиция аспирантки отдела фонетики Е. В. Калугиной в **Губкинский район Белгородской области**. Целью поездки был сбор диалектного материала для диссертационного исследования «Типы диссимильного вокализма в говорах севера Белгородской области». Большую часть времени работа велась в селе Присынки (в местном произношении — *Прицы́нок*), кроме того, состоялись однодневные поездки в села Толстое и Богословка. В течение пяти рабочих дней были сделаны записи звучащей речи продолжительностью 15 часов от 9 информантов — пожилых женщин 70—90 лет.

Села Присынки и Толстое были обследованы диалектологами по программе ДАРЯ в 1950-х гг., кроме того, в фонотеке Института есть записи на 6 часов из этих сел, сделанные в 2000 году сотрудниками отдела фонетики. В говоре села Присынки отмечается щигровский тип диссимильного яканья, однако в ряде примеров наблюдаются отступления от этого типа. В результате поездки имеющийся материал был уточнен и расширен.

Так, в позиции перед ударным *о* на месте *ъ согласно данному типу вокализма после мягких согласных должен звучать [а]. Однако наряду с произношением *м[ʼа]шóк, с[ʼа]рпóм, сл[ʼа]лóй* (м. р., ед. ч., И. п.) отмечены примеры *св[ʼи]крóвь, вос[ʼи]мьсóт*. При этом одним и тем же информантом могут употребляться оба возможных варианта произношения одного и того же слова: *св[ʼа]крóвь* и *св[ʼи]крóвь, м[ʼа]шкóм* и *м[ʼи]шкóм*. Это говорит о том, что на данном этапе в системе гласных говора

происходят изменения и «стереотип» произношения в ряде позиций еще не выработан.

Тип диссимилятивного аканья, наблюдаемый в селе Присынки, — жидринский, исключений не отмечено. Материал, полученный в результате экспедиции, позволит сделать комплексное описание системы предударного вокализма этого говора.

О. Г. Ровнова

РЕЦЕНЗИИ

**Клитки в древнерусском пространстве:
по поводу книги А. А. Зализняка «Древнерусские энклитики»
(М.: Языки славянской культуры, 2008. — 280 с.)***

Выход в свет каждой новой книги Андрея Анатольевича Зализняка — это событие для отечественной и зарубежной славистики не только в силу огромных заслуг автора перед этой отраслью языкознания (ср. такие написанные А. А. Зализняком в разные годы фундаментальные и при этом разноплановые труды, как «Русское именное словоизменение», «Обратный словарь русского языка», «Древненовгородский диалект», успевшие стать классикой мировой науки), но и благодаря совершенно исключительной для современной науки о языке точности лингвистического анализа и филологически корректной процедуре обработки источников.

Вышедшей в 2008 г. книги А. А. Зализняка «Древнерусские энклитики» особенно ждали, поскольку это первая монография А. А. Зализняка, посвященная проблеме славянских энклитик. Как известно, именно А. А. Зализняку принадлежит честь открытия действия закона Вакернагеля¹ в древненовго-

родском диалекте. Данный закон, являющийся одним из ранних и наиболее успешных открытий синтаксической типологии, предсказывает, что если язык имеет несколько т. н. фразовых, или «сентенциальных» энклитик, т. е. слабударных элементов, относящихся к предикации в целом, и если данные элементы имеют некоторое фиксированное место, они тяготеют ко второй позиции от начала предложения и образуют упорядоченные цепочки (контактные последовательности энклитик, не допускающие их перестановки) в контактной постпозиции к первому ударному слову или первому члену предложения². Впервые этот механизм был открыт на примере древних индоевропейских языков швейцарским компаративистом Я. Вакернагелем в 1892 г. [Wackernagel 1892], а строгое доказательство того, что древненовгородский диалект подчинялся закону Вакернагеля, было впервые представлено А. А. Зализняком в работе 1993 г. «К изучению языка берестяных грамот», опубликованной в серии «Новгородские грамоты на бересте» [Зализняк 1993: 280—308]. В этом томе, давно ставшем библиографиче-

же «закон Вакернагеля» (с. 24), «вакернагелевские частицы» (с. 25).

² Внимательный читатель мог заметить, что обложка рецензируемой книги А. А. Зализняка (художники Н. Прокуратова и С. Жигалкин) — вереница уток, где за первой взрослой птицей идет выводок утят — является иллюстрацией к закону Вакернагеля.

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ 06-04-00203а «Типология языков со свободным порядком слов и модели инверсии». Я благодарю анонимных рецензентов журнала «Русский язык в научном освещении» за ценные критические замечания и А. А. Пичхадзе за помощь при подготовке текста к печати. Ответственность за окончательные формулировки лежит на мне.

¹ В книге А. А. Зализняка принята фонетическая транслитерация имени собственноразлично «Wackernagel» как «Вакернагель», ср. так-

ской редкостью, А. А. Зализняк обобщил все известные к 1989 г. данные по употреблению древненовгородских энклитик и обосновал законы их распределения в памятниках. Основные положения теории А. А. Зализняка вошли в выпущенную им позже монографию «Древненовгородский диалект», первое издание которой появилось в 1995 г. Именно из этой книги, где теория А. А. Зализняка представлена в сильно урезанном виде, большинство зарубежных славистов и черпает сведения о древнерусских энклитиках, причем те слависты, которые занимаются синхронными исследованиями и изучают системы энклитик в ныне существующих славянских языках и диалектах, по ряду параметров типологически близких древненовгородской системе, имеют самое поверхностное представление о древненовгородских энклитиках (в этом автор настоящей статьи многократно имел возможность убедиться лично). В основном это вина сообщества синтаксистов, которое не уделило должного внимания перечисленным выше публикациям А. А. Зализняка, вышедшим в нашей стране на русском языке. Однако, с нашей точки зрения, есть еще одна причина, почему теория А. А. Зализняка, впервые опубликованная в 1993 г., до сих пор остается *terra incognita* для многих специалистов по славянскому синтаксису. В предыдущих публикациях А. А. Зализняка, к сожалению, нет типологической перспективы, лишь вскользь упоминаются системы энклитик, действующие в современных славянских языках, и почти полностью отсутствуют ссылки на обширную научную литературу по теории и типологии клитик³. Последний упрек

мы вправе адресовать и рецензируемой книге. Сразу отметим, что А. А. Зализняк весьма скупо пользуется современным термином «клитика», являющимся расширением идущих от античности таксонов «проклитика» и «энклитика». Хотя на начальных страницах «Введения» (с. 5—12) термин «клитика» еще упоминается, автор книги не использует укоренившееся в теории языка после работы А. Звики [Zwicky 1977] представление о том, что проклитики и энклитики образуют особый разряд выражений, противопоставленный как акцентно самостоятельным словоформам, так и аффиксам. Конечно, для целей книги А. А. Зализняка, где преимущественно обсуждаются те свойства энклитик, которые связаны с явлениями порядка слов, удобно отвлечься от обсуждаемых в типологической литературе спорных критериев, отличающих клитики от словоформ и аффиксов, ср. [Aikhenvald 2002], и считать, что энклитика — это просто акцентно несамостоятельное слово. Но именно поэтому возникает вопрос, какие свойства энклитик — собственно фонетические или синтаксические — релевантны для закона Ваккернагеля. В этой связи фраза А. А. Зализняка о том, что «р а з у м е е т с я, определяющими для энклитик являются их фонетические свойства» (с. 8, выделение наше. — А. Ц.), кажется нам неосторожной, тем более что сразу вслед за этим А. А. Зализняк уточняет, что комплекс фонетических характеристик энклитик и комплекс их синтаксических характеристик «выделяет не в точности одну и ту же совокупность единиц» (там же)⁴.

³ Типологические описания отдельных неиндоевропейских языков с законом Ваккернагеля см. в [Nash 1986: 55—64; Tsunoda 1988: 124—139; McConvell 1996; Jellinek 2000; Werle 2002].

⁴ О собственно фонетических свойствах энклитик см. [Nespor, Vogel 1986]. Правила расстановки акцента в тактовых группах, содержащих энклитики и проклитики древних славянских языков, разобраны В. А. Дыбо: [Дыбо 1971; 1975; 1981]. Попытка разграни-

В последующих изданиях «Древне-новгородского диалекта» объем раздела, посвященного клитикам, серьезно не менялся, хотя другие разделы грамматического очерка данной книги А. А. Зализняка претерпели большие изменения. Изучение системы клитик и усовершенствованная техника синтаксического анализа вновь вышли на первый план в книге А. А. Зализняка о «Слове о полку Игореве» [Зализняк 2004]. В этой книге А. А. Зализняк предложил доказательство подлинности «Слова о полку Игореве», основанное на лингвистической процедуре. Как известно, происхождение «Слова о полку Игореве», изданного в 1800 г. А. И. Мусиным-Пушкиным, вот уже два века остается предметом дискуссии, поскольку рукопись произведения погибла в пожаре 1812 г., а обстоятельства ее приобретения не вполне ясны. Часть исследователей усматривала в «Слове о полку Игореве» историческую стилизацию под поэмы типа «Задонщины» либо сознательную фальсификацию, выполненную кем-то из профессиональных славистов или компетентных любителей, живших в конце XVIII в. Несмотря на неубедительность и некорректность многих тезисов скептиков⁵, их оппоненты до 2004 г. не представили доказательств того, что

читать фонетический и синтаксический аспекты клитизации сделана в [Klavans 1985; Franks, King 2000].

⁵ В своей книге А. А. Зализняк с достойным восхищения терпением разбирает тезисы противников подлинности «Слова о полку Игореве» (К. Трост, Р. Айтцетмюллер, М. Хендлер, Э. Кинан), высказанные в шести работах, опубликованных в период 1974—2003 гг. [Зализняк 2004: 207—320]. Можно лишь восхититься выдержкой автора, вынужденного подробно опровергать произвольные догадки и конъектуры коллег, сплошь и рядом не утруждающих себя тщательной аргументацией.

гипотеза о фальсификации/стилизации исключена в принципе [Зализняк 2004: 35]⁶. Книга А. А. Зализняка о «Слове о полку Игореве» решает эту задачу. А. А. Зализняк построил свое доказательство на том, что если «Слово о полку Игореве» возникло в ранне-древнерусский период, оно должно отражать морфологические и синтаксические черты этого периода. Но простого выявления архаичных (с точки зрения историка языка) черт памятника недостаточно: чтобы опровергнуть гипотезу о фальсификации, необходимо доказать, что фальсификатор XVIII—XIX вв. заведомо не мог располагать знаниями, необходимыми для моделирования древнерусского узуса. А. А. Зализняк нашел решающее подтверждение в том разделе грамматики, который оказалось возможно адекватно описать лишь после открытия во второй половине XX в. берестяных грамот, — синтаксисе энклитик. Именно в корпусе берестяных грамот — текстах, ориентированных на устную речь, — закон Ваккернагеля действовал в наиболее

⁶ Один из рецензентов нашей статьи уточняет, что А. А. Зализняк впервые предложил естественно-научное доказательство подлинности «Слова» и кардинально расширил его количественную базу, но сама схема доказательства подлинности этого памятника была намечена уже в работе А. В. Исаченко о двойственном числе — как полагает рецензент, с точностью, достаточной для гуманитарной дисциплины. Мне представляется, что отстаиваемый А. А. Зализняком естественно-научный (или общенаучный) идеал доказательности заслуживает предпочтения. Насколько я понимаю, доказательства типа представленного А. В. Исаченко апеллируют к профессиональной интуиции лингвистов и филологов, показывая непродуктивность гипотезы о фальсификации, но не исключают такой возможности в принципе.

чистом виде. Тот же закон действовал в прямой речи персонажей всех древнерусских летописей, независимо от диалектной принадлежности последних, но нарушался или не соблюдался вовсе в книжных памятниках. Тем самым, расположение энклитик в соответствии с законом Ваккернагеля является чертой всех диалектных и наддиалектных памятников, следующих древнерусскому разговорному языку, а нарушение данного закона доказывает книжное происхождение памятника, ориентированного на письменную традицию, где закон Ваккернагеля не действовал⁷. Если основное правило закона Ваккернагеля, помещающее цепочки энклитик во вторую позицию от начала предложения, фальсификатор еще теоретически мог реконструировать по одному из современных ему славянских языков, где действует закон Ваккернагеля (ср. чешский, словацкий, сербохорватский, словенский), то дополнительные правила Барьера, смещавшие энклитики вправо, как убедительно показал А. А. Зализняк, были специфичны именно для древнерусского. Наиболее сложное правило регулировало соотношение препозиции и постпозиции возвратной энклитики *ся* к глаголу: для стандартных ранненовгородских текстов (берестяных грамот XI—начала XIII вв.) нормой была препозиция *ся* глаголу⁸, ср. *а чемоу са гнѣваеши* в грамоте № 605. В данной группе памятников перемещение клитики *ся* в постпозицию глаголу зависело от морфосинтак-

сического типа ударного слова, предшествующего *ся* (спрягаемый глагол, инфинитив, местоимение, неглагольное знаменательное слово), и коммуникативных интенций говорящего. Вычислить правильное употребление *ся*, не будучи носителем древнерусского языка, можно лишь в одном случае — располагая корпусом разговорных раннедревнерусских текстов и реконструировав на их основе закон Ваккернагеля в улучшенной А. А. Зализняком формулировке⁹. Однако сами эти тексты были открыты и описаны лишь в конце XX в. Поэтому тот факт, что в «Слове о полку Игореве» на препозицию *ся* приходится 60 % от общего числа случаев употребления *ся*¹⁰, при том же самом распределении *ся* в зависимости от начального слова предложения, что в разговорных древнерусских текстах XI—XII вв., решающим образом доказывает, что «Слово о полку Игореве» — памятник раннедревнерусского периода с разговорным синтаксисом¹¹. Перед нами блестящий образец применения лингвистических законов, открытых эмпирически, на основе изучения ряда языков и текстов этих языков, для решения прикладных историко-филологических проблем и датировки памятников. После выхода в свет книги А. А. Зализняка

⁹ Мировая наука шла к этой формулировке более ста лет: от 1892 г. (статья автора закона, Я. Ваккернагеля) до 1993 г. (выход в свет работы А. А. Зализняка «К изучению языка берестяных грамот»).

¹⁰ Ср. например, *ту* (1) *ся* (2) *брата* (3) *разлучиста* (4) — строка 71. Красноречив также пример с дублированием *ся*: *вежи* (1) *ся* (2) *Половецѣи* (3) *подвизашася* (4—5) — строка 187.

¹¹ Помимо употребления энклитик и дистрибуции *ся* А. А. Зализняк приводит в своей книге и другие лингвистические аргументы в пользу подлинности «Слова о полку Игореве», но мы их здесь не касаемся.

⁷ Ср., прежде всего, большинство старославянских памятников и такие древнерусские рукописи, как «Успенский сборник».

⁸ А. А. Зализняк доказывает этот тезис со всей мыслимой скрупулезностью, приводя статистические фигуры для 6 основных позиций комплекса *ся + глагол* в предложении, допускающих разное положение *ся* [Зализняк 2004: 55—64].

о «Слове о полку Игореве» для полного закрытия гипотезы о фальсификации этого памятника, на наш взгляд, не хватает лишь одного — повышения лингвистической культуры гуманитариев: многие высокоученые комментаторы древних текстов, к сожалению, по-прежнему склонны смотреть на язык только как на средство выражения мысли и канал передачи тех или иных сообщений, а не как на самодостаточный и системно организованный объект.

Как мы видели, в книге о «Слове о полку Игореве» А. А. Зализняк впервые выдвинул научную гипотезу о том, что наличие общей синтаксической системы расстановки клитик с законом Ваккернагеля и правилами Барьера, отодвигающими клитику *-ся* от начала предложения вправо в строго определенных случаях, является доказательством того, что тексты, где в полном объеме поддерживаются данные синтаксические ограничения, должны принадлежать не только одному и тому же временному срезу, но и одному и тому же языку. Доказать, что «Слово о полку Игореве» изначально записано на древненовгородском диалекте или на ранней стадии обработано древненовгородским писцом, нельзя. Остается предположить, что древненовгородский диалект и диалект, на котором написаны разговорные фрагменты южнорусских памятников и «Слово о полку Игореве», являются диалектами одного и того же языка, а именно — древнерусского, причем древнерусский язык может принимать очень похожие (по крайней мере, в плане синтаксиса) формы в разговорных текстах, близких к устной речи. На основе этих текстов можно изучать эталонную систему расстановки энклитик в древнерусском языке, а система расстановки энклитик, действующая в книжных памятниках (предположительно, любой диалектной принадлежности), является от нее про-

изводной. Именно эта гипотеза и лежит в основе рецензируемой книги А. А. Зализняка. А. А. Зализняк вначале кратко характеризует основные черты древнерусской просодической системы в разделе «Введение», где читателю представляются основные термины — *тактовая группа*, *энклитика*, *проклитика*, *клауза*, *актантная группа* и т. д. Научный аппарат книги представлен в первой главе «Основные закономерности расположения энклитик», где перечисляются древнерусские энклитики, имеющие фиксированное место в цепочке, вводится понятие ритмико-синтаксического барьера, дается классификация клауз и комментируется соотношение препозиции и неавтоматической (т. е. сильно контекстно-зависимой) постпозиции клитик. В гл. 2 «Народное и книжное в древнерусских памятниках» обосновывается специфика двух основных систем, сопоставляемых в книге, — системы, действующей в памятниках, близких к разговорной речи, и системы, действующей в памятниках книжного стиля. Во второй части книги специально исследуются три группы тесно связанных между собой проблем диахронического синтаксиса — эволюция энклитических и полноударных местоимений (гл. 3), эволюция возвратной клитики *-ся* (гл. 4), эволюция презентных форм связки «быть» (гл. 5). В «Заключении» подытоживаются результаты работы.

Кратко отметим некоторые интересные факты и новые обобщения, сделанные А. А. Зализняком на страницах рецензируемой книги. Во «Введении» А. А. Зализняк вводит понятие *клаузы*, т. е. синтаксической группы единства с глагольным или связочным элементом в позиции вершины — этот термин призван уточнить синтаксический статус тех структур, где появляются древнерусские сентенциальные энклитики и соблюдается закон Ваккернагеля. Выделяются клаузы на основе простого

предложения (финитного и инфинитивного), а также на основе причастных и деепричастных оборотов; каждое сказуемое в ряду однородных сказуемых трактуется как отдельная клауза (с. 14). Комплекс предложений трактуется как единая клауза в том случае, когда придаточное вклинено внутрь вышестоящего предложения, ср. [*а что=есмь придобылъ золота, [что=ми далъ Богъ], и коробочку золотую*], [*а то=есмь далъ княгини своеи*]¹², где А. А. Зализняк трактует последовательность [*а что=есмь придобылъ золота, [что=ми далъ Богъ], и коробочку золотую*] как единую «клаузу», одновременно признавая встроенное в нее относительное придаточное [*что=ми далъ Богъ*] отдельной клаузой. Все сложное предложение А. А. Зализняк единой клаузой не считает, что, как он сам признает на с. 13, противопоставляет его словоупотребление традициям общего синтаксиса: в большинстве случаев «клауза» в понимании А. А. Зализняка значит «монопредикатное предложение», но в некоторых случаях «клауза» А. А. Зализняка значит «замкнутое полипредикатное предложение со встроенной клаузой (embedded clause)». Далее клаузы с неначальным глаголом подразделяются на *простые*, где перед глаголом оказывается ровно одно фонетическое слово, и *осложненные*, где перед глаголом стоит более одного фонетического слова. Осложненные клаузы делятся далее на *тяжелые*, где только одно из стоящих перед глаголом слов является его аргументом, и *многоактантные*, где перед глаголом оказывается сразу несколько аргументных слов, ср. *онъ=же нынѣ во-рогъ=ми=са оучинилъ* [Зализняк 2008: 17]. Автор подробно оговаривает про-

цедуру применения данных таксонов (ср. ниже [Там же: 59, 63]), поэтому А. А. Зализняка нельзя упрекнуть в отсутствии эксплицитных критериев. Отметим все же, что выдвинутое А. А. Зализняком понятие «актантной группы» не совпадает ни с различием синтаксических актантов и сирконстантов в теории валентности (что А. А. Зализняк признает сам), ни с различием аргументных и неаргументных позиций (A vs A-bar positions) в генеративной грамматике. Речь, с нашей точки зрения, идет вообще не о месте элемента в дереве зависимостей или дереве составляющих, а о синтаксической разметке того материала, который может оказаться в древнерусском языке перед глаголом и клитиками¹³. А. А. Зализняк

¹³ При чтении книги А. А. Зализняка складывается впечатление, что тяжеловесный термин «многоактантная клауза» специально выдвинут для того, чтобы описать случаи, когда перед группой глагол + клитика оказываются элементы более чем одной составляющей, ср. *зане* (1) [ПГ в землѣ нашеи] (2) [ИГжито] (3) [ОТР не] (4) *родило=са* (5+6) *нынѣ*. При этом ряд примеров, включая данный, может быть классифицирован одно- временно и как «многоактантные», и как «тяжелые» клаузы (поскольку стоящие перед глаголом ИГ/ПГ обладают акцентной самостоятельностью). Стремление автора развести таксоны «тяжелая» и «многоактантная» клауза объясняется тем, что он признает связочную клитику вершиной клаузы, и при этом учитывает местоименные клитики, такие как *ми* или *ся*, в числе аргументов сказуемого. Только при этих двух условиях можно понять, почему пример *а ты* (1)=*са* (2)=*еси еще с людми Киевѣ не оутвердилъ* на с. 18 попал в число многоактантных клауз. Оба решения формально безупречны, но поскольку классификация клауз А. А. Зализняка ориентирована не на синтаксический анализ предложения в целом, а на уточнение расположения клитик,

¹² Здесь и далее будем придерживаться принятой в синтаксической литературе практики и выделять энклитики при помощи символа “=”.

трактует случаи вроде [и҃г-другую...] *дадь=юсемь Дмитру* [и҃г-польтину] как «простую клаузу», так как его интересует не вся разрывная составляющая [и҃г-другую...польтину], а лишь та ее часть, которая стоит левее глагола. Препозиция прилагательного *другую* и глагола *дадь*, в свою очередь, специально исследуется лишь потому, что вынос словоформы *другую* в начало предложения влияет на расположение связочной клитики *юсемь*, которая оказывается не во второй, а третьей позиции от начала предложения.

В гл. 1 А. А. Зализняк объясняет закон Вакернагеля. Основное правило состоит в размещении цепочки энклитик в первом фонетическом слове (= первой тактовой группе). Энклитики располагаются в строгом порядке, для любых двух энклитик в языке с законом Вакернагеля действует Правило Рангов, определяющее, какая энклитика в контактной последовательности стоит правее, а какая левее (с. 27)¹⁴. А. А. Зализняк выделяет те же 8 рангов энклитик, что и в работах 1993 г. и 1995 г.: новое заключается в том, что данная система проецируется уже на весь древнерусский язык, а не только на древне-новгородские памятники. Древнерусское Правило Рангов удобно представить в виде таблицы, в левой части которого находятся частицы *же, ли, бо, ти, бы*, за которыми следуют местоимения в дат. и вин. п., а крайне правое положение занимают презентные формы связки «быть». А. А. Зализняк добавляет новый раздел о фразовых энклитиках, не имеющих фиксированного места в цепочках (с. 39—47): разбираются связки *быль, были* в составе плюс-

кварперфекта, частица *нъ*, союз и частица *да*, частицы *дѣи, реку, рече, рѣци*: в большинстве случаев, речь, видимо, идет о тех элементах, которые получили статус энклитик позже тех форм, которые учтены в древнерусском Правиле Рангов. Далее А. А. Зализняк останавливается на случаях отхода энклитик вправо и объясняет их в терминах Ритмико-Синтаксических Барьеров (далее Барьеров), т. е. групп предложения, мешающих вакернагелевским¹⁵ энклитикам занять каноническое для них второе место в предложении. Само определение Барьера сходно с тем, которое А. А. Зализняк предлагал в публикациях 1993 г. и 1995 г.¹⁶, новым является объяснение Барьеров в терминах *актантных групп*: «ритмико-синтаксический барьер возможен только после целой актантной или инородной группы» (с. 49). Барьеры, как в публикациях 1993 и 1995 гг., делятся на *обязательные* и *факультативные*. Далее А. А. Зализняк предлагает различать *сильные* и *слабые* вакернагелевские энклитики в древнерусском языке сообразно тому, как они реагируют на факультативные Барьеры. Энклитики первых пяти рангов (частицы) названы «сильными» потому, что они редко смещаются правее второй позиции от начала предложения, а энклитики последних трех рангов (местоимения и связки) названы «слабыми», поскольку они часто смещаются вправо под воздействием факультатив-

различение «многоактантных» и «тяжелых» клауз не кажется обязательным.

¹⁴ О Правилах Ранга в других языках с законом Вакернагеля см. [Roberts 1997; Werle 2002].

¹⁵ Это рабочее сокращение использует на страницах книги сам А. А. Зализняк. В западной традиции приняты сокращения ‘2P clitics’ и ‘C-oriented clitics’, которые выражают в точности тот же смысл.

¹⁶ Автор настоящей статьи принял на вооружение понятие Барьера уже после первых публикаций теории А. А. Зализняка и применил его для описания неславянского материала, ср. [Циммерлинг 1999; 2002: 66—94].

ных Барьеров. Разделы о дублировании клитик и разновидностях Барьеров сходны с предыдущими версиями теории А. А. Зализняка, но более подробны. Новыми техническими терминами являются понятия *коэффициента препозиции энклитик* и *коэффициента неавтоматической постпозиции энклитик глаголу*: под последней имеется в виду постпозиция энклитик после факкультативного Барьера, когда у носителей языка остается возможность выбора между разными вариантами (с. 65). Новым является также символическая запись окказиональной проклизы с помощью символа «°» (с. 70). Применение этого понятия позволяет не считать примеры вроде *мы°=гости=е.ме* твои из Киевской летописи по Ипатьевскому списку [1150], 150 об. реальным нарушением закона Ваккернагеля, так как при допущении проклизы начального местоимения *мы* перед энклитикой *е.ме* оказывается не два, а ровно одно ударное слово, т. е. ваккернагелевская энклитика остается внутри первого фонетического слова. Добавлены также ценные сведения о проклитически-энклитических комплексах типа *а + же, и + бо, ци + ти* и т. п. в корпусе древнерусских памятников (с. 73—78).

Начиная с гл. 2, все примеры в книге А. А. Зализняка даются в оригинальной ненормализованной орфографии с точными ссылками на источник. Гл. 2 в основном содержит статистические данные об употреблении клитик в двух группах древнерусских памятников, которые определяются как «народные» и «книжные». За основу берется та классификация синтаксических позиций, которая была подробно представлена в гл. 1 и кратко охарактеризована в нашей обзорной статье. Чтобы пресечь спекуляции, автор сразу заявляет, что понятия «народный» и «книжный» имеют точный лингвистический смысл лишь применительно к конкретным ас-

пектам языка памятника, например, к расположению ваккернагелевских энклитик, и не являются суммарными жанровыми характеристиками памятника (с. 84). Глава завершается анализом известного книжного памятника — Жития Феодосия (по Успенскому сборнику), протограф которого относится к началу XII в., а список датируется концом XII — началом XIII вв. В гл. 3 автор отдельно рассматривает эволюцию энклитических и полноударных местоимений (кроме *ся*) по данным древнерусских памятников. Для исходного состояния постулируется сосуществование двух дублетных форм — клитики и полноударного местоимения, ср. *ми* ~ *мънѣ*, *ны* ~ *намѣ*. Такого рода система, засвидетельствованная в большом числе языков мира с сентенциальными и глагольными клитиками, например, в современном чешском, французском, итальянском, греческом, тагальском, варльпири и т. д., облегчает выполнение двух разных коммуникативных задач: в немаркированном случае, когда говорящий не производит над референтами местоимений никаких логико-семантических операций вроде противопоставления, контрастивного выделения и эмфазы, выбирается клитика, в противном случае выбирается полноударная форма¹⁷. Глава завершается статистическими выкладками, демонстрирующими частоту употребления местоименных энклитик и полноударных местоимений в памятниках книжной и некнижной ориентации (с. 163—164). А. А. Зализняк заключает, что для живого древнерусского языка было харак-

¹⁷ Что и служит основанием определять местоименные клитики как те элементы, которые не способны принимать на себя контрастивный или эмфатический акцент, участвовать в сопоставлении (ср. др.-рус. *даль=ми и =ти) и противопоставлении [EuroClitics 1999: 34].

терно постепенное возрастание доли полноударных местоимений во всех падежах, лицах и числах. Наряду с этим существовал иной сценарий, когда формы дат. п. мн. и дв. ч. были быстро вытеснены полноударными формами в ранний период. В Мариинском евангелии низкий коэффициент энклитичности распространяется и на дат. п. ед. ч. Самый последний параграф главы посвящен возможности клитизации исконных полноударных форм 3 л. *jego и *jemu. А. А. Зализняк констатирует, что в древнерусском языке усечения jeho > =go и *jemu > =mi не было, но исключить возможность окказиональной энклизы двухсложных местоимений полностью нельзя (с. 168).

Гл. 4, посвященная эволюции возвратной клитики *-ся*, занимает центральное место в рецензируемой книге. Анализ А. А. Зализняка следует ранее апробированной им в монографии о «Слове о полку Игореве» схеме, но оказывается намного более детальным; изложение сопровождается большим числом статистических выкладок и таблиц; особенно много новых деталей сообщается о синтаксисе книжных памятников. Автор делает вывод о том, что «...с самого начала письменной истории русского языка существуют две отчетливо различающиеся традиции в трактовке элемента *-ся*. В первой *-ся* представляет собой нормальную фразовую энклитику, способную стоять как в постпозиции, так и в препозиции глаголу (...). Во второй она уже в XI—XII вв. предстает как единица, весьма близкая к морфеме *-ся* современного русского языка» (с. 219). Отделяемость *-ся* от глагола, т. е. критерий синтаксической самостоятельности возвратной клитики, поддерживается случаями ее препозиции глагольной основе. В рамках народной традиции доля препозиции плавно понижается от XI в. к XVII в., пока контексты, где *-ся* ранее могло от-

деляться от глагола, не исчезают полностью. В книжных памятниках XI—XII вв. доля препозиции *-ся* изначально была не выше 10—21 %, что автор объясняет старославянским влиянием¹⁸; в последующие века коэффициент *-ся* в церковнославянских текстах существенно не менялся, и препозиция *-ся* перестала быть допустимой не ранее того момента, когда клитика *-ся* исчезла в живом древнерусском языке (с. 220).

Последняя, пятая глава книги, посвящена эволюции связочных клитик. Здесь основную проблему составляет полное отсутствие презентных клитик связки «быть» в 3 л. в новгородских текстах и их редкость в диалогических фрагментах в составе южнорусских памятников (с. 236—238). Дополнительную трудность составляет разграничение служебного и полнозначного употреблений глагола «быть», так как по графическому облику форм ряда *есмь*, *есмы*, *еси*, *есвѣ* и т. д., увы, нельзя установить, являются ли они клитиками или же полноударными словами: этот вопрос приходится решать исходя из их позиции в предложении. Для простоты можно принять, что в связочной функции (стало быть, в роли клитики) презентные формы глагола «быть» выступают только в составе формы перфекта с причастием на *-л*, а в составе именного сказуемого выступает полноударная форма «быть», ср. *се* (1) *оуже* (2) *въ старости* (3) *есмь* (4)¹⁹. Однако

¹⁸ Возвратная клитика в вин. п. сохраняется во всех современных южнославянских языках, а также в русинском языке, ср. [Browne 2008], [Браун 2008: 356].

¹⁹ Аналогичный постулат содержится во многих нормативных грамматиках современных славянских языков, например, в грамматиках чешского языка, где презентные формы глагола «быть» по-прежнему могут составлять цепочки с прочими ваккернелевскими клитиками.

не везде такой простой критерий работает. Во-первых, в некоторых случаях формы глагола «быть» в составе именного сказуемого тоже могут оказаться безударными — особенно там, где они стоят во второй позиции. Во-вторых, нет полной уверенности в том, что древнерусские формы глагола «быть» в составе перфекта всегда оставались клитиками, например, там, где они стоят намного правее второй позиции. А. А. Зализняк делает вывод о том, что в живом древнерусском языке формы 1—2 л. связки «быть» в составе перфекта оставались клитиками по крайней мере до начала XVI в., для фраз с именным сказуемым картина аналогичная, но эволюция шла быстрее. В книжном стиле связки могли сохраняться и позже XVII в. (с. 254). В 3 л. перфекта связки отсутствовали. Главное отличие современного состояния от древнего в том, что ныне стало нормой добавлять местоименное подлежащее, ср. рус. *он-3Sg дал-3Sg*, в то время как ранее немаркированным случаем было его отсутствие, ср. др.-рус. *Ø-3Sg -даль-3Sg* (с. 262)²⁰.

²⁰ В синтаксической литературе соответствующий параметр называется термином *pro-dgop*. Древненовгородский диалект / живой древнерусский язык относится к последовательным языкам *pro-dgop*, а современный русский — к непоследовательным языкам *non-pro-dgop*, так как он разрешает опущение референтного тематического местоимения в 1 л., окказионально — во 2 л. и запрещает в 3 л. Так, рус. *про; пошел на лекцию* стандартно интерпретируется как а) ‘Я пошел на лекцию’, с натяжкой — как б) ‘?Ты пошел на лекцию’, а интерпретация в) ‘*Он пошел на лекцию’ невозможна вне вербального контекста, ср. диалог: *A: <где X_i? > B: [X_i] пошел_i на лекцию*. Среди современных славянских языков есть последовательные языки *pro-dgop*, точно соответствующие древненовгородскому узусу, ср. русинский язык [Browne 2008].

В «Заключении» А. А. Зализняк подводит итоги исследования и делает вывод о том, что различие «сильных» и «слабых» энклитик важно как для анализа синхронии древнерусского языка, так и для динамики его развития. Сильные энклитики *бо* и *ми* исчезают из системы как лексические единицы, в то время как слабые энклитики подвергаются синтаксическим сдвигам. Если у слабой энклитики был акцентно самостоятельный дублет, из двух членов синонимической пары сохранялась полноударная форма, а клитика исчезала. Возвратная клитика *-ся* не имела полноударного дублета, ее устранение из системы произошло другим путем — бывшая возвратная клитика стала глагольным аффиксом. Сам по себе механизм помещения *-ся* в постпозицию глагола носит синтаксический характер и объясняется эффектом Барьера. Устранение препозиции *-ся* можно объяснить тем, что Барьеры, влияющие на постановку *-ся*, из факультативных стали обязательными — первоначально в некоторых из древнерусских конструкций, а затем во всех случаях. Расширение сферы действия Правил Барьера А. А. Зализняк называет «второй линией распада первоначальной системы» (с. 266), хотя в соответствии с логикой изложения книги данную линию можно было считать и основной, а материальное устранение тех или иных клитик — сопутствующим явлением. На самой последней странице книги А. А. Зализняк возвращается к вопросу об истоках древнерусской системы энклитик, регулируемых законом Ваккернагеля, и делает естественный вывод о том, что именно эту, а не старославянскую систему, следует считать «наиболее прямым отражением общеславянского состояния» (с. 270). Тем самым представление о том, что современные южнославянские системы энклитик надо выводить из состояния, сходного с показаниями

старославянских памятников, не оправданно: эти системы уместно выводить из «реконструированного состояния, весьма близкого к древнерусскому» (Там же).

Можно лишь восхищаться качеством изложения, полнотой представления и четкостью критериев описания древнерусского материала в рецензируемой монографии. Сделанные мной выше замечания о частичном несоответствии авторской терминологии А. А. Зализняка некоторым устоявшимся употреблением являются лишь констатацией терминологического разнобоя в современной лингвистике, а не упреками в адрес книги, тем более что сам автор эксплицитно комментирует каждый термин. Рецензент всегда считал себя (возможно, самонадеянно) последователем концепции клитик А. А. Зализняка и в меру своих сил отстаивал преимущества его подхода в типологических исследованиях. Как мне представляется, предыдущие варианты концепции А. А. Зализняка и апробированный им на древненовгородском материале аппарат описания ваккернагелевских клитик в значительном объеме можно применять для описания других языков, где действует закон Ваккернагеля, что рецензент и пытался сделать в работах последних десяти лет²¹. Чтобы оценить новые дискуссионные моменты в изложении А. А. Зализняка и применить его модифицированную концепцию для типологии славянских языков, надо проверить, в какой мере исходный и конечный тезисы рецензируемой книги — о том, что система клитик книжных южнорусских памятников вторична по отношению к системе клитик, действовавшей в древненовгородских текстах, и о том, что именно раннедревнерусская систе-

ма, прослеживаемая по текстам с устной перспективой, является самым прямым отражением общеславянского состояния, — соответствуют избранному А. А. Зализняком в рецензируемой книге взгляду на закон Ваккернагеля и разработанному им аппарату описания. В этой связи у меня есть несколько соображений. Я сразу отмечу, что согласен с конечным и исходным пунктом анализа А. А. Зализняка, но некоторые звенья аргументации вызывают у меня вопросы.

1) Тождество древненовгородского диалекта и диалекта южнорусских памятников в книге не доказано. Между тем оно существенным образом используется при сопоставлении древненовгородской и книжной южнорусской систем: вторая выводится из первой посредством определенных шагов реконструкции, но не наоборот²². Само направле-

²² Анонимный рецензент настоящей статьи замечает, что одинаковое значение, принимаемое теми или иными синтаксическими параметрами в языках α и β само по себе не доказывает, что α и β являются идиомами одного и того же языка. В общей форме это верно — иначе бы была невозможна синтаксическая типология. Так, параметр контактной позиции ваккернагелевских клитик и глагольных форм есть в двух языках двух разных ареалов — болгарском и тагальском [Billings, Kopasky 2002]: это схождение не может объясняться ни генетическим родством, ни контактами данных языков [Циммерлинг 2008: 230]. Однако приравнивание синтаксических параметров к изолированно взятым фонетическим чертам, таким как оппозиция фонем /p/ ~ /b/, не кажется мне удачным по двум причинам. Во-первых, применительно к системам энклитик речь идет не об отдельном параметре, а о целом ряде взаимосогласованных черт (Правило Рангов, Правила Барьера и т. д.). Во-вторых, в случае с древненовгородским диалектом и диалектом южнорусских памятников мы имеем

²¹ Ср. [Циммерлинг 1999; 2002: 66—94; Zimmerling 2006; Циммерлинг 2008: 189—219].

ние эволюции достоверно, но А. А. Зализняк не предлагает доказательства того, что эволюция в обратном направлении (т. е. от церковнославянской/книжной древнерусской к древненовгородской системе) невозможна. Это упущение обидно потому, что задача выглядит решаемой, а также потому, что именно сейчас за рубежом получают некоторое распространение концепции, где славянские системы с законом Ваккернагеля и цепочками клитик во второй позиции предложения объявляются вторичными по отношению к системам типа церковнославянской или современной польской, где местоименные энклитики принадлежат глагольной группе, ср. гипотезы Ж. Бошковича и К. Мигдальского [Bošcović 2002; Migdalski 2007]. Поэтому действие закона Ваккернагеля в праславянском языке, или, по меньшей мере, в общем праязыке, к которому восходит древненовгородский диалект и язык южнодревнерусских книжных памятников, должно строго доказываться, а не приниматься за данность. Для такой реконструкции, однако, необходимо рассматривать более широкий круг древних и новых славянских языков, чем те, которые упомянуты в книге А. А. Зализняка. Заметим, что в свете предыдущих разысканий С. М. Глушкиной, С. Л. Николаева и самого А. А. Зализняка о диалектном членении древнеславянского ареала реконструкция промежуточного праязыка для диалектов всех древнерусских княжеств и территорий может оказаться едва ли не более трудной задачей, чем реконструкция праславянского языка²³.

дело с наложением общей или близкой системы синтаксических параметров на общий или почти идентичный набор из генетически тождественных ваккернагелевских клитик.

²³ Именно поэтому термин «древненовгородский диалект» остается не вполне определенным, что подтверждает эволюция

2) В книге А. А. Зализняка древнерусские энклитики делятся на «сильные» (т. е. энклитики-частицы) и «слабые», т. е. местоименные энклитики и энклитические связки. Утверждается, что «слабые» энклитики закономерно стоят в цепочке энклитик правее «сильных», так как они клитизировались относительно недавно, между тем как энклитические частицы *же, ли, бо, ти* могли быть унаследованы из индоевропейского праязыка. Утверждается также, что правило контактного расположения энклитик (= Правило Рангов) и контраст «слабых» и «сильных» энклитик общие для всех древнерусских памятников, независимо от их диалектной ориентации. Именно это, в сущности, и позволяет трактовать синтаксические системы этих памятников как одну общую систему, так как другие правила (правила отхода клитик от начала предложения вправо, правила начальной составляющей) как раз различают эти системы. Однако сам А. А. Зализняк приводит примеры, где «сильная» клитика, вопреки предсказанию, оказывается за пределами цепочки, в то время как «слабая» клитика, вопреки предсказанию, остается во второй позиции: *А оу королева=еси мужа // слышал=ли о томъ честномъ крестѣ* Киевская летопись по Ипатьевскому списку [1152] 166 об. 'Разве ты не слышал о том честном кресте от королевского слуги?', букв. 'И от королева= CL.2Аух человека // слышал=CL.Q о том честном кресте'. Типологически аналогичные примеры есть в современных славянских

формулировок самого А. А. Зализняка: если в издании 1995 г. А. А. Зализняк объясняет данный диалект как диалект позднего праславянского языка [Зализняк 1995: 5], то в последующих изданиях «Древненовгородского диалекта» он дает понять, что речь может идти и о диалекте древнерусского языка.

языках, ср. болг. *Книгата* (1) [*ице*] | (2)=*си* (3)=*я* (4)|| *прочел* (5)=*ли* (6) *до утре?* Ж. Бошкович и К. Мигдальский, которые независимо от А. А. Зализняка пришли к различению «слабых» и «сильных» энклитик в славянских языках, используют его для доказательства ровно противоположного тезиса — о том, что системы с глагольными клитиками типа старославянской или современной польской, где «слабые» клитики остаются в составе глагольной группы, первичны по отношению к системам типа современной сербохорватской, где «слабые» клитики образуют общие цепочки с «сильными» во второй позиции²⁴. Однако я не совсем понимаю, как учение о «слабых» и «сильных» энклитиках — в версии ли А. А. Зализняка (где клитики передвигаются слева направо, т. е. дальше от начала предложения), или в версии Ж. Бошковича — К. Мигдальского (где клитики передвигаются справа налево, т. е. ближе к началу предложения) — может объяснить факты разрыва цепочек, где «сильная» клитика оказывается за пределами цепочки, а «слабая» остается на месте²⁵.

3) Хотя А. А. Зализняк уточняет, что предметом его анализа являются энклитики как синтаксические элементы (т. н. *синтаксические* клитики), а не клитики как просодически дефектные выражения (т. н. *просодические* клитики), на деле он стремится максимально сбли-

зить эти понятия. Это проявляется в его трактовке понятия Барьера²⁶: А. А. Зализняк объясняет отход клитик/цепочек клитик вправо тем, что начальная группа или фонетическое слово обладают некоторыми просодическими/интонационными/коммуникативными свойствами²⁷, которые делают их «плохим хозяином» (в западной терминологии этому соответствует термин *bad clitic host*) для клитик, поэтому энклитики уходят вправо и присоединяются к тому синтаксическому элементу, который является «хорошим» хозяином. Такой подход означает, что в языках с законом Ваккернагеля цепочки клитик в известном смысле никогда не покидают второй позиции от начала предложения, так как начальный ритмико-синтаксический барьер не является частью собственно «ваккернагелевской» области предложения²⁸. Ровно такое же объяс-

²⁶ Напомним, что авторство термина принадлежит самому А. А. Зализняку, хотя соответствующая идея выдвигалась еще Я. Ваккернагелем в 1892 г.

²⁷ Поскольку Барьеры имеются не только в древних, но и в новых языках с законом Ваккернагеля, уместно задать вопрос, какие именно просодические и ритмические факторы вызывают эффект Барьера. Вероятных просодических коррелятов два — пауза и некоторая маркированная интонация/фразовый акцент. Однако в таких современных славянских языках с законом Ваккернагеля, как чешский и сербохорватский, эффект Барьера далеко не всегда сопровождается паузой между Барьером и последующей частью высказывания. Кроме того, далеко не во всех языках с законом Ваккернагеля имеются явно выраженные тональные акценты.

²⁸ Ср. характерную формулировку на с. 47: «Закон Ваккернагеля в сочетании с правилом рангов составляет основное правило расположения фразовых энклитик. Оно дей-

²⁴ О синтаксисе частицы *-ли* в древнехорватских текстах см. [Mihaljević 1997].

²⁵ Случаи разрыва цепочек клитик с выносом «сильной» клитики вправо могут быть статистически редкими, но для проверки правильности выделения синтаксического механизма важна именно возможность/невозможность данного вида перемещений клитик, а не частотность такого перемещения в корпусе текстов.

нение (параметр *skipping*) было предложено зарубежными синтаксистами А. Альперном [Halpern 1992] и С. Андерсоном [Anderson 1995] — ссылок на них в книге А. А. Зализняка нет, хотя модели Альперна-Андерсона и Зализняка отличаются лишь материалом, на базе которого они обоснованы²⁹. Мне кажется, что «просодическая» теория Зализняка/Альперна-Андерсона, которая объясняет все случаи размещения ваккернагелевских клитик дальше второй позиции особой просодией (какой именно?) или иными несобственно-синтаксическими свойствами начальных групп, в качестве типологического инструмента недостаточна. Более перспективными представляются объяснения, исходящие из того, что клитики способны перемещаться (*undergo movement*), как и другие синтаксические элементы. В некоторых языках с сентенциальными и глагольными клитиками есть неначные Барьеры³⁰, кроме того, в ряде языков с законом Ваккернагеля считают синтаксические позиции от начала клаузы³¹.

ст в у е т в с е г д а» (Выделение наше. — А. Ц.)

²⁹ Преимущественно «просодическое» объяснение расстановки ваккернагелевских клитик в современных славянских языках см. также в [Radanović-Kočić 1996]. Альтернативные теории расстановки славянских клитик обсуждаются в [Marušić 2007; Franks 2008].

³⁰ См. примеры из романских, германских и славянских языков в [Циммерлинг 2002: 75—77, 84—91; 2008: 186—188, 191—197, 226].

³¹ Так, например, в современном словацком языке притяжательные и возвратные клитики занимают второе место от начала предложения (главный случай закона Ваккернагеля), ср. слц. *Vodič* (1) =*si* (2) *zapálil* (3) *cigaretu* (4) «Водитель (1) себе (2) зажег (3) сигарету (4)», ³²*Vodič zapálil=si cigaretu*, место глагола при этом нерелевантно. Одна-

Поэтому нельзя исключить того, что древнерусские энклитики реально могли стоять не во второй, а в 3-й, n-й позиции от начала предложения (мы имеем в виду количество полноударных слов/ синтаксических групп перед энклитикой/цепочкой энклитик, а не позицию энклитик по отношению друг к другу). Большую часть примеров А. А. Зализняка можно интерпретировать именно так, тем более что при сдвиге цепочки клитик вправо или разрыве цепочки освободившуюся вторую позицию либо непосредственно предшествующую передвинутым «слабым» или «сильным» клитикам занимают глагольные формы³². А расста-

ко если начальная группа имеет развернутую структуру, она становится Барьером: в этом случае вторая позиция в обязательном порядке замещается глаголом, а клитика следует непосредственно за глаголом, т. е. занимает третью позицию от начала: слц. [^{Bar}*Vodič autobusu*] (1) *zapálil* (2) = *si* (3) *cigaretu* (4) «[^{Bar}Водитель автобуса] (1) зажег (2) себе (2) сигарету (4)», ^{*}*Vodič autobusu zapálil cigaretu=si*, ^{*}*Vodič autobusu=si zapálil cigaretu*, ^{*}*Vodič=si autobusu zapálil cigaretu* [Циммерлинг 2002: 87].

³² Этот факт признает и сам А. А. Зализняк на с. 68: «уже в древнерусский период мы наблюдаем отдельные случаи, когда слабая энклитика вместо того, чтобы занять требуемую законом Ваккернагеля позицию в начальной части фразы, располагается непосредственно после подчиняющей ее глагольной словоформы». Непосредственно вслед за этим автор говорит о том, что многие примеры неоднозначны и могут рассматриваться и как «эффект Барьера», и «просто как результат действия нового правила» (с. 69). С этим трудно спорить, однако факт контактной постпозиции клитик глаголу сам по себе еще не является доказательством «действия нового правила», если параллельно сохраняется возмож-

новку полноударных или энклиноменальных форм глагола, как нам кажется, нельзя объяснять просодией или ритмикой. Тем самым альтернативное понимание правила Барьера и альтернативное объяснение изложенных в книге А. А. Зализняка фактов состоит в следующем:

Правила ритмико-синтаксического барьера смещают цепочки энклитик правее исходной позиции либо приводят к разрыву цепочек таким образом, что часть клитик остается во второй позиции, а часть энклитик смещается на один или несколько шагов правее. Принцип обязательной постановки синтаксических энклитик во вторую позицию выдерживается не во всех предложениях. Если синтаксические энклитики передвигаются правее исходной позиции, они в типичном случае занимают контактную позицию с глаголом. Реальность перемещения энклитик из второй позиции вправо подтверждается параллельно осуществляемым перемещением глагола. Правило ритмико-синтаксического барьера указывает эволюционную тенденцию языков с законом Ваккернагеля: от языков с синтаксическими клитиками к языкам с глагольными клитиками³³.

4) Справедливость вывода А. А. Зализняка о том, что древнерусский шаблон контактного расположения клитик формировался поэтапно, не вызывает у меня сомнений, но предложенная им формулировка оставляет место для споров. Позволю себе две цитаты. Первая взята из рецензируемой книги:

«Самые древние энклитики (*же, ли, бо*) относятся к начальным рангам, самые молодые (*мя* и т. д. *есмь* и т. д.

быль) к конечным (...). Полноударные слова, переходящие в ходе исследования в категорию энклитик, попадают (...) в конец уже имеющихся блоков энклитик. Тем самым система рангов оказывается своего рода “окаменевшей историей” формирования энклитик. Но указанный общий признак все же не носит абсолютного характера. В частности, относительно молодая энклитика *бы* внедрилась в цепочку энклитик левее энклитик ранга 6 (*ми* и т. д.), имеющих древнее происхождение» [Зализняк 2008: 47].

Вторая взята из моей монографии 2002 г.:

«Все частицы в древненовгородской системе стоят левее энклитических местоимений, а все энклитические местоимения — левее связочных форм связки “быть”. (...) Так как краткие местоименные формы вин. п. *ма, та, са, ны, вы, на, ва* стали клитиками значительно позже форм. дат. п. и сохранили в древнейших славянских памятниках следы акцентной самостоятельности... вся правая часть таблицы может отражать процесс поэтапного превращения энклиноменальных словоформ в клитики. Первую группу энклиноменов составляют краткие местоименные формы в вин. п. (...). Вторую, более позднюю группу энклиноменов составляют формы связки “быть”, занимающие крайнее правое место в цепочке, при этом в разряд клитик переходят не все члены парадигмы, а лишь презентные формы 1—2 л.

- (i) XP..... ClDat] → XP..... ClDat] ClAcc]
- (ii) XP..... ClDat + ClAcc] → XP..... ClDat + ClAcc] Cl Aux]

[Циммерлинг 2002: 81—82], ср. [Циммерлинг 2008: 181—182].

Я далек от того, чтобы указывать А. А. Зализняку, какую литературу по теме книги следует цитировать. Но при всем сходстве двух цитат между ними

ность дистантного расположения глагола и клитик.

³³ Данная гипотеза уже выдвигалась нами ранее в [Циммерлинг 2002: 91].

есть и различия. Моя формулировка позволяет преодолеть трудность, с которой сталкивается объяснение А. А. Зализняка. В работе 2002 г. я предложил считать, что принцип поэтапного формирования Правила Рангов в древнеславянских языках, где более старые слои клитик предшествуют более новым, действовал без оговорок лишь в пределах конкретной синтаксической категории клитик: для энклитических частиц — одна последовательность, для местоимений другая, при том, что в славянском праязыке могло быть общее правило, по которому все имеющиеся на данный момент энклитические частицы предшествуют всем имеющимся на данный момент местоименным энклитикам. Наконец, клитизацию слабоударных презентных форм связки «быть» я отношу не к уровню существования славянского праязыка, а к диалектной эпохе: в отличие от А. А. Зализняка, у меня нет уверенности в том, что правила расстановки форм 1—2 л. связки «быть» в древненовгородском диалекте и языке южнорусских памятников находятся в отношении генетической преемственности³⁴.

5) У меня остаются некоторые сомнения по поводу предложенной А. А. Зализняком исторической реконструкции, согласно которой «слабые» древнерусские энклитики (т. е. энклитические местоимения и связки) в древненовгородском диалекте еще были клитиками во всех позициях, включая случаи, когда

они стояли правее второй позиции от начала клаузы, а в южнорусских памятниках, где действуют сходные Правила Барьера, сдвинутые вправо энклитики уже стали полноударными словоформами³⁵. Если бы это было так, мы имели бы совершенно невероятную ситуацию:

Констатация. В южнодревнерусских текстах слабые клитики (местоимения и связка «БЫТЬ» в 1—2 л.) рас-

³⁵ Ср. на с. 127—128: «[о Житии Феодосия и других книжных памятниках]... естественно предполагать, что в этих случаях перед нами не странные со смысловой точки зрения барьеры и не аномально частые проявления вторичной проклитизы, а просто несколько иная система устного воспроизведения текста, где слабые энклитики трактуются как полноударные слова и соответственно могут занимать во фразе любое место» (выделение наше. — А. Ц.). Анонимный рецензент уточняет, что приведенная цитата из А. А. Зализняка непосредственно относится не к синтаксической системе южнорусских памятников, а к особой манере их декламации, и что, соглашаясь с А. А. Зализняком, можно одновременно допустить, что в недоступной нам живой южнодревнерусской речи слабоударные местоимения и связки сохраняли статус клитик. Я отдаю себе отчет в том, что особая манера декламации книжного памятника влияет на порядок слов в нем, но едва ли могу поверить, что какой-либо способ воспроизведения книжного неверсифицированного текста мог заставить древнерусских писцов систематически порождать порядок слов, нарушавший условия, имевшие в их языке/диалекте статус синтаксических запретов. К тому же линейная позиция местоимений и клитик в составе глагольной группы сама по себе не подтверждает их статус как полноударных слов/клитик в корпусе южнорусских памятников: это теоретический вывод, а не наблюдаемый факт.

³⁴ Естественная альтернатива состоит в том, что правила расстановки презентных форм связки «быть» в 1—2 л. устанавливались в каждом древнем славянском языке/диалекте группы независимо [Zimmerling 2008]. Анализ плюсов и минусов альтернативных гипотез требует сопоставления большого числа Правил Рангов в древних и новых славянских языках, что невозможно сделать в рамках данной статьи.

полагаются не в случайных местах, но после глагола. Они могут также спорадически занимать вторую позицию.

Реконструкция. Если допустить, что слабые клитики упорядочивались как не-клитики в южнодревнерусских текстах, их поведение в древненовгородском диалекте и современных славянских языках необъяснимо. Поскольку эти элементы представляют самый поздний слой клитизации, приходится допустить, что в одной части славянских диалектов они развились в клитики, в то время как в другой части эти наиболее свежие клитики внезапно утратили статус клитик за короткий период времени.

Я делаю вывод о том, что данное объяснение А. А. Зализняка мотивировано желанием автора оправдать дистрибуцию вакернагелевских клитик чисто просодическими терминами и избежать следующего формально-синтаксического объяснения:

Корреляты слабых древненовгородских клитик (местоименные клитики и связка «БЫТЬ» в 1—2 л.) в книжных древнерусских / церковнославянских текстах занимают контактную позицию с глаголом не потому, что они перестали быть клитиками, а потому, что они стали глагольными клитиками, т. е. сузили сферу употребления.

Напоследок мы хотели бы высказать одно пожелание по поводу библиографии: в списке литературы мы сумели отыскать лишь четыре (!) работы по синтаксису клитик, не считая публикаций самого А. А. Зализняка: это опередившая свое время заметка Р. О. Якобсона (1935), где впервые был обоснован факт действия закона Вакернагеля в современных славянских языках, две статьи М. Н. Толстой (1991 и 2001), а также критикуемая на с. 220 работа Г. Гуннарссона, современная публикации Р. О. Якобсона (1935). Изложение А. А. Зализняка выиграло бы от учета

многочисленных новых данных, полученных славистами последних лет, — как от упоминания концепций, сходных с его собственными, так и от критики концепций, отличных от нее. Мы имеем в виду, в частности, важные публикации А. Звики, А. Альперна, Ст. Андерсона, Ст. Фрэнкса и Т. Л. Кинг, У. Брауна, Ж. Бошковича, К. Мигдальского и других зарубежных славистов и типологов. Может быть, это пожелание будет учтено в последующих изданиях рецензируемой книги, так как она вправе рассчитывать на внимание широкого круга специалистов.

Все сделанные мною полемические замечания следует рассматривать как попытку развить концепцию А. А. Зализняка, предпринятую одним из ее сторонников вскоре после выхода рецензируемой книги. Если рецензенту это не вполне удалось, это может объясняться тем, что для разграничения двух аспектов исследования А. А. Зализняка — собственно описания синтаксиса энклитик в памятниках древнерусского языка и теоретического объяснения механизмов расстановки клитик в других языках с законом Вакернагеля, типологически сходных с древнерусским, — требуется дополнительное время. Монография А. А. Зализняка, вне сомнения, является фундаментальным научным исследованием, которое открывает новые горизонты в славистике и позволяет представить ранее известные древнерусские памятники в новом свете. Автору книги удалось сказать просто о сложном и представить материал, ранее казавшийся необозримым и узкоспециальным, в форме, потенциально доступной всем ценителям русского языка и русской словесности. Хочется пожелать, чтобы разыскания А. А. Зализняка и достигнутый в его книге высокий уровень научной точности были поскорее освоены мировой славистикой.

Л и т е р а т у р а

Браун 2008 — В. Браун. Порядок энклитиков у языке войводянских руснаков // Шветлосц 2008. № 3. С. 351—362.

Дыбо 1971 — В. А. Дыбо. О фразовых модификациях ударения в праславянском // Советское славяноведение. 1971. № 6. С. 77—84.

Дыбо 1975 — В. А. Дыбо. Закон Васильева-Долобо в древнерусском языке на материале Чудовского Завета // International journal of linguistics and poetics. 1975. Vol. 18/1. P. 7—81.

Дыбо 1981 — В. А. Дыбо. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк 1993 — А. А. Зализняк. К изучению языка берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1984—1989 гг. М., 1993. С. 191—321.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Циммерлинг 1999 — А. В. Циммерлинг. Порядок слов и синтаксические позиции // Диалог-1999. Труды междунар. семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 1999. С. 354—363.

Циммерлинг 2000 — А. В. Циммерлинг. Моделирование синтаксических перестановок // Диалог-2000. Труды междунар. семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2000. С. 321—330.

Циммерлинг 2002 — А. В. Циммерлинг. Типологический синтаксис скандинавских языков. М., 2002.

Циммерлинг 2008 — А. В. Циммерлинг. Порядок слов в славянских, германских и романских языках // Славяно-германские исследования. Т. 3. СПб., 2008. С. 165—239.

Aikhenvald 2002 — A. Y. Aikhenvald. Typological parameters for the study of clitics,

with special reference to Tariana // R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). Word: a cross-linguistic typology. Cambridge, 2002. P. 42—78.

Anderson 1995 — St. P. Anderson. Toward an Optimal Account of Second-Position Phenomena // J. Dekkers, F. van der Leeuw, J. van de Weijer (eds.). Optimality Theory: Phonology, Syntax, and Acquisition. Oxford, 1995. P. 302—333.

Billings, Konopasky 2002 — L. Billings, A. Konopasky. The role of morphology in ordering verb-adjacent clitics: from syntax to prosody in Bulgarian and Tagalog // Artemis Alexiadou et al. (eds.). Papers from the workshop «Language Change from a Generative Perspective». Thessaloniki, Feb. 2002. Potsdam, 2002. P. 1—26.

Bošković 2002 — Ž. Bošković. Clitics as nonbranching elements and the linear correspondence axiom // Linguistic Inquiry. 2002. 33/2. P. 329—340.

Browne 2007 — W. Browne. Word Order in Burgenland Croatian: clitics. Talk at the Third Southeast European Studies Association Conference, April 26—28, 2007. (= Talks Commemorating the 10th Anniversary of the Naylor Professorship). Columbus, 2007. P. 1—12.

Browne 2008 — W. Browne. Clitic Ordering in Vojvodina Rusinski // Third Annual Meeting of the Slavic Linguistic Society (SLS 3). Columbus (Ohio), 2008. P. 1—10.

EuroClitics 1999 — Clitics in the languages of Europe. Eurotyp 20—5 / Ed. by Henk van Riemsdijk. Berlin; New York, 1999.

Franks 2008 — St. Franks. Clitic Placement, Prosody, and the Bulgarian Verbal Complex // Journal of Slavic Linguistics. Vol. 16. 2008. № 1. P. 91—137.

Franks, King 2000 — St. Franks, T. H. King. A handbook of Slavic Clitics. Oxford, 2000.

Halpern 1992 — A. L. Halpern. Topics in the Placement and Morphology of Clitics. Stanford, 1992.

Jakobson 1971 — R. Jakobson. Les enclitique slaves // R. Jakobson. Selected Writings. Vol. II. Word and language. The Hague; Paris, 1971. P. 16—22.

- Jelinek 2000 — E. Jelinek. Predicate Raising in Lummi, Straits Salish // A. Carnie, E. Guilfoyle (eds.). The syntax of Verb Initial languages. Oxford, 2000. P. 213—233.
- Klavans 1985 — J. Klavans. The independence of syntax and phonology in cliticization // Language 61. 1985. P. 95—120.
- Marušić 2007 — Fr. Marušić. Positioning Slovenian clitics // Second Annual Meeting of the Slavic Linguistic Society (SLS 2). Berlin, 2007. P. 1—12.
- McConvell 1996 — P. McConvell. The functions of Split-Wackernagel Clitic Systems: Pronominal Clitics in the Ngumpin languages (Pama-Nyungan family, Northern Australia) // A. Halpern, A. Zwicky (eds.). Approaching Second. Stanford (CA), 1996. P. 299—332.
- Migdalski 2007 — K. Migdalski. On the emergence of the second position cliticization in Slavic // Formal Description of Slavic Languages 7. Leipzig, 2007. P. 69—71.
- Mihaljević 1997 — M. Mihaljević. The Interaction of *li* and Negation in Croatian Church Slavonic // U. Junghanns, G. Zybatow (Hrsg.). Formale Slavistik. Frankfurt-am-Main, 1997. P. 87—92.
- Nash 1986 — D. G. Nash. Topics in Warlpiri Grammar. Amherst, 1986.
- Nespor, Vogel 1986 — M. Nespor, I. Vogel. Prosodic phonology. Dordrecht, 1986.
- Radanović-Kočić 1996 — V. Radanović-Kočić. The Placement of Serbo-Croatian Clitics: a prosodic approach // A. Halpern, A. Zwicky (eds.). Approaching Second. Stanford (CA), 1996. P. 429—445.
- Roberts 1997 — T. Roberts. The optimal second position in Pashto. Amherst, 1997.
- Tsunoda 1988 — T. Tsunoda. The Djaru language of Kimberly, Western Australia. (Pacific Linguistics, Series B — № 78). The Australian National University. 1988.
- Wackernagel 1892 — J. Wackernagel. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // Indogermanische Forschungen. Bd. I. S. 333—436 (= Wackernagel Jacob. Kleine Schriften. Bd. I. Basel, 1953. S. 1—103).
- Werle 2002 — A. Werle. Sonority-determined clitic order // WECOL 2002. Amherst, 2002.
- Zimmerling 2006 — A. Zimmerling. Encoding strategies in Word Order: the evidence of Slavic Languages // Second Annual Meeting of the Slavic Linguistic Society (SLS 2) Conference, Bloomington, 8—10. September 2006. Bloomington, 2006. <http://www.indiana.edu/~sls2006/Handouts/ZimmerlingSLS.pdf>. P. 1—8.
- Zimmerling 2008 — A. Zimmerling. The Emergence of 2nd position Clitics in Slavic and the Order of Cliticization // Third Annual Meeting of the Slavic Linguistic Society (SLS 3). Columbus (Ohio), 2008. P. 63—78.
- Zwicky 1977 — A. M. Zwicky. On Clitics. Bloomington, 1977.

А. В. Циммерлинг

**Несколько комментариев к первому выпуску нового
«Русского этимологического словаря»
Вып. 1 (а — аяюшка) / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН,
Ин-т филологии Сибирского отделения РАН. —
М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. — 368 с.)**

Выдающимся событием для русистики (и не только) стал выход первого выпуска (буква А) «Русского этимологического словаря» Александра Евгеньевича Аникина [Аникин 2007] (ниже при ссылке на это издание указываются только его страницы). Никак не ожида-

лось, что в наше время кто-то в одиночку отважится на столь масштабное мероприятие¹. Естественно, что общие

¹ Впрочем, из современных лексикографов Александр Евгеньевич, наверное, в наибольшей степени подготовлен к осуществ-

развернутые оценки этого глубокого (как по охвату материала, так и по тщательности его проработки) труда не заставят себя ждать; наша же цель гораздо скромнее. Сам А. Е. Аникин не единожды аргументировал актуальность создания системы дополнений (сверх того, что уже было сделано О. Н. Трубачевым) к «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера. По его собственному признанию (с. 8), новый словарь и вырос из серии таких дополнений. Но теперь и сам он (словарь) неизбежно представляется объектом не только рецензирования как такового, но и разного рода комментаторства и «дополнительства». Более того, он дает обширный материал для размышлений, а подчас — и для переоценки, казалось бы, устоявшихся представлений. Ниже мы приводим этимологические и историко-географические комментарии к девяти «финно-угорским» позициям первого выпуска нового словаря. При цитировании материала А. Е. Аникина сохраняются принятые им обозначения и сокращения. На пропуск в материалах, как правило, относящийся к использованной литературе, указывает знак <...>. Подаваемый нами саамский языковой материал приводится с несколько упрощенной по сравнению с [KKLS] диакритикой.

Абакша I (с. 65), *обакиша* ‘малоподвижный человек, лежебока’ арх. <...> ИС *Обакиша* (1539 г.) // Возможно из рус. вост. *опакиша* (*опакуиша*) ‘неловкий, нерасторопный человек’, также ‘изнанка; то, что задом наперед’, ‘левша’ <...>.

лению подобного проекта: кроме [Аникин 2000], см. его же «Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири» (Новосибирск, 2003) и «Опыт словаря лексических балтизмов в русском языке» (Новосибирск, 2005).

далее к твер. *о-пак* ‘назад, задом’, новг. *пакша* ‘кисть левой руки’ и др. <...>. Различие в консонантизме объяснимо за счет смены глухой/звонкой в сев.-рус. Но не исключено и тождество **а°** с ИС *Абакиша* (= *Абакум*), откуда фамилия *Абакишин* <...>.

Абакша II (с. 66) ‘небольшая рыбка с толстой головой’ перм. // Метафорически от предыдущего? <...>.

Исконной этимологии может быть противопоставлена прибалтийско-финская (с протезой усилительной частицы *a-* > *o-* на русской почве): фин. *paksu*, кар. *pakši* ‘толстый’ [SKES: 471] (ср. кар. *pakšupä* ‘головастик’, дословно ‘толстая голова’). В берестяной грамоте 649/650 начала XIII в. есть фрагмент *оу Озькъ оу Объкъшь*. Было высказано предположение, что в именовании *Озка Обокиша* второй компонент — *popina regionalia* (ср. *Обокиша* — приток Северной Двины в ее низовьях) [Шилов 2002: 149—150]. Но нельзя исключать возможность, что мы имеем здесь дело с прозвищем (в окающем варианте), соответствующим обсуждаемому слову. Возводить его к ИС *Обакиша* (от *Абакум*) в данном случае невозможно, ибо все известные на настоящий момент двучленные именовании берестяных грамот содержат в качестве второго компонента либо прозвище, либо языческое имя, либо родовое имя (отчество, дедичество), но никак не имя христианское, да еще в именительном падеже [Шилов 2005: 306].

Абик (с. 70) ‘вершина прибрежного подводного камня, показавшегося из воды’ // Неясно. М.б., субстр. (саам.?).

В [Шилов 2008б] было предложено достаточно правдоподобное сравнение *абик* именно с саамским словом: *āpek* ‘острогранный камень, лежащий в воде’. Естественно, об этом решении А. Е. Аникин во время подготовки своего словаря знать не мог.

Агра I (с. 95) 'омут, глубокое место в водоеме' Припелымье // Из манс., ср. сев., пелым. *ауьг* 'водоворот'.

Агра II 'о женщине, нескладно и некстати о чем-то говорящей' олон. // Звукоподр.?

Думается, что здесь уместно было бы ввести и **Агра III** 'береговая отмель' Поморье [Гемп 2004: 282]². Наряду с *егра* 'береговая каменистая отмель, покрываемая приливом', *агра* является вариантом широко распространенного *ягра* 'песчаная отмель в устьях рек, покрываемая приливом', фиксируемого в XVIII в. «Книгой мореходной» [Гемп 2004: 286, 305]. Наряду с известными северными *ягра*, *ягрыня*, *ягровица* и т. п. 'яма с водой' рассматриваемое слово сопоставимо с прафинским **jagr* 'озеро', сохраненным каким-то (ныне вымершим) «чудским» диалектом Русского Севера [Матвеев 2002]. С **агра I** это слово вряд ли связано.

Акула (с. 135), *акула* арх., *аккула*, *окула* сев., *акул* 1755, *аккула* XVIII, *акулий*: *приготовити...* *акуля...* *сала* XVII в. ~ XVI // Несмотря на возражения Калимы, скорее всего из саам., ср. кольск. *akkāla*, *akkōla*, *a'kkali*, саам. *akkolaggēs* 'полярная акула' (...). Саам. < герм., ср. норв. диал. *haakall*, др.-исл. *hákarl* 'Scymnus borealis' (...). Видеть в норв. яз. непосредственный источник **а°**, как это обычно делается, неправильно. Интенсивное заселение русскими Кольского п-ва начинается в XVI в., когда, видимо, и было заимствовано **а°**.

Совершенно справедливо А. Е. Аникиным саамский источник русского

акула предпочтен германскому (который представлен в [Фасмер, 1: 67], из-за чего слово, к сожалению, не было включено в подборку [Шилов 2008a]). Комментариёв, по нашему мнению, требует лишь время освоения русскими Кольского п-ва.

На южном (Терском) его берегу новгородцы появились не позднее начала XIII в.: под 1216 г. летопись называет *терского данника*, в dokonчаниях Новгорода с великими князьями (первое из них датируется 1264 г.) неизменно называется волость Тре (Тьре); в ее пределах под 1419 г. назван погост в Варзуге, в 1478—1480 гг. — Варзуга, Умба и Терский наволоок (ныне — мыс Турий) [НПЛ: 257, 411; ГВНП: № 1—7, 222]. Это, впрочем, еще Белое море, где акулы не водятся.

Но и на север Кольского п-ва, т. е. на Баренцево море (где и водятся полярные акулы), русские проникли также не позднее XIII в. Об их промысловой и (особенно) военной активности в этих водах сообщают русские документы и летописи (1294—1304, 1320, 1411 гг.) [ГВНП: № 83; ПСРЛ: Т. IV, Ч. 1: 258; НПЛ: 403], а также скандинавские источники: «Гулагинская правда» (около 1200 г.) и «Исландские анналы» (под 1323 и 1349 гг.) [Шаскольский 1945; 1994].

Дело, конечно, не ограничивалось лишь морскими экспедициями. Достаточно рано русские осели и на землях, примыкающих к Баренцеву морю от устья Колы-реки до Варангер-фьорда [Шаскольский 1970: 69]. Во-первых, в dokonчаниях Новгорода с князьями 1264 и 1304—1305 гг. наряду с волостью *Тре* названа и волость *Колонперемь* (*Голопърьмь*) [ГВНП: № 1, 7]. Это название естественно трактовать как отражение карельского **Kuola-perämaa* 'Кольская окраина', т. е. земли по реке Кола. Во-вторых, «Разграничительная грамота», являющаяся приложением к русско-норвежскому договору 1251 г.

² Коль скоро А. Е. Аникин вводит в словарь раритетные фонетические варианты (см. на с. 263 *арба* 'сеть для ловли крупной рыбы' на фоне широко распространенных *гарва*, *гарба*, *харва*), мы считаем возможным предложить для рассмотрения и *агра* 'отмель'.

(Д. Линд, впрочем, связывает эту грамоту с договором 1326 г. [Линд 1997]), определяет западные пределы, до которых русские могут брать дань с лопарей, как реку Скиботтнелвен, впадающую в Люнгенфьорд и хребет Кьёлен (отделяющий Норвегию от Швеции) [Шаскольский 1945]. Ясно, что русские сборщики дани приходили по суше. В третьих, «Исландские анналы» под 1386 г. сообщают о набеге русов на Норвегию с севера, в результате которого были захвачены женщины и дети и был угнан скот. Ясно опять-таки, что нападавшие ушли с добычей по суше в свои, относительно недалекие поселения [Шаскольский 1994].

В свете сказанного интересны данные грамот Василия III сборщикам дани в Лопской земле 1517 г. [Возгрин, Шаскольский, Шрадер 1998]. Мы видим здесь (отождествление топонимов грамоты произведено нами) разветвленную сеть пунктов сбора дани (погостов) древней волости Колопермь, из которых отметим Муномош (будущий Кильдинский погост) близ устья Колы, Нейд-яур в низовьях Паз-реки (Патсойки), Нятямё близ Варангер-фьорда и, собственно уже в заливах Баренцева моря, Муткома в Мотко-губе, Варяжский погост и Северный конец в Варангер-фьорде. Вряд ли эта ситуация возникла позднее XV в.; заметим, что в данных грамотах перечень погостов юга Кольского п-ва, т. е. древней волости Тре, содержит лишь два новых пункта (Колдай и Ловозеро) сверх тех, что были известны в XV в. (Терский конец, Умба, Варзуга).

Таким образом, не будет слишком смелым допустить, что с акулами (и их названием) русские познакомились существенно раньше XVI в. Как ни отстаёт письменная документация от реального времени ранних заимствований, отметим все же, что из саамских заимствований русского языка два датиру-

ются XIV в., одно — XV, пять — первой половиной XVI в. [Шилов 2008a].

Аламанский (с. 141—142), *ламанский* ‘офенский, вымышленный язык владимирских (ковровских) коробейников, известный и в костр., твер. и ряз. губерниях между щепетильниками, разносчиками’, *алманский* ‘условный язык галичан’ // От *алман* II <...>. Ср. также рус. *ялыман* ‘ярыжка, наглый мошенник’ моск., ряз., калуж. <...>.

Алман II (с. 166), *йолман*, *ялман* ‘язык’ // Возможно, мерян. по происхождению слово, связанное с мар. *йылме* ‘язык’ (исходно как анатомическое назв.), марГ *йылмы*, венг. *nyelv* ‘то же’ и др. < ф.-угор. **hālmä* <...>. Ср. *елманский* ‘древний Галицкий (жителей Галича Мерьского) язык, частично сохранившийся в русском арго’, *ёлыман* ‘человек, говорящий по-ел(ы)мански’, *елыман* бран. ‘дурак, болван’ <...>.

Алман III (с. 167) неодобр. ‘о человеке’ сев. // М. б. словом арготич. происхождения, связанного с лексикой, приводимой s.v. *аламанский*, *алман* II.

Аляман (с. 186) ‘обездоленный человек’ пенз. // Ср. мордМ *аляма* пренебр. ‘дурень, простофиля’? Ср. вместе с тем данные, приводимые s.v. *аламанский*.

Сравнение выражения *елманский язык* с марийским *йылме* ‘язык’, предложенное А. И. Поповым [Попов 1973: 100], развил О. Б. Ткаченко, который привел множество диалектизмов (*ел(ы)ман*, *ёлыма(н)*, *алман*, *Галивонские алеманы* и др.)³ с постмерянских территорий и реконструировал мерянское **jelmal* **jol(ə)ta* ‘язык, речь’, приведя, кроме марийского слова, еще саам. норв. *njalbte* ‘рот’, хант. *нялум*, манс. *нѐл(у)м*

³ К приведенному лексическому материалу добавим и ономастический: именованья XVI в. *Елман Федорович Мичурин* и *Яков Афанасьевич Елман Огарев* [Веселовский 1974: 108].

‘язык (анат.)’ [Ткаченко 1985: 145—147]. Мы видим, что с этим решением солидаризируется и А. Е. Аникин. Нам же кажется, что остановиться здесь было бы ошибкой, что вопрос сложнее.

В мерянском действительно могло существовать слово **(j)elma* со значением ‘язык, речь’, давшее диалектные *алман, йолман, ялман* ‘то же’. Но русские *алман, ел(ы)ман* ‘дурак; абориген, носитель древнего языка’, *елманский язык* подсказывают возможность иного решения. Выражение *елманский язык* (если оно образовано от **елма(н)* ‘язык, речь’) тавтологично. Как и *русский язык, немецкий язык, офенский язык*, это определение должно указывать на носителя языка, в нашем случае — мерянина. Ср. и *зырянский язык* ‘тайный язык’ (1645 г., Восточная Сибирь) — из этнонима *зырянин* [Аникин 2000: 216]. Поэтому мы неоднократно указывали на созвучные с *елман* и под. финно-угорские слова, означающие ‘человек, мужчина’ [Шилов 1996: 39; 2005: 317]: саам. *olma*⁴ ‘человек, мужчина’ и мар. *ulmo, ul'mo* ‘мужчина, муж’. К этому можно добавить и алтайское **nialma* ‘человек’ [Дыбо 1997: 173].

Но возможно, здесь и нет конкуренции значений (и соответственно противостояния этимологий), ибо понятия «язык, речь» и «человек, народ» порой сопологаются не только семантически (см. летописное *Русь, Чюдь и вси язы-*

ци), но и лексически. Эта связь давно осознавалась языковедами. Говоря о происхождении этнонима *славяне* от *слово, слыть* ‘слышаться, быть понятным, говорить понятно’, О. Н. Трубачев отдает приоритет этого решения П. Шафарику [Трубачев 2003: 305]. Однако уже в начале XVIII в. словацкие авторы Балтазар Магин и Матей Бель толковали «слово» (и этнонимы *словянин, словак*) как синоним понятия «человек» [Мыльников 1999: 34—35]⁵.

Одним словом, нам кажется, что большинство вышеприведенных русских диалектизмов отражает мерянское слово со значением ‘мужчина, человек (мерянин)’.

Алодь ‘поляна, обширная и ровная местность’ арх., ‘открытое озеро, обширное водное поле’ олон. ⟨...⟩ // Согласно Микколе, рус. **а**° из фин. **alode*, ср. совр. фин. *alue* ‘зона, территория’, к *ala* ‘пространство, место’, далее к *ala* ‘нижний; под’. По сообщению Хелимского, реконструкция Микколы небесспорна (речь идет скорее о субстратном наследии вепс. типа), однако связи **а**° намечены им верно, ср. еще фин. *alanne* ‘низина’. Объяснение ГО *Ладога* (откуда назв. селения) из п.-фин. **Alode-joki (joki)* > герм. **Aldeigja* (Т. Н. Джаксон — вслед за Й. Микколой) Хелимский отклоняет, предполагая исходное герм. **aldeiga*, где **ald-* к нем. *alt* и т. п. ‘старый’, — в корреляции с обновленным толкованием ГО *Нева* в связи с и.-е. **neua-* ‘новая’ [Кулешов 2003].

Вряд ли, конечно, рус. *Ладога* ~ сканд. *Aldeigja (Aldeigjuborg)* происходит из фин. **Alode-joki* (версия Й. Микколы [Mikkola 1906]). Заметим, что термин **alode* вовсе не встретился нам в топонимии Финляндии, Карелии и

⁴ Собственно говоря, прасаамскому **olma* в диалектах соответствуют два слова: *olmaž (olmuž)* ‘человек (мужчина)’ и *olmaj* ‘мужчина, муж’ (мы приводим «усредненные» формы, ибо данные [KKLS: 11, 319; SKES: 105—106; YS: 90—91] не всегда совпадают). Соответствием саамскому слову было бы финское **ulma*, но оно словарями не зафиксировано. Можно только осторожно предполагать, что оно отразилось в карельских топонимах *Улмалахти* (1590 г.), *Ульмоозеро* (1552 г.) ~ *Ульманга, Улма*.

⁵ Ср. с гипотезой происхождения самоназвания албанцев *Shkiptar* из алб. *shkip* ‘ясно, понятно’ [Трубачев 2003: 313].

Вепского Межозерья (возникает, кстати, вопрос — не является ли фантомом и русское *алодь*?). Во всяком случае мы не рискнули включить его в словарь [Шилов 2008б]). Но не видим мы и оснований поддерживать более раннюю версию, т. е. видеть в основе названия герм. *alt* ‘старый’⁶. По отношению к какому городу могла считаться «старой» Ладога? Неужели к Новгороду (так считал еще В. Н. Татищев), возникшему на два с лишним века позже [Шилов 1999: 7—15]? Но как тогда она называлась до этого (кстати, для конца X в. переход *ald-* > *lad-* выглядит проблематичным)? Сравнение с якобы «новой» Невой (возникшей не ранее рубежа II—I тыс. до н. э., см. ниже) неправомерно, ибо с новой рекой может сопоставляться некая старая река, но не старый город. Этой старой рекой никак не мог быть Волхов, в низовьях которого расположена Ладога, но — лишь пра-Вуокса, по которой до возникновения Невы осуществлялся сток из Ладожского озера в Балтийское море.

Как ранее [Шилов 1996: 27], так и сейчас мы полагаем, что рус. *Ладога* ~ др.-сканд. *Aldeigja* отражает саамское название низовьев Волхова (о саамской топонимии Южного Приладожья и Приневья см. [Шилов 1996: 24]). Оно могло содержать саам. *aldr(e)* ‘у, около’ [KKLS: 8—9] в сочетании типа *Aldt-jogk* ‘Поречье’ или *Aldt-jegge* ‘Приболотье’ (ср. на Кольском п-ве р. *Альденга*, мыс *Aldeig-njark*), или же отвечать кильд. *vuolldagk* ген. *vuolldag* < **ölddagk*⁷ ‘ни-

зовье, устье реки; окрестности у впадения реки в озеро’, из *vuolle-* ‘низ, нижний’ [KKLS: 786] (ср. сев. диал. *ольдега* ‘плес, участок реки с очень медленным течением’ [Шилов 2008б]).

Теперь — о названии Нева⁸. Это действительно «новая» река. Исходно сток вод Ладожского озера в Балтику проходил по проливу, с руслом которого частично совпадает долина нынешней р. Вуокса. В силу поднятия Балтийского щита порог стока повысился и пролив превратился в постепенно мелеющую реку. Дальнейшее поднятие суши привело к прекращению стока по Вуоксе и повышению уровня Ладожского озера (трансгрессии), результатом чего стал прорыв его вод в Балтику по новому пути — через долины рек Мга (ранее впадавшей в озеро) и Тосна (впадавшей в Финский залив). Так возникла река Нева. Специалисты по-разному оценивают время ее рождения (отмечено два максимума трансгрессии Ладоги), но самая ранняя датировка не опускается ниже последней трети II тыс. до н. э., а самая поздняя — выше второй половины I тыс. до н. э. [История озер 1990; Малаховский и др. 1993].

Ну а коль скоро в источниках XIII в. мы к тому же видим скандинавское *Nyia* и ганзейское *Nu*, отвечающие апеллятивам со значением ‘новая’ в соответствующих языках, проблема названия *Нева*, казалось бы, решается очень просто: «Предполагаю, что это (первые свидетели прорыва Невы. — *А. III.*) были некие (sic! — *А. III.*) индоевропейцы, скорее всего, имевшие впо-

⁶ «Алдейборг, без сомнения, у русских *Старый город*, как ныне Старую Ладогу оные развалины называют» [Татищев]; «Ежели откинуть слог *га*, *Альдейгабург* может значить на Готфском языке *старый город*» [Карамзин].

⁷ Анлаутное *v-* перед *uo* (**ō*) саамских диалектов инновационно [Korhonen 1981: 131]. Это демонстрирует нам и топонимия

Русского Севера и Карелии (см. о названии *Ундукса* в [Шилов 2008в]).

⁸ Мы полагаем уместным обсудить здесь этот вопрос со всей определенностью, поскольку он затрагивает проблему происхождения русских терминов *невь/нева*, *нива* и *нюва*, которые наверняка будут рассмотрены в свое время А. Е. Аникиным.

следствии отношение к культурогенезу (выделено нами. — *А. III.*) германцев. Основания: (1) преемственность идеи и формы ОГ **neujā* ‘новая’ < ИЕ **neujā* ‘новая’ (*j* в общегерманской форме имеет то же происхождение, что и в лит. *naĩjas* ‘новый’ при зафиксированном в старых источниках *nāvas*); (2) возможность интерпретации фин. *neva* и прочих лексем того же круга как отражений того же ИЕ **neujā* » [Кулешов 2003: 31]. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Ссылками на предшественников «обновленное решение» («индоевропейское», а в конечном счете древнегерманское) о «новой» Неве себя не обременяет, равно как и ссылками на критиков этой, почтенного возраста версии, кроме Й. Микколы⁹.

Вот только наука как-то упустила из виду этих «неких» индоевропейцев (предков германцев), проживавших в окрестностях пра-Невы во II—I тыс. до н. э. Как археология, так и языкознание знают здесь лишь палеоевропейцев (не индоевропейцев и не финно-угров), прабалтов, финно-угров (предков прибалтийских финнов и саамов) и лишь затем германцев (скандинавов) [Седов 1997; Напольских 1990; 1997а; 1997б: 6—8; Хелимский 1997: 231—233].

Немногие нефинноугорские древние (дорусские) топонимы региона (*Тосна*

и др.) объяснимы именно на балтской почве, и не требуют привлечения ни германских данных, ни и.-е. реконструкций [Агеева 2004: 186—198; Топоров 1999; Васильев 2007].

Кстати, древнегерманское название Невы, приведенное Иорданом (VI в.), выглядит как *Vagi* [Шилов 1999: 4—6], что все-таки не очень похоже на **neujā*.

С классической версией названия Невы (из пр.-фин. *neva* ‘болотистая местность; водоем’ [Mikkola 1906]; подробно см. [SKES: 387]) В. С. Кулешов разделяется легко и непринужденно: само слово *neva*, не имеющее соответствий за пределами пр.-фин. языков¹⁰, порождено реалиями местности, в которой протекала Нева, название которой неразумные чухонцы восприняли от «неких» индоевропейцев, не усвоив его значения (в пр.-фин. ‘новый’ — *uusī*). Доказательства? А вот: нет соответствующих топонимов. Здесь В. С. Кулешов простодушно (по принципу: я не знаю — значит, этого нет) демонстрирует собственное топонимическое невежество. Даже как-то неудобно указывать на обильную топонимию (в первую очередь — гидронимию) с элементом *nev* (*нев*), распространенную не только в Восточной Прибалтике (Литва, Полужье, Приильменье, Поволховье, Северо-Западное Приладожье, Южная и Восточная Карелия), но и в Белоруссии, и в средней (до Волоколамска), и в север-

⁹ Ср.: «Едва ли имеют серьезные основания популярные в прошлом и нередко повторяющиеся и сейчас попытки увидеть в рус. *Нева* отражение — в конечном счете — и.-е. **neujā* ‘новая’ (...). Финское влияние в данном случае очевидно, и речь идет, конечно, о заимствовании, в основе которого лежит апеллятив финск. *neva* ‘трясина, топь, болото’» [Топоров 1988: 92]. Точно так же (как переосмысление финского *Neva(joki)* < *neva*) трактует древнескандинавское и ср.-н.-нем. названия реки скандинавист Т. Н. Джаксон [Джаксон 2003: 38].

¹⁰ Что отнюдь не является уникальным случаем. В географической терминологии прибалтийских финнов есть много слов (как полагают, субстратного происхождения), не имеющих аналогов в иных финно-угорских языках (здесь не имеются в виду балтские и германские заимствования). Такова же ситуация и в саамском. Лишь относительно небольшое количество лексем (к ним, например, относится *níva*, см. ниже) субстратного происхождения объединяют в этом отношении саамский с прибалтийско-финским.

ной России (вплоть до бассейна Мологи) [Nissilä 1975: 30—31; Васильев 2005: 87, 90—91, 329; ПФГЛ: 63; Агеева 2004: 222; Шилов 1996: 28; Жучкевич 1974: 253]¹¹.

Впрочем, он допускает и лингвистические огрехи, «пристегивая» к пр.-фин. *neva* неродственные ему пр.-фин. *niva* и прасаамское (ПС) **ñevē* (саам. кольск. *njavve*) ‘небольшой порог, быстрина’¹², и сводя их вместе к немислимому прибалтийско-финско-саамскому (ПФС) **ñeva* (с вариантом **ñiva*! подобных вариаций ПФС реконструкции вообще не предусматривают!) вместо единственно возможного ПФС **ñiva* для пр.-фин. *niva* и ПС **ñevē*.

Мы, признаться, тоже сомневаемся в правомерности версии Микколы (обоснование сомнений см. в [Шилов 1996: 27—29]), предлагая в качестве этимона гидронима *Нева* не пр.-фин. *neva* ‘болото’, а упомянутое саам. кольск. *njavve*, ПС **ñevē* ‘быстрина, стремнина; межозерный проток’ (что перекликается с названием *Вуокса*, ср. фин. *vuoksi* ‘поток’). Но в любом случае и.-е. этимология представляется нам крайне сомнительной.

Ангас (с.213) ‘капкан на зверя у саамов’ арх., кольск. // В Фасм. 1: 77 да-

¹¹ Некоторые (немногие) из этих названий, как *Невий мох*, оз. *Невово*, имеют уже русское происхождение — от *невь*, *нева* ‘моховое болото’ (< пр.-фин.)

¹² Слово *niva* известно в финских и собственно карельских диалектах; оно присутствует во множестве топонимов как Северной, так и Южной Карелии в значении ‘стремнина, поток; протока, озерный сток’ и является источником русск. диал. *нива* ‘стремнина, порог, водопад’ [ПФГЛ: 65; Шилов 1996: 28; Шилов 2004: 92]. Из какого-то вымершего саамского диалекта заимствовано арханг. *нюва* ‘протока, старица реки’ [Матвеев 1996: 246].

ется со ссылкой на Подв. и труды Калимы, но у названных исследователей такого слова не обнаруживается. В Подв.: 30 есть арх., кольск. *гангас* ‘употребительная у лопарей ловушка на диких оленей, мелких пушистых (следует, конечно, *пушных*. — А. Ш.) зверей и куропадок: прикрепляемая к сучьям и ветвям деревьев и кустарников веревочная петля, в которую если животное случайно просунет голову, то при движении вперед или при усилии освободиться петля затягивается и удушает жертву». Это слово может быть объяснено из карел. *hangas* ‘ловушка для оленей и лосей: два заостренных кола прикрепляются к согнутым деревьям’¹³, поперек пропущена веревка, которая приводит в действие ловушку’ (Мызн. 2004: 225), ср. также (Калима) фин. *hangas* ‘ловушка на медведя из криво выросшего и согнутого дерева’ (Там же; в Фасм. 1: 77 передано как ‘медвежий капкан’) (...).

К сожалению, определения как рус. *гангас* (*ангас*), так и фин., кар. *hangas* даны в указанных А. Е. Аникиным и С. А. Мызниковым источниках крайне невразумительно, неполно или вовсе неправильно, что затрудняет решение о значении и самом существовании русского *ангас*. Попытаемся внести в этот вопрос посильную ясность.

Во-первых, описанное у А. Подвысоцкого устройство — это силок (фин. *ansa*, кар. *anža*), употреблявшийся для ловли мелких животных и птиц, но никак не оленей. К нашему вопросу это не имеет никакого отношения; возможно у Подвысоцкого допущена какая-то ошиб-

¹³ Здесь выпущено несколько слов из перевода С. А. Мызниковым [Мызников 2004: 225] соответствующей статьи финского «Словаря карельского языка», а именно: «так образуется пространство для входа, по бокам которого находится это устройство».

ка (в приписывании этому типу ловушек термина *гангас*).

Во-вторых, финское и карельское *hangas*, означающее локальную ловушку (капкан) на зверей и птиц, явно связано с пр.-фин. *hanka* ‘уключина, развилина’, *hanko* ‘вилы’ [SKES: 55]. Эта же связь очевидна в случае этимологически родственных пр.-фин. лексемам саам. *aŋŋa* (прилаг. *aŋaž*) ‘развилина’ и *aŋghas* ‘небольшие деревянные вилки (рогатки), которыми сети для зимнего лова предохраняются от примерзания ко льду’ [KKLS: 14—15, 810]. Вот эти лексемы (прибалтийско-финские или саамские) могли послужить источником гипотетического русского *гангас* в значении, близком к ‘ловушка (локальная) на зверя’.

В-третьих, финский этимологический словарь в статье *hangas* приводит также фин. *hangas* ‘олений ловчий загон’ (и эст. диал. *aŋgàs* ‘деревянная изгородь’), выводя отсюда как рус. *гангас*, так и саам. *ag'g'es* ‘ограда для лова оленей’ [SKES: 55]. Вот с этим согласиться трудно. Оленеводами были все-таки не финны, а саамы. Поэтому первичными следует считать именно саамские лексемы, ср. колт. *ag'g'es*, кильд. *aŋges* ‘олений ловчий загон из двух сходящихся изгородей, у стыка которых может быть (а может и не быть)¹⁴ установлена ловушка или вырыта ловчая яма’ [KKLS: 3], возможно происходящие из кильд. *āŋŋ* ‘нутро, лоно’ [KKLS: 810]. Этот (саамский) источник и следует, видимо, в первую очередь иметь в виду при интерпретации рус. диал. *ангас*, *гангас*, зафиксированного на Коль-

ском п-ве. И, конечно же, не название локальной ловушки (капкана), а название протяженной ловчей системы легло в основу многочисленных топонимов Кольского п-ва (*Аггеслухт*, *Ангесварре*, *Хангасъярви* и др.) и Северной Карелии (*Ангажлампи*, *Гангажлампи*, *Хангаслампи*, *Хангашлампи*, *Гангашвара*, *Хангасвара*, *Хангасярви*, *Хангасламбина*, *Гангас*, *Хангашлакиши* и т. д.).

Арестега (с. 275—276) ‘тонкая веревочка, бечевка, с крючком на конце, прикрепляемая к ярусу (длинной веревке); используется для ловли трески и палтуса’ арх. ⟨...⟩, *оростега*, *оростяга*, *орастега* ‘то же’ арх., онеж., беломор., Карел. // Вероятно, из источника типа саамН *oarrâ* ‘тонкий канат, верёвка’ (< ‘жила’), нот. *-^vuaraš* в *verr-^vuaraš* ‘кровеносный сосуд’, ср. также фин. (< саам.) *orro* ‘канат, веревка, шнур’. Исход рус. лексемы м. б. оформлен (?) по аналогии с рус. диал. *иистега* ‘шест’, *ластега* ‘лучина’ и др. Вместе с тем не исключен и иной саам. этимон — кольск. *karstikk*, сев. *gārâstâk*, саамЛ *kārasstahka* в знач. веревки, которой что-либо перевязывают, привязывают. Он не объясняет, однако, отсутствие начального согласного в рус.

Действительно, выведение рус. *оростега* (в документах — с 1687 г.) из саам. *karstikk* и под. требует объяснения беспрецедентного исчезновения начального саам. *k-*. Но эта версия (Т. Итконена) за неимением лучшего была принята в авторитетном словаре М. Фасмера (и, к сожалению, воспроизведена нами в [Шилов 2008а: 21]). Помимо фонетических, отметим и семантические сложности. Саамское *kār^(a)stak* означает, собственно говоря, вязку (веревку) для закрепления груза на санях (происходя из *kār^araD* ‘связывать’, *kārsted* ‘увязывать груз и т. д.’, откуда рус. арханг. *карастить* ‘укреплять груз на саамских санях’) [KKLS: 92]. Из

¹⁴ См. о подобных ловушечных загонах для поимки (не убийства!) диких оленей [Боси 2004: 87—89]. Скажем более: изображения загонной охоты на оленей присутствуют на петроглифах Нижнего Выга, созданных во II тыс. до н. э., т. е. еще в досаамское время.

kār^(a)stak логично выводить арханг. *ka-rastuiga* ‘веревка для прикрепления груза’ [Фасмер, 2: 193], но никак не *арестега, оростега*. К верному решению ведет указание А. Е. Аникина на саам. норв. *oarrâ*. В саамских колтских говорах ему соответствует *vjorr^a*, *vjarr^(a)* ‘веревка’. Производным от него является *vuor^astak* gen. *vuor^astag^a* ‘привязанные к основной веревке поводки крючков для ловли трески, камбалы, палтуса’ [KKLS: 795], в котором (вернее — в его ранней форме **ōrastag*) и следует видеть прямой источник русского слова. Как указывалось выше, анлаутное *v-* в говорах кольских саамов перед *uo* является поздним и отсутствует в русских (и многих пр.-фин.) лексических и топонимических заимствованиях.

Ашкуд (с. 354), *ашкут* ‘летучая мышь’ олон. // Заимств. слово, но источник не установлен. Согласно Мызникову (устно), засвидетельствовано также в Вытегорском р-не Вологодской обл. и Пудожском р-не Карелии, где следует ожидать вепс. влияния. Но вепс. (или иной) этимон пока не найден. По мнению Муллонен (письменное сообщение), в совр. п.-фин. яз. «нет такого наименования летучей мыши, к которому можно было бы непосредственно возвести рус. диал. *ашкут*».

Слово *ашкуты* ‘летучие мыши’ приведено И. С. Поляковым в «Списке названий трав и животных, а также некоторых других особенных слов, употребляемых в Вытегорском и Пудожском уездах» (опубликован в 1873 г.) [Поляков: 87]. Список Полякова был использован Г. И. Куликовским для его олонекского словаря. В словарях русских говоров Карелии и говоров Русского Севера этого слова нет. Оно, как нам представляется, вполне может быть сопоставлено с саам. *vaškaD* ‘махать, размахивать (хвостом, крыльями)’ [KKLS:

725]¹⁵. Вместе с тем весьма вероятно, что заимствование было осуществлено не прямо из саамского, а через некий язык-посредник (вепсский? чудский?).

Л и т е р а т у р а

Агеева 2004 — Р. А. А г е е в а. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. 2-е изд., испр. М., 2004.

Аникин 2000 — А. Е. А н и к и н. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.

Аникин 2007 — А. Е. А н и к и н. Русский этимологический словарь. Вып. 1 (*а — аяюшка*). М., 2007.

Боси 2004 — Р. Б о с и. Лапландцы. Охотники за северными оленями. М., 2004.

Васильев 2005 — В. Л. В а с и л ь е в. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород, 2005.

Васильев 2007 — В. Л. В а с и л ь е в. Древнебалтийская топонимия в регионе Новгородской земли // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 21. Великий Новгород, 2007. С. 271—285.

Веселовский 1974 — С. Б. В е с е л о в - с к и й. Ономастикон. М., 1974.

Возгрин, Шаскольский, Шрадер 1998 — В. Е. В о з г р и н, И. П. Ш а с к о л ь с к и й, Т. А. Ш р а д е р. Грамоты великого князя

¹⁵ Происхождение конечного *-m(-d)* русского слова неясно. В саамском (имея в виду причастия и отглагольные существительные) его источник не просматривается. Чисто предположительно можно связать его с показателем номинатива множественного числа в прибалтийско-финских языках, подразумеваемая «чудский» этап в передаче слова из саамского в русский.

Василия III сборщика дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXVI. СПб., 1998. С. 125—135.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

Гемп 2004 — К. П. Г е м п. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.; Архангельск, 2004.

Джаксон 2003 — Т. Н. Д ж а к с о н. «Три реки текут с востока через Гардарики, и самая большая река та, что находится посередине» // Ладога. Первая столица России. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21—23 декабря 2002 г.): Сб. статей. СПб., 2003. С. 37—44.

Дыбо 1997 — А. В. Д ы б о. К культурной лексике праалтайского языка // Балто-славянские исследования 1988—1996. М., 1997. С. 164—177.

Жучкевич 1974 — В. А. Ж у ч к е в и ч. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974.

История озер 1990 — История Ладожского, Онежского, Псковско-Чудского озер, Байкала и Ханки. Л., 1990.

Карамзин — Н. М. К а р а м з и н. История государства Российского. Т. 1. М., 1989. С. 298.

Кулешов 2003 — В. С. К у л е ш о в. Нева // Ладога. Первая столица России. 1250 лет непрерывной жизни. Седьмые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21—23 декабря 2002 г.): Сб. статей. СПб., 2003. С. 27—36.

Линд 1997 — Дж. Х. Л и н д. «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // Новгородский историч. сб. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 135—143.

Малаховский и др. 1993 — Д. Б. М а л а х о в с к и й, Х. А. А р с л а н о в, Н. А. Г е й, Р. Н. Д ж и н о р и д з е, М. Г. К о з ы р е в а. Новые данные по голоценовой истории Ладожского озера // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы Ладожского озера. СПб., 1993. С. 61—73.

Матвеев 1996 — А. К. М а т в е е в. Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера // Этимологические исследования. Вып. 6. Екатеринбург, 1996. С. 211—254.

Матвеев 2002 — А. К. М а т в е е в. Субстратные лимнонимы Русского Севера и происхождение названия озера в финских языках // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 190—194.

Мызников 2004 — С. А. М ы з н и к о в. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

Мыльников 1999 — А. С. М ы л ь н и к о в. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XV — начала XVIII века. СПб., 1999.

Напольских 1990 — В. В. Н а п о л ь с к и х. Палеоевропейский субстрат в составе западных финно-угров // Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей (Мат-лы 3-й балто-славянской конф., 18—22 июня 1990 г.). Ч. II. М., 1990. С. 128—134.

Напольских 1997a — В. В. Н а п о л ь с к и х. Происхождение субстратных палеоевропейских компонентов в составе западных финно-угров // Балто-славянские исследования 1988—1996. М., 1997. С. 198—208.

Напольских 1997b — В. В. Н а п о л ь с к и х. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

Поляков 1991 — И. С. П о л ь к о в. Три путешествия по Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991.

Попов 1973 — А. И. П о п о в. Названия народов СССР. Л., 1973.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

ПФГЛ — Н. Н. М а м о н т о в а, И. И. М у л л о н е н. Прибалтийско-финская

географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Седов 1997 — В. В. С е д о в. Контакты балтов с финноязычными племенами в эпоху раннего железа // Балто-славянские исследования 1988—1996. М., 1997. С. 72—80.

Татищев — В. Н. Т а т и щ е в. История российская. Т. 1. М., 1994. С. 218.

Ткаченко 1985 — О. Б. Т к а ч е н к о. Мерянский язык. Киев, 1985.

Топоров 1988 — В. Н. Т о п о р о в. К происхождению Сандуй // Этимология 1985. М., 1988. С. 86—110.

Топоров 1999 — В. Н. Т о п о р о в. Балтийский элемент в Новгородско-Псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М., 1999. С. 276—292.

Трубачев 2003 — О. Н. Т р у б а ч е в. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. 2-е изд., доп. М., 2003.

Фасмер — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973.

Хелимский 1997 — Е. А. Х е л и м - с к и й. Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей // Балто-славянские исследования 1988—1996. М., 1997. С. 224—249.

Шаскольский 1945 — И. П. Ш а с к о л ь - с к и й. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. Вып. 14. М., 1945. С. 38—61.

Шаскольский 1970 — И. П. Ш а с к о л ь - с к и й. Русско-норвежский договор 1326 года // Скандинавский сборник. Вып. 15. Таллин, 1970. С. 63—71.

Шаскольский 1994 — И. П. Ш а с к о л ь - с к и й. Сведения об истории Руси X—XIV вв. в исландских анналах // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XXV. СПб., 1994. С. 231—239.

Шилов 1996 — А. Л. Ш и л о в. Чудские мотивы в древнерусской топонимии. М., 1996.

Шилов 1999 — А. Л. Ш и л о в. Заметки по исторической топонимике Русского Севера. М., 1999.

Шилов 2002 — А. Л. Ш и л о в. Из наблюдений над берестяными грамотами // Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2. Екатеринбург, 2002. С. 145—158.

Шилов 2004 — А. Л. Ш и л о в. Номенклатурные термины в названиях порогов Карелии // Вопросы ономастики. Вып. 1. Екатеринбург, 2004. С. 86—99.

Шилов 2005 — А. Л. Ш и л о в. Ономастика берестяных грамот // Лексический атлас русских народных говоров (мат-лы и исслед.) 2005. СПб., 2005. С. 298—325.

Шилов 2008а — А. Л. Ш и л о в. Материалы к словарю ранних прибалтийско-финских, чудских и саамских заимствований русского языка. М., 2008.

Шилов 2008б — А. Л. Ш и л о в. Комментарии и дополнения к «Словарю географических терминов» Э. М. Мурзаева // Изв. РАН. Серия географическая. 2008. № 4. С. 125—132.

Шилов 2008в — А. Л. Ш и л о в. О саамской топонимии севера Карелии // Вопросы ономастики. Вып. 5. Екатеринбург, 2008. С. 49—64.

KKLS — T. I. I t k o n e n. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. Osa 1—2. Helsinki, 1958.

Korhonen 1981 — M. K o r h o n e n. Johdatus lapin kielen historian (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 370). Helsinki, 1981.

Mikkola 1906 — J. J. M i k k o l a. Ladoga, Laatokka // Journal de la Société Finno-Ougrienne. V. XXIII. Helsinki, 1906. P. 1—12.

Nissilä 1975 — V. N i s s i l ä. Suomen karjalan nimistö. Joensuu, 1975.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Osa 1—6. Helsinki, 1955—1978.

YS — J. L e h t i r a n t a. Yhteissaamelainen sanasto (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 200). Helsinki, 1989.

А. Л. Шилов

**Incipitarius liturgischer Hymnen in ostslavischen Handschriften
des 11. bis 13. Jahrhunderts. Besorgt von D. Stern / Hrsg. von H. Rothe
(= Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie
der Wissenschaften. Bd. 118/1—3. Patristica Slavica.
Hrsg. von H. Rothe. Bd. 16/1—3).**

**Paderborn; München; Wien; Zürich: Ferdinand Schöningh, 2008. Teil I:
А—И — XXX S. + 795 S.; Teil II: К—П — 736 S.; Teil III: Р—Ѡ — 797 S.**

В академической серии Patristica Slavica, издаваемой в течение многих лет под редакцией Г. Роте в Боннском отделении Патристической комиссии Академии наук федеральной земли Северный Рейн — Вестфалия, вышел в свет фундаментальный справочник, посвященный древней славянской гимнографии (далее: Указатель). Материалом Указателя стали восточнославянские рукописи XI—XIII веков, иными словами, издание описывает славянскую традицию служебных миней архаических и студийско-алексиевской редакций. Указатель включает в себя расположенные в алфавитном порядке зачала канонов и их тропарей, отпустительных тропарей («тропарей праздника»), стихир, кондаков, икосов и других гимнографических жанров, представленных в служебных минеях, ирмологиях, триодях, стихирах и кондакарях (материал октоиха в издание не вошел). Рядом с каждым славянским зачалом указано зачалом его греческого оригинала, если его удалось установить. Далее в статье приводятся сведения о гласе, празднике, которому посвящено песнопение, сообщается его ирмос или иной ритмико-мелодический образец, например, проσόμοιον или ἰδιόμελον для стихир или кондака. Зачалом этого образца приводится в древней славянской версии с указанием на его известные источники. Затем перечисляются славянские рукописи, в которых встречается песнопение с указанным в заглавии статьи зачалом. Указатель учитывает лексическую вариативность в зачалах, по-

этому его автор часто использует отсылочный заголовок, который не имеет отдельного номера. Издание состоит из трех томов, каждый из которых имеет отдельную пагинацию. (Далее в рецензии при ссылке на издание римскими цифрами указывается номер тома, после которого, через запятую, — номер страницы).

Типичные статьи в указателе выглядят так:

«11862. Нѣтълѣннѣ наиѣ дѣрова, христѣ, въскресениѣ си Ἀφθαρσίαν ἡμῖν ἔδωρήσω, Χριστὲ, ἐν τῇ ἀναστάσει σου T, modus 2, S. Theodosius Coenobiarcha (11.1), pros. **Вѣ въздынѣ грѣхѣвънѣки:** GIM Sin. 163, 120r; RGADA 381—99, 31r (err. pros. **Вѣ глоукинѣ потоппи:** RGADA 381—100, 62r; RGADA 381—130, 187v.

11863. Не тѣлѣнниа искоушениа рождышиа [зачалом ирмоса. — P. K.] Μὴ τῆς φθορᾶς διαπεῖρα κυοφορήσασα T, modus 7, Hirmos: GIM Voskr. 28, [H: 208]; NHF 246; RGADA 381—137, 247v; RGADA 381—138, **158v**; RGB Grig. 37, **67v**.

Нѣтълѣнниа одѣннѣ обѣлѣкѣ тѣ есть cf. **Вѣ нѣтълѣннѣ одѣнниа обѣлѣкѣ тѣ есть»** (II, 297).

Имеющиеся в рецензируемом издании списки сокращений и указатели источников позволяют без труда расшифровать сведения, содержащиеся в статье: тропарь («Т») второго гласа («modus 2») под номером 11862 **Нѣтълѣннѣ наиѣ дѣрова...** имеет греческий источник с указанным зачалом, тропарь встречается в каноне прп. Феодосию

Киновиярху, память которому совершается первого ноября; тропарь исполняется на ирмос *Въ вездѣхъ грѣховъѣхъ*, представленный в «Воскресенском ирмологии» и опубликованный в издании Х. Ханника [Hannick 2006] под номером 208; тропарь *Нѣтълѣнии намъ дарова...* содержится в целом ряде рукописей (сокращенные названия древлехранилищ переданы в латинской транскрипции), при этом в рукописи «RGADA 381—99, 31г» указан ошибочный ирмос «*Въ глѣбѣхъ потопи*».

Всего в списке источников рецензируемого издания перечислены около семидесяти рукописей, состав которых отражен в Указателе полностью [I, XXI—XXIV]. Помимо этих исчерпывающе описанных памятников, в издании использованы 46 рукописей, описанных частично [I, XXV—XXVII]. Наконец, кроме рукописных источников, в справочнике учтены восемнадцать важнейших публикаций гимнографических текстов, появившихся с момента выхода в свет первого научного издания славянских служебных миней, которое подготовил В. Ягич [I, XVIII—XX]. Благодаря такому охвату материала общее количество отраженных в рецензируемом издании зачал составляет 25 223 (двадцать пять тысяч двести двадцать три). К изданию прилагается CD-Rom с файлами в формате pdf, который предоставляет читателям дополнительные возможности поиска и работы с Указателем.

Полнота издания, подготовленного Д. Штерном, говорит сама за себя. Его труд, вне всякого сомнения, займет то место в изучении славянской гимнографии, которое в византинистике занимает справочник Э. Фоллиери [Follieri I—V (1/2)]. Указатель обладает целым рядом неоспоримых достоинств. Во-первых, благодаря ссылкам на греческий оригинал, существенно облегчается поиск источника славянского пес-

нопения в эдиционной и исследовательской практике. Во-вторых, для сравнительно-текстологического изучения славянского перевода крайне важна информация о рукописных источниках, в которых представлено песнопение, и об имеющихся изданиях того или иного гимна. В-третьих, благодаря соотношению славянских данных с византийскими, славянская гимнография предстает как часть византийской традиции, как ее полноправный свидетель. Эта область славянской переводной гимнографии разработана пока недостаточно, и рецензируемое издание позволит сделать важные шаги в решении перспективной задачи. Как пишут автор и редактор Указателя (Д. Штерн и Г. Роте), он позволяет сделать как можно более полный обзор состояния византийской гимнографии в Киевской Руси («einen möglichst vollständigen Überblick über den byzantinischen Hymnenbestand in der Kiever Rus' zu geben» [I, VIII]). Наконец, в-четвертых, источниковедческое исследование Д. Штерна может быть использовано в описании и дальнейшей каталогизации славянского гимнографического наследия. Как было сказано, в Указателе полностью представлены зачала каждой строфы каждого гимна, содержащегося в нескольких десятках рукописей.

В совместном предисловии автора издания, Д. Штерна, и редактора, Г. Роте, в связи с обзором имеющихся современных изданий славянской гимнографии указывается, что часть изданий будет продолжена: так, Боннское отделение Патристической комиссии готовит к публикации тома служебных миней на февраль, апрель и июнь, М. А. Момина работает над очередными томами Постной Триоди, автором этих строк «seit mehreren Jahren» ведется работа над изданием служебной миней за август [I, VII]. Сказанное означает, что по мере подготовки новых изда-

ний будет пополняться и список греческих оригиналов, не установленных Д. Штерном и находящихся в рукописях (см. такой список для древнейших славянских служебных миней за август: [Кривко 2008: 91—95]). Одним из результатов такой работы, особенно важных для Указателя, должно стать составление «Дополнений и исправлений» к нему, которые могли бы быть опубликованы либо в виде отдельной статьи, либо в виде приложения к одному из очередных томов серии *Patristica Slavica*. Именно по такому пути пошла Э. Фоллиери, в течение нескольких лет собиравшая рецензии на свое издание и опубликовавшая по их результатам отдельную работу [Follieri 1971].

Основными источниками греческих параллелей в Указателе являются справочник Э. Фоллиери [Follieri I—V (1/2)] и более поздняя публикация АНГ. Согласно предисловию, издание [Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου 1996] также было использовано при подготовке Указателя, в этом случае в качестве источника греческой параллели в Указателе приводится ссылка на рукопись [I, XII]. Греческая исследовательница Е. Папаилиопулу-Фотопулу изучила 620 византийских памятников, преимущественно служебных миней, и описала 899 неизданных канонов, которые были или неизвестны вовсе, или же в литературе было опубликовано только их зачало [см. рецензию: Στρατηγούπουλου 1999]¹. По всей видимости, работа с ее изданием велась при подготовке Указателя недостаточно последовательно. Так, в древнейших служебных минеях за август, отраженных в Указателе, имеются два канона, сведения о греческом оригинале которых содержатся в справочнике [Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου 1996]. Из этих канонов учтен один —

канон предпразднству Усекновения главы Иоанна Предтечи (28 августа), восьмого гласа, зачало **Υασηῦ** **исплῆνι** **κλῆδτι** **днῆ** (РГАДА, ф. 381, № 125, л. 100). Инципит помещен в Указателе под номером 23 445 [III, 634], в стандартизированной орфографии, однако с неточной формой **κλῆδτι** вместо правильного **κλῆδτι**, соответствующей чтению единственного источника и греческому оригиналу: «**Υασηῦ** **исплῆνι** **κλῆδτι** **днῆ**» [III, 634]. Византийский источник указан верно: «**Κρατήρα** **πλήσας** **τῶν** **χαρίτων** **σήμερον** (Sinait. gr. 632)» [III, 634], что соответствует сведениям, содержащимся в [Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου 1996: 274, № 861]. Греческий канон содержит двойной акrostих, фразовый в обычных тропях — **Κτείνει** **φονευθεῖς** **τοὺς** **φονεῖς** — и **Γεωργίου** в богородичных.

При этом, однако, был упущен из внимания греческий оригинал канона Семи отрокам Эфесским (7 августа, согласно Студийско-Алексиевскому уставу), четвертого гласа, с зачалом **Λικῆ** **σῆττοносῆτι** **· ἑβν** **отрокῆ** **славῆ** (РГАДА, ф. 381, № 125, л. 3 об., XI—XII вв.; ГИМ, Син., № 168, л. 45 об.). В Указателе сказано, что «*textus graecus non inventus*» [II, 80], хотя сведения об этом греческом тексте также имеются в справочнике Е. Папаилиопулу-Фотопулу [Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου 1996: 262, № 816]. Зачало греческого канона: **Χορεῖαν** **τὴν** **φωτοφόρον** **Κ(ύρι)ε** **παίδων** **γεραῖρωντας**. Гимн содержит такой же двойной акrostих, что и упомянутый выше: фразовый в обычных тропях — **Χορὸν** **τὸν** **ἐπτάφωτον** **εὐλογῶ** **νέων** — и **Γεωργίου** в богородичных. Хочется надеяться, что здесь имеет место не систематическая, а случайная ошибка, подобная той, которая была допущена при неудачном определении греческого оригинала канона мч. Филику *cum sociis* (30 августа), восьмого гласа, с зачалом, приведенным в

¹ К сожалению, рецензия пока остается мне недоступной.

Указателе: «Коньца влжжанаго о христѣ пологъше... GIM Sin. 168, 175r; RGADA 381—125, 109v» [II, 17]. Хотя ссылка на греческий текст в Указателе отсутствует («textus graecus non inventus» [II, 17]), его зачало опубликовано: «Τέλους μακαρίου ἐν Χριστῷ ἐπιτυχόντες» [Follieri IV 42]». Канон известен в целом ряде рукописей [Кривко 2008: 95], его греческий акростих содержит имя Ιωσήφ [Szövérfy 1979: 161 (литература)].

Во время просмотра Указателя мне удалось заметить единственный случай, когда сведения об изданном греческом оригинале, отмеченном в справочнике Э. Фоллиери, отсутствуют. Имеется в виду стихира «52. Ядѣмѣ съвѣръстница изъ раѣ изгънѣмѣ естъ (textus graecus non inventus) ... S. Adrianus et socii martyres (26.8)» [I, 5]. Вероятно, причиной пропуска стала порча во всех известных источниках славянского текста, что дезориентировало автора Указателя в поисках различных вариантов обратного перевода со славянского языка на греческий. Приведенная в зачале форма Ядѣмѣ восходит к несохранившемуся исконному чтению *Ядѣмѣ, что привело также к утрате обязательного прямого объекта при глаголе изгънѣти. Об этом свидетельствует опубликованный греческий оригинал стихир, отсутствующий в Указателе: Τὸν Ἀδὰμ ἡ ὁμόζυγος παραδείσου ἐξώριστε... [MR VI 504].

В упомянутых выше случаях можно видеть досадную случайность, незначимую на фоне более чем 25 000 приведенных в Указателе зачал, из которых только приблизительно для 10 % не удалось найти греческий оригинал [I, XV]. Возможно, что дальнейшая работа с Указателем позволит выявить более мелкие неточности. Так, например, стихирѣ Дѣньскъ радѣуѣтъ сѣ вѣръныхъ църкы (I, 549) и Съ бѣъ приѣтънъ мѣстоу (III, 357) обозначены как стихирѣ Семи от-

рокамъ Эфесскимъ (седьмое августа, согласно Студийско-Алексиевскому уставу), тогда как на самом деле стихирѣ, действительно находящиеся под этой датой, посвящены попразднству Преображения. (Греческий текст обеих стихир неизвестен).

К рецензируемому изданию можно сделать одно серьезное замечание. Оно касается объема использованных публикаций греческих гимнографических текстов. Кроме вышеупомянутых работ Э. Фоллиери [Follieri I—V (1/2)], АНГ и [Παπαληιοπούλου-Φωτοπούλου 1996], к работе над Указателем нужно было привлечь ряд дополнительных византистических исследований. К ним относятся справочные материалы, опубликованные Й. Сёверфи [Szövérfy 1979: 258—270, 281—285, 286—288, 293—298] по различным изданиям, в том числе серии *Monumenta Musicae Byzantinae*. Пространные указатели к песнопениям, атрибутируемым прп. Иосифу Песнописцу, имеются в двух монографиях, посвященных этому автору [Τωμαδάκη 1971; Рыбаков 2002²]. Не учтены в Указателе также разыскания Д. Гетова, выполненные им по материалам рукописей, хранящихся в рукописных собраниях Болгарии [Getov 2004]. Из более ранних работ укажем на монографию Х. Ханника, содержащую значительное количество впервые опубликованных греческих гимнографических текстов [Hannick 1972].

Особенно важным в славистическом издании такого уровня было бы показать, какое значение для описания византийской традиции имеют публикации византийских гимнов, осуществленные за последние годы славистами в их по-

² Монография прот. сщмч. В. Рыбакова была подготовлена к 1926 г. и опубликована посмертно, ее объем более чем в два раза превышает исследование Е. Томадакиса [Τωμαδάκη 1971].

исках параллельных текстов к славянским переводам. К сожалению, Указатель отражает только те публикации греческих оригиналов, которые содержатся в изданиях служебной минеи за декабрь, Минеи Дубровского и в основополагающей публикации В. Ягича (см.: [I, XII] — там же литература). Такой подход отражает сознательно выбранную, но необоснованную позицию, разделить которую нельзя. Неясно, почему в качестве источников греческих текстов не были использованы уже увидевшие свет в серии *Patristica Slavica* тома служебной минеи за февраль, первый том Постной Триоди [Triodion], сведения о которых содержатся в списке литературы к Указателю [I, XVIII—XIX], а главное, трехтомное издание под общей редакцией Х. Ханника, содержащее указатель греческих оригиналов к современным церковнославянским минеям и публикацию многочисленных канонов и малых гимнографических жанров [Plank, Lutzka 2006]. Досадно, что это прекрасное издание даже не упомянуто в списке литературы, имеющемся в Указателе. Ориентированное на современные церковнославянские служебные минеи, издание [Plank, Lutzka 2006] содержит тем не менее большое количество впервые изданных греческих песнопений, являющихся оригиналами, и древних славянских переводов. Из нескольких статей Ж. Жоанне, ученика А. Мейе, в библиографии указана только одна (см. библиографическую справку в [Кривко 2004: 230]). Остались без внимания и атрибутированные М. Ф. Мурьяновым греческие оригиналы некоторых вторых песней гимнографических канонов, известных в древнерусской традиции XI—XIII веков [Мурьянов 1982/2003], не использованы в качестве источника греческих текстов также издания Ильиной книги [Крысько 2005; Krys'ko 2005; Верещагин 2006], Стихиаря [Schid-

lovsky 2000] и Путятиной минеи [Щеголева 2001], хотя библиографические сведения о публикациях В. Б. Крысько [2005], Н. Шидловского [Schidlovsky 2000] и Л. И. Щеголевой [2001] в Указателе имеются. В тех случаях, когда вышеназванные славистические издания содержат впервые опубликованный или впервые атрибутированный греческий текст, в Указателе содержится помета «textus graecus non inventus». Эта лакуна может и должна быть заполнена при подготовке будущих дополнений к Указателю, о которых говорилось выше.

Недостаточное внимание к славистическим публикациям может сказываться как на точности, так и на полноте сведений относительно отдельных песнопений. Так, в Указателе не отражена публикация греческого текста канона Пренесению св. Убруса из Эдессы в Царьград [Plank, Lutzka 2006: 1059—1062; 1112—1115]: «13227. *Отъвѣръѣнь еуста, чловѣци, и изъязыкъ еустанимъ ... Sinait. gr. 632*» [II, 423]. Известные византийские рукописи этого канона, из которых в Указателе названа одна, самая полная и ранняя, не содержат богородичных тропарей, которые, однако, имеются в славянской версии [Plank, Lutzka 2006: 1059]. Сообщая о наличии греческого оригинала славянского перевода, Указатель регулярно отсылает читателя не к изданию, а только к одному из трех известных рукописных источников византийского текста³. Имеется такая отсылка и рядом со славян-

³ 1) *Ἐν τῇ Μονῇ καὶ Ἀρχιεπισκοπῇ Σινῶ* (монастырь св. Екатерины, Синай), Sin. gr. 632, л. 93 об. — 98 об., XII в.; 2) *Österreichische Nationalbibliothek* (Wien), Vind. theol. gr. 33, л. 166 — 166 об., XIII в.; третий источник греческого текста найден автором этих строк в служебной минее на июль-август из собрания Российской национальной библиотеки (С.-Петербург): 3) РНБ, Греч. 227 (Порф. IV), л. 63 — 63 об., XIII в.

скими зачалами богородичных тропарей, оригинал которых на самом деле не установлен⁴, так как славянский перевод в этом отношении богаче известных версий греческого текста.

Неточны приведенные в Указателе сведения о каноне Руке Иоанна Предтечи. Его зачало дано со ссылкой только на рукописный источник: «17459. Рѹка мѣшѣца вѣшнѣаго сътворивѣши ѿ χεῖρ τοῦ βραχιόνος ὑψίστου (Vindob. theol. gr. 146)» [Ш, 78]. В соответствии с правилами Указателя такая ссылка означает, что источником сведений о греческом оригинале является справочник Е. Папаилиопулу-Фотопулу [Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου 1996: 146, № 424]. Между тем канон Ἦ χεῖρ τοῦ βραχιόνος ὑψίστου, творение магистра Феодора Дафнопата (до 900 — до 963 гг.), не должен был попасть в каталог неопубликованных канонов [Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου 1996], так как его полный текст был издан в 1985 году Х. Ханником [Hannick 1985], а в 1991 году М. Ф. Мурьянов опубликовал славянский перевод [Мурьянов 1991/2003], см. затем работу Х. Ханника, написанную в продолжение полученных обоими исследователями результатов: [Hannick 1997]. Работы [Hannick 1985; 1997; Мурьянов 1991/2003] не отражены в Указателе, из которого следует, что греческий оригинал славянского текста будто бы не издан (рядом со славянскими зачалами всех тропарей, кроме первого, в Указателе приводится не греческий оригинал по изданию Х. Ханника, а ссылка на рукопись, cod. Vind. theol. gr. 146).

Перечисленными замечаниями замеченные недостатки Указателя исчерпываются. Еще раз обратим внимание, что они относятся, как кажется, к несколь-

ким процентам представленного в Указателе материала. В целом, Д. Штерну успешно удалось создать полную картину славянско-византийских гимнографических параллелей на представленном материале древнерусских рукописей, хотя многие детали этой картины можно было проработать более подробно. Достоинства рецензируемого издания достаточно значительны, чтобы оно стало одним из основных пособий в исследованиях по славянской гимнографии и заслужило долгую научную жизнь.

Л и т е р а т у р а

Верещагин 2006 — Е. М. В е р е щ а г и н. Ильина книга. Древнейший славянский богослужебный сборник. Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филологическим комментарием. М., 2006.

Кривко 2004 — Р. Н. К р и в к о. Славянская гимнография IX—XII вв. в исследованиях и изданиях 1985—2004 гг. // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd. 50. 2004. S. 203—233.

Кривко 2008 — Р. Н. К р и в к о. Византийские источники славянских служебных миней // Письменность, литература и фольклор славянских народов. XIV Международ. съезд славистов. Охрид, 10—16 сентября 2008 г. Докл. рос. делегации / Отв. ред. А. М. Молдован. М., 2008. С. 76—101.

Крысько 2005 — Ильина книга. Рукопись РГАДА, Тип. 131. Лингвистическое издание / Подгот. греч. текста, коммент., словоуказатели В. Б. Крысько. М., 2005.

Мурьянов 1982/2003 — М. Ф. М у р ь я н о в. Славистические маргиналии к книге грузинского византолога // М. Ф. М у р ь я н о в. Гимнография Киевской Руси. М., 2003. С. 391—401.

Мурьянов 1991/2003 — М. Ф. М у р ь я н о в. Канон руке св. Иоанна Предтечи. Творение магистра Феодора Дафнопата //

⁴ В обратном переводе зачала богородичных тропарей канона дают имя Γεωργίου [Plank, Lutzka 2006: 1059].

М. Ф. М у р ь я н о в. Гимнография Киевской Руси. М. 2003. С. 284—288.

Рыбаков 2002 — В. Рыбаков, прот. Святой Иосиф Песнописец и его творческая деятельность. М., 2002.

Щеголева 2001 — Л. И. Щеголева. Путятин Миня (XI век) в круге текстов и истолкования. 1—10 мая. М., 2001.

AHG I—XIII — *Analecta hymnica graeca e codicibus eruta Italiae inferioris* / Ed. J. Schirò. T. I—XIII. Roma, 1966—1983.

Follieri I—V (1/2) — H. Follieri. *Initia hymnorum Ecclesiae Graecae*. Vol. I—V (1/2). Città del Vaticano, 1960—1966 (= *Studi e testi*, 211—215 bis).

Follieri 1971 — E. Follieri. The «Initia Hymnorum Ecclesiae Graecae» — *Bibliographical Supplement* // E. Wellesz, M. Velimirovič (eds.). *Studies in Eastern Chant*. Vol. II. 1971. P. 35—50.

Getov 2004 — D. Getov. *Incipitarius for the Apparently Unedited Liturgical Canons, as Contained in the Greek Manuscripts Kept in Bulgarian Libraries* // *Bolletino della badia greca di Grottaferrata*. Terza serie. Vol. 1. 2004. P. 93—114.

Hannick 1972 — Ch. Hannick. *Studien zu den griechischen und slavischen liturgischen Handschriften der Österreichischen Nationalbibliothek* (= *Byzantina Vindobonensia*. 6). Wien; Köln; Graz, 1972.

Hannick 1985 — Ch. Hannick. *Theodor Daphnopates als Hymnograph* // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. Bd. 35. 1985. S. 183—192.

Hannick 1997 — Ch. Hannick. *L'apport de l'hymnographie byzantine à l'histoire du culte* // *La spiritualité de l'univers Byzantine dans le verbe et l'image*. Steenbrugis, 1997. S. 101—111.

Hannick 2006 — Ch. Hannick. *Das alt-slavisches Hirmologion*. Edition und Kommentar (= *Monumenta Linguae Slavicae dialecti veteris* / Ed. E. Weiher. T. L). Freiburg i. Br., 2006.

Krys'ko 2005 — V. B. Krys'ko. *Nuove fonti greche di testi innografici slavi nei manoscritti di Grottaferrata* // *Bolletino della Badia greca di Grottaferrata*. 2005. Vol. 2. P. 43—55.

MR I—VI — *Μηναῖα τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ*. T. I—VI. Ἐν Ρώμῃ, 1888—1901.

Plank, Lutzka 2006 — *Das byzantinische Eigengut der neuzeitlichen slavischen Menäen und seine griechischen Originale*. I—III Teilbände. Erarb. von P. Plank, C. Lutzka / Hrsg. von Ch. Hannick (= *Abhandlungen der Nordrheinwestfälischen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 112. *Patristica Slavica* / Hrsg. von H. Rothe. 12. Bd). Paderborn, 2006.

Schidlovsky 2000 — *Sticherarium Palaeoslavicum Petropolitanum* (St. Petersburg, Russian Academy of Sciences Library (BAN), Codex 34.7.6 (late 12th-13th cc.)). Pars principalis: reproduction intégrale. Pars supplementaria. Ed. N. Schidlovsky (= *Monumenta Musicae Byzantinae*. Vol. XII). Copenhagen, 2000.

Szövérfy 1979 — *A Guide to Byzantine Hymnography. A Classified Bibliography of Texts and Studies*. II: *Κανών and Στιχηρόν*. By J. Szövérfy in collaboration with Mrs. Eva C. Topping (= *Medieval Classics. Texts and Studies* / Ed. by J. Szövérfy, F. Wagner). Brookline (Mass.); Leyden, 1979.

Triodion und Pentekostarion nach slavischen Handschriften des 11.—14. Jahrhunderts. Teil I: *Vorfastenzeit*. Hrsg. von M. A. Momina, N. Trunte (= *Abhandlungen der Nordrhein-Westfälischen Akademie der Wissenschaften*. Bd. 110. *Patristica Slavica*. / Hrsg. von H. Rothe. Bd. 11). Paderborn; München; Wien; Zürich, 2004.

Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου 1996 — Ε. Παπαηλιοπούλου-Φωτοπούλου. *Ταμείον ἀνεκδότων βυζαντινῶν ᾠσματικῶν κανόνων seu Analecta Hymnica Graeca e Codicibus eruta Orientis Christiani*. 1. *Κανόνες Μηναίων*. Ἀθῆναι, 1996.

Στρατηγοπούλου 1999 — Δ. Στρατηγοπούλου. *Ἀνέκδοτοι βυζαντινοὶ ᾠσματικοὶ κανόνες. Διορθώσεις καὶ προσθήκες* // *Βυζαντινά*. T. 20. 1999. Σ. 253—266.

Τωμαδάκη 1971 — Ε. Τωμαδάκη. *Ἰωσήφ ὁ ὑμνογράφος. Βίος καὶ ἔργον*. Ἀθῆναι, 1971.

P. H. Кривко

**Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика:
Избранные труды: Учебн. пос. / А. М. Пешковский;
Сост. и науч. ред. О. В. Никитин.
М.: Высшая школа, 2007. 800 с.; ил. (Серия «Лингвистика XX века»)**

Опубликованный в издательстве «Высшая школа» с подзаголовком «Учебное пособие» том работ Александра Матвеевича Пешковского представляет интерес как дидактический (в первую очередь для филологических факультетов университетов), так и собственно научный. В отношении последнего можно сказать, что он восстанавливает важные страницы истории отечественной лингвистики начала прошлого века, то есть позволяет оглянуться почти на столетие назад, соизмеряя пройденный путь с нынешним ее состоянием, актуальными проблемами и стоящими перед ней задачами.

Специально стоит отметить, что опубликованная в 2007 году, книга реально предстала перед читателями в 2008-м, когда исполнилось 130 лет со дня рождения А. М. Пешковского и 75 лет с того времени, как его земная жизнь прекратилась, а его труды по-прежнему остаются частью русской лингвистической мысли для все новых и новых поколений русистов. Эти в разной степени круглые даты повышают актуальность издания, обостряя исторический интерес к нему. Заслуживает особого внимания и тот факт, что книга собрана и любовно подготовлена к изданию О. Н. Никитиным, широко известным своими работами по истории отечественной лингвистики в лице ее лучших представителей.

Поставленные перед собой задачи О. Н. Никитин разъясняет в открывающем книгу тексте «От составителя», который предварительно ориентирует читателя в составе предлагаемого тома и знакомит с историей его появления. Второй текст составителя — «Жизнь и

труды Александра Матвеевича Пешковского в свете научной полемики его времени» — представляет собой детальное описание научной биографии ученого, вводящее в научный оборот новые данные о становлении лингвиста, его человеческих и творческих связях, например, с Валерием Брюсовым, Максимилианом Волошиным (С. 16—20).

Понятно стремление составителя представить Пешковского в широком контексте его собственного лингвистического творчества и в контексте лингвистической мысли эпохи, и это стремление, можно сказать сразу, оказалось реализованным, что и хотелось бы показать в настоящей рецензии.

Современному читателю Пешковский известен прежде всего (а иногда и только) как синтаксист, благодаря, в частности, тому, что его «Русский синтаксис в научном освещении» издавался 8 раз, в том числе последние два раза — в 2001 году в московских издательствах «Эдиториал УРСС» и «Языки славянской культуры». Не отрицая ключевой роли этого произведения в творческом наследии Пешковского, но сожалея, что такое представление о нем оказывается слишком узким, составитель рецензируемого тома обращается ко всем остальным произведениям ученого.

В результате том состоит из четырех частей.

В первой части представлены труды по русскому языку и методике его преподавания, что уже характеризует А. М. Пешковского, для которого преподавание языка оказывалось той лакмусовой бумажкой, что проверяет на прочность и неуязвимость научные истины. Два десятка работ, составивших

эту часть, расположены в хронологическом порядке, что дает возможность увидеть сквозные лингвометодические идеи Пешковского, к которым он неоднократно возвращается в своих работах разных лет.

Хотелось бы высказать небольшое замечание по отношению к принципам публикации. При каждой статье сообщается, по какому изданию она воспроизводится (чаще всего это оказывается сборник «Избранных работ» 1956 года), но не менее важным представляется время первой публикации, его можно, конечно, восстановить, обратившись к Библиографии, завершающей том, но информативный первичный комментарий говорил бы о большем внимании к любознательному читателю.

При чтении (и тем более перечитывании) статей Пешковского неизбежна оглядка на современное состояние вопросов, которые он обсуждает. Удивительно, но почти не возникает ощущения, что, мол, этот вопрос для нас давно закрыт. В одних случаях с грустью отмечаешь, что некоторые вещи, о недопустимости которых в школьном преподавании говорил Пешковский почти столетие назад, продолжают культивироваться в современной российской школе, например, метод вопросов при решении едва ли не всех грамматических проблем. Сомнительности этого метода Пешковский посвящает отдельную статью «Вопрос о «вопросах» (1919—1923 гг.; С. 126—144). С другой стороны, не без отрады воспринимается тот факт, что интонация, о роли которой для синтаксиса так много говорит Пешковский, уже освоена синтаксисом как особое средство; в академическую грамматику и университетские учебники введено учение об интонации, разработанное Е. А. Брызгуновой¹. Правда, в

школьное преподавание эта концепция не введена, что опять же заставляет с искренним интересом воспринимать убедительные доводы Пешковского о необходимости изучать интонацию в школе.

Самое удивительное — это наблюдать творческую стратегию Пешковского, проявляющуюся во всех его воспроизводимых работах. Она состоит в том, что, формулируя вопрос, он затем начинает перебирать ответы на него — и уже высказанные в литературе, и возможные в свете разных обстоятельств. Самое потрясающее, что при этом учитывается и позиция школьника, о чем сегодня не думают даже авторы учебников, не говоря о лингвистах. Такая стратегия изложения своих соображений делает тексты Пешковского глубоко диалогичными, полифоничными в бахтинском понимании этого термина.

Вторая часть тома представляет Пешковского как автора энциклопедических статей, подготовленных для «Литературной энциклопедии», выпущенной в 1925 году. Восемь статей описывают ключевые лингвистические понятия от «Грамматики» до «Стилистической грамматики», включая «Слово» и «Предложение». Замечательно, что и здесь присутствует полифоничность, невозможная в современной издательской практике подготовки справочной литературы. Это различие говорит не только о писательской манере Пешковского, но и об эволюции жанра энциклопедической статьи, тяготеющей теперь к монологичности и минимали-

Под ред. В. А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989. Гл. 11. «Интонация и синтаксис». С. 772—792, где в библиографии указывается работа А. М. Пешковского «Интонация и грамматика»; Современный русский язык: Сб. упражнений / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1990; раздел «Интонация и синтаксис». С. 300—318.

¹ Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. С. 96—122; Современный русский язык /

зации авторского начала. На этом фоне приятно наблюдать, как Пешковский уступает место другим авторам для обозначения их позиций, например, во взглядах на предложение: это Дионисий Фракийский, Пауль, Дельбрук, Фортунатов, Потебня, Овсяннико-Куликовский (С. 414—415).

Третья часть тома позволяет оценить позицию Пешковского в вопросах анализа художественного текста, изучив его программные труды, как «Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы» (С. 480—516), или конкретный опыт анализа ритмики «Стихотворений в прозе» Тургенева (С. 517—535).

Последняя часть тома, названная по латыни *Miscellanea*, что означает «Смесь», как любезно объяснено во вступительном слове (С. 11), с подзаголовком «Вокруг А. М. Пешковского: рецензии и полемика», включает почти три десятка текстов — рецензий самого Пешковского, других авторов на его труды и ответов на рецензии (в современной научной жизни — жанр крайне редкий, как кажется). Эта часть тома чрезвычайно повышает его ценность, поскольку позволяет напрямую погрузиться в контекст эпохи и ощутить ее драматичную диалогичность «из первых рук».

При этом составитель представляет объективно полемическую картину восприятия работ Пешковского, не отбирая заведомо положительные отзывы современников. Так, в первой из рецензий на «Русский синтаксис...», принадлежащей перу Е. Ф. Будде, формулируются весьма резкие оценки грамматической позиции Пешковского. При этом читатель получает возможность проследить за тем, как он отвечает на суровую критику, и здесь можно увидеть замечательные уроки научного общения. Не менее интересно следить за полемикой с С. И. Карцевским, критикующим Пешковского не столько

лингвистически, сколько методически (С. 698—707) и давшим ему своей критикой «так много, как ни одна из рецензий и статей» (С. 720).

Кроме двух названных, среди авторов этой части тома обнаруживаем Д. Н. Ушакова, М. Н. Петерсона, Е. С. Истрину, А. Б. Шапиро, Л. И. Тимофеева. Это означает, что читатель получает возможность убедиться в том, что труды Пешковского вызвали горячий интерес лучших лингвистов того времени и желание высказаться по обсуждаемым в его работах вопросам. Кроме того, эта часть показывает, как широки научные связи Пешковского: ведь практически все его рецензенты выступают и в роли объектов его критики, издают свои книги с его предисловиями. Одним словом, перед нами оказывается своеобразный репортаж о научной лингвистической жизни двух первых десятилетий прошлого века.

Таким образом, первая и последняя части тематически смыкаются и усиливают полифонию рассуждений о существовании грамматики, предмете синтаксиса, а главное — возможностях преподавания родного языка. Возможно, для молодых читателей, впервые знакомящихся с работами Пешковского, основной интерес составят материалы первой части, но для тех, кто не впервые берет в руки тексты классика нашей лингвистики, наиболее интересным окажется последняя часть, позволяющая ощутить живые голоса эпохи, реально спорные вопросы лингвистики и дидактики. Эта драгоценная возможность вызывает чувство благодарности составителю, проделавшему для подготовки этой части тома большую работу в архивах и фондах редких изданий.

Подводя итоги, можно сказать, что лингвистическая библиотека пополнилась ценнейшим изданием, дающим возможность изучать отечественную лингвистическую мысль в ее истории,

не фрагментарной, а довольно полной (хоть и не абсолютно, что вряд ли возможно). Стоит обратить внимание на то, что в университетской практике обучения лингвистике поводов обратиться к рецензируемому тому — множество: это изучение и грамматики, и фонетики, и лингвистического анализа художественного текста, и истории лингвистических учений, наконец, преподавания русского языка в разных аудиториях. Последнее заслуживает особого внимания: серьезность, с которой лингвисты начала прошлого века обсуждают эти проблемы, должна убедить в том, что методика и лингвистика — не два «несообщающихся сосуда», как это чаще всего воспринимается сейчас, а один полноводный водоем, в волнах которого должны «вымываться» представления о языке — и научные, и школьные. Возможно, тогда между ними не будет столь удручающих «противоречий», о которых писал А. М. Пешковский (С. 61—72) и о которых можно много писать сегодня.

В качестве дополнительного свидетельства актуальности идей Пешковского для современной школы можно привести такой факт. Методическая газета «Русский язык» (Издательский дом «Первое сентября») в рубрике «Библиотечка учителя» с № 13/2007 начинает воспроизведение книги Р. Н. Грацианской «Синтаксическая система А. М. Пешковского в кратком изложении» (она указывается в рецензируемом томе в списке книг, изданных под реакцией и с предисловием А. М. Пешковского — С. 800). В статье С. И. Гиндина «Последнее обращение А. М. Пешковского к учителям, или Загадка истории русской лингводидактики» (№ 16. С. 36—37) разъясняется выбор именно этого текста. Продолжение этой републикации (№ 1, 4/2008) подтверждает востребованность мыслей Пешковского современным учительством, что позволяет думать и о счастливой судьбе рецензируемой книги.

Т. В. Шмелева.

**Евгений Ривелис. Как возможен двуязычный словарь.
Doctoral Thesis in Slavic Languages at Stockholm University.
Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies 36.
Stockholm: Department of Slavic Languages, Stockholm University, 2007.
ISSN 0585-3575, ISBN 978-91-85445-77-6. 407 с.**

Объемный труд Евгения Ривелиса был защищен в качестве докторской диссертации на Отделении славистики Стокгольмского университета в 2007 г. Его название не должно вводить в заблуждение: речь не идет о билингвизме; не говорится здесь и о кальках при переводе с какого-либо языка на русский (если читателя смущает не совсем «русский» заголовок: такого типа синтаксическая конструкция употребляется, когда речь идет об онтологической сущности вещи). Вынесенный в качестве

названия книги вопрос без вопросительного знака действительно отражает цель исследования: показать, как должен быть устроен / составлен / организован современный двуязычный словарь. Задача актуальная: во-первых, достигнуты значительные успехи в когнитивной лингвистике, что дает возможность по-другому, чем при традиционном подходе, размышлять о семантических описаниях. Во-вторых, компьютерные способы представления словарей в противоположность бумажным позволяют

не заботиться о весе и размере публикации, расширять и углублять поиск значения по мере необходимости, что заставляет думать о новых приемах предъявления содержания понятий и логичном свертывании информации. Когнитивная лексикография описывает не значения, а механизмы их образования, или концепты языковых единиц, т. е. модели осмысленного отношения говорящего к миру на некотором фрагменте языковой картины, где за языковыми единицами стоят первичные по отношению к ним когнитивные структуры. Мир словарей — конкретная абстракция, а процесс порождения текстов и дискурсов через поиск средств выражения постоянно уточняемых говорящим значений — динамическая реальность.

Автор книги имеет большой опыт переводческой деятельности, его ученые штудии выросли из практических занятий, осмысления нюансов и поисков подводных течений при нахождении соответствий. Уточним также, что речь идет о том, что двуязычные словари должны содержать статьи особого типа, базирующиеся на контрастивном когнитивно-семантическом анализе пары языков и ориентированные на пользователя, т. е. представлять собой инструмент, при помощи которого все возможные моменты ошибочного толкования оговариваются заранее. На самом деле Е. Ривелис постоянно имеет в виду тройку языков — русский, английский, шведский (иногда добавляя материал других), приводя и достаточно искусно разбирая интересные случаи несовпадения значения и употребления. Обращает на себя внимание стиль автора: редко кто в наше время пишет так вдумчиво и неспешно, находя для всех мыслей место. Язык предстает как единый лексико-грамматический континуум, в котором единицы языка — развиваемые в бесконечность символы. Говорящие используют лексико-грам-

матические концепты функционально, в зависимости от мироотношения, которое реализуется в их структуре. Значения возникают в результате когнитивных операций, которые говорящий совершает над концептами. Сочетаемость возможности языковых единиц и их грамматическое поведение мотивированы их концептуальным содержанием.

Во введении, названном «Словарь в свете когнитивной лингвистики», рассматриваются русское понятие НАПРАСНО и особенности перевода шведского LÅTSAS. Важным оказывается функциональная составляющая концепта, под которым понимается «схема осмысленного — функционально значимого — мироотношения» (с. 13). Критикуя предложенные Е. В. Рахилиной, Анной А. Зализняк и А. Вежицкой модели, автор вводит термин *первообразная концептуальная схема (ПКС)*, что должно отражать «единство языковой единицы во всех ее прагмасемантических реализациях» (с. 17), т. е. практически в самых разных, как общепринятых, так и креативных случаях употребления. ПКС — схема концепта, представляющая собой устойчивую конфигурацию его параметров, но приписываемые говорящим параметрам концепта значения не произвольны. Предполагается, что так удастся преодолеть все недостатки существующих словарей, поскольку пользователь ориентируется на продуктивное понимание. Здесь ему не предоставляются все способы выражения некоторого значения, которые могли бы ввести в заблуждение, а сообщается идея слова (облегчающая поиск подходящего к данному случаю перевода), а также уверенность относительно того, в каких пределах он может эксплуатировать концепт, т. е. такой словарь обладает порождающей силой на стороне выхода. В полной (несвернутой) статье приводятся значения в качестве терминаль-

ных узлов сети, т. е. мотивированно, и делается это более полно, систематично, точно (с примерами, коллокациями и фразеологизмами), чем это имеет место в словаре традиционного типа. Разумеется, все словари являются итогом компромисса между стремлением достичь полноты информации и ограниченными возможностями ее усвоить.

В первой главе, посвященной практическому введению в теорию концептуальной лексикографии, подробно разбираются возможности представить слово СТОЛ. 1. СТОЛ — это значимое место, локус, где собирается круг людей (прототипически взаимодействующих по поводу принятия пищи и по множеству других поводов); 2. СТОЛ, где в фокусе только функция подставки, так сказать, техническая функция. Устойчивые сочетания ‘за столом’ и ‘на столе’ выбраны как способы прояснить эти две линии развертывания концепта в сеть. Некоторые предложения вполне разумны и закономерны, однако временами складывается впечатление, что для неподготовленного читателя непонятно, почему, например, в разделе ‘за столом’ объясняется *накрывать на стол* и *прошу за стол*, хотя есть раздел ‘на столе’. С нашей точки зрения, очевидно, что объем понятий, стоящих за словом, во всех языках разный, так что, например, в речи русско-английского билингва встречается русское слово «стол» в значении «таблица». С другой стороны, мебельщики разработали для разных столов родо-видовые понятия, входящие в качестве отдельных лексем в этот подъязык.

Во второй главе рассматривается значение и употребление НУ — исследование случая методом дискурс-анализа. Уже давно известно, что именно этот подход дает более полную картину употребления мелких слов в речи. Словарные статьи, предлагаемые в этой главе, очень полезны для изучающих

язык или стремящихся улучшить свои знания (они приближаются к двуязычным толковым словарям; возможно, хорошо владеющий языком человек не будет нуждаться в переводе, а просто обратится к толковому словарю). Однако концептуальные сети, предлагаемые автором, как представляется, не проясняют для рядового читателя языковую картину. Е. Ривелис пишет (с. 116—118), что в словарной статье находится все, что должно способствовать узнаванию концепта слова, и получаемое представление должно быть целостным; в статье есть указания на грамматическое поведение слова; сделана попытка показать различия в интонации употребления.

В третьей главе обращается внимание на лексикографию «инвентарных списков», рассматриваются примеры СЛУЧАЙ, ФИГУРА, FRÅGA, ВЫЙТИ, TENOR, FELICITOUS и др. Делается вывод о том, что заданные списки не дают пользователю возможности опознать именно то из значений, которое актуально для данного случая. Автор считает, что существует способ так преподнести значение, чтобы оно было инвариантно и давало узнавшему его пользователю инструмент для применения во множестве контекстов. Интересно рассуждение Е. Ривелиса о различиях в восприятии слова родного и второго языков, приводящее к разным вариантам пользования им: традиционный словарь не генеративен, не дает возможности порождать новые высказывания, здесь преобладает установка на понимание; он «не удовлетворяет задаче порождения эквивалентного текста на языке выхода» (с. 164). Все же часто требуется именно продуктивно переводить на целевой язык, а при помощи традиционных словарей это получается плохо. Предлагаемая статья двуязычного словаря (толкования даются по-английски) для НУ в этой главе занима-

ет 10 страниц. Обращаясь к нуждам активного и пассивного пользования, Е. Ривелис анализирует в этом плане историю представлений о функциях словарей и учебных пособий. Остается вопрос: каким образом должен усвоить потребитель ту информацию, которая ему преподнесена в словарной статье, и способен ли он к этому. ПКС — ядро сети, отражающее топологию концепта, «то есть робастное¹ соотношение компонентов в функционально значимой (смысловой) перспективе концептуализатора» (с. 207), представляющее языковую категорию целостно и в общем случае не совпадающее с прототипом. Возможно даже пиктографическое представление КС. Далее автор останавливается на превращении корпуса статьи словаря продуктивного понимания (СПП) в статью двуязычного словаря и рассматривает проблемы свертывания сети, нелинейности представления, неоднозначной мотивированности узлов сети, несовпадения ядра сети и наиболее салиентной² и продуктивной моде-

ли употребления, связи концептуальных сетей между собой, неизоморфности правой и левой частей словарной статьи, входа и выхода, несовпадения ядра сети с продуктивной моделью и т. п. Иными словами, речь идет о тонкостях способа представления словарной статьи. В качестве иллюстрации рассматривается шведский предлог *OM* и снова *HU* — на сей раз для двуязычного словаря³.

В четвертой главе «Гиперструктура словаря» становится очевидным, что избранный подход требует особой организации всех написанных статей в структуру, что связано с определенными трудностями, т. к. между статьями существует множество связей. Концепты могут вступать в синонимические и антонимические отношения (сами они уникальны, но их динамические реализации — то, что обычно называют значениями, — могут при известных условиях выражать «одно и то же» или нечто «противоположное»), у них есть грамматические и лексические производные, есть идиомы, которые трудно искать, и т. п. Пользователю понятно, что в словаре может быть элемент *-бавить/-бавлять*, хотя такого слова в русском языке нет. Е. Ривелис использует идею *конструктикона* — словаря конструкций, куда войдут не только фразеологизмы, но и коллокации и регулярные словосочетания. Это та часть словаря, которая содержит семантико-

¹ Робастность — топологическая устойчивость концепта в известных пределах, определяемых его функциональной составляющей; концепт, как и у Лангакера, — это не лингвокультурная категория, почему-либо признаваемая важной и специфичной для национальной картины мира, а ментальная структура, являющаяся единицей осмысленного ориентирования в мире, восходящая к социализованному телесному и перцептивному опыту, символизируемая единицей языка. Конфигурация параметров выявляется путем концептуального анализа, исходя из реальных употреблений этой единицы в речи, целью которого является эксплицитное когнитивное мотивирование сочетаемостных предпочтений и грамматического поведения слов и конструкций.

² В концептуальной сети прототипическое ядро может не совпадать — и часто не совпадает — с тем узлом, который наиболее

продуктивен в современном узусе. Так, для предлога *от* самым продуктивным является узел метафорического речемыслительного охвата предмета, а не прототипически первичный узел физического кругового охвата тела. В книге приводится множество примеров таких несовпадений (т. е. примеров не-радиальности сети).

³ О терминах когнитивной лингвистики см., например, [Bartsch 2002; Evans, Green 2006; Geeraerts 2006].

грамматические схемы; она служит для опознания конструкций, экспликации конструкций, содержащихся в словаре (с. 343). Учитывая опыт Р. Лангакера, В. В. Виноградова, Б. А. Ларина, Л. Згусты, Ю. Д. Апресяна, полемизируя с Дж. Тэйлором, А. Голдберг, В. П. Берковым и другими, автор рассматривает способы представления конструкций. Вводится термин неоднословные лексические единицы (НЛЕ), под ними понимаются и неразложимые конструкции, и разложимые свободные словосочетания, а также как тривиальные, так и нетривиальные коллокации. Среди подробных примеров, рассматриваемых в этой части работы, можно упомянуть **крепкий N** напиток, а также сравнение сочетаемости слов *крепкий/прочный/сильный*. Уделяется внимание паремиям — пословицам, поговоркам, цитатному фонду языка: функциональный подход требует, чтобы собственная позиция говорящего была максимально точно отражена им в речи. СПП превращается в естественно-языковой тезаурус, в котором есть все, что нужно для речевой продукции. Автору приходится извиниться за то, что он не может представлять смыслы в превербальной форме и вынужден пользоваться одним из языков для представления содержания в другом (с. 335).

Нам кажется, что эта часть книги может быть полезна сторонникам применения методов грамматики конструкций в русском языке, хотя здесь формулируется своеобразная ее интерпретация для конкретных нужд. НЛЕ заполняются вариативно, и это тоже должен уметь и опознавать, и применять пользователь: Е. Ривелис предлагает считать, что выражения типа *на исходе недели; на излете осени, надежды; на склоне, закате своей карьеры* реализуют схему [*на* N1 LOC ('последняя фраза') N2 GEN ('период существования чего-л. значимого для субъекта')].

Данная частично лексически фиксированная конструкция размещается в статье предлога *на*, служа «экспликации концепта НА в домене времени» (с. 355).

В послесловии говорится о незавершенности начатой работы, подчеркивается лингвистический, а не лингвокультурный характер обсуждаемых концептов. В СПП каждая статья, ссылаясь автор на слова Л. В. Щербы, представляет собой монографию о слове, поэтому привести конкретные примеры ввиду их объемности затруднительно. От традиционного словаря статьи в СПП отличаются тем, что, во-первых, заголовочная часть содержит краткую формулу концепта, доступную пониманию пользователя-непрофессионала. Приводятся формулы образа или идеи слова, в которых описывается когнитивная модель осмысленного отношения к миру. Во-вторых, значения порождаются концептуализациями, корпус статьи не содержит перечня значений, а пункты статьи соответствуют узлам концептуальной сети. Так, для НУ их три: говорящий берет дискурсивную ответственность на себя, разделяет ее со слушателем либо уступает ее слушателю. В этих узлах и возникают все конвенционные и возможные значения.

Таким образом, по Ривелису, лексикографическое описание есть целостное описание, направленное на узнаваемость слова; оно обладает порождающей силой (в том смысле, что открывает пользователю весь прагмасемантический потенциал слова и позволяет ему уверенно подобрать эквивалентное выражение на родном языке, даже если оно не предусмотрено составителем в готовом виде); оно показывает сочетаемость и особенности грамматического поведения слова как концептуально мотивированные. Позитивное описание концептов снимает проблему синонимии, т. к. двух слов с тождественными

концептами не бывает. Изучение условий синонимизации разных слов на каких-то достаточно узких участках смысла позволяет увидеть структуру тезауруса естественного языка без искусственной таксономии. Когнитивная лингвистика здесь описывает процесс получения потенциальных значений, т. е. концепты, их структуру, функциональный потенциал для говорящего, то, как он реализуется или развертывается на этой структуре, процесс развертывания — концептуальную сеть, в терминальных узлах которой содержатся значения. Практическому лексикографу достаточно задать определенную установку мышления.

Пример автора: берется существительное *свет*. Просматриваются его употребления, выявляется, что конфигурация концепта этого слова непременно включает, помимо экспериенцера или концептуализатора, параметры ‘источник света’, ‘световая субстанция’ (так сказать, «вещество света»), ‘канал распространения’, ‘освещаемое место’. В концепте может быть выделена стандартная топологическая схема (image schema) пути, SOURCE — PATH — GOAL, в силу чего распространение света может описываться в терминах прохождения пути: *свет исходит, приходит, доходит* и т. п. Свет — это «текущая субстанция» (не только в русском языке), чему естественным образом отвечает принадлежность этого имени к неисчисляемому. Поэтому оно сочетается с такими кванторными словами, как *много, немного* и пр. Текучесть подтверждается метафорикой света: он *льется, заливает, хлынул, струится, волна света* и пр. Функциональная составляющая концепта СВЕТ может быть обозначена так: ‘то, что делает окружающий мир видимым’. Она определяет **все** возможности (границы) его прагматической эксплуатации. Перечисленные параметры концепта СВЕТ

варьируемы в очень широких пределах, но лишь до той границы, которая задана функциональной составляющей.

Можно сказать, что автор книги видит свою задачу вполне точно и пытается объяснить читателю свои представления о словаре в его итоговом виде, а также достаточно подробно иллюстрирует свой метод. Однако в ситуации, где конечный продукт предназначен для конкретного использования, хотелось бы видеть готовый словарь целиком и оценить его удобства. Типология концептов и подробная эвристика их выявления пока еще не разработаны. Эти задачи лишь намечены в книге. Не отрицая потенциала предложенного метода, особо подчеркнем попытку включения в словарь как собственно лексических единиц, так и конструкций. Концептуальная структура, как показывает Е. Ривелис, важна для разъяснения пользователю той части лексикограмматического континуума, которая позволит адекватно употреблять слово, сближая то, что надлежит описывать вместе, разделяя то, что не соотносится друг с другом. Конкретный анализ НУ, а также некоторых других понятий и слов, на наш взгляд, заслуживает особого внимания.

Л и т е р а т у р а

Bartsch 2002 — R. Bartsch. *Consciousness Emerging: The Dynamics of Perception, Imagination, Action, Memory, Thought and Language*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002.

Geeraerts 2006 — D. Geeraerts (ed.). *Cognitive Linguistics: Basic Readings*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.

Evans, Green 2006 — V. Evans, M. Green. *Cognitive Linguistics: An Introduction*. London: Routledge, 2006.

Е. Ю. Протасова

ОБЗОРЫ

С. М. Толстая. Пространство слова.

Лексическая семантика в общеславянской перспективе.

М.: Индрик, 2008. 528 с.

(Традиционная духовная культура славян. Современные исследования)

В книге собраны работы С. М. Толстой, написанные в разное время, преимущественно в последнее десятилетие. Область исследований, объединяющая помещенные в книгу труды (некоторые из них хорошо известны русскому читателю, другие подверглись существенной переработке, третьи публиковались в труднодоступных изданиях, вышедших в Сербии, Польше и др.), определена автором как сравнительная славянская семасиология и этнолингвистика в ее «узком» понимании.

Первый раздел — «Семантические категории общеславянской лексики» — носит преимущественно теоретический характер. Обращаясь к рассмотрению в общеславянской перспективе лексической семантики, а именно таких ее категорий, как многозначность, омонимия, синонимия, антонимия, каритивность, семантический параллелизм, С. М. Толстая представляет результаты исследования гнезд *сухой*, *пресный*, *пустой*, реализующих семантическую модель каритивности, а также рассматривает оппозиции *играть* и *гулять*, *труд* и *мука*, *крас-* и *цвет-*, *глухой* и *слепой* как отражающие явление семантического параллелизма.

По мысли автора, этимологические исследования должны состоять не только в выявлении этимона, но и в истолковании всех отношений в семантическом спектре праславянской лексемы, наконец, в установлении регулярных семантических отношений, характерных для слов, составляющих одно мор-

фосемантическое поле (этимологическое гнездо). Это доказывает необходимость сотрудничества двух лингвистических направлений: лексической семантики и семантической реконструкции.

Автор книги определяет многозначность как явление более крупного масштаба по сравнению с другими категориями лексической семантики. Предлагается несколько возможных направлений в изучении многозначности. Во-первых, утверждается необходимость исследования феномена межъязыковой (междиалектной, межсистемной) полисемии, поскольку целесообразным представляется комплексное изучение многозначности в пределах целого словообразовательно-этимологического праславянского гнезда, объединяющего лексику разных славянских языков, в противовес традиционному анализу многозначности отдельного слова в рамках одного языка. Во-вторых, традиционному рассмотрению многозначности на основе понятия семантической деривации противопоставляется ономасиологический подход к этому явлению, при котором основной задачей является объяснение причины (мотива) использования языкового знака для данного денотата и восстановление логики применения одного и того же слова к разным денотатам. В-третьих, С. М. Толстая обращает внимание на то, что деривационные процессы для разных лексем многозначного слова различны, в связи с чем определяет лексико-словообразовательное гнездо как «субъ-

ект» (носитель) многозначности. Наконец, затрагивается вопрос о разграничении полисемии и омонимии, не решенный удовлетворительно ни в отношении фактов литературного языка, ни в отношении диалектной лексики.

Во втором разделе — «Слово в контексте культуры» — в центре внимания автора оказывается феномен культурной семантики. Как носители культурной семантики рассматриваются не только терминология обрядов и верований, но и «обычные» слова из общеславянского фонда (лексические гнезда *кривой*, *веселый*, *свой*, а также глаголы движения в аспекте приобретения ими сексуальных коннотаций) и фразеологизмы (*нашлось дитя*, *бренное тело*, *лито-накапано*). Описание культурного своеобразия названных языковых фактов предваряется обсуждением понятий «мотивация», «левая» (внутренняя) мотивация и «правая» (внешняя) мотивация, «мотивированность», «мотивационная семантическая модель», «код», актуальных для исследований языковой картины мира.

Изучение картины мира предполагает реконструкцию точки зрения наблюдателя, которая обнаруживается с помощью таких показателей, как внутренняя форма слова, многозначность, коннотативный спектр и символическая семантика (наиболее подробно автор описывает последний «индикатор» точки зрения воспринимающего мир субъекта). Рассматриваются символические функции некоторых культурных единиц: белого цвета, оппозиции «чет-нечет» и др. Особо подчеркивается зна-

чимость анализа семантического контекста (слово в словосочетании — в тексте — в ситуации) как приема семантической реконструкции. С. М. Толстая специально останавливается на возможностях внеязыковых (культурных) контекстов, способных хранить и развивать смыслы, утраченные языком, что показано на примере корней **vesel-*, **krasa-*, **mold-*, **star-* и др.

В раздел также включена работа «Народная этимология и этимологическая магия» (в соавторстве с Н. И. Толстым), в которой рассматривается семантическое притяжение созвучных слов такого рода. Аттракция широко использовалась для создания мифопоэтических и ритуально-магических текстов. Тему «языковой магии» продолжает статья о магических функциях отрицания в сакральных текстах.

Завершающий книгу третий раздел — «Культурные концепты: от смысла к слову» — объединяет статьи, основанные на «идеографическом» подходе, т. е. посвященные комплексному анализу культурных феноменов, нашедших отражение в разных кодах культуры: вербальном, предметном, локативном, акциональном, персонажном. Концепты СУДЬБА, ИМЯ, ДУША, ГРЕХ, СМЕРТЬ, ДВИЖЕНИЕ, ОБЯДОВОЕ ГОЛОШЕНИЕ, ПОСТЫЛЬНЫЙ — СКОРОМНЫЙ, ТЕРПЕНИЕ и ТЕРПИМОСТЬ рассматриваются с учетом как экстралингвистических данных, так и языковых контекстов. В специальной статье исследуется растительная метафора человека и человеческой жизни.

Т. В. Леонтьева

В. 3. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.

В представляемую книгу вошли работы, публиковавшиеся ранее в виде отдельных статей (1963—2005 гг.), пол-

ностью сохраненные и переработанные разделы книги «Русские сочинительные конструкции (Семантика. Прагматика.

Синтаксис)» 1989 г., синтаксический раздел книги «Русский язык в зеркале языковой игры» (1999 г., 2002 г.), статья о порядке слов в именных группах с распространенным атрибутивным оборотом (1963 г.), а также новые синтаксические исследования автора.

В монографии обсуждаются общелinguистические проблемы синтаксической науки, в частности соотношение синтаксиса, семантики и прагматики при описании синтаксических конструкций; семантика «служебных» слов (прежде всего союзов) и способы их толкования; методы, применяемые в лингвистических исследованиях (интроспекция и лингвистический эксперимент); эффективность использования логических понятий (конъюнкции, дизъюнкции и импликации) при изучении и интерпретации союзов.

В книге два основных объекта: (1) синтаксические связи и конструкции, образованные сочинительными (соединительными, разделительными, противительными), «заместительными», сравнительными, «иллюкутивными», условными и уступительными союзами, а также конструкции с местоименной связью («пролептические»), бессоюзные и с тождественными словоформами (части I—IV); (2) русский синтаксис в зеркале языковой игры.

Идеи и наблюдения В. З. Санникова сохраняют актуальность, поскольку касаются тех частей синтаксической системы, в которых происходит взаимодействие сочинения и подчинения, предложения простого и предложения сложного, синтаксиса и прагматики. Семантико-синтаксическая интерпретация сочинительных конструкций, предложенная В. З. Санниковым в книге 1989 г., до сих пор является наиболее полным объяснительным описанием русских сочинительных конструкций, их семантики и прагматики. Идеи В. З. Санникова (например, его класси-

фикация типов однородности, сопоставительная интерпретация сочинительных и сравнительных конструкций, взгляды на отношения между соединительными и присоединительными союзами) включены в программу вузовских курсов современного русского языка, что обеспечивает новой публикации (с уточнениями и добавлениями) востребованность не только в научной, но и в студенческой среде.

В. З. Санников обращает внимание на те синтаксические конструкции, которые находятся на пересечении нескольких синтаксических проблем и создают особые трудности при их описании, как, например, конструкции с местоименной связью, названные в книге «пролептическими» (часть I, глава 5). Обсуждение этого синтаксического материала соединяет интерпретацию местоименных конструкций с теорией обособления, именительным темой, а также с проблемой биноминативных предложений. В сфере пересечения интересов словообразования, морфологии и синтаксиса оказываются «конструкции с тождественными словоформами» (глава 8-я части II — этот раздел публикуется впервые), в которых соединяется синтаксис поэтический (с его стремлением к иконизму, изобразительности) и синтаксис разговорно-диалогический (порождающий реактивные реплики с удвоением местоимений или повтором чужого слова). Семантико-прагматический анализ, предложенный В. З. Санниковым, убеждает в том, что кроме «обычного усиления» в семантике конструкции с тождественными словоформами появляются значения, обусловленные сферой их функционирования, например, как ответных реплик в диалоге (*Ходил-то ходил, да ничего не добился* или *Ну, упал и упал*). Подобные конструкции Д. Н. Шмелев называл «фразеосхемами». В. З. Санников предлагает типологию конструкций

с тождественными словоформами и модель их единообразного описания.

Несомненно, актуальными и интересными являются те разделы книги, в которых рассматриваются прагматическая составляющая семантики союзов, например, «иллокутивные» употребления союзов (3-я глава I части, 2-я глава IV части), для интерпретации которых автор предлагает восстанавливать пропущенный иллокутивный (модусный) глагол, перформатив, соединяя тем самым семантическое описание союзов с проблематикой вербализованного и невербализованного модуса. Полемизируя с Л. Н. Иорданской, В. З. Санников выделяет 4 типа конструкций в зависимо-

сти от наличия/отсутствия смысловой связи «между пропозициями» и сужает понятие «иллокутивного» употребления до одного типа.

В V части книги, посвященной языковой игре, лингвистический эксперимент из сферы «экспериментальных аномалий» (в терминологии Ю. Д. Апресяна), где он является инструментом анализа, перемещается в текст — в сферу «игровых аномалий» (термин Ю. Д. Апресяна), которые позволяют В. З. Санникову уточнить семантику многих конструкций русского синтаксиса, соединить синтаксис предложения и синтаксис текста.

Н. К. Ониненко

А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. Аспекты теории фразеологии.

М.: Знак, 2008. 656 с. (Studia philologica)

Монография представляет собой результат многолетних исследований авторов в области фразеологии. Книга посвящена таким фундаментальным проблемам теории фразеологии, как категория идиоматичности, типология фразеологизмов, место идиом в ряду устойчивых выражений, особенности семантики фразеологических единиц (ФЕ), связь актуального значения идиомы с внутренней формой, дискурсивное и синтаксическое поведение идиом, авторская фразеология, связь фразеологии с культурой народа.

В качестве теоретической основы выступают положения современной лингвистической семантики, теории лексикографии и теории дискурса. В монографии поднимается ряд новых вопросов, решение которых стало возможным только на современном этапе развития науки о языке при обращении к категориям когнитивной науки и когнитивной лингвистики.

Книга состоит из четырех частей. В первой части рассматриваются основ-

ные категории фразеологии: идиоматичность, устойчивость, категория нерегулярности (включающая в качестве субкатегорий семантическую переинтерпретацию и непрозрачность) и принцип экономии. Дается определение понятия идиомы и вырабатываются критерии выделения типа ФЕ. Здесь же представлены некоторые аспекты типологии ФЕ, в том числе рассматриваются и типы фразеологизмов, которые были впервые выделены в рамках представленной концепции.

Вторая часть монографии («Семантика и синтаксис идиом») посвящена проблеме описания плана содержания ФЕ. Особое внимание уделено понятию внутренней формы (образной составляющей идиом), а также возможностям описания внутренней формы и ее представления в семантической структуре ФЕ. Авторами предложен метаязык для описания когнитивных операций над знаниями, приводящих к формированию актуального значения идиомы, а также методы исследования культурной

составляющей в плане содержания идиом. В данной части монографии рассматриваются два вида синтаксических трансформаций идиом — введение отрицания и пассивизация.

В третьей части («Идиомы и словарь») обсуждаются проблемы создания тезауруса идиоматики и толкового фразеологического словаря. Отмечается, что тезаурус идиом представляет собой не только инструмент лингвистического исследования, но и может служить объектом семантического анализа, поскольку позволяет оперировать объективными данными по составу отдельных семантических полей и отношениями между ними. В этой же части обсуждаются теоретические основания макета словарной статьи толкового словаря современной русской идиоматики, в том числе возможности отражения в словарном формате различных аспектов варьирования идиом. Кроме того, рассматриваются способы систематического представления многозначных идиом.

Четвертая часть посвящена особенностям поведения ФЕ в конкретном дискурсе. В частности, рассматривается взаимодействие семантики идиом и способов выражения коммуникативного намерения в хорошо структурированном типе дискурса, а также особенности употребления ФЕ в романах Ф. М. Достоевского и прозаических произведениях А. С. Пушкина. Дискурсивное поведение идиом проявляется и в их стилистических (в широком смысле) характеристиках. Четвертая часть книги завершается обсуждением новой системы стилистических помет, включающей дискурсивные, стилистические (в узком смысле) и временные пометы.

Использованные в книге примеры взяты преимущественно из корпусов текстов, созданных в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка им. Виноградова РАН. Общий объем корпусов составляет свыше 60 млн словоупотреблений.

О. А. Казеннова

**Сборник «Русские старообрядцы: язык, культура, история» /
Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Языки славянских культур, 2008. 608 с.**

Сборник, выпущенный к XIV Международному съезду славистов, содержит статьи и материалы, отражающие язык, историю и культуру русских старообрядцев. Подобное комплексное описание феномена старообрядчества оказывается наиболее плодотворным, так как этот подход дает возможность не только определить разные условия развития некоторых старообрядческих групп и, следовательно, показать разные результаты этого развития, но одновременно помогает понять то, что объединяет всех представителей различных старообрядческих согласий, формулирует «универсальные» концепты старообрядчества.

Сборник состоит из четырех разделов. Первый раздел содержит статьи, посвященные исследованию различных аспектов феномена старообрядчества. В статье *Е. М. Верецагина* «Полемика вокруг двуперстия: филологический анализ Мелетиева благословения» предметом анализа стал важный религиозный текст, ссылаясь на который старообрядцы отвергли троеперстие и до сих пор держатся двуперстного знамения. Статья *С. Е. Никитиной* «Устные жанры в конфессиональной культуре» посвящена исследованию фольклорных жанров у старообрядцев в сопоставлении с молоканами и духоборами. В статье анализируются не только сами тек-

сты, но и методика их полевого исследования. Статья *А. А. Пригарина* «Формирование старообрядческого населения Придунавья в конце XVIII — начале XIX вв.» посвящена ранним малоизвестным этапам истории липован — субэтнической группы русских старообрядцев, в настоящее время живущих на юге России, в Румынии, Болгарии, Молдове, а также на Украине. *К. Штайнке* в статье «Говоры староверов в Болгарии двадцать лет спустя» описывает те изменения, которые произошли в диалектах сел Казашко и Татарица за последние 20 лет. Статья *Л. Л. Касаткина* также посвящена описанию русского говора села Татарица. Автор отмечает, что местный диалект характеризуется многими чертами, свойственными русским говорам современной Юго-Западной диалектной зоны, однако оторванность на протяжении более двух веков от говоров метрополии способствовала сохранению ряда архаичных черт, уже не фиксирующихся в Юго-Западной зоне. На материалах, собранных в селах Казашко и Татарица, основываются также статьи *И. А. Седаковой* «Сны и видения в народно-религиозной культуре староверов на Балканах» и *Е. С. Узеновой* «Обряды семейного цикла староверов Болгарии». Статья *Р. Ф. Касаткиной* «Вечные странники в Орегоне» посвящена исследованию старообрядцев, живущих в североамериканском штате Орегон — «синьцзянцев», «харбинцев» и «турчан». В статье *Ст. Гжибовского* и *М. Глушковского* рассмотрена социолингвистическая ситуация, сложившаяся в настоящее время в старообрядческих деревнях Габове Гронды и Бур в Польше. Предметом рассмотрения статьи *Е. Е. Королевой* «Былички староверов Латгалии» являются рассказы о нечистой силе, записанные у старообрядцев в деревнях Ульяново и Гурилишки Сакстагальской волости Резекненского

района. Статья *Е. А. Агеевой* «Книжность старообрядческого Причудья» посвящена изучению самобытной рукописной традиции Причудья, где выработан определенный тип народного сборника, который содержит тексты служб, поучений и апокрифов, столь важных для причудских староверов. В статье *Г. М. Пономаревой* и *Т. К. Шор* показана история духовного общения двух известных прибалтийских староверов, иконописца из Эстонии Гавриила Ефимовича Фролова и крупнейшего старообрядческого деятеля Латвии Ивана Никифоровича Заволоко, в контексте государственных и конфессиональных отношений, которые сложились в прибалтийских государствах в 20—30-е годы XX в. В совместной статье *О. Г. Ровновой* и *И. П. Кюльмоя* «Говоры староверов в современной Эстонии» дается описание основных диалектных черт говоров староверов Западного Причудья, обсуждается вопрос о влиянии эстонского языка на русский диалект. Статья *Е. М. Сморгуновой* «Пермские староверы-бегуны и их правила жизни» (по рукописям Пермской коллекции МГУ) посвящена истории одного из старообрядческих согласий.

Второй раздел сборника, вызывающий наибольший интерес, представляет собой расшифровки речи старообрядцев, живущих в настоящее время в Болгарии, США, Уругвае, Эстонии, России, с небольшими комментариями исследователей. Здесь собраны рассказы старообрядцев об их жизни, насквозь пронизанной элементами церковного мироощущения, быте, обстоятельствах скитаний по разным странам, в подробностях записаны различные обряды.

Третий раздел представляет читателям богатое рукописное наследие старообрядцев; материалы собраны во

время экспедиций, а также найдены в архивах разных стран.

Завершает сборник большая статья Л. Л. Касаткина, посвященная исследованию говоров русских старообрядцев в

Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Д. М. Савинов

**О. П. Ермакова. Жизнь российского города
в лексике 30—40-х годов XX века.**

Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений.

Калуга: Эйдос, 2008. 172 с.

За последние годы появилось немало изданий, концентрирующих свое внимание на лексике недавнего советского прошлого. Но они ограничиваются описанием идеологических реалий, в то время как книга О. П. Ермаковой посвящена повседневности, причем повседневности относительно давней и совсем незнакомой современной молодежи. Небольшой эксперимент показал, что нынешние студенты-лингвисты не знают многих слов, описываемых в этом словаре, таких, например, как *горжетка, drankа, керогаз, подзор*. Есть слова, значения которых вроде бы очевидны из внутренней формы, но правильного представления об их значении не дают даже позднесоветские толковые словари. Так, МАС толкует *пятидневку* и *шестидневку* как 'промежуток времени, равный пяти дням' и 'промежуток времени в шесть дней', да еще снабжает оба слова пометой *разг.* Между тем в 1930-х годах это были вполне официальные календарные промежутки; недели с привычными нам понедельниками и вторниками не существовало, жили по пятидневкам, потом по шестидневкам.

Другие слова совсем пропали из словарей, так что современные авторы, используя их, нередко ошибаются в деталях. «Московский комсомолец» пишет о конце 1940-х: *Магазины, где можно было приобрести парфюмерную про-*

дукцию, назывались «товары для женщин» (в народе — «ТЭЖЭ») (5 мая 2002 г.). В действительности все наоборот: был когда-то трест «Жиркость», он же Государственный трест высшей парфюмерии, жировой и костеобрабатывающей промышленности; О. П. Ермакова сообщает: «Название этого треста было широко употребительным: говорили — *мыло тэжэ, крем тэжэ* и т. д.»¹ (с. 44). Отсюда и именование парфюмерных магазинов, а уж расшифровка «товары для женщин» — это народная этимология, в которой твердо уверились почти все, кто еще помнит магазины «ТЭЖЭ».

Есть в словаре и «всем понятные» слова, скажем, *аэроплан*. Но автор погружает читателя в контекст эпохи: «При виде самолета в небе дети во дворе прыгали и пели: *Ероплан, ероплан, посади меня в карман...*» (с. 44). Ну да, именно так встречали каждый увиденный в небе «ероплан» еще и в середине 1950-х, и я тоже когда-то приговаривал детскую бессмыслицу: *...а в кармане пусто, выросла капуста*.

Книга О. П. Ермаковой — путеводитель по давнопрошедшему времени, од-

¹ «Словарь современного русского литературного языка» уточняет первоначальное именование треста, ставшее основой аббревиатуры: *трест эфирно-жировых эликсиров* (т. 15, 1963, стб. 1210).

ним читателям позволяющий узнать новое о русском языке, других погружающий в прошлое, часто не без ностальгии.

Словарь строится по тематическому принципу; почти четверть объема отведена советизмам, но кроме них есть еще 22 семантические группы (*Транспорт, Продукты, Болезни и лечение, Одежда,*

фасоны, Монеты — деньги, Игры детей, Игры взрослых и т. п.); есть и общий алфавитный указатель.

Тираж словаря невелик (500 экз.), как и объем словника (ок. 650 слов). Хотелось бы надеяться на его повторное и значительно расширенное издание.

В. И. Беликов

А. С. Герд. Лингвистическая типология древнеславянских текстов.

СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008, 145 с.

Книга А. С. Герда подводит итог многолетним трудам автора, посвященным статистическому анализу словоизменительных и словообразовательных формантов в средневековых славянских текстах. Можно лишь удивляться широте охвата текстового материала, проанализированного за годы работы автором и коллективом сотрудников под его руководством: здесь и церковные тексты восточнославянского, южнославянского и западнославянского (польского и чешского) происхождения, и восточнославянские летописи и хроники, и деловые и юридические тексты из разных славянских областей (см. список источников: с. 130—135). В основном рассматривались тексты XV—XVI вв., но по ряду параметров анализировались и памятники более ранние. Статистические данные, в основном представленные с большей подробностью в предшествующих публикациях А. С. Герда и его группы, касаются именного словоизменения и именного словообразования.

В первой главе «Типы древнеславянских текстов по лингвистическим параметрам» автор рассматривает частотные характеристики многочисленных памятников в общем виде; рассматривается несколько падежных флексий ед. числа *о*-склонения и в качестве обобщенной характеристики — «насыщенность» текста падежными флексиями, а

также частотные характеристики различных именных суффиксов. Во второй главе «Доминантные словообразовательные характеристики древнеславянских агиографических текстов» выделяются по частоте три группы суффиксов, встречающиеся в славянских житиях святых XI—XVI вв. В третьей главе «Морфологическая парадигма как эталон определения типа текста» автор пытается выделить несколько типов текстов, различающихся конфигурациями частотных характеристик основных падежных флексий. Четвертая глава «Ареальная типология древнеславянских текстов XV—XVI веков» посвящена выделению ареальных типов. В пятой главе «К сопоставительному описанию языка отдельных локальных центров письменности» предпринята попытка показать на примерах, как статистика нескольких падежных флексий отличает памятники, созданные в Москве, Пскове и Тырново. Следующая, шестая глава перечисляет характеристические черты в статистике именных форм отдельных групп текстов: болгарских текстов XVI в., украинских текстов XVI—XVII вв. и т. д. Последняя, седьмая глава «Лингвистическое определение понятия “текст на церковнославянском языке”» носит более теоретический характер; автор пытается построить некую статистическую эталон-

ную модель для болгарских и русских церковных текстов и показать, что польские и украинские тексты религиозного содержания этой модели противостоят.

Понять, в чем состоит ценность данной книги, непросто. Статистика почти никогда не бывает бессмысленной; если статистические параметры в двух выборках различны, за этим обычно стоит и какое-то содержательное несходство. В трактовке статистического материала важнейшее значение имеет интерпретация. В дозировании интерпретации разбираемая книга на редкость аскетична. Автор много раз подчеркивает «строгость и объективность» представляемых данных (ср. с. 11), но не объясняет, за счет чего возникают интересующие его статистические различия. Можно сказать, что автор подчеркнуто равнодушен к такого рода вопросам. Так, например, он в одном ряду рассматривает статистику флексий в тех случаях, когда у пишущего есть выбор и разные тексты преимущественно используют либо один, либо другой вариант (например, флексии *h/e* и *y/i* в род. ед. *a*-основ ж. рода — с. 81—82), и в тех случаях, когда вариативность отсутствует (например, флексия *y/ю* в вин. ед. *a*-основ ж. рода — с. 82—83). В первом случае статистика отражает предпочтения пишущего (свойственные его индивидуальному узусу или той локальной норме, которой он следует); во втором случае количество флексий говорит о совершенно ином — о том, сколько раз в тексте встретились существительные ж. р. в вин. падеже (что тоже кажется любопытным, хотя и непонятным в качестве различительного признака параметром); эту содержательную сторону автор полностью игнорирует.

Такой подход свойствен книге в целом. Конечно, какие-то группировки легко поддаются объяснению. Скажем, понятно, что в церковнославянских

(книжных) текстах наиболее распространенными именными суффиксами будут *-ание (-ение)*, *-ость*, *-ство*, *-тель*, приводимая в книге статистика полезным образом подтверждает этот ожидаемый факт (с. 48). Когда же по частоте ряда флексий оказывается, что тексты Иосифа Волоцкого попадают в одну группу с «повестями» (типа Задонщины или Повести о Псково-Печерском монастыре), заключение автора о «тяготении» языка Иосифа к языку повести (с. 77) противоречит не только интуиции (поскольку послания Иосифа никак не похожи на нарратив и на нарративные тексты не ориентированы), но и ряду лингвистических параметров (например, употреблению глагольных времен); и в этом случае возникает подозрение, что автор «не то считал».

Не всегда понятно и то, как отбираются тексты. Что значит, например, выборка из Четий миней митрополита Макария (ср. с. 120), примера универсальной компиляции, составленной из разнородных в лингвистическом отношении текстов; хотя компиляция была составлена в XVI в., вошедшие в нее тексты были разного времени и разного происхождения, и их различия, в том числе и морфологические, отнюдь не полностью нивелировались при включении их в это собрание; статистика требует однородности обсчитываемых объектов, в ином случае выборки оказываются неравноценными.

Вообще при всех достоинствах «объективности» она нуждается в том, чтобы быть дополненной «субъективностью» (имею в виду, конечно, не субъективность исследователя, а субъективность авторов анализируемых текстов). В текстах нередко содержится прямая информация о том, на какую традицию их автор ориентируется, и для таких текстов можно установить, в каких лингвистических параметрах эта ориентация выражается в первую очередь. Ко-

гда учитывается эта субъектность, оказывается очевидным, что выбор языковой традиции связан более всего с синтаксическими построениями и употреблением глагольных времен, тогда как именная морфология не столь показательна. Поэтому не кажется убедительным вывод автора о том, что «для эпохи славянского средневековья выделяются два основных типа языка — летописно-деловой и церковнославянский» (с. 23); и в синтаксических построениях, и в употреблении времен летописи сходны с переводными церковнославянскими

текстами и отличны от памятников деловой письменности; так во всяком случае обстоит дело у восточных славян, чья деловая письменность не знает ни дательного самостоятельного, ни имперфекта. Самая «объективная» группировка не всегда самая осмысленная.

Заключая, стоит все же отметить, что книга содержит множество интересных данных, и надо надеяться, что найдутся исследователи, которые сумеют этими данными воспользоваться.

В. Ж.

А.-М. Тотоманова. Славянската версия на Хрониката на Георги Синкел.

Университетско издателство «Св. Климент Охридски». София, 2008. 684 с. (Университетска библиотека № 474)

Книга представляет собой первое издание славянского перевода хронографической компиляции, созданной на основе «Хроники» Георгия Синкелла. Перевод этого византийского памятника был выполнен в Болгарии в X в. и сохранился в пяти русских списках. В основу издания положен список РГБ, Унд. № 1289 XV в., разночтения подведены по двум спискам XVI в. — РНБ, Соф. № 1474 и Сол. № 829/839. Текст рукописи передан буква в букву, воспроизводятся все надстрочные знаки. В то же время ошибки в передаче текста нередки: **ѡѣса** 436a2 — в ркп. **ѡѣка**; **моли сы** 436b14 — в ркп. **моли са**; **ѡлѣгивнѣ** 436b21 — в ркп. **ѡлѣгтивнѣ**; **приа** 436b27 — в ркп. **приа**; **ѡко ꙗко ꙗша** 437a13-14 — в ркп. **и ꙗко ꙗша**; **приѡмлюще** 438a20 — в ркп. **прѣмлюще**; **пришѣшоу** 438a22 — в ркп. **пришѣшоу** и т. д. Описки писца часто остаются в издании без исправления и сопровождаются восклицательным знаком, но часто исправляются без каких бы то ни было комментариев:

ѡдинъ 435b11 — в ркп. **ѡдинъ**; **мѣноу и капъ** 436b13 — в ркп. **мѣноуи капъ**. Смущает также отсутствие переносов на конце строк, выглядящее довольно эксцентрично на фоне современной эдиционной практики.

Ценность изданию придает наличие критического и справочного аппарата. Текст сопровождается словоуказателем, содержащим все словоформы, встретившиеся в памятнике, и их грамматические характеристики; словоформы сгруппированы под леммами (словарными, или исходными формами), которые переводятся на современный болгарский язык; для заимствованных, а также для некоторых славянских слов приводятся греческие соответствия. Самой трудной задачей при составлении словоуказателя к древнеславянскому тексту, безусловно, является восстановление лемм — исходных форм. А.-М. Тотоманова взяла на себя труд не только восстановить словарную форму, но и указать презентные формы глаголов наряду с инфинитивом. В целом

задача решена исследовательницей успешно, лишь изредка встречаются неточности (инфинитив *изѡсти* ошибочно восстановлен вместо *изѡти*; у глагола *вѣсклнчати*, восстановленного на основании аориста *вѣсклнчаша*, не может быть презентной формы 2 ед. *вѣсклнчѣши*; существительное *погыбеник* следовало бы отделить от *погыбленик*, образованного от другой основы; на основании формы *плотънанъ* в списке Ундольского и *полотънанъ* в других списках следовало бы восстановить исходное *платънѣнъ*, а не *плотънѣнъ*).

В подробных комментариях анализируется содержание славянского перевода «Хроники» и его отношение к гре-

ческому тексту. Заключает издание очерк языковых особенностей славянского перевода. Очень подробно рассмотрены фонетические особенности заимствований из греческого и типы их морфологической адаптации, приведен перечень характерных для перевода лексем, в том числе гапаксов, — не исчерпывающий, впрочем, интересной и редкой лексики памятника.

Благодаря своему справочному аппарату издание А.-М. Тотомановой, несмотря на погрешности в передаче текста рукописи, может и должно активно использоваться в палеославистических исследованиях.

А. А. Пичхадзе

**«Диоптра» Филиппа Монотропа: антропологическая
энциклопедия православного Средневековья /
Изд. подгот. Г. М. Прохоров, Х. Миклас, А. Б. Бильдюг;
Отв. ред. М. Н. Громов. М.: Наука, 2008. 733 с.**

Первое полное издание славянского перевода «Диоптры» (т. е. «Зеркала») византийского писателя XI в. Филиппа Пустынника (Монотропа) вышло в серии «Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси». Славянский перевод этого сочинения возник, по всей вероятности, в XIV в. в Болгарии и сохранился во множестве списков (ок. 180), преимущественно русских. В предисловии Г. М. Прохорова рассказывается об истории создания и о содержании византийского памятника, в текстологическом очерке Х. Микласа — о его греческих версиях и о редакциях славянского перевода. Славянский текст публикуется А. Б. Бильдюг по одному из старейших списков — русскому списку РНБ, Кир.-Бел., Ф. п. I. 43 первой половины XV в. — в упрощенной орфографии (с сохранением, однако, букв редуцированных, *ѣ* и *і*) с исправления-

ми и добавлениями по двум спискам XIV в. — Львовской научной библиотеки, Онуфр. 418 и ГИМ, Муз. 3795, а иногда также по греческому тексту. Исправления и добавления выделены в тексте курсивом, а в сносках приводятся соответствующие чтения основного списка. Вслед за славянским текстом в издании помещен его перевод на современный русский язык, выполненный Г. М. Прохоровым; в переводе указаны библейские цитаты и аллюзии. Далее воспроизводится единственное издание греческого текста «Диоптры», выпущенное в свет С. Лавриотисом в Афинах в 1920 г. и сразу ставшее библиографической редкостью. Завершает издание фототипическое воспроизведение древнейшего датированного списка «Диоптры» — ГИМ, Чуд. 15, 1388 г., русского извода; Чудовский список в ряде мест имеет лучшие чтения по

сравнению с основным списком и, кажется, в меньшей степени русифицирован (по крайней мере, он сохраняет написания *жд*, замененные в основном списке на *ж*).

Издание вводит в научный оборот важный с лингвистической точки зрения материал. Как справедливо указывает в текстологическом очерке Х. Миклас, настоящая публикация может послужить основой для дальнейшего изучения памятника и подготовки его критического издания. Издатели поспособствовали бы решению этих задач еще успешнее, если бы облегчили читателю сопоставление славянского текста с греческим — хотя бы сообщив, что номера «Слов» в публикуемой греческой версии и славянском тексте расхо-

дятся. К сожалению, в колонтитулах над греческим текстом номера «Слов» не указаны (как это сделано над славянским текстом), и ориентироваться в нем, в силу значительного объема, не просто. Не помешали бы и указания, которые позволили бы соотносить текст основного списка с Чудовским по его фототипическому воспроизведению, тем более что не все листы Чудовского списка пронумерованы: читатель должен произвести самостоятельное разыскание, чтобы обнаружить, например, что продолжение текста, обрывающегося на с. 514, следует искать на с. 523, а продолжение текста, обрывающегося на с. 522, — на с. 511.

А. А. Пичхадзе

ОТ РЕДАКЦИИ

В номере 1 (15) за 2008 нашего журнала был опубликован перевод на русский язык статьи Х. Кайперта «Grammatik und Theologie. Zur Objektsprache des slavischen Traktats über die acht Redeteile, изданной ранее в Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. 58, 1. Heidelberg 1999, S. 19—42¹. К сожалению, по вине редакции, автор не был извещен о готовившейся публикации и тем самым лишен возможности внести в текст перевода необходимые исправления и дополнения. Редакция журнала вынуждена констатировать, что опубликованный перевод из-за обилия неточностей и ошибок не может рассматриваться как вполне отражающий авторский текст. Приносим Х. Кайперту и читателям журнала наши искренние извинения.

¹ *Х. Кайперт*. Грамматика и теология: по поводу языка-объекта славянского «Трактата о восьми частях слова» // Рус. яз. в науч. освещении. 2008. № 1 (15). С. 79—97.